

О.Е.Непомнин, В.Б.Меньшиков

СИНТЕЗ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Китай на грани эпох

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

О.Е.Непомнин
В.Б.Меньшиков

СИНТЕЗ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Китай
на грани
эпох

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1999

УДК 94/99
ББК 63.3(5Кит)
Н53

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 98-01-16237**

Редактор издательства
З.М.ЕВСЕНИНА

Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.

Н53   **Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. – М.:
Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 334 с.
ISBN 5-02-018055-6**

Книга представляет собой комплексное проблемное исследование полукOLONиального полуфеодального Китая второй половины XIX – первой половины XX в. Работа посвящена распаду феодальной формации и затяжному общественному кризису в крупнейшей стране Востока. Центральной проблемой здесь является синтез традиционного и современного как специфическая форма эволюции базиса и надстройки. Показаны ступени развития феодально-капиталистического синтеза, становление комбинированных производственных систем, эволюция китайской деспотии, специфика милитаризма и политической борьбы. Анализируется сущность переходного общества и происходивших в нем межформационных сдвигов.

ББК 63.3(5Кит)

ТП-99-I-218
ISBN 5-02-018055-6

© О.Е.Непомнин,
В.Б.Меньшиков, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поступательное движение истории (при элиминировании периодов явного застоя) происходит в результате смены старого новым. Непосредственное замещение старого новым встречается крайне редко. Обычно процесс имеет полосу переходности. Эволюция в русле триады «старое–переходное–новое» является имманентной чертой развития человечества. В сфере переходности новое не столько противостоит старому, сколько на время переплетается с ним. Появляются различные формы взаимозависимости, сочетания и временного слияния этих двух начал. Возникают комбинированные явления, смешанные структуры, переходные формы. На этой почве рождается синтез старого и нового, традиционного и современного. Благодаря этому общественный синтез органически присущ магистральному течению всемирной истории. Такой синтез служит инструментом, методом и ведущей формой переходности. Именно это явление рассматривается в данной книге применительно в Востоку, и в первую очередь к Китаю.

За последние два-три десятилетия востоковедами достаточно обстоятельно изучен открытый в свое время учеными своеобразный социально-экономический и общественный строй стран Востока (с его политической надстройкой – восточной деспотией). Для определения этого строя применяются различные термины – «восточный феодализм», «государственный феодализм», «азиатский способ производства», «государственный способ производства» и др. При всем различии таких определений под сущностью этого явления всеми учеными подразумевается одна и та же сумма отличительных черт. Именно это общее согласие и делает бесполезным и бессмысленным спор о преимуществах какого-либо одного из этих терминов. Для этого строя характерна повышенная роль государства, его стремление подчинить себе, контролировать *все* стороны жизни общества – от экономики до идеологии и морали. Соответственно ему свойственны жесткая централизация, пирамидальная структура общества и власти, преобладание вертикальных, а не горизонтальных социальных связей, приоритет распределения над свободной торговлей, господство аппарата, засилье бюрократизма, нивелировка личности. Главным смыслом жизни любого человека объявляется служение такому обществу (при подмене понятия «общество» государством).

В первую очередь следует отметить необычайную живучесть такого способа производства, его огромные регенерационные возможности. Так, в Китае он успешно продержался – на фоне бесконечной череды сменявшихся династий и «варварских» завоеваний – две с половиной тысячи лет, до Синьхайской революции 1911–1913 гг. Но и затем – при бэйянских генералах, Чан Кайши и Мао Цзэдуэ – следовали его мощные рецидивы. Строго говоря, и до сегодняшнего дня Китай далеко еще не выбрался из тесных объятий этого строя.

Но необычайная устойчивость последнего имеет и оборотную сторону – его застойность, практически полную несовместимость с динамичным экономическим и социальным развитием. Такой способ производства допускает – и то в известных пределах – лишь экстенсивный рост. Именно в этом глубинная причина нынешней технико-экономической отсталости многих стран Востока.

Неизбежное бюрократическое загнивание периодически приводит эти общества к катаклизмам. Хирургическое оздоровление аппарата – замена большей его части (в Китае совпадавшая со сменой династии) – возвращало все на круги своя. Начинался новый циклический виток.

Подлинный кризис восточного феодализма, или азиатского способа производства (когда ставится вопрос о самом его существовании, об объективно сложившейся необходимости перехода общества к иным социально-экономическим и общественно-политическим структурам), порождается вызовом чуждой ему динамичной экономической силы. Для Китая это была экономическая экспансия буржуазного Запада, перенесшая на китайскую почву капиталистические отношения.

Вся историческая практика свидетельствует, что выход из такого кризиса на путях спонтанного, естественного саморазвития невозможен. Для преодоления огромной инерции старого необходимо мощное воздействие сильной центральной власти. Таков исторический парадокс – вырваться из застойности такого «государственного способа производства» можно, только используя в качестве решающего рычага само же государство (проводящее руками последовательных реформаторов соответствующую политику). Именно так обстояло дело в Южной Корее и на Тайване, именно таким путем был обеспечен их быстрый расцвет. В Китае же, где государственная власть частичную модернизацию стремилась использовать для сохранения и укрепления старых основ, общество на долгие десятилетия застряло на мучительной переходной стадии.

К такому же выводу ведет и анализ отнюдь не чуждых для нашей страны закономерностей европейского типа развития. Вспомним, что все государства, по разным причинам отставшие в капиталистическом развитии (так называемые страны вторичного капитализма – Германия, Италия, Япония; к ним до 1917 г. относилась и Россия), прошли стадию большей или меньшей централизации, без которой был бы невозможен рывок вперед и выход на передовые рубежи.

Развивающиеся общества – носители междивизиационного синтеза и межформационных фаз эволюции и смены ее различных типов – объект пристального внимания ученых многих стран. Разработка целого комплекса проблем переходности и слабозрелости лежит в русле фундаментального направления науки. Конкретно речь идет о выявлении формационной специфики развивающихся обществ, т.е. об определении их места в общем потоке мирового исторического развития.

Эта проблема последние десятилетия привлекает к себе внимание российских обществоведов. Этапами в ее разработке стали концепции *многоукладности* социально-экономической структуры развивающихся обществ (см. [43; 82]) и их *зависимого развития* (см. [138]), а также *«единый макроформационный подход к изучению освободившихся стран в процессе их исторического развития»* [137, с. 4] (см. также [161, с. 37–39]). Хотя разрешающая способность последней идеи недостаточна (принадлежность развивающихся обществ ко вторичной макроформации очевидна), весьма интересен связанный с нею теоретический анализ. Особенно важен, на наш взгляд, четко сформулированный вывод о существовании «внутри вторичной макроформации наряду с западным и иных, отличающихся от него путей развития социальных образований», в частности «восточного пути» [137, с. 14], и соответственно о наличии двух различных социо-исторических типов обществ в рамках вторичной макроформации, «один из которых представляет западноевропейские страны, другой – развивающиеся» [137, с. 14]. Отличия обществ «восточного» социо-исторического типа объясняются, на наш взгляд вполне справедливо, специфическим социально-генетическим «кодом» их развития [137, с. 16]¹.

Большое значение для изучения рассматриваемой проблемы имели выдвижение многокритериального подхода для характеристики развивающихся обществ (см. [125, с. 8–11]), а также разработка общеметодических вопросов их исторического исследования (см. [41]).

Новым важным шагом в изучении формационной природы развивающихся обществ стала концепция *синтеза традиционного и современного* как ведущего момента, определяющего своеобразие *переходного состояния* этих обществ. Данная идея, развитая и обоснованная в работах Н.А.Симонии и Л.И.Рейснера (см. [143; 312, 1983, № 2]) и в капитальной коллективной монографии под их редакцией [208], разделяется авторами настоящей книги.

Синтез – одно из важных понятий общественных наук. Речь идет о своеобразном процессе взаимодействия каких-либо разнородных социально-экономических или политико-идеологических начал, когда наряду с «обычными» явлениями сосуществования, борьбы, вытеснения происходит в определенной мере их переплетение, слияние, образование некой внутренне противоречивой целостности (являющей

яркий пример закона единства и борьбы противоположностей). Синтез в нашем понимании представляет собой данный процесс и его конкретные результаты (т.е. те социально-экономические и общественные явления и структуры, которые возникают вследствие переплетения, слияния разнородных начал).

В качестве примеров упомянем европейские средневековые цехи и социализм. Именно в недрах цехов, как известно, зародились первые ростки капитализма. В то же время им были присущи многие феодальные по характеру черты, привнесенные окружающей их общественно-социальной средой (различные формы личностной зависимости, жесткая регламентация хозяйственной деятельности и т.п.). Слияние элементов разнородных начал в единый (цеховой) организм было столь прочным, что ликвидация цехов в ходе буржуазной революции стала необходимым элементом становления капиталистической формации.

Общелизм также синтезированная структура: в нем органически сочетаются общественная собственность на средства производства (коммунистическое начало) и буржуазные по типу и методу системы распределения и обмена.

Уже из приведенных примеров видно, что синтез захватывает различные явления социально-экономической и общественной жизни. Основной же сферой его распространения являются общества, находящиеся в состоянии переходности – от формации к формации или от одной стадии формации к другой².

Главная тема нашей книги – межформационный переход.

Учение о формационном развитии человеческого общества заключает в себе два основных пласта. Первый – учение о социально-экономической формации как таковой, т.е. уже сложившемся, комплексном, системном и в этом плане «законченном» состоянии общества. Второй – учение о смене формаций, о переходе от старой формации к новой. Между полным отмиранием одной формации и завершением складывания другой общество переживает сложную, болезненную, а иногда и затяжную эволюцию. В таких переходных фазах мы наблюдаем, во-первых, их органическую принадлежность к единому потоку формационного развития; во-вторых, крайнюю многоликость и сложность переходных структур, их внутреннюю двойственность и противоречивость; в-третьих, факторы, либо влиявшие на ускорение смены формации и соответственно сокращение длительности переходного этапа, либо, наоборот, растягивающие во времени эту болезненную обстановку взаимодействия и временного сращивания старого и нового. Так, при становлении буржуазного общества в Англии – стране первичного капитализма – «переворот в общественном способе производства» протекал «среди пестрого хаоса переходных форм» [91, т. 23, с. 484], а экономическая политика государства к концу XVII в. в сочетании с грубейшими насильственными методами

была направлена к тому, «чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии» [91, т. 23, с. 501].

Такого рода переходные состояния являлись общественными переворотами, или социальными революциями в широком смысле слова (см. [91, т. 29, с. 295; т. 18, с. 496; т. 22, с. 40–41, 44, 47; т. 39, с. 128; 78, т. 9, с. 255; т. 11, с. 40, 126–127 и др.]). Эти последние начинаются еще при господстве уходящей формации и завершаются при полном созревании новой. Таким образом, общественные перевороты, или социальные революции в широком смысле слова, являются процессами формационными по своей сущности и межформационными по форме. Они осуществляются в те критические периоды, когда старое общество (например, феодальное) уже утратило или все более теряет комплекс формационных черт законченного порядка, а сменяющее общество (буржуазное) еще только приобретает (и притом все интенсивнее) ту общественную системность, которая в конце концов позволит капитализму развернуться в законченную, полноценную формацию.

В эти переходные фазы формационного развития общество характеризуется не только наличием отмирающих и нарождающихся структур, не только их механическим взаимодействием (сосуществование, борьба, вытеснение), но и органическим взаимным приспособлением, взаимопроникновением обоих начал. Такого рода сращивание и переплетение, т.е. синтез старого и нового, представляют собой главную черту переходного периода – формационную неоднородность. Если функционирование уже сложившейся формации в целом являет собой достаточно органическую целостную, т.е. несинтезированную, некомбинированную систему, то межформационные фазы в той же самой мере отличаются формационно разнородным, комбинированным, синтезированным характером базиса и надстройки. Со вступлением общества в полосу общественного синтеза староформационное начало все более становится традиционным, а идущие ему на смену новоформационные явления, процессы и структуры соответственно – современными.

И традиционное, и современное, будучи неразрывно связанными с типом и уровнем формационного развития, и в переходной фазе в той или иной мере сохраняют формационную определенность. Однако последняя зачастую выявляется в ходе слияния обоих начал и образования их временного синтеза, который по самой своей двойственной сути уже не несет в себе строгой формационной чистоты. Он становится явлением в известном смысле межформационным – феодально-буржуазным или буржуазно-феодальным – в зависимости от того, какое из двух начал образует сущность, а какое – форму³.

Таким образом, переходность порождает временное сосуществование разноформационных компонентов, а также явлений, возникших в результате взаимопроникновения, слияния двух формационных начал.

Подобное слияние представляет собой связующий потенциал их временной неразрывности, а внутри нее – еще и потенциал конфликтности. Одновременно все эти антагонистические компоненты и сложившиеся на их стыке синтезированные явления соединяются общностью более высокого порядка – живым, функционирующим социумом, обществом.

Межформационный синтез представляет собой антагонистическое единство или временный общественный компромисс нарождающихся и отмирающих разноформационных структур, процессов и явлений, в результате чего параллельно трансформируются как старое, так и новое. Синтез, будучи результатом диалектики исторического развития общества, выступает как одна из форм существования и эволюции переходного социума, комбинированной экономики и трансформированной надстройки в переходный период. В этом смысле общественный синтез – одно из средств или русел формационного поступательного процесса всемирной истории. Необходимо выделить два важнейших момента: синтез – не застывшая формула, а историческое движение; компоненты синтеза находятся в антагонистическом единстве [91, т. 27, с. 407–408].

В том же духе трактовалось понятие «синтез» (в разных аспектах) в работах советских ученых. Так, А.И.Неусыхин пришел к выводу, что «в течение переходных периодов элементы старого и нового временно синтезируются в виде особой общественной структуры с присущими ей закономерностями развития» [128, с. 596]. По наблюдениям Б.Ф.Поршнева, три важнейших переходных периода, или три важнейшие эпохи социальной революции, когда соответственно рабовладельческий, феодальный и буржуазный строй переживали общий кризис, «приблизительно совпадают с грандиозными актами взаимопроникновения, синтеза культур и взаимодействия народов, ранее находившихся в противостоянии и разобщении» [129, с. 38]. Он считал, что любая эпоха формационного перелома представляет собой эпоху и социальной революции, и синтеза: «гигантские социальные пертурбации» порождают «великие синтезы» [129, с. 38]. Проблема средневекового синтеза давно разрабатывается российскими медиевистами. Так, по мнению Е.В.Гутновой и З.В.Удальцовой, «для периода генезиса феодализма одним из ключевых критериев этого процесса для Западной Европы можно считать наличие или отсутствие синтеза, степень его интенсивности и соотношения в нем позднеантичных и общинно-родовых протофеодальных элементов» [128, с. 115]. Е.М.Жуков различал два основных пути перехода к новой формации: спонтанный, на внутренней основе; и невозможный без воздействия извне. «Суть второго пути заключается во взаимодействии и конечном слиянии (синтезе) прогрессивных элементов, возникающих еще в недрах отмирающей формации на основе ее разложения, с внешними элементами, появившимися в радикально отличных общественно-

экономических условиях, — писал он. — Суть этого процесса — переход к новой формации на основе взаимодействия данного общества с внешней средой» [41, с. 44].

В последней цитате затронут еще один крайне важный аспект нашей темы: своеобразие межформационного синтеза в странах Востока.

Для стран Европы, обществ первичного и вторичного капитализма, синтез традиционного и современного представляет собой продукт такого межформационного взаимодействия, когда обе формации по-своему ущербны: старая уже теряет свою целостность общественной системы, а новая ее еще не приобрела. Иными словами, синтез там был естественным результатом общественного саморазвития, т.е. носил гомогенный характер.

Существенно иным был данный процесс на Востоке, где формационная смена была вызвана или резко ускорена внешним воздействием. Синтез там являлся результатом воздействия уже сложившейся и достаточно «здоровой» новой формации (мировой капитализм) на старую, но еще далекую от внутреннего разложения, т.е. пока вполне жизнеспособную (например, арендно-бюрократический феодализм Китая середины прошлого столетия) формацию. В результате «по мере утверждения колониализма „почвенное“ формационное развитие восточных обществ начинает насильственно укладываться в прокрустово ложе колониально-буржуазного развития, утрачивает историческую инициативу и динамику саморазвития, часть традиционных структур начинает трансформироваться и вовлекаться в колониальный синтез — своеобразное разделение труда в рамках системы метрополия-колония» [41, с. 10].

При наложении процессов буржуазного развития Запада на ход феодального воспроизводства стран Востока «возникает сложная система международного и межформационного взаимодействия, которую можно определить как колониальный синтез. В результате этого проблему переходных периодов на Востоке надо рассматривать в двух диалектически переплетенных аспектах: национально-колониальном и собственно формационном» [208, с. 10].

Все указанные моменты заставляют выделить особую категорию синтеза, свойственную странам Востока и отличную в ряде существенных моментов от европейских образцов (гомогенность), — гетерогенный синтез.

Впервые проблему синтеза традиционного и современного применительно к колониальному периоду в Азии поставил Н.А.Симония в своей книге «Страны Востока: пути развития» [151]. Затем он развил ее в других своих работах [143; 312, 1983, № 2]. Важнейшим этапом изучения этой проблемы послужила коллективная монография «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [208] под редакцией Л.И.Рейснера и Н.А.Симонии⁴.

Гетерогенный синтез в ней определяется как свойственный всей истории классовых обществ: «Размежевание социальных структур на традиционные и современные, взаимодействие между ними, рождающее синтез, – все это стало нормой общественного развития... после того, как действие неравномерности [развития человеческих обществ] приобрело устойчивость и универсальность. Таким рубежом, видимо, было появление первых классовых, цивилизованных обществ, интегрированных при помощи государства... Таким образом, проблема современный центр – традиционная периферия (а следовательно, и проблема синтеза этих структур) впервые встала перед людьми несколько тысячелетий назад и не снималась с тех пор с повестки мировой истории» [208, с. 25]. Соответственно подчеркивается «общеисторическая роль синтеза, его необходимость в качестве формы и механизма взаимодействия обществ, находящихся на разных ступенях социального развития. В условиях пространственной разделенности обществ-лидеров и обществ-ведомых синтез становится естественной и универсальной формой приобщения отставших или задержавшихся в своем развитии обществ к более высоким типам социальной организации, передовым элементам материальной и духовной культуры» [208, с. 27]. При этом акцент не делается только на «преимущественно пространственном аспекте синтеза как системы межстрановой, межформационной коммуникации. Более фундаментальное значение его общего механизма проявляется... во временном аспекте. В последнем случае синтез обеспечивает преемственность развития общечеловеческой цивилизации, а также и локальных обществ и сообществ, даже при самых мощных социальных потрясениях, связанных со сменой формационного цикла... Развивая межформационные связи и переходные структуры, воплощающие исторический синтез, человечество как родовая общность получает возможность преодолевать тупиковые, изжившие себя во всемирно-историческом масштабе социально-экономические и социально-политические отношения старого общественного строя и сохранять при этом ценнейшие, необходимые для дальнейшего продвижения накопления предшествующей формации» [208, с. 27, 28].

В синтезе на Востоке – явлении более сложном и многогранном, нежели межформационный синтез в Европе, – достаточно четко выделяются три уровня: глобальный (капиталистический Запад – традиционный Восток или какая-либо его часть, конкретная страна), локально-страновой (становление и развитие сложной системы, объединявшей в рамках общества структуры и явления традиционного типа, современные, привнесенные извне, и синтезированные с пышным шлейфом разного рода переходных – к синтезированным – форм) и синтез на уровне конкретных социально-экономических и социально-общественных явлений и институтов (сдвиги в традиционном под влиянием современного, сдвиги в современном под влиянием тради-

ционного, возникновение и развитие синтезированных и переходных к ним форм).

В Азии периода колониализма, как отмечает Л.И.Рейснер, «генезис и развитие „малого“, локально-странового синтеза происходили не в замкнутой, изолированной сфере, но в лоне „большого“, глобального синтеза, представленного в колониально-капиталистической системе в целом. Колониальный синтез и колониальный, а затем и национальный капитализм „на местах“ были продуктом действия глобальных факторов буржуазной формации, преломляемых и воспринимаемых социальной средой восточных обществ. Отсюда – важность понимания и исследования колониального синтеза в его двух связанных между собой, но достаточно автономных формах бытия: внутрисканового (локальной) и глобальной (универсальной). При историко-генетическом подходе второй аспект приобретает особое значение, ибо образование глобального синтеза в новое время как всемирной системы взаимодействия между странами буржуазными и добуржуазными, господствующими и подчиненными, европейскими и неевропейскими послужило отправной точкой для формирования в дальнейшем внутрисканового „малого“ синтеза в обществах Востока» [208, с. 24].

Относительно второго уровня синтеза на Востоке Н.А.Симония и Л.И.Рейснер пишут: «Речь идет не о сосуществовании бок о бок чисто традиционного и чисто современного, а об их синтезе, т.е. их компромиссной структурно-функциональной сочлененности, сцепленности и взаимодействии, альтернативой чему явился бы распад данного общественно-государственного организма. Поэтому для конкретно-исторического и сравнительно-социологического анализа этой группы стран необходимы соответствующие переходные модели синтезированного характера» [208, с. 9]. По их мнению, «речь идет о единстве-компромиссе формационно разнородных элементов, т.е. о ситуации нарушения органической целостности общественно-производственного организма. Это единство переходного типа. Оно является необходимым условием сохранения целостности данной государственной общности в исторический период перехода от одной формации к другой, период вынужденного сосуществования антагонистических формационных структур» [208, с. 11].

Касаясь третьего уровня синтеза, З.Н.Галич, одна из авторов упомянутой коллективной монографии, пишет: «Синтез в промышленности и других отраслях хозяйства, коренящийся в самой невозможности быстрого и широкого преобразования старых и низших форм производства, превращается в ведущее направление колониально-капиталистического и зависимого развития» [208, с. 173]; причем порой «новые, современные процессы и явления принимают традиционную, привычную, более приемлемую для местной окружающей социальной среды форму и оболочку» [208, с. 165]. Так, в иностранном секторе экономики стран Азии возник «синтез восточного ручного труда и

европейского фабрично-заводского производства» [208, с. 171]. Как считает Н.А.Симония, это был отличный от колониального синтеза эпохи вывоза товаров модернизированный синтез эпохи вывоза капитала [208, с. 266], «синтез иностранного предпринимательства (собственность, технология, высшие квалифицированные кадры) и местной наемной рабочей силы» [208, с. 279]. Фактически картину третьего уровня синтеза дает китайская фабрика, где имели место не только капиталистическое производство, но и «китаизация» капитализма. Последняя выразилась, в частности, в привнесении даже в фабрично-заводскую сферу (в том числе и на иностранные предприятия) примитивных методов эксплуатации (система «старшинок», контрактация девушек и т.п.). Тем самым капиталистическому хозяйствованию придавались жесткие средневековые черты, столь бросающиеся в глаза европейцам [312, 1981, № 2, с. 227–228].

Весьма важный момент выделяют Н.А.Симония и Л.И.Рейснер, утверждая, что в принципе общественный синтез представляет собой не застой, а движение. В ранней стадии переходного периода он существенно отличается от того, чем становится на завершающей стадии. В первой фазе мы имеем «синтез структур умирающей традиционной, но все еще господствующей общественной системы с зарождающимися в ее недрах новыми современными структурами, пока не имеющими самостоятельного значения» [208, с. 7]. На завершающей стадии, т.е. после политической революции, перед нами «синтез структур утверждающейся в качестве господствующей современной общественной системы с остатками, фрагментами традиционных общественных структур» [208, с. 7]. И в первой, и во второй фазе «переходное общество – это общество, состоящее из структурных элементов и умирающего традиционного, и утверждающегося современного», причем «абсолютное, полное господство современного (т.е. завершение синтеза и формирование органически целостной общественной системы) происходит лишь на зрелой фазе любой формации» [208, с. 7, 9]. В ходе указанного процесса, пишет З.Н.Галич, «современное пробивало себе дорогу и укоренялось... в синтезированной системе постепенно и поэтапно, заставляя традиционность медленно отступать на периферию самих восточных обществ» [208, с. 167].

Отметим, наконец, еще один важный момент. Различия между цивилизациями Запада и Востока, как известно, весьма значительны (что является одним из существеннейших выражений неодинаковости социально-генетического «кода» и социоисторического типа породивших их обществ). И синтез на Востоке, вызванный к жизни воздействием Запада, был поэтому не только межформационным, но и междцивилизационным.

Важнейшими при рассмотрении синтеза являются понятия «традиционное» («старое») и «современное» («новое»). «Традиционность и современность, – пишет Л.И.Рейснер, – невозможны (немыслимы) друг

без друга... взаимоотрицание традиционного и современности есть одна из необходимых форм исторического движения... Среди общих факторов, которые вызывают к жизни и воспроизводят феномены традиционности и современности, на первое место следует поставить неравномерность развития человеческих обществ» [208, с. 24–25].

В свете сказанного выше о динамике синтеза и его разных уровнях становится понятной «подвижность», т.е. закономерность изменения и смещения, понятий «традиционное» и «современное». На различных фазах формационного развития, пишут Л.И.Рейснер и Н.А.Симония, вчерашнее «современное» постепенно устаревает, приближается по характеру к «традиционному» и вытесняется более современным, т.е. по-настоящему прогрессивным. Так, некогда бывший отчасти современным по отношению к феодальной традиционности спонтанный (домануфактурный и мануфактурный) капитализм «доопиумного» периода (до середины XIX в.) в Китае с началом «товарного» и иного вторжения в эту страну более передового капитализма свободной конкуренции оказался в лагере традиционности и в состоянии антагонизма с новым фабричным капиталом.

Несколько иное смещение понятий происходит при рассмотрении явлений синтеза с точки зрения разных его уровней. Все китайское общество, например, в период синтеза (включая современный сектор и синтезированные структуры) в срезе глобального синтеза представляет собой «традиционное» по отношению к передовому Западу.

В свете всего сказанного выше понятно, что подход с позиций синтеза помогает изжить представления об исторической эволюции Китая как экзотически окрашенного повторения западноевропейского или российского варианта развития. В равной мере это относится как к подгонке реальностей Китая под классическую модель формационного плана или даже только под зрелые стадии классической модели при игнорировании ее ранних и переходных фаз при смене формаций, так и к попыткам абсолютизировать специфику Китая при забвении общеисторических закономерностей всемирного развития. Вступление Китая в новейшую историю закономерно поставило вопрос о том, каким встретил он начало революционной эпохи, насколько его переходное общество было подготовлено для подключения к общемировому развитию в принципиально новых условиях. Это вопрос о характере того китайского общества, которое во всевозрастающих масштабах воспринимало и воздействие Октябрьской революции, и частичного построения «социализма» в СССР.

Иными словами, обращение к проблемам синтеза – это и один из участков острой научной дискуссии с различными трактовками особенностей развития обществ Востока, предлагаемыми западной наукой. Ее представителями не раз предпринимались попытки различного рода, используя специфику Востока, «опровергнуть» применимость к его развитию теории формаций. Речь идет о теориях «догоняющего

развития», «модернизации» (или «вестернизации») по японскому, тайваньскому или южнокорейскому образцам, концепциях «смешанных моделей», «дуализма», «плюрализма», а также их промежуточных вариантах (см. [208, с. 7, 8, 14, 18]).

Разработка проблем общественного синтеза важна и с точки зрения использования специфики Востока как орудия отрицания общих закономерностей всемирно-исторического развития, пользуясь, в частности, недостаточным вниманием ученых к проблеме общественного синтеза. Изучение последнего помогает понять характер социально-экономической и политико-идеологической эволюции развивающихся обществ, природу их формационного развития.

Авторы вынуждены (ибо нельзя объять необъятное) сознательно ограничить круг своих задач синтезом в сфере базиса и на институциональном горизонте надстройки, лишь бегло касаясь синтеза в сфере духовной жизни общества, т.е. почти или совсем не затрагивая внеинституциональные горизонты надстройки – идеологию, литературу, искусство, науку, религию, социопсихологию и т.д., а вместе с ними, естественно, и проблемы межкультурного синтеза. Не рассматриваются и вопросы, связанные с проникновением в Китай идей социализма, воздействием на китайское общество Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. Все эти проблемы требуют специальных исследований. Тематика представляемой читателю книги лежит на стыке двух основных направлений востоковедения: общетеоретического и страноведческого. Коллективная монография «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» в целом имеет не столько внутритипологическую, сколько сравнительно-историческую направленность при сопоставлении западных и восточных структур в исторической динамике, вследствие чего выявление страновых вариантов общественного синтеза осталось вне поля зрения авторского коллектива. Работа последнего заложила базу и фактически открыла дорогу новым исследованиям, в том числе локально-страновым. Предлагаемая читателю книга является первой в этом направлении.

Главным предметом изучения в ней является феодально-капиталистический общественный синтез, его становление, развитие и особенности в Китае второй половины XIX – первой половины XX в. Исследование такого рода представляется полезным в синологическом плане не только с точки зрения изучения указанного периода. Оно, на наш взгляд, может помочь глубже осмыслить многие особенности истории КНР, ибо в конечном счете нами рассматривается то общество, с которым Китай после 1949 г. вступил на путь социалистического строительства (происходившего на первых этапах, естественно, в условиях качественно новой стадии синтеза – сложившегося к победе народной революции переходного общества и социалистических начал).

Данная книга посвящена проблемному анализу эволюции полукOLONиального Китая. Стержнем работы служит наиболее крупная и комплексная проблема общественного синтеза. Образуя «ствол» монографии, она, в свою очередь, рассматривается нами через целый ряд других, более узких вопросов – своего рода «ветвей». Их постановка дана в заглавиях параграфов во всех главах. В целях экономии объема авторы сознательно отказались от специальной постановки каждой очередной проблемы, равно как и многократного повторения терминов «проблема», «проблематика» и «проблемный». Последнее чрезмерно перегрузило бы работу и затруднило бы ее восприятие.

Авторы считают необходимым сделать ряд терминологических уточнений и оговорок. Так, в понятие «класс», применительно к традиционному (феодальному) и переходному Китаю, естественно, не вкладывается четкость и полнота этой категории, свойственные буржуазному и социалистическому обществу. Термин «азиатчина» используется лишь в ленинском понимании этого слова, когда в нем уважение к народам и странам Востока сочетается с ненавистью к азиатскому деспотизму и угнетению масс местной реакцией. Термин «синтез» до конца XIX в. отсутствовал в китайском языке и был перенесен в Китай в начале XX в. из Японии, где усиленно работали над переводом европейской научной лексики на иероглифическую почву. Для передачи этого термина в его общественно-политическом и философском значении используется несколько вариантов сочетаний иероглифов – *цзунхэ, хэти, хэчэн*.

И последнее. Приложенный к книге список литературы отнюдь не является библиографией по данной теме. Подобная библиография включила бы в себя не одну тысячу названий (поскольку должна была бы охватить и общетеоретическую, и китаеведческую литературу). Нами же приведены только те работы, на которые есть отсылки в тексте. Ограниченность объема книги заставила нас предельно сократить справочный аппарат. Поэтому при обращении к статьям различных авторов отсылки даются на сборники статей или журналы.

ВВЕДЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ И ТИПОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА

Разработка истории Китая нового и новейшего времени на основе концепции общественного синтеза демонстрирует предельно объемное значение ключевого для данной концепции термина «синтез». Действительно, в ней им обозначается более широкий спектр явлений и процессов, нежели в естественных науках. Его применение в историческом, экономическом, культурологическом, идеологическом и ином понимании явно отличается от философского значения термина «синтез» как системного единства, в котором снимаются противоречия взаимодействующих компонентов. Сам факт возникновения в переходном обществе Китая конца XIX – первой половины XX в. межформационной межцивилизационной системы (с явными чертами конгломератности и дисбаланса, взаимных противоречий и острой борьбы) не позволяет говорить о системном единстве составляющих ее разнородных элементов и о снятии противоречия, связанного с их разнородностью. Принято считать, что если перед нами некая социальная система (общественная целостность), то она должна иметь четкую укладно-формационную характеристику – либо капиталистическую, либо докапиталистическую. Между тем основной вывод из всего сказанного в предлагаемой книге состоит в отрицании подобного системного единства в Китае второй половины XIX – первой половины XX в. Именно поэтому речь в ней идет о *гипосистеме*, в которой отнюдь не было снято противоречие между ее составляющими и которая не может быть отнесена ни к капиталистическому, ни к докапиталистическому типу («межформационная пауза»). Возможно, в философском плане можно в данной связи говорить о диалектическом переходе средства, метода (синтез) в сущность. Средство – насилие (не только над страной, личностью, но и над объективными законами общественного развития) – превратилось в сущность сохраняемой Китаем социально-экономической системы. Итак, понятие «синтез» используется нами, как и другими сторонниками концепции синтеза, в более широком смысле, нежели это делается в философии и естественных науках. Вкладываемое в него значение перекрывает то, что

принято в других науках. Такое расширенное толкование привычного термина у истоков направления, которое только еще намечает свои ориентиры, вполне справедливо. Ибо в такой ситуации излишняя жесткость формулировок приносит не пользу, а скорее вред.

Одним из краеугольных камней концепции синтеза является признание инвариантности, амбивалентности (западный и восточный пути) общественного развития. Ее и породило стремление (используя категории межформационного и межкультурного синтеза) понять и объяснить своеобразие исторического развития Востока в новое и новейшее время. Разработка именно этого (крайне важного, но не единственного) аспекта концепции синтеза представляется весьма перспективной. Здесь крайне важно соотношение формационного движения и «культурного кода». Различия в моделях синтеза связаны не только с тем, что различные общества проходят более или менее сходные ступени формационного развития в разное (по всемирно-историческому календарю) время, но и со спецификой «культурного кода» каждого из них. В процессе общественного синтеза наблюдается сложное переплетение формационных и культурных моментов. В этом плане полуколониальный Китай конца XIX – первой половины XX в. приобрел черты не только межформационного, но и межкультурного общества. Причем особые трудности развития такого синтеза отмечались в сфере культуры.

Само собой разумеется, что сфера функционирования общественного синтеза много шире, нежели в дихотомиях «Запад–Восток», «Китай–Запад», «традиционность–современность», «феодализм–капитализм». Дело в том, что общественный синтез является универсальной формой исторической эволюции во всемирном масштабе, начиная с древности и вплоть до наших дней. В том или ином виде общественный синтез присутствовал и присутствует в любом процессе исторического развития. При столь широком понимании происходит «расслоение» понятия – по вариантам синтеза или по типам синтезированных структур, систем, явлений.

Наиболее фундаментальным представляется синтез двух генеральных структурно-системных полей: а) товарно-денежное начало; частная собственность; цель производства – прибыль; принципиальное равенство прав товаровладельцев; отношения договора; эксплуатация экономическими методами; расширенное воспроизводство – динамичность развития; высокая социальная мобильность; индивидуализм; б) натуральное начало; корпоративность; цель производства – потребительная стоимость; простое воспроизводство – застой; эксплуатация внеэкономическими методами; система личностных отношений; патриархальность; закрытость социальных страт. Все названные явления так или иначе, в той или иной степени были свойственны всем этапам истории человечества. Конкретику определяли различные их сочетания. Они породили разные пути развития и его основные этапы – об-

щественно-экономические формации, каждая из которых отличалась преобладанием одного из указанных начал. Но во всех случаях в рамках единого, живого, реального социального организма – социума, общества – оба начала (в их различных проявлениях) уживались, переплетались, симбиотически соединялись, срастались, т.е. синтезировались.

Другой уровень синтеза – межформационный, затем внутрiformационный – между явлениями, системами, структурами, свойственными разным стадиям одной формации. Последний обычно явственно проступает на исторической канве; ибо на практике в экономической и частично в социальной, политической и идеологической сферах синтез сущностный находит проявление в межформационном и межстадиальном синтезе. Общественный синтез может возникать как в ходе естественного саморазвития общества (эндогенный синтез), так и в результате воздействия на общество извне (гетерогенный синтез). Иными словами, общественный синтез в том или ином его проявлении пронизывает всю историю человечества (ибо «чистых» формаций и их стадий она просто не знает).

Возможность и необходимость использования концепции общественного синтеза не ограничивается только формационной теорией. В последнее время эта сторона данной теории обретает свое место и при цивилизационном подходе. Межцивилизационный синтез (не только на уровне прямых заимствований) сыграл, играет и будет играть (чем дальше, тем во все большей степени) особую роль в истории человечества. Однако в полной мере определить его значение пока трудно – из-за слабой теоретической разработки проблемы взаимосвязи исторических путей развития, формационного восхождения и феномена цивилизации.

Отнюдь не чужда идея синтеза и мир-системному анализу. Краеугольный камень данного подхода – структура «ядро (центр) – полупериферия – периферия». Взаимодействие между субъектами указанных уровней однотипно с рассматриваемыми в нашей книге отношениями «Запад–Восток», «метрополия–колонии (полуколонии)», т.е. базируется на принципах общественного синтеза. Прямо аналогичны «обратному» синтезу выделяемые мир-системным анализом такие формы специализации труда, которые находились в нижней части иерархии товарных цепей (использование низкооплачиваемого труда и т.п.). Неизбежные и относительно частые переходы той или иной страны с одного уровня на другой (с полупериферии на периферию или наоборот) не могли не быть связанными с воздействием синтеза (подготовлены им и порождали его). Ограничимся этим перечнем точек соприкосновения мир-системного анализа и концепции синтеза, хотя, понятно, он мог быть и продолжен. Таким образом, концепция синтеза органично сочетается со всеми тремя основными направлениями современного обществоведения (формационный, цивилизационный и мир-системный анализ).

Для полуколониального Китая второй половины XIX и XX в. общественный синтез в рамках дихотомии «традиционное–современное» был прежде всего продуктом внешнего влияния, результатом чужеродного давления извне на исторически унаследованную от средневековья общественную систему. В итоге имело место своего рода конфликтное сосуществование разнородных начал в рамках как общественной структуры в целом, так и отдельно взятых многочисленных симбиозных форм, явлений или процессов. Такого рода общественный синтез возникает на стыке экзогенности и эндогенности, как взаимодействие внешнего и внутреннего, восточного и западного, как особый вид их сосуществования. Содержанием последнего является не столько постепенное вытеснение одного начала другим, сколько их слияние, т.е. достаточно устойчивое соотношение азиатского и европейского во всех видах и вариантах (старое в новом или новое в старом), но в рамках единого целого (староновое, новостарое). Такой общественный синтез включает в себя весь спектр взаимодействия формационных противоположностей на совмещенной основе.

В силу своей межформационности общественный синтез выступает как конфликтное сожительство внутри дуалистической структуры, сосуществование двух логик развития (Восток–Запад), как единство противоположностей (застойность, феодализм – модернизация, капитализм). В итоге возникает промежуточный продукт взаимодействия разных формационных начал, их своего рода общественно-исторический компромисс в рамках переходного общества.

Рассматриваемый нами синтез представляет собой сосуществование формально несовместимых моментов, способных, однако, на деле частично приживаться на чуждой почве, проникать друг в друга, уживаться в рамках единого целого. В силу этого синтезирование той или иной структуры или общности создает внутреннюю противоречивость, конфликтность, в том числе кризисность ее дальнейшего саморазвития и самовыражения. В данном случае ситуация общественного синтеза имеет тенденцию либо к разрешению конфликта, либо к поддержанию его на определенном уровне. В этой последней ипостаси исторический синтез выступает как баланс разнородных начал. В любом случае синтезирование означает утрату одних и приобретение иных свойств, т.е. становление нового комбинированного качества у объекта трансформации.

При всем том общественный синтез выступает в двух состояниях – как процесс и как результат, т.е. как взаимодействие и как его продукт. Последний может быть следствием инфильтрации традиционно-го в современное или абсорбированием нового в старое, однако в большинстве случаев это двуединый процесс. Исторический синтез проявляется как стихийное (базис, экономика) и как сознательное, т.е. направленное начало (надстройка, политика), выступая соответственно то в качестве объективного, то субъективного. В первом случае

базисный синтез – это по преимуществу фактор постепенности и эволюции, во втором (надстроечный синтез) – источник активного отрицания старого и революций. В обоих проявлениях межформационный синтез является как бы «промежуточной станцией» на пути от восточного к западному, представляющей по отношению к чисто китайскому нечто европейское.

Зачастую соотношение традиционного и современного есть взаимодействие формы и содержания. Старая форма может прикрывать новое содержание (внешне традиционная гильдия ростовщиков, а фактически – группировки буржуазии, например шанхайские «баны» в рамках «чжэцзянской финансовой группировки»). И наоборот, новая форма способна скрывать старое содержание (практика превращения в профсоюзы традиционных цехов, гильдий и землячеств). Таким образом, общественный синтез может выступать и как действительность, и как фикция, как акт реальный и как формальный. Формальный синтез был излюбленным в Китае средством модернизации, безопасным для конфуцианской системы. В этом плане наиболее характерен один из первых проектов введения в Цинской империи парламентской системы. Предполагалось, что все высшие сановники становятся сенаторами, образуя верхнюю палату парламента, а из бюрократии более низких рангов формируется нижняя палата, т.е. от нового оставалась лишь форма.

Таким образом, общественный синтез мог быть как формальной уступкой велению времени, т.е. средством сохранить традиционную структуру, так и орудием реального обновления страны. Практика межформационного синтезирования могла иметь реакционную и прогрессивную направленность, затруднять или ускорять укоренение западного на китайской почве. Данный процесс мог консервировать традиционную основу (жертвуя при этом явной архаикой), создавая обстановку скрытой стагнации, и наоборот, мог содействовать закреплению современного за счет его частичной китаизации. Межформационный синтез как явление многоликое выступал не только либо на стезе реакции, либо на стороне прогресса, но и создавал промежуточную нейтральную среду. В этом случае возникало своего рода болотное состояние, лишенное ядро выраженных позитивных и негативных импульсов.

Преобладающими типами общественного синтеза являются встречные его направления – «от старого – к новому» и «от западного – к китаизации». В сумме они создавали сферу смешанных промежуточных явлений, структур и процессов в системе переходного общества Китая XIX–XX вв. Функция первого варианта («от старого – к новому») состояла в амортизации внешнего воздействия, сохранении традиционного (за счет его частичного видоизменения и внешней модернизации старокитайского). Такого рода «синтез консервации», или «синтез выживания», стал массовым явлением на базисном, ин-

ституциональном и мировоззренческом горизонтах китайского общества. Второй тип синтеза («от нового – к старому») чаще всего был результатом «загрязнения», «ухудшения» импортируемых в Китай западных форм и структур, институтов и идей. Такого рода уступки «азиатчине» делались с целью вхождения нового в местную, по преимуществу все еще традиционную среду. Ухудшение качества в таком случае служило средством укоренения нового на местной почве, что было своего рода платой за возможность внедрения в чуждую для буржуазного Запада общественную систему. Такой «синтез инфильтрации» стал основным средством успешного проникновения извне в экономику, социум, политику и идеологию полуколониального Китая.

В процессе трансформации китайского общества не только взаимодействовали традиционное и современное, но и вступали в борьбу между собой сами продукты межформационного синтеза разного уровня развития (бэйянский режим и Единый фронт, гоминьдан и КПК). При этом имело место как воздействие более передового синтеза на отсталый, так и обратный вариант. В последнем случае общественный синтез более низкого органического и стадийного уровня (например, цинское политическое наследие) тянул назад явления более развитого синтеза (бэйянский и последующие режимы). Тенденция качественного улучшения чередовалась «западанием» общей линии синтеза (милитаристские войны).

В отличие от естественного и в основном спонтанного синтеза на Западе в Китае имел место его насильственный и искусственный вариант, осуществлявшийся в ходе принудительного импорта, насаждения извне современных форм в ткань традиционного общества. В этих условиях общественный синтез был по преимуществу экзогенным явлением. Его китайский вариант выступал и как результат давления внешнего фактора, и как своеобразное «силовое поле». Последнее создавалось противостоянием типа «действие–противодействие» («вызов–отклик») в единой системе «Запад–Китай», служившей частным слагаемым общей макросистемы «Восток–Запад». Межформационный синтез в Китае явился продуктом той «социальной революции», по определению К.Маркса, когда внешний фактор выполнял «двойную миссию: разрушительную и созидательную – с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [91, т. 9, с. 225]. В Китае до настоящего времени ни та ни другая цель не достигнута (точнее, обе задачи были разрешены лишь наполовину). В итоге имело место затяжное балансирование между разрушением старого и созданием нового, т.е. «застывание» двуединого процесса на полпути от первого ко второму. Тем самым в Китае возобладали не революционный тип смены традиционного современным, а иной, непривычный для Запада вариант развития, т.е. органическое и устойчи-

вое уживание европейского и азиатского на базе синтеза обоих начал. Данная ситуация – не просто затяжное «промежуточное состояние», а иной тип эволюции в условиях межформационной эпохи. Особое иноформационное состояние синтезированной системы (когда ни одна из двух сторон «социальной революции» в Китае не достигнута) делает переходность основным свойством исторической ситуации.

В этой обстановке со второй половины XIX в. процесс общественного синтезирования создавал не только целый спектр переходных явлений со смешанными характеристиками, но и вызвал (в качестве побочного результата воздействия на традиционную систему) распад наиболее архаических ее компонентов. Однако радикальной «чистки» не произошло, и Китай сохранил некоторые маргинальные и регрессивные формы в качестве компенсаторного «противовеса» модернизации. Межформационный синтез в широком смысле выступал как «скрепа» и объединяющее начало в калейдоскопе старых, новых, синтезированных, остаточных и иных явлений. Иными словами, здесь общественный синтез выступал как процесс и как состояние, как рядовое явление и как системное начало. Он проявлял себя как одновременный акт и как постепенность. В последнем случае произошло накопление китайским обществом новых и симбиозных характеристик (при частичном угасании импульсов традиционной системы к самовосстановлению в былом объеме и неизменном качестве).

Начинаясь с нуля и развиваясь через накопление трансформированных явлений, через их переход от количества к качеству, этот процесс выходит на формационный уровень, когда синтез становится универсальным системообразующим началом. Межформационный синтез приобретает всеобщую значимость, развиваясь на макроструктурном (переходное общество в целом) и микроструктурном (трансформация конкретных ячеек производства и надстройки) уровнях. В силу своей сложности и противоречивости общественный синтез одновременно имел и нивелирующую, и дифференцирующую тенденции в изменении китайского общества. При этом общественный синтез в условиях Китая XIX–XX вв. прежде всего был переходом от гомогенности традиционной системы к гетерогенности переходного состояния (с неизбежными для последнего явлениями конгломератности). На базисном горизонте это отчасти проявлялось в многоукладности экономики. В период Синьхайской революции общественный синтез в той или иной мере овладел всеми горизонтами общества (базис и надстройка). С этого момента уже можно говорить о сочетании нового и старого на уровне нации и государства, региона (например, приморские провинции), сословия (*шэньши*), класса (помещики), социального слоя (новая интеллигенция), формальных групп (торговый союз), традиционных ячеек (гильдия, цех), микрообщности (семья) и личности. В этом плане общественный синтез стал интегральным началом трансформации Китая.

Вместе с тем межформационный синтез являлся лишь одной стороной двуединого состояния «действие—противодействие». Гигантская толща средневековых экономических и социальных структур, форм социопсихологии, конфуцианских норм поведения, старых институтов, весь уклад быта и традиции порождали обратную тенденцию. Вся эволюция Китая в новое и новейшее время есть продукт дихотомии «синтез—реакция». Весь потенциал древней китайской цивилизации (как наиболее глубинный слой традиционной системы) как бы мобилизуется в целях самосохранения, либо пассивно, либо активно противодействуя западному «варварскому» началу. Такого рода защитный антисинтез играл роль амортизатора и компенсаторных акций, уравнивающих начавшуюся модернизацию. Достаточно отметить деятельность консервативной группировки Цыси (в том числе разгром реформаторского лагеря), антимиссионерские выступления, борьбу против машин (синтез ксенофобии и луддитского движения) и, наконец, восстание ихэтуаней. Превращение интегрального синтеза в главное русло модернизации китайского общества XX в. резко расширило диапазон его многоплановости и противоречивости. Он выступает как источник социально-экономической деструкции и дисбаланса, как трагедия народных масс (в связи с падением жизненного уровня). Межформационный синтез становится праздником духовного обогащения передовых слоев интеллигенции достижениями европейской науки и общественной мысли. Такая межформационность создает рабочую обстановку для партий и идеологов, борющихся за «обновление» Китая на базе синтеза традиции и современности.

В последнем случае надстроечный синтез выступает в качестве инструмента для решения парадоксально двуединой задачи: сохранение китайского и внедрение западного. Здесь синтез в политике закрепляется не как самоцель, а лишь как способ и орудие «возрождения Китая». Такого рода служебный инструментальный синтез становится «техническим» средством преодоления отсталости, ликвидации внешней зависимости и восстановления имперского статуса. Достижения этой цели ищут не в построении западного общества в Китае, а в сочетании традиционного и современного, т.е. на промежуточном рубеже. В данной дихотомии исторически унаследованное является доминирующим, а привнесенное извне — второстепенным. В этой связи понимание природы китайского типа общественного синтеза невозможно без анализа его исходной базы — традиционного общества и фундаментальных принципов его построения.

ИСТОРИЯ СИНТЕЗА

Глава 1

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Уникальная длительность и непрерывность развития китайской цивилизации, а также практически полное (до появления европейцев у берегов Китая) отсутствие контактов с равной или превосходящей ее цивилизацией обусловили полное преобладание в многотысячелетней эволюции китайского общества факторов эндогенного характера. Этим, по-видимому, во многом определялись особенности традиционного общества Китая¹, которое послужило исходной базой для синтеза после насильственного взлома его самоизоляции буржуазным Западом.

Базис

Общественно-экономический строй Китая ко времени его вступления в постепенно, но неуклонно расширявшиеся связи с европейцами представляет собой сложную и довольно стройную систему. Возникновение синтеза на китайской почве было обусловлено серьезными отличиями указанной системы от западной модели, не сводимыми лишь к стадияльному и формационному (феодализм и капитализм) отставанию. Само это отставание своей причиной имело особенности китайского феодализма.

По уровню развития производства цинский Китай вполне сопоставим с позднесредневековыми европейскими обществами. Составлявшее основу экономики страны (как и у большинства феодальных обществ) китайское земледелие было весьма продуктивным по средневековым меркам, несмотря на некоторую сравнительную – с европейской точки зрения – примитивность сельскохозяйственной техники, отличавшейся в то же время значительной дифференциацией, целесообразностью и специализацией, удачным приспособлением к характеру почв, глубине плодородного слоя, климатическим условиям, возделываемым культурам, характеру рабочей силы. Относительная отста-

лость земледельческой техники компенсировалась развитым искусственным орошением, высоким плодородием почвы, благоприятным климатом, накопленным веками агрономическим опытом и мастерством крестьянина, использованием результатов труда (по развитию ирригации, обустройству полей и т.п.) сотен предшествовавших поколений.

«При примитивном докапиталистическом способе производства земледелие производительнее, чем промышленность, так как природа здесь участвует в работе человека как машина и организм, в то время как в промышленности силы природы еще почти целиком заменены человеческой силой (как, например, в ремесленной промышленности и т.д.)» [91, т. 26, ч. 2, с. 115]. В этом отношении традиционный Китай не был исключением. Вряд ли можно найти существенную, принципиальную разницу между Европой и Китаем в производственной организации низовых экономических ячеек – крестьянского двора, различных форм хозяйственной деятельности в деревне, мастерской ремесленника, ремесленных цехов, мануфактуры. Зато на более высоком базисном «этаже» – в структурной группировке атомарных и молекулярных экономических «кирпичиков» – различия просматриваются достаточно явственно.

Для средневековой Европы были характерны четкая разграниченность и неуклонное противостояние между господствовавшими натуральным и товарно-денежным укладами (и порождаемыми ими социальными формами и общественными отношениями), выражением чего служило особое положение и организация города и связанного с ним ремесла. Это противоборство закончилось, как известно, полной победой постепенно усиливавшегося товарно-денежного уклада. Иным было положение в Китае. Там к началу нового времени и позже продолжала функционировать складывавшаяся многие века экономическая система, основанная на переплетении и срастании (синтезе) натурального и товарно-денежного начал при господствующем положении первого (подробнее об истории и причинах ее возникновения см. [63, с. 5–28]). Одним из важнейших проявлений этого было положение города, кардинально отличное от того, что имело место в средневековой Европе. Как средоточие ремесла и торговли, город в Китае эксплуатировал деревню не экономически, а политически. Город не был бастионом мелкотоварного уклада, четко выделившегося из господствовавшей натурально-феодальной структуры. Он не имел и тени особого статуса, самостоятельности, самоуправления. Административно город включался в окружавший его уезд (или уезды). Господствовавший правопорядок, четко разработанный в частноправовой сфере, в области публичного права ни в коей мере не обеспечивал защиты от притязаний и посягательств властей на собственность купца, ремесленника, мануфактуриста, на положении которых серьезно сказывалось тяжелое и практически произвольное налогообложение

торговли (внутренней и внешней) и ремесла. В отличие от Европы, Китай XVII–XVIII вв. не знал ни городского права, ни свободы предпринимательства. Вне своей внутренней жизни торгово-ремесленные корпорации не обладали реальными экономическими, политическими, судебными и иными правами. Они выступали не только (а часто – и не столько) как органы, всесторонне защищающие интересы торгово-ремесленных слоев, но и как «приводные ремни» государственной машины, обеспечивавшие регламентацию деятельности последних, а также фискально-полицейский контроль над ними. Официальный статус горожан мало чем отличался от крестьянского, в частности, как и жители деревни, они были охвачены фискально-полицейской системой круговой поруки (*баоцзя*). Иными словами, китайский город (в отличие от европейского) органической составной частью входил в общую, единую, всеохватывающую социально-экономическую систему.

Не менее наглядным было срастание натурального и товарно-денежного начал в сфере частновладельческой эксплуатации в деревне. Господствовавшей ее формой была аренда – явление по своей политико-экономической сути товарно-денежного порядка, поскольку в его основе лежат отношения свободного договора. Но в китайских условиях они были существенно «подправлены» многочисленными формами личной зависимости.

Место противостояния натурального и товарно-денежного укладов – ведущего для позднесредневековых европейских обществ в Китае XVII–XVIII вв. – занимали противоречивые отношения борьбы и союза структур, связанных с двумя основными формами эксплуатации – государственной (рента-налог) и частновладельческой (аренда). Но в каждом из этих двух секторов китайского арендно-бюрократического феодализма явственно различимо сочетание натуральных и товарно-денежных начал (подробнее см. [51, с. 47–48]).

Для сохранения стабильности китайской социально-экономической системы, угрозу для которой составляло спонтанное развитие частновладельческих, товарно-денежных начал, требовалось соблюдение определенного соотношения двух его основ. Регулятором и охранителем выступало государство, неуклонно проводившее политику сдерживания и пресечения частновладельческой стихии, обеспечения приоритета земледелия над ремеслом и торговлей, деревни над городом, изоляции страны от внешних влияний.

Преобладание натурального уклада (объективной базой которого было отмеченное выше производственное превосходство земледелия над ремеслом) поддерживалось не только прямыми запретительными мерами государства (в определенном смысле выступавшего как его важная, если не важнейшая часть), но и всем общественно-социальным климатом, всем комплексом традиционной конфуцианской идеологии, третировавшей предпринимательство как «недостойное» занятие. На сословной лестнице торговцы (*шан*) и ремесленники (*гун*),

занимая четвертую и третью ступеньки, стояли ниже «ученых» (*ши, шэньши*) и земледельцев (*нун*), в разряд которых входили все «помещики», не являвшиеся *шэньши*.

В экономическом плане роль китайского города лимитировалась безусловным преобладанием над ним деревни, земледелия – над ремеслом². Эти моменты определяли механизм ценообразования. Исключительное значение зерна в условиях перенаселенности страны и более высокой производительности труда в зерновом хозяйстве, нежели в ручной промышленности, делало цену риса и пшеницы доминантой всей остальной шкалы цен. Рыночная цена ремесленного изделия определялась в первую очередь стоимостью сырья (основная масса которого, как и в Европе, поступала из деревни), стоимость же затраченного ремесленниками труда играла второстепенную роль (в цене хлопчатобумажных тканей, например, она составляла 15–20% [51, с. 49]). В таких условиях вложения капитала в мануфактуру, в мастерскую и раздаточную систему становились исторически и практически бесперспективными: по сравнению с ремеслом земледелие (зерновое хозяйство) в части отдачи на вложения было в 1,5–2 и даже местами в 4 раза (в зависимости от различных почвенно-климатических зон) выгоднее. Кроме того, характерная для китайского ремесла чрезвычайная детализация деятельности цеховых корпораций (каждая из которых специализировалась либо на выполнении одного вида работ или даже операций, либо на выделке и продаже только одного, строго определенного вида или сорта изделий), представлявшая собой своего рода суррогат мануфактурного разделения труда, затрудняла становление последнего в чистом виде и ослабляла поступательное развитие городской промышленности и города вообще.

Гигантской силой, стоявшей на пути совершенствования техники и технологии, оставался демографический фактор. Избыток дешевых рабочих рук, давление силы человека на орудия и средства производства парализовали технический и социальный прогресс как альтернативу общественной стагнации. В то время как в Европе увеличение рыночного спроса и иные факторы приводили к качественным сдвигам (улучшение техники и повышение производительности труда), эти требования рынка решались в традиционном Китае за счет количественных показателей (рост оборудования старого образца и занятой рабочей силы). Отсутствие развитой мануфактурной техники не только компенсировалось, но и конституировалось высокими, доходившими до виртуозности профессиональными навыками китайского ремесленника. Общая слабость материально-технической базы китайской промышленности проявлялась и в том, что производство специфически китайских предметов потребления (шелк, фарфор) по технике значительно превосходило уровень развития горного дела, металлургии и металлообработки, т.е. отраслей, определяющих общий уровень технической вооруженности общества.

Недостаточное развитие естественных, точных наук, обусловленное традиционным пренебрежением к ним конфуцианства и иссушающим влиянием конфуцианской схоластики, отнимавшей у тогдашней интеллигенции все время и силы, дополнялось слабым внедрением в жизнь достижений научно-технической мысли. Выработанные и найденные передовые для Китая XVIII в. конструкции и технические решения зачастую оставались на бумаге. Примером может служить изобретенная еще в XI в. многоверетенная прялка, не получившая заметного распространения. Картину технической отсталости дополнял низкий уровень энерговооруженности китайского ремесла – полное господство мускульной силы человека и тягловой силы животного, редкое использование ветряных и еще меньше – водяных двигателей.

Все сказанное выше не означает, однако, что для Китая XVII–XVIII вв. (как и более ранних периодов) была характерна неразвитость, слабость товарно-денежных отношений. Наоборот, следует отметить значительную роль торгово-ростовщического капитала и связанных с ним структур и процессов, которые, будучи взяты сами по себе, во многом напоминают соответствующие европейские образцы (отличен же от европейского типа характер их связей и взаимоотношений с натуральным укладом). Количественные параметры их развития могли, казалось бы, обеспечить наступление качественных сдвигов – эпохи первоначального накопления. Более того, уже с X–XI вв. в китайском обществе имелись в какой-то мере «результаты» первоначального накопления, вполне достаточные для возникновения мануфактурного капитализма в форме уклада. Однако этого не произошло. Первоначального накопления как процесса последовательной подготовки капиталистического способа производства (который имел место на Западе) Китай не знал. Денежный капитал, намного превышавший потребности денежного обращения, и свободная (от личной зависимости и от обладания средствами производства) рабочая сила веками существовали сами по себе, не вступая в «реакцию» друг с другом.

Под воздействием отмеченных выше базисных моментов и мощного влияния надстройки купец, ростовщик, а также шэньши, чиновник, занявшиеся торгово-ростовщическими операциями как побочным занятием (явление достаточно широко распространенное), не прельщались обилием свободных и крайне дешевых рабочих рук и предпочитали вкладывать средства не в ремесленно-мануфактурное производство, а в землю (или использовать их на покупку чина), что было много надежнее, выгоднее и престижнее. Подобное вложение денег, будучи одним из наиболее показательных проявлений сращения натурального и товарно-денежного начал (см. [63, с. 25]), в то же время являлось и крайне важной «скрепой» дуалистической социально-экономической системы: развитие товарно-денежных отношений под воздействием этого фактора вело к укреплению положения натураль-

ного уклада. В конечном же счете, на высшем «этаже» социально-экономической системы рост структур и процессов, связанных с товарно-денежным началом, лимитировался самой ее двуединой сущностью. Прогресс товарно-денежного уклада возможен лишь на базе широкого распространения частной собственности. Последнее же в условиях Китая означало ослабление централизующей функции государства и появление элементов феодальной раздробленности, что вело к подрыву в стране порядка, законности и т.п., т.е. условий, абсолютно необходимых для нормального развития товарно-денежных отношений.

Двуосновность традиционной китайской социально-экономической системы обуславливала характер ее динамики: история средневекового Китая знает периоды как резкого преобладания государственного сектора (наиболее адекватного воплощения натурального начала), серьезного усиления (после «варварских» нашествий) более примитивных, натуральных форм хозяйствования и эксплуатации, так и блестящего развития ремесла и торговли. Нарушение пропорций в рамках системы в последнем случае, отягощенное, как правило, очередным демографическим кризисом (для данного уровня развития производства), ставило общество на грань катастрофы. Спасением служил возврат к прежней схеме (обычно сопровождавшийся сменой династии). Вырваться из этого заколдованного круга, вступив на путь капиталистической эволюции, товарно-денежный уклад в Китае самостоятельно, без мощного воздействия извне, не смог.

Внешним, зримым проявлением глубинного столкновения тенденций, свойственных китайскому арендно-бюрократическому варианту феодализма, была постоянная борьба государственного и частновладельческого секторов. По своей сущности она была много сложнее характерного для Европы противоборства королевской власти с феодальной раздробленностью, со своеволием баронов, поскольку представляла собой переплетение аналогичной линии с противостоянием натурального и товарно-денежного начал (в Европе развивавшегося как самостоятельный исторический процесс). К XVII–XVIII вв. в итоге многовековой борьбы, сопровождавшейся бурными катаклизмами, сложилось более или менее устойчивое соотношение между государственным и частновладельческим началами, китайская социально-экономическая система приобрела завершенность, зрелую устойчивость (что существенно сказывалось по крайней мере на первых этапах синтеза). Вопрос о дальнейшей эволюции общественно-экономического строя традиционного Китая лежит в сфере гаданий, ибо «естественная» линия саморазвития была прервана воздействием Запада. Можно только констатировать, что в Китае до «опиумных» войн повышенная внутренняя устойчивость и зарегулированность традиционного общества, пригнанность базиса и надстройки вели к затуханию стадийной поступательности, что отодвигало перспективу смены

формации. Китайское общество было не готово к ней даже в плане разложения феодализма. Этим объяснялся низкий исходный уровень всей «послеопиумной» кризисной ситуации, в частности слабость внутренних капиталистических потенций.

Традиционный Китай накануне вторжения иностранного капитала находился во второй фазе феодальной формации (развитой или зрелый феодализм) и в третью (поздний феодализм), т.е. переходную к капиталистической формации, точнее к ее первой фазе (раннекапиталистической), так и не вступил. Китайский феодализм первой половины XIX в. был далек от стадии загнивания, умирания³ и отрицания его со стороны местного капитализма спонтанного происхождения. Подобное состояние старой формации предопределило повышенную сопротивляемость, устойчивость и активность традиционного начала в последующем процессе общественного синтеза.

Землевладение

Корни средневековой системы земельных правоотношений и землевладения Китая нового времени лежат в глубокой древности. Изначальной формой земельной собственности являлось монопольное право царя (*ван*) на все земли своего царства. Верховная собственность правителей царств была в течение ряда столетий (с XI по VII в. до н.э.) единственной в Китае формой собственности на землю. После реформ Шан Яна (IV в. до н.э.) была разрешена купля-продажа земли, стало расти частное владение землей. Тем не менее принцип верховной собственности государя на землю никто не отменял. Более того, делались попытки вернуться к изначальному порядку. Возврат к монополии верховной собственности состоялся с установлением наделной системы (конец III – конец VIII в. н.э.). Государству удалось закрепить свою монополию на все земли, а частично и на крестьян, приписанных к деревням и дворам. Центральная власть реализовала свое извечное право верховной собственности на землю, до этого находившееся в «спящем состоянии». Это была победа государственной собственности над частным владением. Победила тенденция к установлению монопольной собственности всего господствующего класса в форме общегосударственной собственности. Император считался верховным носителем права земельной собственности.

Так называемая реформа Ян Яня 780 г. положила конец наделной системе. Прекратились ежегодные переделы земли, была разрешена ее купля-продажа, а размеры землевладения не ограничивались. Верховная собственность снова перешла в «спящее» состояние, так и не будучи официально отменена. Особая роль традиции в средневековом Китае все время поддерживала эту изначальную правовую норму. На протяжении всего средневековья сохраняет силу представление об императоре как о верховном собственнике всей земли в Китае. В этот

период разновидностью верховной собственности, ее «частным случаем» выступала государственная собственность на казенные земли (*гуаньтянь, гуаньди*). Поскольку земля оставалась верховной собственностью государства, все «сидевшие» на ней «частные» пользователи считались ее держателями и как таковые платили поземельный налог, именуемый «арендной платой» (*цзу*). Именно так он именовался с конца VI до середины XVII в. В равной мере и маньчжурский богдохан с 1644 г. выступал верховным собственником земли в Китае. Согласно древней традиции, считалось, что в Поднебесной не могло быть иной земли, кроме принадлежавшей государю. Этот принцип был включен в законодательство Цинской империи. Деспотия и верховная собственность Сына Неба на землю выступали двумя сторонами одной медали. Право императора на всю землю в Китае реально осуществлялось и в начале XX в.

В зависимости от специфики той или иной исторической эпохи верховная собственность находилась либо в развернутом, либо в свернутом состоянии. В первом случае она выступала в качестве основы экономической политики деспотии. Так было в эпоху Чжоу, Лего и Чжаньго (до реформ Шан Яна), в столетия существования наделной системы, в период кооперирования, народных коммун и семейного подряда. В промежутках между этими тремя периодами верховная собственность находилась в «спящем» состоянии. Тогда на первый план выходил суверенитет государя над территорией. Этот двуликий Янус поворачивался к стране то «лицом собственности», то «лицом суверенитета». В первом случае в этой дихотомии приглушался статус императора как монарха, а во втором – как монопольного собственника. Наступал очередной исторический поворот, и компоненты этого нерасчленимого единства менялись местами. Тем самым верховная собственность на землю, в отличие от частной, не являлась лишь экономическим и юридическим явлением. В ней оказались органически слиты два начала. Первым выступало право монарха как единственного носителя суверенитета над всей территорией страны. Вторым служило его право монопольного собственника на все земли в государстве – как пахотные, так и необрабатываемые. В итоге сложился единый комплекс политического, экономического и юридического начал. Феномен «власть-собственность» возник в Китае как сплав политического господства царя (*ван*) и его монопольного права на все земли. Тем самым это верховное право на землю как имущество оказалось неотделимо от суверенитета монарха над всей подвластной ему территорией. Синтез этих двух компонентов сложился изначально и в силу господства традиции сохранялся до XX столетия. В итоге и в средневековом Китае суверен оставался верховным собственником земли. В этом плане Китай не являлся исключением – так было в мусульманском праве, в том числе в Делийском султанате в Индии.

Верховное право происходило из сочетания в самой природе китайской деспотии и власти, и собственности. Монополия на землю отражала амальгаму «власть-собственность», где политический и экономический компоненты дихотомии взаимно питали и укрепляли друг друга. Тем самым исключительное право деспотии на земельную собственность органически соединялось с суверенитетом императора над всей территорией государства. В праве верховной собственности функция единственного носителя суверенитета над всей территорией страны в Китае могла получить и в какой-то мере получила на деле определенную экономическую реализацию. Суверенитет в той или иной степени выступает как иносказательное выражение титула земельной собственности. Тем не менее в разные периоды китайской истории этот феномен то находился в активном состоянии, то был погружен в «спячку». В первом случае на первый план выступало экономическое, а во втором – политическое начало. Нерасчлененность этого нормативного блока подтверждается и формулировками, положенными в основание этого верховного права.

Верховная собственность родилась как единоличная, т.е. принадлежащая одному лицу – монарху («земля вана»). По мере возникновения, формирования и разрастания блока аристократии, сановников и регулярной бюрократии сложился «верховный класс», или «класс-государство». Последний и стал фактическим хозяином этой земельной собственности во главе с Сыном Неба – императором (*хуанди*). В итоге верховная собственность из личной (*ван*, *хуанди*) превращалась в коллективную собственность «верховного класса» – отправителя функций и носителя идеи азиатской деспотии. Люди этого «класса-государства» (императорская родня, сановники и бюрократия) стали монопольными носителями идеи земельной собственности. Верховная собственность стала коллективной собственностью всего «класса-государства» в целом и каждого его отдельного члена на время пребывания сановника или чиновника в рядах имперской номенклатуры. Каждый отдельный бюрократ выступал временным совладельцем этой общей собственности в период его действительной службы и обладания рангом вплоть до своей отставки. На смену ему приходил новый совладелец, а бюрократия выступала коллективным собственником всей земли. Таким образом, верховная собственность не была частной, ибо принадлежала государству и являлась коллективным достоянием целого господствующего класса.

С появлением и ростом частного землевладения (*миньтянь*) верховная собственность китайской деспотии обрела и свою вторую – суженную форму чисто казенной собственности (*гуаньтянь*). При всем этом деспотия в лице своего «класса-государства» не только сохранила монополию на право земельного собственника в масштабах всей страны, но и не позволила «частным» классам (помещики, крестьянство) выйти за отведенные им системой рамки владения.

Признавая условным и ограниченным частное владение землей, в первую очередь пахотной, государство в Китае сохраняло за собой извечное право собственности на все ископаемые богатства, находящиеся под пахотным слоем. В любом случае «частнику» (помещику, крестьянину, купцу) необходимо было разрешение властей на разработку рудного, угольного или иного месторождения, обнаруженного на его «частной земле». Верховное право государства на все ископаемые богатства, как обнаруженные, так и еще не найденные, проистекало из права верховной земельной собственности. Монопольная собственность «класса-государства» на землю служила экономической базой китайской деспотии. Выступая в качестве единственного земельного собственника, «верховный класс» китайской деспотии в разные эпохи оставлял (или предоставлял, или допускал) «частным» классам (помещики, крестьяне) лишь «кусочки» этого монопольного права. В одни эпохи им оставлялось либо право владения, либо право держания земли. Так, с XI по IV в. до н.э. и с IV по VIII в. н.э. государство передавало (уступало) крестьянам статус держания (пользования). С IV в. до н.э. по IV в. н.э. и с VIII по середину XX в. деспотия даровала им «титул» владения. Наряду с крестьянами те же правомочия до середины нашего столетия имели от «верховного класса» и крупные землевладельцы (помещики).

Право в Китае являлось возведенной в закон волей господствующего класса, т.е. «класса-государства», или «верховного класса». В сфере имущественного права и юридической традиции сей «класс-гегемон» изначально утвердил свое исключительное право на титул земельного собственника. Именно этой монополией верховного начала на обладание правом собственника исключалось частное право собственности на землю. Отсюда проистекало низведение частных имущественных прав в этой сфере всего лишь до уровня владения, т.е. только до одного из слагаемых из целого комплекса имущественных прав, составляющих институт собственности как таковой. Тем самым произошло «поглощение» государством права собственности на землю. Это стало одним из действенных способов полного подчинения социума самой деспотии, когда и помещики, и крестьяне оказались всего лишь ее «рабами». Для них был допустим лишь статус владения, но отнюдь не собственности. Титул последней оставался неотъемлемой монополией «верховного класса». При господстве верховной собственности никто из «частников» – тех же помещиков, крестьян и купцов – уже не мог быть собственником. Более того, все они со своими поместьями, усадьбами, наделами, участками и домами находились на его земле-собственности. Следовательно, эти субъекты права в лучшем случае могли выступать либо наследственными владельцами, либо наследственными держателями земли. Обладатели таких наследственных прав на землю могли ее продать, подарить, сдать в залог и аренду, поделить ее между своими детьми или внука-

ми. Благодаря этому комплексу имущественных правомочий и создавалась иллюзия частной собственности, возникшая у ряда европейских авторов в XIX–XX вв. Между тем в Китае указанный спектр имущественных прав и действий осуществлялся не на базе индивидуальной собственности, а на основе коллективного владения.

Частная собственность изначально предполагает целостность объекта права, т.е. нерасчлененность имущества на куски, слои и сегменты. Речь идет о невозможности для иных лиц обладать имущественными правами на реальную или воображаемую (предполагаемую) часть этого целого. Если это все же имеет место, то перед нами не частная собственность, а совместное владение. Между тем одной из особенностей имущественной практики традиционного Китая был раздел земельных прав на два «слоя» – верхний (почва) и нижний (подпочва). Данный принцип издавна укоренился в правосознании китайцев. При этом главным источником правомочий считался грунт, а культурный слой – вторичным. Именно глубинная подпочва на всей территории Срединной империи мыслилась как собственность Сына Неба, как принадлежность казны, как имущество государства. Тем самым право частного владения ограничивалось верхним, т.е. плодородным слоем земли, а под ним лежал грунт – собственность казны. Частное владение в Китае изначально ограничивалось почвой, а верховная собственность как бы «опускалась» в грунт. В итоге происходило как бы раздвоение и разграничение имущественных прав на землю между «частником» и государством. В такой конструкции обрабатываемое поле лежало на чужом «фундаменте» или, в известном смысле слова, на «уснувшем вулкане» верховной собственности.

К числу наиболее специфических черт земельной практики в традиционном Китае относилось и частое раздвоение права частного владения на один и тот же участок. Одно лицо могло владеть верхним слоем, т.е. плодородной поверхностью (*тяньмянь*), а другое – нижним, т.е. подпочвой (*тяньди*). Хозяин подпочвы обычно имел больше имущественных прав. Именно он вносился в земельный реестр (*юй-линьцэ*) и отвечал за уплату налога. Право же на верхний слой скорее приближалось к наследственному пользованию землей. Его обладатель либо имел владельческие права «второго порядка», либо выступал условным держателем участка, например на правах «вечной аренды». Полное право владения возникало из соединения обеих форм в одном лице. «Ниже» права владельца подпочвы лежала сфера верховной собственности на землю. Таким образом, создавалась «трехслойная иерархия» имущественных прав. Причем самым «глубинным» горизонтом распоряжения обладал «верховный класс», или «класс-государство». В итоге под двумя «этажами» частновладельческих прав лежали имущественные притязания китайской деспотии. Если для европейцев понятие «высший», «главный» ассоциируется с вершиной правовой иерархии, а «низший» – с ее основанием, то в

земельной правовой практике традиционного Китая все выглядело наоборот. Чем весомее были права данного субъекта, тем глубже они уходили под землю в прямом смысле слова. Если ее верхний – пахотный – слой чаще всего имел титул держания или условного владения, то нижний слой – подпочва – нес в себе право основного, т.е. титульного владения. Третий – самый глубинный слой оставался верховной собственностью императора.

Индивидуальное, т.е. личное, владение есть исходный уровень для продвижения имущественных прав субъекта в сторону частной собственности. И наоборот, для последней требовалась правомочная личность, индивидуальный обладатель всей полноты имущественных прав. Между тем в традиционном Китае правоспособность индивида была ограничена его же коллективом, растворена в нем и подчинена ему. В традиционной земельной – правовой и имущественной – практике личность не принималась в расчет. Индивид не являлся субъектом права и землевладельцем. Таковым всегда выступал коллектив (нуклеарная семья, «большая семья»), а также корпорация (патронимия). В этом проявлялась суть китайской цивилизации. В отличие от западноевропейской, она была не личностной, а коллективной. Традиционный Китай строился на принципах всеобщей коллективности, когда нуклеарная семья была поглощена «большой семьей», последняя – патронимией, а та, в свою очередь, – государством. Считалось, что весь Китай – одна семья, а император – глава этой семьи.

Культ коллектива и коллективных отношений – имущественных и властных – начинался в Китае с нуклеарной семьи. Последняя, по сути, являлась «маленькой деспотией» и основой «большой деспотии», т.е. государства. Именно в лоне семьи начиналось ограничение индивида и прав личности, в том числе распоряжения имуществом. Из безгласности личности вытекало отсутствие ее правомочий. В семье все, даже ее глава, в конечном счете оставались «рабами» этой «маленькой деспотии». Ее «всевластный» глава мог лишь поддерживать и воспроизводить верховенство всего коллектива над его членами и над самим собой. Глава семьи лишь выглядел владельцем семейной земли. На самом же деле он был настолько ограничен правами и традицией коллективного владения, что на его долю оставалось лишь их соблюдение и выполнение охранительной функции. Его личное право имущественного распоряжения было растворено в приоритете «общесемейного права». В своих действиях глава семьи должен был неукоснительно следовать строгим правилам и традициям. Тем самым сковывался отцовский произвол, и в той же мере подавлялось любое личностное начало. Ни о каком майорате и речи не шло. В этом смысле глава нуклеарной семьи оставался «рабом» коллективных норм имущественного права. Выгляда со стороны чуть ли не «хозяином» всего и вся, глава семьи оставался, по сути, ее приказчиком, надсмотрщиком и управляющим коллективного владения. Его право

управления вытекало из гегемонии общего начала над частным, личным. Ниже семейного владения имущественные права в традиционном Китае не опускались, ибо отдельная личность не могла быть субъектом земельных правомочий – владения, наследования и распоряжения. Индивидуум практически не мог выступать в роли владельца. Земли как личного имущества практически не существовало – вся она оставалась коллективным владением данной семьи.

Над коллективным правом нуклеарной семьи стояли имущественные права более высоких корпораций. Так, если у главы такой семьи не было сыновей, землю наследовал кто-то из мужчин «большой семьи» или данной патронимии. Тем самым укреплялась «схваченность» низового коллектива общностью более высокого порядка. В любом случае коллективный принцип землевладения оставался незыблемым. В рамках «большой семьи» дети и внуки не имели отдельного имущества. Их попытка выделиться и вести самостоятельное хозяйство квалифицировалась как преступление. При всем том «большая семья» была неизмеримо корпоративней, менее склонной к личностному индивидуальному началу, нежели нуклеарная семья. Наличие «больших семей» не было всеобщим явлением. Там, где их не существовало, над нуклеарной семьей непосредственно находился «горизонт» патронимии.

Патронимия, или клан (*цзунцзу*), как особая корпорация накладывала на свои звенья, т.е. нуклеарные или «большие» семьи, дополнительные коллективные правила, ограничения при решении имущественных дел по поводу земли, вследствие чего личность, индивид еще меньше принимались в расчет и еще более «поглощались» коллективом. Таким образом, и самый низовой вид владения (семейный), и самый высокий (клановый) базировались не на индивидуальной, а на коллективной основе. В итоге в традиционном Китае как верховная собственность, так и лежащие ниже ее все виды владения строились на безличностном (коллективном, корпоративном, групповом, совместном) обладании. Тем самым индивидуальному личному владению не осталось места в данной иерархии, или системе. В итоге индивид не мог вырваться из «дружеских» объятий «родного» коллектива, стать в полной мере «частником» и выступать полноправной личностью и самостоятельным субъектом имущественного права.

Над этой иерархией владельческих прав возвышалось право верховной собственности, а вся конструкция в целом служила отражением общественной дихотомии «китайская деспотия – поработанный социум». В итоге под прессом деспотии сложилась единственная полноценная собственность «класса-государства». Только он один обрел основные признаки собственника, т.е. единство прав владения, распоряжения и пользования. Ниже лежали три «горизонта» владения. Так возникла «пятиэтажная» иерархия правомочий по поводу земли: «верховная собственность – владение патронимии – владение „боль-

шой семьи“ – владение нуклеарной семьи – индивидуальное держание земли». Там, где «большая семья» отсутствовала, существовали только два «горизонта» владения – клан и обычная семья. Таким образом, в традиционном Китае сложилась многоступенчатая иерархия земельных прав, распространявшихся на один и тот же пахотный участок. Ниже трех (или двух) последних «уровней» владения находился «горизонт» личного держания, т.е. временного и условного пользования. Индивид в этой системе оказался отстраненным и от собственности, и от владения землей. Личность как субъект имущественных отношений проявляется в этой иерархии правомочий лишь на уровне феодальной аренды.

Весьма показательным в этой иерархии является полное господство коллективных (в том числе корпоративных и групповых) прав над индивидуальным началом. Такое господство вполне закономерно, ибо в китайском обществе именно коллективное начало составляло основу деспотии. Принцип коллективности органически и прочно пронизывал все «горизонты» земельных владений. Более того, «самый коллективный горизонт», т.е. государство с его верховной собственностью, признавался универсальным началом, пронизывающим весь социум сверху вниз. В понимании традиционного китайца родные места – деревня и округа воспринимались как «сельское государство» (*сянго*), т.е. «местное», или «малое, государство». Тем самым как бы признавалось, что основанием земельных владений семей и патрионимией служит верховная собственность на землю. В этой иерархии по сути нет независимого владения, ибо права каждого нижестоящего коллектива перекрываются правомочиями вышестоящего. Нет среди них и неотъемлемых владений, ибо все они в конечном счете покоятся на правомочиях верховной земельной собственности. Согласно китайским юридическим нормам, чем ниже и глубже от пахотного слоя залегают права их носителя, тем больше у него правомочий на верхний слой. Обычная иерархия таких прав выглядела следующим образом: почва – в держании, подпочва – во владении, сам грунт – в собственности. Поскольку все пахотные участки покоятся на самом нижнем уровне, принадлежащем к верховной собственности императора, то Сын Неба или казна вправе отобрать у держателя и владельца их участок почвы. Кроме того, все коллективные формы владения так и не обрели титула собственности, ибо они оказались лишенными полноты прав собственности, в первую очередь свободного распоряжения землей. В этих условиях не смогло сложиться и личное частное владение индивида, а сам он оказался поглощенным своим коллективом (корпорацией) всего лишь с правом участия в общем владении.

Вместе с тем и «горизонт» собственности, и три «горизонта» владения составляли в сумме целостную систему, ибо собственность невозможна без владения, а последнее, в свою очередь, без первой. В этой сбалансированной многоярусной структуре все ее составляю-

щие были объединены в «общем блоке», т.е. «схвачены» пересекающимися правомочиями и притязаниями. При такого рода нерасчлененности имущественных прав на землю они оставались «рассыпанными» по всем «этажам», что служило одной из основ китайской деспотии. Вследствие этого в традиционном Китае наблюдалась парадоксальная ситуация – собственность не была частной, а частное владение – «собственным». Ни собственность, ни владение не являлись индивидуальными. Более того, все «горизонты» ниже верхнего несли в себе явные признаки правовой неполноценности и ущербности. На всех этих «горизонтах» отсутствовала свобода распоряжения, наследования и пользования, без чего невозможен титул частной собственности. Средневековые ограничения кланового и семейного уровней лишали институт коллективного владения возможности трансформироваться в личное владение. А данная ситуация, в свою очередь, мешала становлению индивида как субъекта земельных правоотношений.

Сам институт владения нес в себе черты ущербности, поскольку традиционная система наследования характеризовалась отсутствием майората. На определенном этапе раздел земли между сыновьями или внуками умершего производился поровну, не только по ее количеству, но и по качеству. Столь резкое дробление единого владения вело к уменьшению размеров участков и чересполосице, ибо эти «отрезки» оказывались лежащими далеко друг от друга. Росло число владельцев, но исчезал единый земельный клин как имущественная величина. Некогда компактное владение через несколько поколений смены владельцев превращалось во множество лежащих вразброс мелких полосок неодинаковой величины и плодородия. Столь крайняя дробность консервировала ущербность частного начала в системе земельных прав. Такого рода «распыление» объекта имущественных прав мешало переходу от владения к собственности.

«Частная» земля не могла обрести четкого юридического статуса владения из-за множественности претендующих на нее субъектов права. Она являлась объектом их пересекающихся правомочий. Это вело к отделению владения от распоряжения и пользования, к обратимости имущественных сделок, к их незавершенности и условности, к ограниченности распоряжения всех субъектов притязания. Весь этот клубок взаимного ущемления имущественных прав существовал на уровне коллективных (групповых, корпоративных) интересов при фактическом игнорировании индивида как субъекта права. В этих условиях – при сохранении такой иерархии прав на один и тот же земельный участок – последний не мог обрести титул частной, т.е. индивидуальной, собственности. Вместо нее сложилось владение, т.е. неполное и условное обладание землей – всего лишь одно из правомочий собственника. По мере дальнейшего ослабления и сокращения юридических и имущественных прав обладание землей становит-

ся временным и более условным. При такой ущербности правовой статус субъекта опускается ниже уровня владения, т.е. на горизонт держания (пользования). Речь идет о различных видах привилегированных аренд («вечная», бессрочная и долгосрочная), обычной аренды (краткосрочной) и субаренды.

Так, одной из главных помех к возникновению частной собственности оказался целый комплекс взаимно пересекавшихся имущественных прав и претензий различных субъектов права (обычного и кодифицированного) на одну и ту же землю. В рамках перечисленных выше корпораций и коллективов частные личные имущественные права их членов оказались урезанными в пользу самой общности как института и субъекта права. Индивид более всего был ограничен в праве распоряжения, без чего не может быть никакой собственности. В итоге права членов этих коллективов не смогли обрести всю полноту правомочий собственника. Не имея возможности подняться до этого уровня, права «частника» оказались на «горизонте» владения, ниже которого стояли лишь права держания. В итоге в Китае так и не сложилось личное владение – исходный пункт для движения в направлении к частной собственности. Более того, титул владения, т.е. ограниченного обладания землей, сам по себе предполагал наличие перекрещивающихся имущественных прав другого лица или иных субъектов права – кодифицированного и обычного.

Как известно, частная собственность – это прежде всего индивидуальная собственность, а частный собственник – индивидуум, самостоятельная личность. Частная собственность возникает там, где личность находится в благоприятных социальных, правовых, экономических и иных условиях. В традиционном Китае такой обстановки не сложилось. Здесь индивид оказался поглощенным своим коллективом и выступал только как подданный всемогущего государства, как «раб» китайской деспотии. В этом «безличном» социуме отсутствовали свобода и неприкосновенность личности, признание ее юридическим лицом де-факто в землевладении, правовые гарантии безопасности индивида. Более того, вся средневековая система – в лице государства, патронимии, «большой» и нуклеарной семьи – была настроена именно против индивида и его возможных имущественных притязаний. Против проявления личностных владельческих правомочий оказались ориентированы и обычное право, и общественное мнение. Сами понятия «частное» (*сы*), «частник» (*сыжэнь*) – в отличие от понятий «общественный» (*гун*) и «казенный» (*гуань*) – носили отрицательный и предосудительный оттенок. «Частное» в традиционном Китае было синонимом личной корысти, антиобщественных поползновений, эгоистических целей и шкурнических устремлений. С ним связывали дух стяжательства, моральную нечистоплотность, низменность сознания, духовную измену обществу, деградацию конфуцианской этики. Индивидуальные имущественные права по отношению к земле отсут-

ствовали на «горизонтах» как собственности, так и владения. Появляются они лишь в самом низу «иерархии», т.е. на уровне держания. Именно отсутствие индивидуальной собственности и индивидуального владения наиболее полно характеризует китайскую иерархию имущественных прав на землю. В итоге в традиционном Китае так и не сложилось частное, т.е. индивидуальное владение землей как исходный рубеж для возникновения частной земельной собственности. «Коллективные» землевладельцы не могли вступить в этот «подготовительный» этап и приблизиться к «порогу» частной собственности. Если в Западной Европе возобладала единая в своем статусе частная собственность как универсальное начало, то в Китае ситуация оказалась иной. Здесь сложилась многоярусная иерархия различных имущественных правомочий по поводу земли.

Все три компонента, составляющие частную собственность (право владения, право распоряжения и право пользования), в Западной Европе оказались собранными воедино — на одном «горизонте» и в одних руках. В китайской же иерархии прав эти три слагаемых остались рассыпанными по трем-четырем «горизонтам», в руках различных лиц и «под колпаком» тех или иных коллективов. Более того, вся китайская традиционная система земельных правоотношений основывалась на принципе последовательного расщепления единого права собственности. Его монопольный носитель делегировал отдельные компоненты этого права (владение, пользование) вниз — «частным» классам, т.е. помещикам и крестьянам. В результате этого в традиционном Китае отсутствовало не только право частной собственности на землю, но и само юридическое представление о таком праве. При купле-продаже земли из одних рук в другие перемещалось всего лишь право владения, а не собственности. При других операциях отдельно переходило и право пользования (держания). Таким образом, купля-продажа земли в Китае не являлась свидетельством существования частной собственности.

Причины, не позволившие вырваться за рамки коллективного владения и перейти к частной, т.е. индивидуальной собственности, видимо, следует искать в глубокой древности. На формирование земельных правоотношений в средневековом Китае решающее воздействие оказала специфика его древней истории. Прежде всего, это рано возникшее мощное государство в форме азиатской деспотии при слабости и запоздалости формирования «частных» классов. Государство в Китае выступало не только как управленческий аппарат, но и как самая мощная социальная сила — «класс-государство». Эта специфика «верховного класса» породила и сам феномен «власть-собственность», и его верховную собственность на все земли. Такого рода монополизация права собственности низвела земельное имущество «частных» классов (помещики и крестьянство) на уровень владения. Благодаря этому укреплялось господство общего, коллективного начала над ча-

стным и индивидуальным. Верховная собственность возникла раньше «частного», т.е. коллективного владения землей. В итоге государственная собственность изначально оказалась сильнее «частного» владения. Раньше других сложившаяся верховная собственность на все земли в Китае не позволила подняться до уровня собственности остальным видам имущественных прав. Речь идет о владении патронимий, «больших» и нуклеарных семей. При господстве верховной собственности на землю все остальные, т.е. помещики и крестьяне, оказались неполноправными субъектами имущественного права. Их статус (владельцы) был намного ниже титула монопольного собственника, прочно захваченного «классом-государством». Тем самым «верховный класс» и государство как «высшее начало» обесценили сумму имущественных прав, оставленных этим «рабам» китайской деспотии. На этой суженной правовой базе «владельческий социум» органически вписывался в систему азиатского деспотизма и воспроизводил ее. Следствием этого стали слабость личного начала, правовая незащищенность индивида и господство корпоративного начала. В силу этих исторических особенностей в Китае возобладали коллективные формы земельных правомочий.

Для превращения коллективного владения в частную, т.е. индивидуальную собственность необходимо было два условия – победа закона над произволом и приоритет личности над корпорацией. Без правовой системы, обеспечивающей функционирование института частной собственности, последняя возникнуть не могла. В отличие от Западной Европы традиционный Китай не знал таких факторов становления частной собственности, как личностная христианская цивилизация, античное наследие с восприятием человека как высшей ценности и рецепции (усвоения) римского права с его гарантиями имущественных прав личности. Вместо всего этого традиционный Китай культивировал нечто совершенно противоположное. Вместо безличностного верховенства закона в стране господствовала личная воля – власть имущих. Последняя была иерархизирована сверху вниз – от Сына Неба до самого мелкого чиновника из уездного ямэня. Такая система создала простор для произвола на всех уровнях власти. А там, где она кончалась, вместо главенства юридических норм чаще всего все решало «право сильного». В китайской глубинке сила всегда была выше права. В этих условиях нарушение владельческих прав слабых стало обычным явлением. Крестьянские земли захватывались как представителями «класса-государства», так и «частными» феодалами-помещиками (*даху, туба, фуху*).

Принцип верховной собственности государства на все земли в стране во многом изначально предполагал неограниченное право китайской деспотии на ее вторжение в область земельных прав подданных. Перед лицом могущественного государства юридические права на владение землей не давали ее хозяину гарантий безопасности его

имущества. Речь идет о вытекающем из института верховной собственности неограниченном праве государства на владения своих подданных, о вытекающем отсюда произволе бюрократии, об отсутствии законодательных гарантий земельного владения. При отсутствии защитной правовой системы и юридических гарантий владения имуществом, при господстве силы над правом коллективное владение не могло перерасти в частную собственность – неприкосновенное личное имущество, подвластное лишь закону. В традиционном Китае все это заменялось всевластием восточной деспотии и произволом ее функционеров. В такой «безличностной» системе частная, т.е. индивидуальная собственность просто была не нужна как лишний и чужеродный компонент.

Для возникновения, укрепления и развития частной собственности наиболее подходящим оказался линейный поступательный тип плавной эволюции. Таковым был западноевропейский вариант развития, без могучих социальных катаклизмов и вторжения кочевников. Между тем китайский тип оказался совершенно иным – циклическим, прерывистым (дискретным) и экстремальным. Происходила смена циклов с обязательной в конце каждого из них фазой катастрофы, а в начале следующего – фазой хозяйственной разрухи. Страна сотрясалась гигантскими крестьянскими войнами, периодическими вторжениями кочевников и завоеваниями Китая «северными варварами». В горниле этих гигантских катаклизмов гибли миллионы и десятки миллионов «коллективных землевладельцев» (как помещиков, так и крестьян). При этом сами права владения периодически просто сметались с лица земли. Очередной «цикл» восстановления владельческих прав начинался во многом «с чистого листа» – как бы заново. При этом вся «энергия» юридического и имущественного «механизма» уходила на восстановление разрушенного, т.е. старого, а не на дальнейшее развитие в направлении – к новому... Если западноевропейский личностный феодализм породил в своей основе индивидуальную, полную, независимую и неотъемлемую частную собственность, то коллективистский феодализм в Китае создал лишь иерархию группового, корпоративного владения с характеристиками явно противоположными, нежели в Западной Европе.

В условиях азиатской деспотии в Китае не состоялось саморазвитие полноценного частного, т.е. индивидуального владения. Не состоялся и переход от стадии владения к стадии полной собственности. Под последней понимается соединение в руках одного субъекта всех имущественных прерогатив, а именно исключительных (т.е. неограниченных) прав владения, пользования и распоряжения. В атмосфере «поголовного рабства», при отсутствии реальных гарантий частного владения и личности не смогла сложиться частная собственность как юридический и экономический институт. Ее отсутствие позволяло «классу-государству» держать рынок в подавленном состоянии, не

давая ему развернуться в саморазвивающуюся саморегулирующуюся систему и формационнообразующее начало. Отсутствие частной собственности поддерживало всю систему беззакония азиатской деспотии, когда правил не закон, а чиновник. Китайская деспотия оказалась несовместимой с частной земельной собственностью своих подданных. Последние остались ее «рабами» и превратиться в собственников не смогли. Их уделом оказалось пребывание на уровне или владельца, или держателя земли. Титул монопольного собственника сохранился за самой деспотией.

Надстройка, социальная сфера

В отличие от Запада частное феодальное землевладение не было ведущим началом средневекового Китая. Государство там, как уже отмечалось, представляло собой в известном смысле самостоятельную экономическую величину. Оно имело свой собственный гигантский хозяйственный сектор, включавший почти половину всего крестьянства, и в этом плане было силой в высшей степени самостоятельной по отношению к классу землевладельцев-феодалов и к обществу вообще, причем силой весьма организованной (централизация власти, иерархия бюрократии, цельная система госаппарата) в отличие от частнофеодальной среды. Господствуя над своим экономическим сектором и над второй половиной крестьянства, землевладельцы-помещики в целом были крайне слабо организованы, распылены даже на местном низовом уровне, не говоря уже об отсутствии у них каких-либо представительных учреждений. Частное землевладение выступало постоянным конкурентом казенного сектора и долгое время было объектом его ударов в ходе периодических династийно-демографических циклов и порождавшихся ими социальных катаклизмов. Таким образом, конфуцианское государство отнюдь не являлось помещичьим органом, «комитетом по управлению делами» крупных землевладельцев. Для традиционного государства Китая на первом плане стояли интересы казны, фиска, бюрократии, а нужды помещичьей среды государственная власть отстаивала, лишь поскольку выражала «общенациональные» интересы и венчала бинарную систему арендно-бюрократического феодализма, куда частный сектор входил как второй компонент.

Имея «свой» экономический сектор и «свои» доходы помимо обложения частных феодалов, государство в традиционном Китае мало зависело от помещичьего класса. Император никогда не был «первым помещиком» Китая, а тем более «первым среди равных» – помещики не были его «родным» классом, в массе своей прежде всего оставаясь подданными азиатской деспотии. Императорская власть, выступая высшим священным наднациональным началом (император – «Сын Неба»), являлась антиподом частного начала во всех его проявлениях (как буржуазного, так и феодального). Частично «представляя» и за-

щищая интересы феодалов-помещиков, особенно в периоды крестьянских восстаний, управляя этой средой «частных» рентополучателей через бюрократию, государство дистанцировалось от «эгоистических» устремлений «частника» (особенно буржуа), что соответствовало господствующему конфуцианскому мировоззрению и тысячелетней традиции китайской политической мысли. Данная традиция сыграла огромную роль в переходном обществе Китая, когда встала дилемма: приоритет либо частнобуржуазного, либо административно-командного начала в экономике.

Структурообразующим началом надстройки служил институт азиатской деспотии – императорская власть, опирающаяся на разветвленный и унитарный бюрократический аппарат. Мощь бюрократической деспотии в значительной мере создавалась органической слитностью воедино всех категорий власти – гражданской и военной, административной и судебной, законодательной и исполнительной, светской и духовной.

Такого рода абсолютной и нерасчлененной властью обладали все функционеры, поставленные во главе территориально-административных единиц; принцип универсального деспотизма пронизывал все уровни государственного контроля сверху донизу – от императора до начальника уезда. Такая чиновничья система обладала особой силой, служа своего рода скрепой бинарной структуры арендно-бюрократического феодализма.

Для традиционного Китая был характерен приоритет гражданской власти (и «штатских» шэньши – *вэньшэнь*) над военными чиновниками (и «военными» шэньши – *ушэнь*), подчиненность последних и весьма низкий статус офицеров-нешэньши. Армейская служба по традиции считалась даже отчасти «низким» занятием, поэтому «военные» шэньши стремились переходить на повышение на штатские должности или сочетать их с военными. Поскольку военная служба не была специализирована, обособлена от чиновной, являясь второстепенной сферой последней, военные и штатские функции зачастую были нераздельны (для данной должности или лица) при частичном слиянии бюрократического и военного аппарата (военные чиновники получали гражданские должности, и наоборот, штатские назначались на военные посты). В традиционном Китае армия оставалась простым, причем в мирное время третьестепенным инструментом власти, крайне слабо или почти не обособляясь от управленческого аппарата. Военские части выполняли в основном охранные, полицейские и карательные функции, ибо традиционная система не знала собственно полиции как таковой. Поэтому солдат наравне со служителями ямэней (*яи*) и низовыми назначенцами в системе баоцзя (*дибао*, *дицзя*) был близок по своему социальному статусу к лицам «низших профессий». Как низовой материал общегосударственного механизма солдаты использовались в качестве рабочей силы (в казенных мастерских, в военно-

земледельческих поселениях, при транспортировке казенных грузов), как престижный элемент власти (в кортеже чиновника, на охране и уборке ямэня), т.е. были чем-то средним между сторожем, работником, полицейским и прислугой.

В количественном отношении управленческий государственный аппарат подавлял армию своей массой. Он превышал ее в 4 раза. Армии как единого организма не существовало, вместо нее был конгломерат разношерстных контингентов («восьмизнаменные», «зеленознаменные»⁴, монгольская конница, части *юнбин*⁵ и т.д.). Все они делились по источникам финансирования на части центрального, провинциального и местного подчинения.

Бинарность экономической системы обусловила своеобразие социальной структуры: сочетание сословной стратификации («знаменные», четыре традиционных сословия: *ши* – «ученых», *нун* – земледельцев, *гун* – ремесленников и *шан* – торговцев, представители «низших», «подлых профессий») с отсутствием замкнутости сословий, социальная мобильность, личная свобода подавляющего большинства непосредственных производителей, отсутствие сословных ограничений на землевладение.

Следует отметить также «коллективистский» принцип социальной структуры традиционного общества Китая. Оно дробилось на бесчисленное множество семейно-родственных и корпоративных образований (семья, род, землячество, цех, гильдия, тайное общество). Эта спонтанно возникшая система дополнялась насаждаемой восточной деспотией нуклеарностью (система *баоцзя*). Государство мыслилось как единая огромная «семья-коллектив», которая может иметь дело только с себе подобными социальными организмами (семья, клан, городская корпорация), но не с отдельной личностью. Иными словами, традиционное общество строилось на органическом сочетании низовой, или «малой», корпоративности (семья, род, цех и т.д.) и высшей, «всеобщей» коллективности (Поднебесная, государство) по принципу последовательного вертикального подчинения, основой которого была связь «первичная ячейка – верховная власть». В целом оно характеризовалось слабостью горизонтальных связей (по классу, сословию, социальной страте, прослойке и т.д.) при господстве вертикальных связей (первичная ячейка – казна) с целым рядом ступеней последовательного соподчинения. Поглощенность каждого китайца «своей» микрообщностью, ячеистость общества вели к неразвитости, дробности классов, сословий, социальных групп перед лицом всемогущего государства восточной деспотии, когда император как глава всеобщего «коллектива» отчуждал на себя часть личностного начала каждого подданного. Сословная общность, классовое единство уступали по значимости родственно-корпоративным связям, как бы размывались ими.

Соответственно, в Цинской империи, в противоположность Европе XVIII в., где успешно развивалась «личностная» цивилизация на базе

укрепления роли свободной инициативы, прочно сохранялась атмосфера придавленности личности как таковой, индивидуальности, человеческого «я». Вне «коллектива» человек ничего не значил. В противовес европейскому индивиду конфуцианский Китай культивировал «корпоративного» человека. Последний всегда находился в системе многоступенчатой подчиненности. Если личность выбивалась из системы «коллективизма», традиционное общество либо подавляло, либо снова «поглощало» такого «выродка» (примером может служить обычный произвол по отношению к частному предпринимателю, нарушившему отведенные ему традицией рамки). Индивид воспринимался, воспитывался и существовал лишь как элемент социальной структуры, построенной на сочетании институциональных (семья, род, корпорация) и неформальных общностей (групповщина, патронаж).

Ведущей заботой человека был не успех, а «сохранение лица» в глазах того же «коллектива», т.е. мораль ставилась выше преуспеяния, этическое – выше прагматического. Традиционная конфуцианская мораль основывалась на боязни «позора», т.е. осуждения той или иной общностью, сковывавшей личность и в этом плане. Даже в деловых кругах традиционного Китая отмеченные выше принципы оставались ведущими в сочетании с непотизмом и корпоративным началом (ведение дела на базе клановых или земляческих связей и круговой поруки). Последнее дополнялось неукоснительным соблюдением конфуцианского принципа *сяо* («сыновней почтительности к старшим»), что вело к автократичности руководства, жесткой субординации, субъективизму в управлении и принятии решений.

Таким образом, дихотомии Запада «личность–общество» Китай противопоставлял систему «коллектив–государство», для которой были характерны многовековые традиции азиатского деспотизма и забитости, безынициативности традиционного, «корпоративного» человека. Поглощенность личности корпорацией, а затем первичной и всякой иной ячейкой общностью высшего порядка (государство) вела к подмене понятия «общество» идеей «государства», когда первое практически не имело никакого смысла. Из этого, в свою очередь, вытекали приоритет государственного начала (в том числе казенного сектора экономики) над частным, в том числе в хозяйственной политике, интересов казны – над сферой частной деятельности; превосходство чиновной карьеры над всеми другими поприщами, общественного престижа – над богатством, конфуцианской учености (открывавшей дорогу к бюрократической карьере) – над земельным и иным владением, *шэньши* – над помещиком-*нешэньши* (из сословия *нун*), захудалого *сюэя*⁶ – над капиталистом-предпринимателем.

Данная система приоритетов, освященная конфуцианской идеологией, имела свое продолжение в мировоззренческой сфере. Исходными моментами в ней был приоритет конфуцианских норм над любыми

другими принципами, этики и морали – над практикой и экономикой, гуманитарных знаний – над естественными науками, духа – над силой, конфуцианской нравственности – над выгодой, слова – над делом, духовного – над материальным, созерцания и мышления – над действием, постулата – над опытом, внутреннего духовного мира человека – над окружающим. Возведение принципа преклонения перед древностью в ранг высшей добродетели, придание ему оттенка святости создавало приоритет традиции над современностью, прошлого над настоящим, идеи неподвижности или внутреннего самоусовершенствования над развитием.

Столь же своеобразно формировалось и китайское традиционное мышление. Для него был характерен приоритет конкретики над абстракцией, частных над универсалиями, гармонии над конфликтностью. Причинность понималась лишь как отклик подобного на подобное, вероятность – как фатальное, время – как ассоциация событий. Незаработанность или отсутствие понятия «развитие», «поступательность» объяснялось нелинейным (в том числе циклическим или даже иллюзорным) и полихронным восприятием времени в отличие от линейного и монокронного европейского. Отсюда представление о непознаваемости будущего, фатализм, интуитивность решений.

Все это, в свою очередь, воздействовало на институциональную сферу, в частности на соотношение специфически китайского и общечеловеческого начал в надстройке.

В Китае, в течение тысячелетий не имевшем серьезных контактов с развитыми цивилизациями, не могла выработаться традиция усвоения чужих достижений (особенно в общественно-политическом плане) и сложилась традиция представлений о безусловном экономическом, политическом, идеологическом, культурном превосходстве всего китайского.

В отличие от европейского китайское общество XVII–XVIII вв. не имело за своими плечами таких идеологических взломов феодального мировоззрения, какими были эпохи Возрождения и Просвещения. В области идеологии сохранялись застой и перепев конфуцианской классики и средневековых комментариев к ней. Вплоть до середины XIX в. китайское общество в условиях изоляции от внешнего мира мало что знало о странах Запада и в целом не испытывало потребности в такого рода знаниях и не могло бы их воспринимать, как и христианство, распространявшееся с XVII в. западными миссионерами.

Ярким примером этого послужила бесплодность первой попытки научно-культурного синтеза, предпринятой еще в конце периода Мин крупным сановником и прогрессивным ученым Сюй Гуанци (1562–1633), который стремился привнести в Китай естественные и технические знания Европы, сочетая их с канонами конфуцианства, и на данной базе преобразовать некоторые стороны жизни традиционного общества. Он учился у миссионеров, принял христианство, издал око-

ло ста переводов европейских книг. Однако с его смертью все эти начинания пошли прахом. Более чем на двести лет практика синтеза традиционного и современного исчезла из общественной жизни Китая.

Сочетание воздействия описанной выше шкалы приоритетов с повышенной зарегулированностью и устойчивостью традиционной общественно-политической системы приводило к восприятию ее «традиционной» личностью как явления вечного и совершенного, при абсолютной универсальности и неоспоримости ее духовных ценностей и устоев. Даже во второй половине XIX в. считалось, что «китайская наука совершенна, в ней говорится обо всем... И нам не нужно заимствовать западные одеяния. Европейские обычаи, учения, формы правления – все это, несомненно, невежество дикарей. Они и во сне не могут увидеть такого совершенства науки и морали [, как в Китае]» (цит. по [188, с. 443]).

Веками проверенная способность китайской общественно-экономической системы к выживанию, к регенерации, несмотря на все потрясения, довлела над умами китайских мыслителей нового и новейшего времени. Исторический опыт страны подсказывал им иллюзорную возможность найти решение острейших проблем, возникших в связи с трансформирующим воздействием Запада, в рамках той же системы – как это успешно делалось (но в других исторических условиях!) в течение многих столетий.

Глава 2

СТУПЕНИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Принцип периодизации

Как всякое переходное явление синтез в Китае представлял собой не только результат, но и непрерывный процесс развития.

Наиболее активной силой и главным «архитектором» этого процесса являлись общеисторическое развитие и мирохозяйственные отношения, вызвавшие и ускорявшие трансформацию китайского общества.

Зарождение и развитие синтеза в Цинской империи непосредственно связано с ее насильственным «открытием», положившим начало переходу китайского общества от «закрытого» («доопиумного») к «открытому» для воздействия извне состоянию.

Китайский социум втягивался в мирохозяйственные связи и общемировое развитие постепенно, через преодоление внутреннего сопротивления (антисинтез) и через полосу ударов извне по системе изоляционизма, становясь менее «закрытой» общностью. Военные пораже-

ния в столкновениях с Западом (1841, 1858, 1860, 1884, 1894, 1900 гг.) послужили начальным импульсом и резкими ускорителями синтеза. В ходе военной, экономической и политической экспансии капиталистических держав складывалась целая система средств насильственного вовлечения ранее «закрытого» китайского общества в общемировую структуру «Запад–Восток» – система так называемых капитуляций (неравноправные договоры, низкие ввозные тарифы, иностранный таможенный контроль, права экстерриториальности, импорт капитала, финансовая зависимость, внешние займы, контрибуции, раздел страны на «сферы влияния», железнодорожные концессии и т.д.).

Практически все навязанные Китаю «гарантии» против возврата к изоляционизму были вместе с тем орудием ускорения синтеза. Таким образом, рост мирохозяйственных связей и частичной интернационализации экономики Китая обуславливал развитие синтеза (при поэтапности включения страны в мировой рынок).

Особая роль внешнего фактора в процессе синтеза и модернизации Китая определялась и «пятью монополиями» империализма в Азии (монополия на доставку современной техники, на капиталистический кредит, на технические знания и опыт, на современные виды транспорта и связи, контроль за внешней торговлей Китая).

Война и иные виды насилия капиталистических держав над Китаем явились «повивальной бабкой» синтеза, ибо без определенной разрушительной работы, без слома определенных институтов и структур синтез европейского и китайского был невозможен (в этом русле лежит и гибель архаики). Полоса «разрушения» – неизбежная начальная стадия синтеза. До середины 90-х годов XIX в. прочно преобладала разрушительная, затем – с началом ввоза капитала – на первый план выдвинулась конструктивная сторона влияния Запада. В последующем соотношение деструкции и созидания оставалось важной стороной синтеза на его разных стадиях.

Столь важная роль воздействия внешнего фактора, казалось бы, дает основание положить его динамику в основу периодизации истории синтеза в Китае. Однако ее членение по такому принципу (например, по смене форм внешней экспансии) далеко не во всем адекватно социально-политическому развитию китайского общества. Скажем, раздел Китая на «сферы влияния» начался при Цинах и продолжался при господстве бэйянских милитаристов (1913–1925), т.е. охватывал периоды явно различного состояния Китая; в схеме, построенной на указанной основе, Синьхайская революция 1911–1913 гг. не была бы этапным событием.

Кроме того, при таком подходе практически невозможно подобрать критерий для дробного поэтапного деления. Так, однозначные по сути ключевые моменты силового давления Запада на Цинскую империю (последовательные поражения последней в ряде войн) имели для трансформации китайского общества отнюдь не одинаковое значе-

ние¹. То же самое можно сказать и о смене форм экономической экспансии².

Наконец, и это главное, ведущая роль внешнего фактора стала менее четко сказываться³, когда процесс синтеза принял комплексный характер, охватив хозяйственную, институциональную и мировоззренческую сферы, важнейшим показателем чего стала в 1912 г. трансформация надстройки. С Синьхайской революции начинается история уже сформировавшегося синтезированного общества, когда завершился переход от формационно зрелой и законченной системы к незрелому и незавершенному социальному образованию (гипосистема) на базе синтеза. С этого времени все дальнейшие процессы в известной мере были не чем иным, как изменением количественных и качественных характеристик этой гипосистемы.

Для новой и новейшей истории Китая синтез «традиционного» и «современного» – явление универсальное (он протекал и при Цинах, и при бэйянском режиме, и во время господства гоминьдана). Трансформация в русле синтеза проходила различные стадии, принимала разнообразные формы, протекала на разных уровнях и при специфических целевых установках надстройки. С каждой очередной победой революции (1911–1913, 1916, 1925–1927 гг.) обстановка синтеза не исчезала, происходил лишь подъем на его новую ступень. Совершенствование синтезированной гипосистемы было единственно возможным, хотя и в известном смысле наихудшим вариантом модернизации китайского общества. Этот максимально болезненный и затяжной процесс сопровождался как периодами ускорения темпов синтеза и улучшения его характеристик, так и, наоборот, этапами «западания» восходящей линии развития (милитаристские войны 20-х годов, период японской агрессии 1937–1945 гг.). В ходе всего этого процесса роль разного рода внутренних факторов трансформации (возникших и развившихся под воздействием внешнего влияния) в целом последовательно возрастала. Однако попытка положить динамику любого из них в основу периодизации синтеза также сталкивается с непреодолимыми трудностями.

Несмотря на всю важность трансформации базиса, периодизация процесса синтеза на чисто экономической почве не может быть универсальной. Попытки наметить этапы восхождения синтезированной системы через вехи экономической истории приводят к подмене «всекитайской» периодизации хронологией развития отдельных сфер народного хозяйства. Это происходит, если развитие синтеза градуируется по шкале экономических подъемов и кризисов, по стадиям становления новых классов (скажем, буржуазии), по смене форм организации современной промышленности, по чередованию доктрин в экономической политике государства. Даже комбинированные варианты, например, двух последних принципов не дают должного результата⁴.

В Китае нового времени синтез в сфере экономики не стал всеобщим импульсом аналогичной трансформации на других горизонтах общества. Он подготовлял почву для многих изменений, но уже в силу своей привнесенности извне не всегда детерминировал их. Так, постепенное синтезирование базиса не было абсолютной подготовкой республики, парламента, демократических традиций, освобождения личности и всего общества от традиций восточного деспотизма, «азиатчины» и прочего груза традиционности. Не менее активно в этом направлении влиял и другой импульс – внешний фактор, поставщик новых политических институтов, моделей и концепций (как правило, трансформировавшихся на китайской почве в русле синтеза).

Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начали, круг замкнулся. Вывод из всего сказанного может быть только один – ни одно из слагаемых синтеза не составляло его стержня, динамика процесса трансформации определялась равнодействующей целого ряда разнонаправленных факторов-векторов (положительные и отрицательные моменты внешнего воздействия; сопротивление традиционности; разнородность внутренних сил модернизации, многие из которых, будучи связанными с определенным уровнем синтеза, на следующем этапе становились уже тормозом прогресса).

Подобный вывод лишний раз подтверждает, что мы имеем дело с феноменом намного более сложным, нежели непосредственное последовательное вытеснение старого новым. Соответственно, и периодизация истории синтеза может строиться только с учетом динамики всего комплекса связанных с ним явлений.

Доинтегральная фаза

В течение первых трех столетий (начало XVI – начало XIX в.) сравнительно регулярного общения Европы и Китая эти связи не оказали на Срединную империю сколько-нибудь серьезного воздействия. Не последнюю роль в данном плане играла изоляционистская политика пекинских правителей. Торговля (основной тогда вид экономических взаимоотношений) охватывала ничтожную долю ВВП Китая (намного меньше 1%) (см. [252, с. 291–317; 275, с. 2]). К тому же она была поставлена под жесткий правительственный контроль, чем существенно снижалась степень ее влияния на китайское общество. Успехи миссионеров были весьма умеренными. Главное же состояло в том, что «экспорт» наиболее совершенного и законченного вида товарно-денежных отношений (капиталистических), объективно проводившийся Западом в разнообразных формах, не накладывался на соответствующие процессы естественного саморазвития китайского общества и, понятно, не мог их стимулировать.

Лишь контрабандная торговля опиумом в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., которая привела к выкачке из Китая серебра

(бывшего основой денежного обращения), явственно, но в сугубо негативном, разрушительном плане сказала на положении в Цинской империи, став одним из факторов, обусловивших социально-экономический кризис середины XIX в. (см. [111, с. 122–133; 188, с. 47, 48, 53, 114]).

Элементы синтеза стали складываться в недрах традиционной системы с 40-х годов XIX в. Данный процесс продолжался почти 70 лет (до 1911 г.).

Тайпинская стадия

Практически начало синтезу в Китае положило его «открытие» в результате «опиумных» войн. Лишь суровая необходимость противостоять нависшей над страной внешней угрозе породила первые ростки синтеза, использовавшиеся в чисто оборонительных целях, вследствие чего на первом этапе синтеза сознательная, целенаправленная деятельность полностью преобладала над спонтанностью. Пионером в этом деле в 1839–1840 гг. выступил крупный сановник, наместник Лянгуана (провинции Гуандун и Гуанси) Линь Цзэсюй (1785–1850). Главное средство усиления и обновления Цинской империи он видел в усвоении западной техники и знаний для укрепления китайской армии и флота. Отстаивая необходимость покончить с политикой внешней изоляции страны и наладить активную торговлю с Европой, Линь Цзэсюй начал практическое изучение положения дел на Западе и модернизацию обороны Китая по образцу «западных варваров»: организовал закупку европейских пушек и боеприпасов, строительство фортов и подготовку книг о странах Запада. Во всем остальном, по его мысли, Китай должен был оставаться в своем неизменном традиционном состоянии (см. [188, с. 47–48, 53, 67–68, 114–115]). Подобный подход ярко отражал «младенческую» стадию синтеза, когда обоснованные и дальновидные предложения новаторского характера сочетались с традиционной ограниченностью мышления и с поразительным невежеством во всем, что касалось Запада.

После смещения Линь Цзэсюя с поста наместника начатое им дело пытался продолжить командующий войсками «зеленого знамени» в Гуандуне Пань Шичэн. По его инициативе и на предоставленные им средства с помощью одного французского офицера строились военные корабли, создавались пушки и мины западного образца. Правительство и местная реакционная бюрократия, напуганные появлением первых ростков новой военной промышленности, заставили Пань Шичэна передать свое «дело» в казну, покончив тем самым с «опасным» экспериментом (см. [188, с. 114]).

Начиная с 50-х годов XIX в., когда к внешней опасности прибавилось резкое обострение в Китае социальных и национальных противоречий, практика синтеза стала более активным и распространенным

средством решения политических задач. Если столкновение с капиталистическим миром открыло дорогу синтезу в русле официальной деятельности, то Крестьянская война тайпинов (1850–1864) сделала его одним из средств антиправительственной борьбы.

Синтез китайского и западного явственно проявился в идеологии тайпинов. Первое было представлено сочетанием конфуцианской морали (прежде всего, принцип «сыновней почтительности» – *сяо*) и древних социальных утопий (*тайпин дао* – полумистическое учение о «пути великого равенства» и *датун* – концепция идеального общества «всеобщего единства»), а также начал, идущих от традиционных тайных обществ и религиозных сект (мистицизм, аскетизм, жесткая дисциплина); второе – христианской религией протестантского толка. Хун Сюцюань и другие вожди тайпинов способны были воспринять и включить в систему «своего» синтеза лишь то, что наиболее соответствовало отсталым формам бытия и сознания китайского крестьянства середины XIX в., т.е. религию.

При этом ортодоксальный протестантизм был существенно китаизирован и тайпинизирован (т.е. сам стал объектом синтезирования) за счет видоизменения обрядов, иного толкования природы Христа, дополнения библейских и евангельских рассказов о чудесах чисто тайпинскими элементами агиографии. Ветхий и Новый заветы были дополнены «третьей частью» Библии – Последним заветом.

Таким образом, своеобразно понятое и по-своему толкуемое повстанцами протестантство европейских миссионеров было орудием борьбы против национального (маньчжурского) и социального гнета (чрезмерная налоговая и иная эксплуатация крестьянства), т.е. инструментом для достижения определенных политических целей, в основном старокитайского толка. Кроме того, сам «религиозный» синтез у тайпинских вождей не стал сочетанием, основанным на восприятии европейской религии нового буржуазного общества. Напротив, христианство Хун Сюцюаня взяло из европейского первоисточника лишь его средневековый пласт – религиозный фанатизм, непримиримость, примитивизм, косность мышления. В ходе тайпинизации из этого учения были выброшены проповедь смирения, долготерпения и всепрощения, вместо них провозглашалось беспощадное истребление врагов.

В тайпинском варианте христианство сочеталось с традиционным китаецентризмом и великоханьской доктриной, рассматривающими Среднюю империю центром вселенной, а прочие страны лишь «варварской» периферией Китая. Верховенство Китая над остальным миром обосновывалось уже не «мандатом Неба», как в ортодоксальном конфуцианстве, а «божественным» происхождением Хун Сюцюаня, который, как «сын Божий», «младший брат Иисуса Христа» и представитель христианского Бога на земле, объявлялся «истинным повелителем» не только Китая, но и всех других стран и народов. Его

четырем помощникам – ванам, титулованным по четырем сторонам света, – надлежало править всем миром. Тайпинский синтез привел к соединению традиционного отношения к европейцам как «варварам» с христианским подходом к ним как «братьям во Христе». В итоге тайпины стали называть европейцев «братья-варвары».

Язык христианства, его догматы, обряды и нормы сочетались у тайпинов не только с великоханьскими претензиями, но и с традиционными титулами, рангами, тщательной регламентацией церемоний и иными конфуцианскими аксессуарами, экзаменами на «ученые степени» и т.д. Все это порождало причудливый синтез во всех сферах государственной надстройки Тайпин тяньго.

Своеобразная программа модернизации Китая с целью превратить его в могущественную державу, разработанная в 1859 г. тогдашним главным министром Тайпинского государства Хун Жэньганем, представляет собой другой, гипотетический, вариант тайпинского синтеза, инструментального по типу. В своем проекте реформ Хун Жэньгань отстаивал идею умеренного сближения Китая с великими державами (доброжелательное отношение, активная торговля, внедрение иностранного опыта, получение информации). В ткань традиционного общества он рассчитывал пересадить целый ряд «технических» элементов и институциональных начал капиталистического Запада: частные банки, железные дороги, пароходства, страховое дело, издание газет, машинную технику. Тайпинский реформатор ратовал за поощрение изобретательства, выдачу патентов, модернизацию почты, улучшение дорог, за допуск (в определенных пределах) развития отечественного предпринимательства, частных горнорудных, торговых компаний и банков.

Все эти нововведения, по мысли Хун Жэньганя, должны были сочетаться с традиционной общественной системой, значительно оздоровленной по «идеальным» рецептам китайской древней политической мысли. Предполагалось всемерное укрепление государственной власти, запрещение любых политических организаций (как реакция на общественный строй Запада), обеспечение «единения» императора с народом при помощи беспрепятственной подачи жалоб трону, укрепление низовых традиционных институтов (сельские старосты, деревенская милиция), организация контроля над обывателями, тотальной слежки и сбора информации о настроении населения. Нормализация деятельности обычного для императорского Китая госаппарата мыслилась за счет очищения его от «скверны» – фаворитизма, коррупции, продажи должностей и чинов. В духе старины должна была быть улучшена и экзаменационная система для получения «ученых степеней» (см. [47, с. 66–81, 237–241]).

Таким образом, главная цель реформаторского синтеза Хун Жэньганя состояла в укреплении традиционного как за счет восстановления «здорового» духа древности, так и привнесения в основном инстру-

ментальных вкраплений современного, что и должно было возродить Китай и сделать его могущественной державой.

Элементы синтеза были присущи и некоторым другим повстанческим движениям на «тайпинской периферии».

Так, своеобразный синтез трех начал (традиционности в ее минском варианте, тайпинского и западного) проявился в восстании «Союза малых мечей» 1853–1855 гг. в Шанхае, основавшем там «Великое Минское небесное государство великого благоденствия» («Да Мин Тайпин тяньго»). Идея реставрации династии Мин⁵ сочеталась у «малых мечей» со стремлением слиться с тайпинским движением, принесение жертв в традиционных храмах – с интересом к христианству и уважением к западным миссионерам, верность национальным традициям – с отказом от китаецентризма, гордость за все китайское – с дружелюбием к иностранцам, традиционное мышление – с большим интересом к Западу. Подобное «смещение» проявлялось и в сочетании минского и западного в одежде и т.д. (подробнее см. [75, с. 38–103]). Все это создало своеобразный синтез, отличный от тайпинского; сказалось специфическое положение Шанхая – центра морской торговли и непосредственных разнообразных контактов с Западом.

Этап «самоусиления»

В отличие от тайпинского проекта, оставшегося на бумаге, разработанная почти одновременно с ним цинская правительственная программа модернизации на базе синтеза обрела реальность в политике и практике «самоусиления» (*цзыцян*) и «усвоения заморских дел» (*янью*) (1862–1894). Поражение в «опиумных» войнах, угроза со стороны тайпинов и других народных движений, явное превосходство военной техники Запада побудили цинские правящие круги встать на путь заимствований.

Пришлось установить с державами дипломатические отношения современного типа (постоянные представительства, договоры, обмен нотами и т.п.), для чего было специально создано новое внешнеполитическое ведомство (Цзунли ямэнь). Главный упор был сделан на частичную перестройку вооруженных сил и их перевооружение. Были основаны казенные и казенно-частные арсеналы, заводы, шахты, верфи, произведена далеко не всеобъемлющая модернизация средств транспорта и связи (пароходство, телеграф). Все это потребовало создания специальных школ, организации перевода соответствующей литературы (см. [111, с. 210–215, 222–224, 232–236]).

Плоды синтеза – казенные предприятия, оснащенные современной техникой и обслуживавшиеся наемной рабочей силой, но почти не продававшие своей продукции на свободном рынке, а также казенно-частные компании типа *гуаньду шанбань*⁶ – в целом составили основу

госсектора азиатской деспотии – казалось бы, противоестественного социально-экономического явления, т.е. синтеза распределительных отношений и фабричного производства (см. [105, с. 174–192; 116, с. 60–75]). Для теоретиков и практиков «самоусиления» основой всего оставались традиционные устои, примат китайского, моральное и иное превосходство конфуцианского начала над всем «варварским». В «возрождаемом» Китае, по их убеждению, должны были строго разделяться и не смешиваться две сферы: широчайшая и охраняемая сверху традиционная среда и узкая подсобная зона заимствования у Запада, чье «разлагающее» влияние нивелировалось и компенсировалось бы укреплением старого (восстановление прежней роли сельских старост, упорядочение экзаменационной системы, контроль над умами, литературная инквизиция). Идейной базой синтеза «самоусиления» было не принятие «варварского» начала (капитализма), а боязнь его; синтез, по мысли его инициаторов, должен был касаться только материальной сферы, а не идей и принципов⁷.

Так, единомышленник Линь Цзэсюя, один из теоретиков *янью* Вэй Юань (1794–1856) перевел традиционное правило китайского великодержавия «использовать одних варваров против других» в сферу синтеза – «изучать технические достижения варваров, чтобы использовать их против самих же варваров» (см. [111, с. 208]).

Таким образом, синтез «самоусиления» имел строго ограниченный, избирательный и контролируемый традиционной надстройкой характер.

Основным средством «увеличения могущества государства» считалась подготовка сильных европеизированных армии и флота на основе собственного производства оружия, позволяющего не зависеть от его закупок за рубежом⁸. В итоге синтез *янью* в основе своей выступал как милитаристское начало, хотя собственно военное дело было еще по-традиционному подчинено гражданской администрации. Ли Хунчжан, Цзэн Гоцюань, Чжан Чжидун и прочие столпы «самоусиления» в конечном счете оставались скорее чиновниками-конфуцианцами, нежели военачальниками, а их окружение – традиционно шэньшиским и гражданским. Модернизированные в ходе «самоусиления» войска и особенно «новый» флот представляли собой уродливый синтез европейского вооружения и частично западной выучки со старой китайской военной организацией. Армия оснащалась современными орудиями и винтовками, а экзамены на офицерский чин до 1901 г. по традиции заключались в стрельбе из лука, поднятии тяжестей и верховой езде. Общественное положение военных, особенно солдат, было по-средневековому низким. Даже офицеры, особенно морские, находились вне привилегированного круга шэньши и чиновников.

Весьма сходное положение сложилось в сфере международных сношений Китая. Приняв европейскую дипломатическую практику и создав новое внешнеполитическое ведомство (Цзунли ямэнь), пекинские политики сохранили старый подход к внешнеполитическим свя-

зиям. Западные страны по-прежнему считались «дикими», «варварскими». За счет разного рода ухищрений протокольного порядка всячески подчеркивалось их положение «государств-данников» (*фаньго*). Да и сам Цзунли ямэнь стал не столько министерством иностранных дел, сколько традиционным советом высших сановников – «клубом» маньчжурских князей и аристократов.

В целом политика поверхностной модернизации мыслилась ее проводниками как синтез вещей, а не идей и принципов. В конфуцианскую систему, по их мысли, должны быть инкорпорированы отдельные достижения западной цивилизации – заводы, современное вооружение, пароходы, технические знания и т.п. в их «чистом виде», т.е. без породивших их капиталистических производственных отношений, буржуазной идеологии и всего прочего, несовместимого с традиционной системой. Экономическая доктрина янью базировалась на ограничении частного предпринимательства, жестком контроле над ним со стороны бюрократии и известной «монополизации» капитализма казной, т.е. азиатской деспотией. Практически традиционное государство, с одной стороны, претендовало на роль «общекитайского» капиталиста, а с другой – стремилось инкорпорировать машинное производство в систему восточного деспотизма, использовать капиталистические формы хозяйства в своих чисто феодальных целях, «обезвредив» и сделав их служебным компонентом традиционной системы. При этом второй момент полностью доминировал над первым.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что антибуржуазная надстройка 60–90-х годов XIX в. в плане развития капиталистической промышленности делала то, на что национальный частный капитал еще не был способен. «Самоусиление» казны – этот по-азиатски отсталый эксперимент – было синтезом традиционных распределительной системы и экономической политики (курс на «достижение богатства» – *цюфу*, *чжифу*) с госкапитализмом, т.е. азиатского деспотизма и современного машинного производства, феодально-бюрократического и капиталистического начал. «Самоусиление» явилось первым этапом развития синтеза азиатской феодальной бюрократии и капитала, предшественником и прототипом такого синтеза периода бэйянского милитаризма, а затем и гоминьдана. Этот ранний феодально-бюрократический сплав обновляющейся административно-командной системы и госкапитализма строился на прочном принципе всемерного сохранения старого за счет максимально возможного ограничения нового.

Низкому уровню теории и практики синтеза «самоусиления» соответствовал и слабо синтезированный людской материал – личность, уродливо соединявшая в себе европейское и китайское начала. Даже лидеры «самоусиления» были психологически плохо подготовлены к восприятию нового. Так, Цзо Цзунтан верил, что в каждой пушке живет дух, которого следует улаживать; не только рядовые чиновники, но

и бюрократическая верхушка, в том числе наместники и губернаторы провинций, долгое время были убеждены, что колеса пароходов и паровозов вращают спрятанные внутри их волю или лошади.

Наконец, политика «самоусиления», проводимая лидерами военно-помещичьих клик (Ли Хунчжан, Цзо Цзунтан, Чжан Чжидун и др.), испытывала постоянное противодействие ультраконсервативных сил. Придворная клика императрицы Цыси, маньчжурская аристократия и столичная бюрократия боялись чрезмерного усиления позиций этих китайских сановников в противовес власти маньчжурской династии.

В итоге реакционное начало – всемерное сохранение старого – подмяло под себя прогрессивную задачу модернизации, обусловив отсталый характер такого синтеза и крах политики «самоусиления» в результате поражения Цинов в войне с Японией в 1894–1895 гг. (см. [111, с. 207–267; 180, с. 145–175]).

В то же время система неравноправных договоров, опутавших Китай к тому времени, гарантировала Западу твердые позиции, что, в свою очередь, являлось залогом продолжения линии синтеза.

Период реформ

Крах политики «самоусиления» открыл дорогу кратковременной вспышке синтеза более высокого типа на стезе реформ, провозглашенных сторонниками Кан Ювэя. Реформаторы 1898 г. намеревались соединить традиционную феодально-бюрократическую основу общества с «обновленным» конфуцианством, политикой протекционизма и поощрения национального капитала, просвещением и укреплением международного положения Китая. Неподготовленность страны к такой перестройке и активное противодействие сил, представляющих традиционализм, привели к поражению реформаторов (дворцовый переворот императрицы Цыси в сентябре 1898 г.).

Если глубина общественного кризиса 1895–1898 гг. привела развитие синтеза к «забеганию» вперед, то переворот 1898 г. знаменовал собой его существенный «откат». Скатывание назад – к традиционности – приобрело характер тенденции, грозившей затормозить становление переходного общества, когда верхушечный консерватизм клики Цыси сомкнулся с массовой спонтанной волной антисинтеза – движением ихэтуаней (1898–1901), уничтожавших все, связанное с Западом. Однако под влиянием нового удара извне (интервенция восьми держав в 1900 г.) правительство было вынуждено вернуться к практике синтеза в ходе «новой политики» (1901–1911).

Ее центральными моментами были формальная европеизация государственного аппарата и линия на максимальное присвоение казной доходов от буржуазного грюндерства в обмен на показательные уступки ему со стороны режима. Провозглашенный как «подарок» буржуаз-

ным кругам правительственный курс на «поощрение промышленности и торговли» явился всего лишь довеском к традиционной экономической политике. Вместо былого удушения частника-капиталиста планировалось инкорпорировать в старую систему буржуазный уклад экономики как чисто служебный и «доходный» компонент «усиления» государства. Путем покупки средневековых титулов, чиновных рангов, званий и наград буржуазию предполагалось приобщить к цинской бюрократии, с тем чтобы новый класс был поглощен традиционной чиновно-шэньшиской элитой. Чисто декоративный синтез в институциональной сфере и ускоренная модернизация армии сочетались с обещаниями ввести конституцию и парламент. В противовес этому либерально-конституционная оппозиция шэньши и буржуазии выступала за скорейшую реорганизацию в духе реального синтеза провинциальных совещательных комитетов 1909–1911 гг.

Рассматриваемый период ознаменовался качественным сдвигом в процессе синтеза, связанным с переходом капитализма в империалистическую стадию, для которой характерен вывоз капитала. Одним из его объектов стал Китай (после Симоносекского договора, завершившего японо-китайскую войну).

Возникновение и развитие в Китае иностранного сектора экономики (созданные зарубежным капиталом промышленные, горнодобывающие, транспортные, банковские, коммунальные предприятия) знаменовали переход к новому этапу синтеза. «Пересаженные» на китайскую почву развитые капиталистические отношения, опиравшиеся на машинную индустрию, испытывая на себе серьезное воздействие традиционных социальных и экономических структур, в то же время оказывали на них намного большее, нежели внешняя торговля и полufeодальный госсектор, трансформирующее влияние и стали мощным стимулом роста местного частного предпринимательства.

В Китае на месте прежде монолитной единообразной структуры начала складываться многоукладная система: рядом с количественно преобладавшим традиционным укладом появился капиталистический, состоявший из двух подукладов – современного, машинного, и отсталого, мануфактурного, а также из двух секторов – иностранного (современный капитализм) и национального (в основном мануфактурно-раздаточный капитализм). Достаточно интенсивно проходило складывание многоликой промежуточной среды между современными и традиционными социально-экономическими образованиями. Синтез превратился в ведущее направление развития китайского общества, на первый план в нем на некоторое время вышла спонтанность. Происходило переплетение гетерогенного и стимулированного им эндогенного синтезов.

В то же время резкое усиление позиций Запада в Китае объективно подрывало позиции феодальной деспотии. Конфликт между силами, представлявшими формальный и реальный синтез, несоответствие

между достаточно интенсивно синтезировавшимся базисом и фактически несинтезированной институциональной сферой надстройки стали важными моментами общественного кризиса, приведшего к Синьхайской революции 1911–1913 гг. Кризис этот носил многоплановый характер.

Отставшая, слабо модернизированная институциональная надстройка ставила серьезнейшие преграды дальнейшему развитию синтеза в сфере базиса. Возможности его дальнейшего поступательного движения в сложившихся условиях были практически исчерпаны, что послужило основой экономического кризиса 1909–1913 гг. (подробнее см. [104, с. 202–211]).

Одновременно с 70–80-х годов XIX в. нарастали элементы «обычного» для императорского Китая династийного кризиса: госаппарат постепенно терял контроль над двумя важнейшими областями внутриполитической деятельности государства (фискальной и судебно-полицейской), переходивший в руки шэньшиско-помещичьих кругов (подробнее см. [187, с. 165–175]). Последовательно нарастал дисбаланс между двумя основными секторами традиционного общества – бюрократическо-государственным и частновладельческим.

Оба эти процесса происходили параллельно, взаимно дополняя и стимулируя друг друга. Но ведущую роль играли противоречия, связанные с развитием синтеза.

Слом старой институциональной надстройки в ходе Синьхайской революции вывел Китай на качественно новый горизонт – элементы синтеза, возникшие и «проросшие» в недрах традиционности, сложились в особое интегральное гипосистемное образование, в той или иной мере охватывавшее все китайское общество и все стороны его жизни.

Интегральная фаза

Бэйянский режим

Однако сама природа китайского варианта синтеза (господство низших форм, задержка на ранних стадиях, приоритет уживания традиционного и современного над их взаимной борьбой) снижала накал политического взрыва. Обстановка синтеза «заземлила» уровень переворота, приведшего не к кардинальной ломке старой надстройки с заменой ее новой, а к частичной санации первой методом синтеза. Иначе говоря, низкая разрешающая способность и скромные задачи в русле синтеза сделали революцию 1911–1913 гг. в какой-то мере эволюционным явлением, не могучим взломом старой системы, а лишь сдвигом (правда, существенным) в приспособлении последней к новым условиям. Уровень развития современного, в том числе капитализма, как и общий уровень синтеза, сами по себе оказались недоста-

точными для удержания наиболее передовых рубежей и завоеваний революции (нанкинское правительство, линия Сунь Ятсена, конституция, парламент), что, в свою очередь, предопределило последующую коррекцию итогов переворота под влиянием могучей инерции «азиатчины».

Реальная власть в стране перешла в руки милитаристов и их группировок⁹. Один из генералов (Юань Шикай) на некоторое время стал плебисцитарным монархом, четверо были президентами (Юань Шикай, Фэн Гочжан, Сюй Шичан, Цао Кунь), один – верховным главой государства и премьер-министром (Дуань Цижуй). Многие генералы занимали посты министров, губернаторов, крупных чиновников.

Но бэйянский режим не был военной диктатурой в привычном для нас виде. Центральное (пекинское) правительство, постоянно находившееся под контролем той или иной милитаристской клики, лишь номинально считалось общеитайским. Реальная власть на местах была в руках региональных милитаристов, по кускам растащивших цинское наследство.

Как продукт синтеза и переходное явление, бэйянский режим был сочетанием европеизации и «азиатчины», восприимчиком цинской монархии и первой в Китае республиканской властью, своего рода «монархо-республикой»¹⁰. И не столько потому, что республика проявила трогательную заботу о свергнутой династии¹¹; подобная, невозможная для Европы ситуация, когда сосуществуют рядом свергнутая династия и победившая республика, была точным показателем уровня и «качества» первой китайской республики. Близость к монархии режима в 1913–1927 гг. определялась бюрократически-авторитарным характером власти военных правителей, обладавших огромными возможностями и бесконтрольностью в зоне своего влияния. Это была не просто отсталая «реакционная» республика, а симбиоз – «монархо-республика», или синтез азиатского деспотизма и западных политических институтов. В такого рода «республиканской монархии» старый чиновничий аппарат сочетался с внешне новым, т.е. вестернизированным, правительством. Современная (республиканская) форма была подвержена всяческому насилию со стороны традиционного содержания – «азиатчины» и деспотизма.

Старый бюрократический аппарат сохранялся не только на местном уровне. Даже в среднем и высшем звене власти оставалось много традиционного: имперские кадры, количественное преобладание шэньши, принцип отбора по экзаменам, протекционизм и nepотизм, часто на основе клановых и земляческих связей, насаждение сервильного окружения, произвол, коррупция и казнокрадство. Бюрократическая система контроля над населением сохраняла «цинскую» форму, даже земельные налоги взимались на основе ставок императорского периода, были восстановлены старые трудовые повинности крестьян и к ним добавлялись новые. Бэйянский госаппарат перенял основные

свойства восточного деспотизма, сам дух традиционности и «азиатчины». Тем самым сохранялась органическая преемственность, непрерывность многовековой бюрократической традиции.

Однако влияние синтеза все же сказывалось. Частичная модернизация институциональной сферы сопровождалась определенным обновлением управленческих кадров, количественным ростом разного рода переходных типов – бюрократ-компрадор, чиновник-буржуа, политикан-коммерсант и т.д. Состав госаппарата постепенно обновлялся. Военные и иные выходцы из армии (интенданты, писари, судебские) теснили штатских, выходцы из низших сословий (главным образом офицеры и выпускники военных училищ) – «старых» шэньши, лица с современным образованием (*синьшэнь* – «новые шэньши») – обладателей традиционных ученых степеней, креатура новых милитаристов – старые шэньшиско-бюрократические круги и цинских ставленников. Бэйянская чиновная среда представляла собой причудливое сочетание всех перечисленных категорий. По новым правилам 1913 г. на экзаменах для замещения чиновных должностей требовалось не старое конфуцианское начетничество, а знание, хотя бы поверхностное, современных дисциплин и прикладные навыки управления. Быстро продвигались по службе «новые» шэньши, получившие подготовку как в самом Китае, так и за границей.

Ярким отражением синтеза в управленческой сфере был состав кабинетов министров, сменявших друг друга в Пекине с 1920 по 1928 г. Примерно половина министров имела традиционное, а другая – современное образование, полученное преимущественно за границей (главным образом в Японии и в меньшей степени в Европе и США); часто одно и то же лицо имело оба вида образования. Почти 15% министров окончили военные академии, свыше 60% жили или бывали за границей. Большинство были в прошлом цинскими чиновниками, многие при этом носили высокие «ученые» звания (*ханьлин*, *цзюй-жэнь*). Около 20% вышли из военной верхушки старого режима. Среди представителей «нового типа» бюрократии многие имели предпринимательский или финансовый опыт, юридическую подготовку и практику. Среди министров были представители и новой интеллигенции – профессора и президенты колледжей, журналисты и редакторы, а также медики. Многие были членами революционных организаций, боровшихся против Цинов (см. [296, с. 138–141]). Таким образом, для успешного занятия политикой наиболее действенным становилось сочетание современного и традиционного начал. Как правило, психология традиционалиста сочеталась с практикой модерниста. Наряду с органическим синтезом существовали разного рода мимикрии: прикрытие новой фразеологией старой привычной практики или же оправдание западных новаций цитатами из конфуцианской классики с апелляцией к традиционным нормативам мышления. Все это нашло яркое отражение в бэйянской пропаганде.

При некотором, в значительной мере внешнем сходстве¹² бэйянского режима с явлениями бонапартистского типа он, на наш взгляд, не может быть отнесен к таковым. Выше уже говорилось о фактической раздробленности страны, о сохранении в малоизмененном виде прежнего государственного аппарата (первое несвойственно бонапартизму вообще, второе – бонапартистским образованиям, возникшим в результате революции снизу). К этому следует добавить основное – бэйянский режим, выдвигая (в духе синтеза) лозунги охраны правопорядка, поддержки национального предпринимательства, на деле фактически ничего не делал для дальнейшего развития капитализма в Китае. Для милитаристов, чиновников и политиканов бэйянского периода, так же как и для сторонников модернизации в конце правления Цинов, механика синтеза служила в первую очередь подновлению старого, приспособлению его к новой обстановке, сохранению в ином виде.

В результате сохранялась прежняя незащищенность доходов и имущества купца и фабриканта от воздействия «азиатчины», прежде всего произвола местных властей. Бэйянский режим фактически унаследовал от цинского деспотизма отсутствие реальных гарантий частному предпринимателю, произвольное налогообложение буржуазии, презумпцию виновности такого «частника», игнорирование его интересов и насилие над средним и мелким буржуа со стороны местного генерала или чиновника (см. [111, с. 527–583]).

Однако в отличие от цинского периода не проводилась сознательная, целенаправленная линия на сдерживание, ограничение капиталистического развития.

В результате бэйянский период представлял собой пик спонтанности в развитии синтеза в Китае. Слабость центрального правительства, неустойчивость власти милитаристов на местах крайне затрудняли государственно-чиновничье вторжение в ход социально-экономических процессов (исключение составляли уже отмеченные чисто деструктивные фискально-грабительские поползновения, получившие широкое распространение в условиях милитаристского засилья).

В целом крушение средневековой цинской монархии дало импульс для весьма интенсивного (в условиях Китая) роста капиталистического уклада со всеми вытекающими из этого в плане синтеза последствиями.

Процесс синтеза в известном смысле перешел от гетерогенного к интегральному состоянию, в той или иной мере охватив все уровни общественного бытия – экономический, социальный, правовой, институциональный, мировоззренческий, психологический, социокультурный и т.д.

Таким образом, завершился переход от формационно «чистого» к «смешанному» обществу, от формационно зрелой и законченной системы к незрелому и незавершенному социальному образованию на

базе синтеза. Мы определяем его как гипосистему, сочетавшую незаконченность с относительным единством трансформированных базисных и институционных форм, а также форм сознания. С этого времени все дальнейшие процессы в известной мере были не чем иным, как изменением ее количественных и качественных характеристик.

Началось саморазвитие синтеза, в том или ином плане охватившего все китайское общество. Непосредственное влияние мирового империализма на китайские дела, достигающее в бэйянский период своего апогея, из импульса и своеобразного «гаранта» синтеза превратилось в крайне важный, но далеко не однозначный фактор его эволюции. С одной стороны, продолжался в расширенных масштабах «экспорт» передовых для Китая форм капитализма (включая, понятно, технику, технологию, кадры), а в идейной сфере – не только буржуазных, но и социалистических теорий. С другой стороны, империалистическое засилье отрицательно сказывалось на развитии национального капитала. Зависимое положение Китая подогревало националистические, китаецентристские настроения, стало одним из основных стимулов для выработки разного рода утопических концепций (в большинстве – реакционных) огосударствления экономики (см. [14, с. 33, 52]).

Процессом синтеза были захвачены различные социальные слои – сословие шэньши, чиновная и военная среда, помещики, политиканствующая и революционно-демократическая среда, рабочий класс и буржуазия.

Важнейшим продуктом синтеза явился и такой феномен, как китайский милитаризм – политический аналог переходного базиса и социально-экономического синтеза, выразитель как «азиатчины», так и частичной европеизации надстройки (см. [217; 296, с. 39–59, 113–166]).

В течение рассматриваемого периода сложились (или, как минимум, зародились) все основные идеологические течения новейшей истории Китая, причем центральным вопросом для них были положение Китая в мире (т.е. характер его взаимоотношений с Западом) и проблемы внутреннего синтеза (см. [74]).

В то же время фактическая раздробленность страны, разгул милитаристского произвола существеннейшим образом ограничивали возможности дальнейшего прогресса капитализма и соответственно синтезированной гипосистемы. Сложилась ситуация, в принципе аналогичная той, что бывала в кризисные периоды истории традиционного двуединого социально-экономического строя: для обеспечения устойчивости и развития сложной структуры, сочетавшей в своей основе противоречивые начала, требовалось установление реальной общегосударственной власти, способной активно воздействовать на базисную сферу. Таковы были социально-экономические причины революции 1925–1927 гг., выведшей на политическую авансцену в Китае гоминьдан.

Гоминьдан во многом выступал как прямой восприимчивый бэйянец. Был унаследован институт милитаризма (сам гоминьдан являл собой вариант всекитайского милитариста); сохранялись многие элементы раздробленности страны¹³; утвердился режим военной диктатуры.

Тем не менее гоминьдановский синтез носил более сложный характер, нежели бэйянский. Наследие прошлого – еще достаточно мощный потенциал средневековой деспотии, сильнейшие бюрократические традиции, а также трансформированная «азиатчина» бэйянцев – сочеталось с республиканизмом, демократической фразеологией, преобразовательным потенциалом революции 1925–1927 гг., намного превышавшим тот, что был порожден Синьхайской революцией (причем дух современного национально-освободительного движения переплетался с традициями этноосвободительных движений феодального типа – антимонгольского XIV в., антиманьчжурского XVII–XVIII вв., тайпинского). И в антикоммунизме гоминьдана просматривалась не столько буржуазная струя (т.е. антагонизм «капитализм–социализм»), сколько антикоммунизм добуржуазного типа (т.е. конфликт «традиционность–социализм»).

Гоминьдановский режим, социальной базой которого в принципе так и не стали традиционные землевладельцы («помещики» феодального и полуфеодального типа) и наиболее передовая для Китая буржуазия приморских городов, выступал как бы «надклассовой» политической скрепой разнородных социальных образований, составлявших синтезированное общество.

Продуктом сложного синтеза был и сам гоминьдан. В его официальной идеологии – суньятсенизме – явственно просматривается сочетание современного и традиционного начал. И учение о «трех народных принципах», и «Промышленный план» Сунь Ятсена, преследовавшие цель обеспечить ускоренное развитие Китая, носили в то же время очевидный антибуржуазный характер. Решение указанных задач мыслилось на традиционных путях «усиления государства». В «конституции пяти властей», организационно претворенной в жизнь, сочетались западная буржуазная система (разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную) и традиционные китайские принципы (введение контрольной и экзаменационной «власти», существовавших в конфуцианской государственной структуре).

Как организация гоминьдан первоначально сочетал в себе признаки как массовой партии, так и организационно мало оформленного союза типа «академии Дунлинь» начала XVII в., групп реформаторов во главе с Ван Аньши (XI в.) и Кан Ювэем (1898 г.). Реорганизация гоминьдана (1923–1924), проходившая при значительной политической и материальной помощи Коминтерна и во многом опиравшаяся

на богатейший опыт большевиков, в определенной мере конституировала его как массовую политическую партию, обладавшую всеми ее формальными атрибутами – съезды (конгрессы), ЦИК с политбюро, ЦКК, устав, деление на членов и кандидатов и т.п. В нем имелись течения и фракции «современного типа», т.е. деление на правое крыло, центр и левое крыло – «старые правые» (или «сишаньцы» во главе с Цзоу Лу), «новые правые» (Дай Цзитао, Ху Ханьминь, Чан Кайши), «правоцентристы» и «левые» (Ван Цзинвэй, Чэнь Гунбо). В то же время сказывались и полутрадиционные черты: гоминьдан, особенно его столичные звенья, представлял собой конгломерат замкнутых образований и узких котерий, сложившихся вокруг отдельных лидеров (Ху Ханьминь, Сунь Фо), различных политических клик («Си-Си» – клика Чэнь Лифу и Чэнь Гофу), групп («династия Сунов», т.е. Сун Цзывэнь – Кун Сянси), группировок («Политические науки»), организаций («Фусин шэ») и др. Гоминьдан выступал не просто промежуточным этапом развития политических организаций – от тайных обществ, руководящих центров этноосвободительных движений эпохи средневековья, движений типа «Дунлинь», поздних реформаторов – через переходные формы («партии» синьхайского и бэйянского периодов, клуб Аньфу) к партиям современного типа, он был синтезом всех предшествующих ему начал и как полутрадиционная полусовременная организация являл собой не партию, а скорее «предпартию».

Большую роль в гоминьдане играли, как отмечалось, милитаристские структуры – военные группировки и более узкие генеральские клики. Гуанчжоуское правительство имело своей опорой гуандун-гуансийскую военную группировку и внутри последней – гуансийскую милитаристскую клику, а нанкинское – чжэцзянскую группировку, а в ней соответственно более узкую «клику Вампу (Хуанпу)». Все это превращало гоминьдан в симбиоз «милитаристская клика – предпартия».

Не будучи классовым политическим учением современного типа, суньятсенизм выступал под знаменем «национализма», т.е. общеки-тайских, общенациональных задач возрождения могучего государства. В данном плане организация Сунь Ятсена – Чан Кайши была не партией одного или двух классов или коалиции классов, а организацией «всей нации» или как бы «предпартией государства». Это фундаментальное качество существенно облегчило вхождение гоминьдана в трансформированную систему китайской деспотии и срастание с последней на принципах синтеза.

Будучи в 20-х годах выразителем интересов максимально широкого спектра классовых, социальных и политических сил, военно-политическим выразителем целей национального освобождения, гоминьдан являл собой симбиоз освободительного движения и «предпартии». Тем самым на время он стал представлять общенациональ-

ные всекитайские интересы, что и обеспечило в 1927 г. его победу. Однако после захвата власти на значительной части Китая началась трансформация, в ходе которой общенациональные интересы постепенно сузились до размеров интересов собственно гоминьдановской государственности. Подобное «усыхание» революционности и прогрессивности вело к ухудшению качества гоминьдановского общественного синтеза. Происходило постепенное превращение гоминьдана из организационного выражения общенационального движения в очередной организационный и стадийный вариант трансформированного и синтезированного китайского деспотизма. Наметились тенденции к слиянию партийного аппарата с государственным и военным. Гоминьдан последовательно «терял черты политической партии и все больше превращался в своеобразную и самодовлеющую корпорацию правящей элиты, приобретая ясно различимые черты социальной организации». В результате «некоторыми существенными чертами» он начал напоминать «организацию господствующего класса в традиционном Китае» [119, ч. 3, с. 5].

Так синтез на почве революционности органически переродился в синтез весьма консервативного толка. В сплаве деспотии и «предпартии» оба компонента постепенно растворялись друг в друге и все более выступали как нечто целое. В итоге гоминьдан стал не просто верхушкой или представителем «класса-государства», а уже во многом им самим, т.е. административно-исполнительным аппаратом «азиатчины», «предпартией» восточной деспотии.

Эволюция такого рода была свойственна и для всего гоминьдановского режима. Соотношение традиционных и современных, реакционных и прогрессивных компонентов гоминьдановского синтеза не было застывшим. Так, конфуцианское начало все более теснило суньятсенизм как таковой; реакционный автократизм подминал под себя революционный демократизм, азиатское деспотическое начало поглощало прогрессивное западное¹⁴; старый и переходный бюрократический потенциал власти становился сильнее идеологических импульсов и принципов «партийного» начала и т.п. Провозглашенное Чан Кайши в 1934 г. «движение за новую жизнь» своими основными целями ставило возрождение и распространение старых конфуцианских идеалов – *ли* («соблюдение ритуала»), *и* («справедливость»), *цян* («скромность») и *чи* («стыдливость»). Главной добродетелью со ссылкой на Конфуция объявлялось подчинение младших старшим, т.е. принцип сыновней почтительности (*сяо*). Как и во времена Юань Шикая, был официально восстановлен государственный культ Конфуция. В том же ключе насаждался культ Сунь Ятсена как «отца государства» (*гофу*) с еженедельными собраниями гоминьдановцев в его честь и троекратными поклонами перед его портретом, а также культ Чан Кайши как «верховного лидера» (*цзунцай*). Причем возрождение традиционного конфуцианского морально-политического климата со-

четалось с профашистским движением «синерубашечников» (*лянъи-шэ*). Была восстановлена средневековая фискально-полицейская система круговой поруки населения (*баоцзя*); при этом ее статус был повышен – из суббюрократической структуры она была превращена в органическую часть административно-управленческого аппарата.

Таким образом, в целом силы старого в политической надстройке 1927–1948 гг. успешно задвигали новое на задний план.

Однако в то же время гоминьдановский период ознаменовался для синтеза несомненным шагом вперед. Характер синтеза усложнился и в плане характеристики государственности: к прежним явлениям восточной деспотии и абсолютизма добавились компоненты бонапартизма (не только поверхностного, но и сущностного порядка).

Ряд мероприятий гоминьдана, проведенных в основном за первые 10 лет господства (так называемый нанкинский период), содействовали дальнейшей трансформации китайского общества, стимулируя развитие национального капитала (отмена *лицзиня*¹⁵, восстановление таможенной автономии Китая и повышение таможенных тарифов на импорт, отмена неравноправных договоров, сокращение – почти в 3 раза – числа селтльментов, успешная денежная реформа 1935 г.).

Однако в целом социально-экономическая политика гоминьдана не вышла за рамки синтеза, будучи направлена не на преодоление, а на сохранение обстановки синтеза при достаточно низких параметрах последнего. Позитивная деятельность режима концентрировалась в современном секторе (финансы, промышленность, торговля, инфраструктура). Как и в других странах, сохранение средневековых отношений в деревне обуславливало не только замедление, но и деформацию (в той или иной мере) капиталистического развития (см. [78, т. 17, с. 129]). В гоминьдановском Китае основная сила и источник традиционного влияния – сельское хозяйство и ремесло – воздействию новых веяний подверглись лишь в слабой степени (насаждение явно недостаточной в масштабах Китая сети кредитных кооперативов). Не обеспечивался (охранительными пошлинами, государственными субсидиями и т.п.) благоприятный климат для роста современных социально-экономических форм. Не были даже созданы все необходимые юридическо-правовые условия для развития капитализма (в частности, в деревне не был введен подоходный налог, а в законодательном определении земельной собственности явственно проступает влияние традиционности (см. [113, с. 203])).

В гоминьдановской идеологии и практике явно проявлялся бонапартистский дух. Так, в рабочей политике (утверждение «классового мира и гармонии») привнесенное (социал-реформизм) и традиционное (позиция показной справедливости, «равноудаленности» от всех подданных, занятых в сфере промышленности, ремесла и торговли, характерная для китайской деспотии) выступали составляющими синтеза. Они переплетались настолько тесно, что расчленив их, выделить

при нынешнем состоянии изученности вопроса не представляется возможным (см. [195]). Модернизаторские акции последовательно компенсировались шагами традиционного толка. Так, ликвидацию лицензия гоминьдан «уравновесил» введением дополнительного обложения внутреннего товарооборота, а восстановление таможенной автономии Китая и повышение ввозных тарифов – установлением пошлин на китайский экспорт.

Последней ступенью в развитии феодально-капиталистического синтеза в Китае стал гоминьдановский госсектор экономики. Его становление было прямо связано с воздействием на Китай общей тенденции мирового хозяйства к развитию госкапитализма. На гоминьдановской политике в указанный период сказывалось влияние как кейнсианской (в американском варианте – например, создание Резервной банковской системы), так и нацистской (тотальность) моделей государственного регулирования экономики. Иными словами, на китайскую почву в очередной раз было пересажено (и опять в неразвитой, ущербной форме!) новейшее «достижение» мирового капитализма.

Но не имея соответствующей экономической базы, оно привилось там (как и во всех предыдущих случаях) под мощным воздействием традиционности в своеобразной, китаизированной форме – не за счет создания государством крупной промышленности, а путем поглощения партийно-государственной элитой частнокапиталистических предприятий. Тотальный контроль над промышленностью, финансами, торговлей представлял собой продолжение традиционной политики китайской деспотии. Проводя линию на огосударствление современного сектора экономики, гоминьдан подхватил эстафету, начатую деятелями «самоусиления», т.е. первыми проводниками идеи синтеза в Китае.

Традиционный подход явственно сказался на трех ключевых моментах, в конечном счете обусловивших несбыточность гоминьдановского госкапитализма: основные усилия направлялись не на развитие современного сектора, а на его подчинение гоминьдановской элите, олицетворявшей государство; дела экономики были переданы в руки некомпетентной, неповоротливой, коррумпированной бюрократии; сдвиги вновь затронули в основном только современный сектор. В традиционном секторе (т.е. в первую очередь в сельскохозяйственной сфере) гоминьдановское государство, представлявшее прежде всего интересы бюрократии, ограничилось увеличением налогов и концентрацией налоговых поступлений в своих руках.

В результате развитие китайского варианта госсектора подняло синтез в Китае на новую ступень при сохранении весьма низких его параметров. В то же время экономическая политика гоминьдана лишила капитализм в Китае его последнего крупного козыря, ибо только государство в случае проведения им политики последовательного

развития предпринимательства могло сломить инерцию синтеза и дать современному началу решающий перевес над традиционностью. Го-миньдан же был занят не столько борьбой с традиционностью, сколько монополизацией капиталистического уклада. Возникший вследствие всего этого тупиковый вариант эволюции, неспособность китайского капитализма преодолеть состояние синтеза стали одними из важнейших внутренних факторов, обусловивших победу революции 1949 г.

Глава 3

СИНТЕЗ И АНТИСИНТЕЗ

В Китае синтез представлял собой прежде всего конфликтное сожительство разнородных начал внутри дуалистической структуры «традиционное—современное», сосуществование двух логик развития (Восток—Запад), единство формационных противоположностей (феодализм—капитализм).

Каждая из составляющих указанных дихотомий стремилась преодолеть состояние переходности, конституироваться как ведущее, системообразующее начало, вследствие чего общество либо вернулось бы в прежнее, исходное состояние, либо вышло бы на новую формационную ступень. Подобную тенденцию (в обеих ее ипостасях — традиционной и современной) можно определить как антисинтез.

Воздействие антисинтеза традиционности в той или иной мере сказывается на всем протяжении периода переходности. Оно было особенно сильным и выступало в чистом виде на первых его этапах.

В Китае каждый шаг современного вперед встречал мощное сопротивление гигантского груза «азиатчины», феодальных структур, средневековых конфуцианских традиций, восточной деспотии и традиционных стереотипов поведения. В результате закономерным явлением были рецидивы возврата к «закрытому» обществу, сопротивление и контраступление старого, ибо принудительное насаждение современных форм в традиционную общественную систему, сохранившую и в XX в. достаточный запас прочности, потенциал самовоспроизводства и защитные силовые возможности, приводило не только к слиянию западного и восточного в специфических формах, но и к реакции отторжения. Толща средневековых экономических и социальных структур, форм социопсихологии, конфуцианских норм поведения, старых институтов, весь уклад быта и традиции порождали обратную синтезу тенденцию, представлявшую собой ведущее проявление антисинтеза. Такого рода защитная реакция играла роль амортизатора и компенсатора, несколько «уравновешивающих» разруши-

тельную деструктивную сторону мучительного процесса модернизации крайне консервативного конфуцианского общества. В силу этого синтезированию китайского социума было имманентно присуще периодическое обострение антагонизма между достаточно чуждыми компонентами в рамках единого целого.

В известном смысле вся эволюция Китая в новое и новейшее время представляет собой продукт взаимодействия синтеза и антисинтеза или равнодействующую между модернизацией и обратной реакцией на нее, когда весь потенциал древней китайской цивилизации, как наиболее глубокий слой традиционной системы, мобилизуется в целях самосохранения, пассивно и активно противодействуя западному «варварскому» началу.

Антисинтез в Китае был на много столетий «старше» синтеза, начавшегося практически лишь с середины XIX в. Вся «доопиумная» история Срединной империи с момента появления первых европейских кораблей у южного побережья страны в XVI в. была периодом жесткого противостояния западному «варварскому» началу, реакцией отторжения европейской цивилизации, хотя цинские власти вплоть до 20-х годов XVIII в. пользовались услугами миссионеров-иезуитов в области астрономии, картографии, математики и военного дела, в том числе литья пушек. Сильнейшее стремление к изоляционизму, в той или иной мере ставшее реальностью с периода Мин (особенно с XVI в.), развивалось как на элитном правительственном, так и на массовом низовом уровне, оформившись в антииностранный движение уже в период «опиумных» войн. Наиболее ярким проявлением раннего антисинтеза явилось «закрытие» Китая в середине XVIII в. для иностранной торговли и проникновения¹, последовавшее за изгнанием миссионеров и полосой преследования христиан, начавшегося в 1707 г. и достигшего кульминации после 1724 г.

«Антииностранные» правительственные указы XVIII в., острая ненависть конфуцианской бюрократии и шэньши к «разлагающему» влиянию «заморских варваров» в определенной мере подготовили почву для низового массового антисинтеза. Для последнего была весьма характерна связь с чисто материальными экономическими интересами трудовых слоев. Так, фактически первый акт низового антисинтеза – бойкот английской пряжи 1831 г. в Гуандуне – был ответом разоряемых прядильщиков на конкуренцию фабричных изделий. Следующими проявлениями антисинтеза стали действия *пинъинтуаней*² и антианглийский бойкот в Гуандуне в период первой «опиумной» войны и после нее (1840–1851). В дальнейшем этот процесс принимал различные формы – бойкот импортных тканей в бассейне Янцзы (70-е годы), разрушение первых фабрик (конец 60-х – начало 80-х годов), борьба против всякого рода машин – синтез ксенофобии и луддитского движения, антимиссионерские выступления 60-х годов (особенно тяньцзиньские события 1870 г.), борьба против первой же-

лезной дороги (1875–1877) и телеграфа. Наиболее мощным и всесторонним проявлением низового, стихийного антисинтеза стало движение ихэтуаней.

Другим потоком антисинтеза традиционности наряду с низовым, массовым консерватизмом трудящихся был верхушечный, «элитный» антисинтез, идущий от реакционно настроенных шэньши, чиновников и особенно придворной группировки во главе с императрицей Цыси. Подобная реакция со стороны правящих кругов Цинской империи рельефно отражала сознание того, что экономическая экспансия Запада и модернизация по европейскому образцу ведут к разложению основ феодального, традиционно конфуцианского уклада жизни.

До Симоносекского договора 1895 г. иностранцы не имели права строить свои предприятия вне договорных селтльментов и концессий, т.е. на остальной территории Цинской империи, не разрешалось также ввозить в Китай хлопкопрядильные и хлопкоткацкие машины для создания своих предприятий. Все попытки англичан и американцев обойти этот запрет, как правило, оказывались тщетными. Только с большим трудом и вопреки возражениям местных властей одной фирме удалось открыть в 1888 г. небольшую хлопкоочистительную фабрику в Шанхае со смешанным иностранным капиталом, что вызвало волну протестов среди шэньши и китайских предпринимателей. В 1894 г. китайские власти под давлением шэньши и местных торговцев пытались запретить английским фирмам ввоз хлопкопрядильных и маслобойных машин в Шанхай. Оборудование все же было доставлено в обход официального запрета, но нарушители имели при этом большие неприятности. Была запрещена для иностранцев до 1895 г. и разработка горных богатств. Смирившись с проникновением современного в крохотные анклав «открытых» портов, реакционные верхи конфуцианского общества во главе с группировкой императрицы Цыси – своего рода «партией антисинтеза» – делали все, чтобы остальной гигантский массив Китая оставался «закрытой» страной – запретной для проникновения западного, современного, для ввоза капитала и машин.

Большую роль в борьбе против современного капитализма и машин вообще играли местные шэньши, видевшие в развитии фабрик и железных дорог прежде всего разрушение традиционного уклада жизни, подрыв конфуцианских устоев китайского общества. С мнением шэньши, как правило, солидаризировались местные чиновники. Цинское правительство, наместники и губернаторы провинций в большинстве случаев молчаливо потворствовали этому движению и в ответ на запросы иностранных дипломатов и торговых консулов ссылались на то, что строительство железной дороги или фабрики «нарушает обычаи», «разрушает традиции данной местности», «нравственность людей» и вызывает тем самым волнения среди населения. Правительство хорошо знало обо всем происходящем и не препятствова-

ло мирным формам борьбы местных чиновников, помещиков и шэньши против создания иностранных фабрик и особенно горнодобывающих предприятий.

Действенным средством борьбы этих слоев против прокладки железных дорог, открытия шахт и рудников были ссылки на *фэншуй*³, служившие, как правило, основным формальным препятствием для создания иностранных горных предприятий и железных дорог. Местные власти в большинстве случаев отклоняли любое соглашение о концессии, ссылаясь на неблагоприятные в плане геомантии обстоятельства и суеверие народа. В то же время *фэншуй* никогда не препятствовал строительству предприятий или шахтным разработкам, если их вел национальный капитал.

В политической сфере пиком верхушечного антисинтеза стали разгром движения реформаторов (переворот Цыси в 1898 г.) и временный союз двора с ихэтуанями в 1900 г.

Виды сопротивления новому, конкретные проявления антисинтеза, таким образом, были весьма разнообразны. Внедрение иностранных тканей в Китай вызвало их бойкоты, создание первых фабрик – их разрушение, постройка первой железной дороги – ее демонтаж, насаждение христианства – антимиссионерское движение и т.д. Антисинтез выступал как негативная реакция и на чисто «внешнее» новое (иностраный сектор), и на «внутреннее» обновление (курс на «самоусиление», реформы Кан Ювэя, «новая политика» и т.д.).

Оба потока антисинтеза традиционности могли выступать в виде избирательного или же всеобщего отрицания. В первом случае объект удара был ограничен (только миссионеры и христиане, только ткани или железная дорога и т.п.). Во втором разрушению подвергалось все иностранное, современное или синтезированное. Основными вариантами избирательного антисинтеза являлись антимиссионерское, луддитское и антиреформаторское движения. Ярчайшим примером всеобъемлющего антисинтеза стала борьба ихэтуаней, когда в ее русле слились воедино все виды «избирательного» отрицания.

Противостояние «синтез–антисинтез» в разных своих проявлениях взяло старт в середине XIX в. в Южном и Центральном Китае и к концу столетия распространяется на север и Маньчжурию.

По мере развития синтеза противоборство старого и нового начало выступать не только непосредственно, но и в форме столкновения явлений разного уровня синтеза (более высокого и более низкого). Таковым было, например, сущностное содержание выступления реформаторов (1898 г.), стремившихся, с объективной точки зрения, поднять китайское общество на новую ступень синтеза.

С выходом синтеза в Китае на системный уровень (после Синьхайской революции) подобная, опосредованная форма борьбы синтеза и антисинтеза становится ведущей (бэйянский синтез – гоминьдановский синтез; синтез «нанкинского десятилетия» – синтез распределен-

тельной системы и элементов госкапитализма 40-х годов, начавшее развиваться после 1895 г. противостояние современных форм капитала его низшим, дофабричным видам, и т.п.).

Буржуазный антисинтез (т.е. тенденция к преодолению переходности на путях становления капиталистической формации) не получил в Китае достаточного распространения, не вылился в какое-либо определенное движение⁴ в значительной мере из-за слабости эндогенного синтеза. Абсолютно преобладала опосредованная форма его проявления – постепенное восхождение по ступеням синтеза. Развитие современных видов производства, транспорта и связи создавало для буржуазного антисинтеза объективную базу. Косвенно он проявлялся в разрозненных, локальных попытках нарождавшихся местных предпринимательских кругов несколько улучшить свое положение. Примером может служить движение «Чжун шан» («Торговле – первостепенное внимание!») с его требованием налоговых послаблений. Некоторые элементы такого антисинтеза содержались в установках и практических мероприятиях гоминьдана (отмена *лицзиня*, стремление наладить общегосударственную финансовую систему и т.п.). Лишь в идеологической сфере – в работах Ху Ши (призывавшего к всесторонней вестернизации Китая) – лозунг буржуазного антисинтеза был поставлен с достаточной определенностью.

Воздействие буржуазного антисинтеза (находившегося фактически еще в зачаточном состоянии), естественно, ни в коей мере не уравнивало влияния антисинтеза традиционности. В плане противостояния синтезу последний играл ведущую роль.

В целом вся история Китая с середины XIX в. до середины XX в. шла под знаком противоборства «синтез–антисинтез». В нескончаемом ряду такого рода дихотомий основными звеньями были противостояния: «тайпины – цинская реакция», «самоусиление – движение *цинъи*»⁵, «реформы Кан Ювэя – переворот Цыси и ихэтуани», «новая политика – маньчжурская „реконкиста“», «синьхайский „рывок“ – милитаристский „откат“», «нанкинское десятилетие» гоминьдана – наступление на частный капитал и «движение за новую жизнь». Таким образом, развитие Китая после «опиумных» войн шло «волнами»: европеизация – реакция – старое – реформы – контрреформизм – модернизация – возвратное течение – уступки в пользу современности – очередная коррекция со стороны традиционалистских сил и т.д. Первое начало формально всегда побеждало второе, а последнее фактически столь же регулярно и жестко обесценивало (или серьезно тормозило) успехи первого. В конечном счете синтез укоренился в Китае, но под сильнейшим «контролем» антисинтеза традиционности и под его мертвящим дыханием.

СФЕРЫ СИНТЕЗА. БАЗИС

Многообразие форм и явлений синтеза наиболее полно проявляется в сфере базиса. Речь в первую очередь идет о двух его основных типах – эндо- и гетерогенном, их соотношении и взаимодействии.

Представляется, что в странах «вторичного» капитализма уже начавшийся процесс эндогенного синтеза под влиянием импульса извне резко ускорился и несколько видоизменился (потеряв «чистоту» и последовательность естественного саморазвития, свойственные варианту «первичного» капитализма), но тем не менее оставался ведущим направлением синтеза (эндо-гетерогенный синтез).

При многих сходных моментах ситуация в Китае была существенно иной. Ранняя («доопиумная») «поросль» эндогенного синтеза (мы называем его эндогенным спонтанным¹) в обозримом историческом плане практически не имела серьезных перспектив. Подлинное начало перестройке социально-экономического строя Китая положил гетерогенный синтез. Косвенным результатом его воздействия было количественное и качественное развитие эндогенного синтеза. Но он, переплетаясь с гетерогенным синтезом, не играл самостоятельной роли, оставаясь низовой периферией последнего. Иными словами, гетерогенное начало в синтезе в Китае оставалось основным, определяющим (гетеро-эндогенный синтез).

Отнюдь не однообразными были в Китае и конкретные проявления и порождения синтеза. В принципе они могут быть сведены к двум вариантам. К первому относятся многие явления экономического (и социального) порядка, сами в себе соединявшие черты современного и традиционного – например, компрадорство или, скажем, фабрика в национальном секторе, сочетавшая современные оборудование и технологию и во многом традиционную рабочую силу (по своему характеру и формам найма), капитал современной фирмы и во многом традиционные методы хозяйственных связей предприятия. Второй включает в себя различного рода производственные цепочки (напри-

мер, «крестьянин-хлопкороб – скупщик – мануфактура либо фабрика»), в рамках которых объединялись и функционировали современный, переходный и традиционный компоненты.

Эти варианты тесно переплетались между собой: явления первого органической составной частью входили в системы второго. Каждому из указанных вариантов посвящена соответствующая глава (4 и 5).

Глава 4

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СИНТЕЗА

Компрадорство

Втягивание цинского Китая в систему капиталистических мирохозяйственных связей, ставшее результатом насильственного слома его самоизоляции, явилось важнейшим фактором изменений в его базисной структуре. Первым продуктом этого процесса стал институт компрадорства (*майбань*). Действуя на стыке двух различных способов производства – капиталистического и феодального, – оно стало средством преодоления их «тканевой несовместимости» и наведения между ними экономических мостов (см. [278]). В итоге сложился хозяйственный механизм «иностранный капитал – компрадор – местный производитель (покупатель)» как один из вариантов синтезированной системы «современное–переходное–традиционное».

Иными словами, компрадорство поднялось не на традиционной и не на современной почве, а на обеих одновременно. Оно стало инструментом экономической интернационализации как Азии, так и Европы, как традиционного, так и современного хозяйственного цикла. Таким образом, компрадоры выступали агентами особого типа разделения труда между аграрным феодальным Китаем и индустриальным буржуазным Западом, проводниками и функционерами сложного синтеза (см. [186, ч. 3, с. 12–20]), носившего в свете всего сказанного гетерогенный характер.

Институт компрадорства как бы объединял и синтезировал в некий хозяйственный организм местное производство и заморский капитал, китайское земледелие и ремесло с европейским и американским рынком, отечественного потребителя и фабричного рабочего за океаном.

Выполнение этой стыкующей, или посреднической, функции облегчалось тем, что буржуазный Запад в феодальной Цинской империи первоначально был представлен не высшим (промышленный, финан-

совый), а низшим видом капитала (торговый). Как стадияльно более отсталый, он был лучше приспособлен к взаимодействию с еще более примитивной и консервативной торгово-ростовщической средой Китая, что облегчало синтезирование обоих начал в лице компрадоров. Экономической «почвой» для последних стал разрыв, во-первых, между мелким местным производством (сырья, полуфабрикатов, готовых изделий) и крупным спросом иностранных фирм, во-вторых, между оптовой доставкой в Китай машинных изделий и сырья и мелким розничным сбытом их потребителю на месте (см. [322, с. 11–14]). Будучи необходимым стыковочным элементом производственной системы, охватывающим современные и традиционные звенья (о подобных системах речь пойдет в следующей главе), компрадорство и само по себе было явлением синтеза, конкретнее – синтеза традиционного комиссионерства и гильдейской торговли с коммерческой деятельностью европейского типа, т.е. сочетанием явлений противоположного порядка – западной буржуазной и китайской средневековой экономики. Аналогичная характеристика приложима и к старшинкам (*баогунтоу*), т.е. подрядчикам по найму рабочей силы (*лаобань*) на иностранных и смешанных предприятиях в Китае. Компрадорство поднялось на синтезе традиционных и западных форм торговли, средневекового и современного кредита, на одинаковой контактности с местными цехогильдейскими и земляческими корпорациями (*хан, бан, хуэйгуань, гунсо, яхан*) и иностранными фирмами, с меняльными конторами (*цянъчжуан*) и европейскими банками, т.е. на сочетании докапиталистической и буржуазной хозяйственной деятельности (см. [317, 1963, № 6, с. 85–98]).

Компрадор имел как бы два лица: одно – устремленное в традиционное «родное» прошлое, другое – в буржуазное «чужеродное» будущее. В китайской глубинке майбань действовал как агент западного капитала и мирового рынка, а в «открытых» портах – как представитель местных средневековых торгово-ростовщических слоев. Он, будучи одновременно представителем как иностранного сектора, так и старокитайских структур, стал необходимым элементом переходного общества Китая второй половины XIX – первой половины XX в. С одной стороны, институт компрадорства выступал как модификация, продукт частичного обновления традиционного комиссионерства (*яшан, яхан*) и приспособления его части к мировому рынку (см. [104, с. 56, 93–94]). С другой стороны, этот институт отражал тенденцию европейского капитала к «понижению» своего стадияльного уровня, к известным уступкам традиционной системе, к частичной «китаизации» в целях активного функционирования в чуждой ему среде. Такой «европеизированный» китайский торгово-ростовщический капитал выступал и как вынесенное за рамки конфуцианской системы ее «внешнее отделение», и как рабочий компонент иностранного сектора

с его коммерческим, банковским, а затем и индустриальным бизнесом (см. [317, 1965, № 1, с. 55–70]).

В равной мере это характерно как для раннего – «элитного» (или «классического») компрадорства XIX в., так и для позднего массового торгового посредничества XX в. В расширении сферы «компрадорского синтеза» особую роль сыграли торговые договоры 1902–1903 гг., установившие «экстерриториальность» иностранных товаров, т.е. освобождение их от внутреннего обложения (*лицзинь, чангуань-шуй*). В итоге каждый перекупщик импортных изделий в условиях Китая в какой-то мере становился «компрадором». Такого рода диффузия компрадорства означала соответствующее расширение обстановки синтеза.

Майбани принесли с собой в иностранный сектор элементы старой торгово-ростовщической деятельности, связь с китайской корпоративной верхушкой и местным чиновничеством, знание местной конъюнктуры, цехогильдейских правил и торговой специфики Китая. В среду традиционного предпринимательства они, напротив, в какой-то мере несли дух современного бизнеса, новые методы ведения дел, знание мировой экономической конъюнктуры, связи с западным деловым миром и крупномасштабный активный капитал. Синтезируя в себе черты старого и нового, местного и чужеземного, майбань был чем-то средним между хозяином традиционной торговой фирмы (*шанхао*) и иностранным коммерсантом. В этом плане компрадорство было частичным разрешением конфликта между феодальным Китаем и капиталистическим Западом, известным снятием противоречия между предпринимательским духом буржуазного мира и косными деловыми традициями конфуцианского общества.

Соответственно, майбань был достаточно многоликим явлением. Он мог выступать и как «чистый» посредник, и как представитель национального капиталистического сектора и, наконец, совмещать обе эти ипостаси (см. [317, 1964, № 2, с. 67–81, 94–108]). Растущая связь майбаней с казной и бюрократией, со сферой феодального землевладения и национальной буржуазией резко расширяла спектр их социальных ролей. С одной стороны, возникли такие сложные разновидности, как компрадор-шэньши, майбань-чиновник, посредник иностранной фирмы – помещик. В этих случаях «компрадорский синтез» резко осложнялся прямым участием в делах азиатской деспотии, прислуживанием ей или ее «синтезированным» республиканским наследникам (см. [316, 1980, № 1, с. 26–30]). С другой стороны, развитие капиталистического уклада и его национального сектора вело к появлению буржуазных ипостасей компрадора, например компрадор-фабрикант, майбань-судовладелец, посредник-банкир и т.д. В этом русле возникла крайне узкая, но богатая и влиятельная фракция национального капитала, так называемая компрадорская буржуазия, включавшая в себя и компрадоров-коммерсантов (см. [221]).

Майбани как крайне сложный и противоречивый тип социально-экономического синтеза эволюционировали в разных направлениях. Было и попятное движение – назад к «азиатчине», в услужение восточному деспотизму, к явной традиционализации с созданием «запасных позиций» в сфере старого. Имело место и явное улучшение стадияльного и формационного статуса – движение в буржуазном направлении, к ожидаемому капиталистическому будущему Китая (см. [126, с. 508–510]). Такая противоречивость обуславливалась не только сложностью общей обстановки в стране, но и, главным образом, двойственностью внутренней природы компрадорства как продукта синтеза, сочетанием черт традиционности и современности.

Фабрика и феодализм

Традиционализированный капитализм с наибольшей яркостью выступал в качестве специфического типа синтеза на ранней стадии своего развития, особенно на стыке «традиционное государство – новая экономика». Первая фаза китаизации капитализма осуществлялась, как уже отмечалось, конфуцианской надстройкой, а пионером частичной модернизации Китая стала старая феодальная бюрократия. В период проведения политики «усвоения заморских дел» (с 60-х до середины 90-х годов XIX в.) основным «капиталистом», как это ни парадоксально, выступала азиатская деспотия в лице цинского режима (см. [111, с. 207–267; 310, 1969, № 4, с. 78–98]). Цинский госсектор периода «самоусиления» возник как гетерогенный синтез «азиатчины» и современного предпринимательства, как традиционализация капитализма, осуществляемая еще практически нетрансформированной средневековой надстройкой. Основным детищем этого уродливого сплава феодальных распределительных отношений с госкапитализмом была казенная промышленность (*гуаньбань*), по преимуществу военная (заводы-арсеналы и верфи) и горнодобывающая (см. [220; 234]).

Ее предприятия являли собой уродливый синтез нового европейского и старокитайского. С одной стороны, на них действовало машинное оборудование, импортированное с Запада, рабочие были наемными и юридически свободными, использовались иностранные технические кадры, кое-какая продукция (в основном уголь) поступала на рынок. С другой стороны, для этих предприятий была характерна работа в основном не на рынок, а на казну; натуральное снабжение сырьем, топливом и казенными дотациями; некомпетентное руководство старого чиновничества; низкое качество, высокая себестоимость и узкая номенклатура продукции; традиционная вербовка рабочих через старшинок; бесправие рабочих, среди которых было много отставных солдат и членов традиционных тайных обществ; сохранение для трудящихся старых цеховых ограничений (см. [313, с. 62–73]).

Аналогичное сосуществование традиционного и капиталистического начал было характерно и для смешанного, т.е. казенно-частного предпринимательства. Такие предприятия делились на две категории: *гуаньду шанбань* («казенный контроль и торговое предпринимательство») и *гуаньшан хэбань*, *гуаньбань чжаошан* («совместное предпринимательство казны и торговцев»). Данные формы были заимствованы из традиционной многовековой практики, где они чаще всего означали сдачу какой-либо казенной монополии (например, соляной) на откуп частным лицам под контролем специальных чиновников. В новых условиях эти средневековые формы видоизменялись в русле гетерогенного синтеза с современным капиталом и европейскими машинами. Фабричная техника, товарное производство и более или менее свободный наем рабочей силы сочетались с натуральными казенными поставками сырья и топлива, со всевластием сановников – основателей смешанных компаний, с феодально-монопольными правами и льготами (сбытовыми, налоговыми), использованием части капитала и прибыли на нужды казны, указанной выше традиционной спецификой рабочей силы (см. [188, с. 321–325]). Чиновники, назначенные управляющими (*цзунбань*, *дубань*, *юньши*) на современные предприятия (казенные и смешанные), рассматривали их как своего рода дополнительно созданные в недрах традиционной структуры управы (*ямэнь*) и вели себя соответственно. Чрезмерно раздутые штаты служащих, казнокрадство, взяточничество, сервилизм, произвол, незнание дела и презрение к его сути, безделие, показуха, тупое чванство, пренебрежение ко всему новому и непотизм, пресмыкательство перед высшим начальством, крупные «подношения» чиновникам из центра были повседневным явлением в этой среде (см. [318, с. 129–134]).

Таким образом, крупная китайская промышленность родилась как синтез «завод–ямэнь» (см. [319, с. 35–38]). Даже по своему внешнему виду (стена вместо ограды, ворота-арки, характерная планировка с массой внутренних помещений и дворики) арсеналы, механические мастерские, заводы и фабрики напоминали собой традиционный ямэнь, по которому сновала масса служек (*яи*) и солдат. Не случайно и то, что на этих предприятиях работало много демобилизованных солдат. Купец, предприниматель и пайщик-нешэньши как люди «второго сорта» по традиционной сословной шкале зачастую боялись лишний раз прийти в такого рода «ямэнь-предприятие», хотя и вложили в него свой капитал, а в некоторые подобные компании купцы-акционеры даже не осмеливались появляться (см. [317, 1964, № 3, с. 136–144]). В таких «компаниях-ямэнях» акционеры из низших сословий (*гун*, *шан*) ничего не значили. Они несли ответственность как за убытки, так и за обязательность прибыли, но права голоса не имели. Произвол чиновников-управляющих, пользовавшихся покровительством высших бюрократов, был неограниченным. «По западному образцу» собирались годовичные собрания всех акционеров для обсуждения хо-

зяйственных итогов, но их ход и решения определялись всевластием управляющего и его заместителей при безгласности рядовых пайщиков. Цзунбань и его окружение прислушивались лишь к мнению традиционной элиты – чиновников, шэньши, их родни и протече (см. [244, т. 1, с. 119]).

Таким образом, китайский национальный капитализм начинал свой путь как полутрадиционное явление. Феодальный госсектор «самоусиления» являл собой синтез азиатской деспотии, распределительных отношений и современного капитала, конфуцианской бюрократии и западных экономических форм, традиционного богатства, созданного за счет налоговых и арендных доходов, и машинной техники, т.е. так же, как и компрадорство, носил гетерогенный характер.

Развитие национального грюндерства начиналось по средневековым рецептам – традиционное преобладание казенного начала (*гуаньбань*) над частнопредпринимательским (*шанбань*), чиновника и шэньши – над буржуа, конфуцианских политических принципов – над экономикой (см. [250; 245]).

Переплетение современного и традиционного проявлялось при создании и функционировании частных механизированных шахт, рудников, фабрик и в ином плане. На этих предприятиях современная машинная техника и капиталистические производственные отношения сочетались с целым рядом традиционных принципов хозяйствования: отсутствием резервного фонда и амортизационных отчислений, разделом всей прибыли в качестве дивидендов, семейным, патронимическим и земляческим принципом составления капитала, наймом рабочих (*баогун*) через посредника-старшинку (*баогунишоу*) в соответствии со старыми цехо-гильдейскими правилами, в частности при содействии поручителя (*баожэнь*) за нанимаемого, ориентацией на традиционный кредит (меняльные лавки, ломбарды) (см. [105, с. 202–204]). Деловые контакты, например поставщика и заказчика, строились только на личных связях. Организация управления основывалась на принципе «почтения к старшим» (*сяо*), что вело к концентрации власти в одних руках, к значительному совмещению функций владения и контроля, к неформальной организационной структуре и отсутствию определенной сферы ответственности. От традиционной хозяйственной деятельности были унаследованы интуитивный и непосредственный характер решений, прочное преобладание примитивных форм бюджета и отсутствие планирования (см. [327, с. 127–148]).

Влияние традиционных представлений сказывалось даже на выборе места для закладки предприятия – он производился в соответствии с результатами гадания геоманта. Так дух наживы сочетался с боязнью «злых духов».

Таким образом, с одной стороны, новые производственные отношения использовали старые формы; с другой – старое приспособлялось к условиям социально-экономической переходности. Создава-

лась обстановка длительного уживания и взаимопроникновения современного и традиционного. Происходил двуединый процесс – наполнение местных цехогильдейских форм новым, капиталистическим содержанием и впитывание современным рядом традиционных компонентов и черт. Буржуазное грюндерство, отливавшееся в синтезированные промежуточные формы, искало пути полутрадиционной приспособляемости в противоречивой обстановке Китая конца XIX – первых десятилетий XX в.

Так, отсталость и неразвитость сферы современного кредита, позднее становление национального банковского капитала привело к сращиванию нового китайского предпринимательства со средневековыми источниками ссудного капитала. В итоге возникла прочная синтезированная дихотомия «современный капитал – традиционный кредит» в его различных вариантах типа «фабрика – ломбард», «шахта – меняльная лавка» и т.д.

Специфическим вариантом такого синтеза была система *гуаньли* (*гуаньси, чжэнси*) – переходная форма от старого ростовщичества к акционерному началу. По этой системе «акционерам» гарантировалась ежегодная выплата строго определенного процента на вложенный капитал независимо от сроков открытия предприятия и его рентабельности (см. [244, т. I, с. 142–143, 158–159]). При получении определенного дохода остатки прибыли после таких выплат распределялись среди «акционеров» уже как предпринимательские дивиденды. Иначе говоря, акции в системе *гуаньли* представляли собой синтез традиционного векселя и современной предпринимательской акции (см. [201, с. 86; 239, с. 273]).

Тем самым старое ростовщичество включалось органическим компонентом в капитализм синтеза при господстве традиционного личного кредита (*синьюн фанкуань*), а не кредита под материальное обеспечение. Практически синтез вошел в «святая святых» современного предпринимательства – сферу самого капитала, что, естественно, вело к ухудшению его качества, к понижению буржуазных свойств его носителей. Последнее было исторически обусловлено общим для обстановки синтеза принципом взаимного приспособления и синтеза двух начал, их взаимных «уступок», обоюдного снижения ими качественных уровней с приобретением промежуточных комбинированных свойств, в свою очередь расширявших сферу взаимопроникновения.

Ведущим началом в этом процессе был гетерогенный синтез. Но данный им импульс породил и элементы эндогенного синтеза, связанные с генезисом и ростом национального грюндерства. Более или менее четко они просматриваются, например, в отношениях поставщика и заказчика, некоторых моментах кредитной системы и т.п. В целом же явления эндогенного синтеза в фабрично-заводской сфере теснейшим образом переплетались с гетерогенным синтезом, сливаясь с ним в единое русло «китаизации» капитала.

Она стала основным направлением развития как в иностранном, так и в национальном секторе. В этом плане китайский капитал не был простым повторением, точной копией западного эталона, являя собой иной региональный тип, своего рода синтез приспособления. Это дает основание применительно к Китаю говорить в равной мере как о традиционализации современных форм капитализма, так и о капитализации традиционности при одновременности и неразрывности обеих тенденций.

Данной двуединой закономерности оказалась подвержена и рабочая сила в капиталистическом укладе Китая. С одной стороны, несколько повышался стадийный и общесоциальный статус мануфактурных и домануфактурных работников в мастерских, т.е. «доопиумный» средневековый предпролетариат, включаясь в систему «Китай–Запад (+ колонии)», несколько продвинулся из своего традиционного состояния вперед – в направлении современного пролетариата, с 20-х годов XX в. все более втягиваясь в рабочее движение и политическую борьбу и даже организуясь в «профсоюзы» (см. [207, с. 177, 222]). С другой стороны, зарождение современного пролетариата проходило в русле синтеза старокитайского и европейского, т.е. под сильнейшим воздействием традиционности. Юридически и фактически свободная рабочая сила соединялась с современным промышленным и транспортным капиталом, с машинной техникой и технологией, что создавало новые производственные отношения. Вместе с тем по своему происхождению, степени развитости и иным показателям китайская рабочая сила была явным продуктом прошлого. Фабричные рабочие во многом оставались «традиционными» китайцами (см. [30, с. 105, 117–119]). В их среде стойко сохранялась конфуцианская этика, старый корпоративный дух, ксенофобия, враждебность к машинам, когда луддитские настроения сливались воедино с ненавистью к «заморским дьяволам»; были весьма сильны старые цехогильдейские принципы – наем через подрядчика и поручителя, бывших, как правило, земляками рабочего, приоритет земляческих связей над классовым началом (см. [235, т. 2, с. 1265–1269; 317, 1959, № 2, с. 103–114]), разобщенность по земляческому или просто цеховому признаку, верность и послушание по отношению к «старшему», т.е. подрядчику-старшинке.

Двойственная природа китайского пролетариата довольно четко проявлялась в сфере найма: одна часть рабочих (*лигун* – «внутренняя») нанималась более или менее по-современному, т.е. самим капиталистом и его служащими, а другая (*вайгун* – «внешняя») – по-традиционному, т.е. через старшинок. От старых цехогильдий были унаследованы институт «ученичества» как средство обеспечения предприятия бесплатной подсобной рабочей силой подростков, получение зарплаты через старшинок, поклонение божеству – покровителю данной профессии и цеха. Сохранение тесной связи со «своим» цехом и

гильдией, вражда между членами разных землячеств и корпораций, с 20-х годов XX в. формально и механически превращавшихся в «профсоюзы», сочетались с чисто «цеховым» отсутствием выходных и отпусков (за исключением традиционных праздников). Весьма распространенным среди рабочих было членство в «тайных обществах» (*хуэйдан*) с их слепым подчинением главарям, мистикой и средневековым духом. В Шанхае, например, главенствовали синий (*цинбан*) и красный (*хунбан*) «кланы». Руководившие ими «дедушки» имели огромную власть над рабочими, мешая созданию профсоюзов, срывая забастовки, убивая агитаторов или выдавая их полиции (см. [88, с. 40–44]). Рабочая сила во многом оставалась на старом уровне благодаря своей неграмотности, отсталости, низкой квалификации, текучести кадров, сохранению тесных связей с родной деревней. Росту классового сознания такого традиционализированного пролетария мешали не только предрассудки и психология вчерашнего крестьянина или городского мелкого товаропроизводителя, но и отсталость надстройки. Государство даже в начале XX в. квалифицировало забастовку как уголовное преступление (цинское законодательство, Временный уголовный кодекс 1912 г. и другие акты).

Традиционность и буржуазия

Отмеченное выше органическое сочетание традиционного и современного начал в капиталистическом грюндерстве Китая дополнялось генетическими особенностями национальной буржуазии. Речь в первую очередь идет о формировании элитного слоя и крупного капитала в основном за счет обуржуазивания части чиновно-шэньшиско-помещичьей среды, а не путем трансформации старого торгово-ростовщического капитала в современный предпринимательский (см. [151, с. 111]). Китайская крупная буржуазия зарождалась либо в рамках системы казенно-частного предпринимательства (*гуаньду шанбань*), либо, как и почти весь национальный капитал «старшего поколения» (70–90-е годы XIX в.), в русле синтезирования восточной деспотии и современного предпринимательства. Своего рода «стартовой площадкой» для последующего подъема частного предпринимательства во многом послужили казенные вложения в «новую» экономику наряду с другими мерами традиционного и переходного типа, в частности принудительной мобилизацией средств. Такого рода шаги предпринимались и в XX в.: были, например, введены обязательные «паевые» надбавки к налогам (*муцзюань*, *яньцзюань*) с последующим оформлением налоговых квитанций как акций железнодорожных компаний (*цзугу*, *яньгу*) Хугуанских дорог (1905–1911). Это был синтез современного грюндерства и коммерческих акций (*шангу*) с традиционной практикой частных «пожертвований» на казенные нужды (*цзюаньшу*).

Капитализация традиционных богатств, полученных в сфере налоговой и арендной эксплуатации, вела к созданию синтезированных социальных типов: чиновник-шахтовладелец, шэньши-фабрикант, помещик-заводчик, сановник-судовладелец, бюрократ-коммерсант, придворный-промышленник, кандидат на должность – владелец рудника, управляющий казенным предприятием – частный капиталист. Такой «традиционно-современный» предприниматель зачастую совмещал несколько социальных ролей – чиновника (функционер, отставной бюрократ, кандидат на должность), шэньши (получившего «ученое» звание либо через систему экзаменов, либо путем его покупки), крупного землевладельца (наследственная или купленная земля), буржуа (промышленник, коммерсант, судовладелец, банкир) и т.д. (см. [25, с. 191–193]). После Синьхайской революции к этим ипостасям добавились новые – милитарист (в том числе военный среднего ранга, армейский чиновник-штабист, интендант и т.д.) и «новый шэньши», т.е. человек с европейским образованием. Указанные компоненты еще более усилили синтезированный характер буржуазной элиты. Для такой «бюрократической буржуазии» (чиновник-капиталист, шэньши-буржуа) были характерны создание исходного (для капитала) денежного богатства за счет казнокрадства, взяточничества и произвола, использование служебного положения. Бюрократия и суббюрократия (т.е. нечиновные шэньши) стали основными фаворитами такого накопления (см. [317, 1976, № 2, с. 83–97]).

Факторы, затруднявшие превращение китайской мануфактуры в фабрику, а торгового капитала – в промышленный, открывали в то же время дорогу к обуржуазиванию части чиновничества и шэньши на базе синтеза. Элитные буржуа такого рода сочетали современный бизнес с традиционными феодально-монопольными правами и привилегиями в данной сфере хозяйствования (см. [235, т. 2, с. 925–947]). Среди последних были запрет на создание фабрик другими лицами, освобождение продукции от внутренних таможенных поборов, отмена налогов с предприятия, предоставление казной гарантий получения определенного уровня дивидендов на частные вложения, поставки казенного оборудования, правительственные дотации и казенные инвестиции (см. [104, с. 220–221, 238–240]). Тем самым азиатская феодальная деспотия поддерживала и вскармливала «бюрократическую буржуазию», ускоряя ее рост, но ухудшая при этом ее капиталистическую природу и снижая уровень ее социально-экономического синтеза. В том же направлении действовали и такие факторы, как сословная привилегированность шэньши, исключительность социального статуса и деловых возможностей чиновника и суббюкрата, протекция сановников, особое доверие в сфере личного кредита.

Что же касается предпринимателя из непривилегированных сословий (*нун*, *гун*, *шан*), т.е. из среды обуржуазившихся помещиков-нешэньши и торговой буржуазии с ее цехогильдейскими традициями

и реальной связью со старыми корпорациями (*хан, бан, гунсо, хуэйгуань, яхан*), то ему для успеха капиталистической деятельности в условиях восточного деспотизма необходимо было хотя бы частично стать для власти «своим человеком». Буржуазному грюндерству требовался традиционный статус «уважения» и сопричастности к конфуцианской надстройке. Чтобы успешно заниматься капиталистическим предпринимательством в Китае, нужно было оставаться несколько «традиционным», т.е. совмещать в себе западное и конфуцианское. Поэтому фабриканты из числа купцов и ростовщиков покупали звание шэньши, почетные должности, делали пожертвования в казну для сближения с бюрократией, вводили в правления компаний, фирм и банков чиновников и знатных шэньши. Такой синтез обеспечивал защитный эффект – в определенной мере охранял от произвола властей, давал разного рода, в том числе феодальные, привилегии, привлекал пайщиков, помогал завоевывать доверие кредиторов.

Таким образом, формирование высшей страты китайских капиталистов шло в рамках двуединого процесса: шэньши и бюрократы принимали буржуазную ипостась, и наоборот, капиталисты из непривилегированных сословий покупали звание шэньши и чиновные ранги. В результате традиционное ухудшало качества современного, последнее частично опускалось ближе к горизонту «азиатчины» и феодализма. Функциональная многоликость «бюрократической буржуазии» и близкой к ней среды была отражением сложности этого «средневеково-современного» социального образования. Как истинный конфуцианец, такой капиталист был устремлен назад – в средневековье, а как буржуа – вперед, в современность. В первом случае его идеалом служили неизменяемость традиционного, во втором – трансформация в духе «варварского» Запада. В таком «традиционализированном» бизнесмене сочетались феодальное прошлое и капиталистическая практика XX в.: стремление к чиновной карьере и жажда наживы, модернизм (в известной мере) и презрение к буржуа из «низших» сословий.

Являясь синтезом высших для того времени форм предпринимательства и отсталой реакционной надстройки, чиновно-шэньшиско-помещичья фракция буржуазной элиты выступала как продолжение, или «второй эшелон», феодального госкапитализма. Все это обусловило устойчивое противостояние, затяжную скрытую борьбу, с одной стороны, «деспотического капитализма» и «бюрократической буржуазии», а с другой стороны, «массового» частного, в том числе «демократического» капитала. Соотношение сил между ними менялось. Господствовавшее до 1895 г. «азиатское» государственное начало после периода оживления более современного частного капитала (1895–1935) вернуло себе лидерство под эгидой гоминьдана.

Другие фракции буржуазной элиты Китая (компрадорская, ремигрантская) также базировались (каждая по-своему) на сосуществова-

нии старых и новых качеств. Так, компрадорская группа, как уже отмечалось, сочетала в себе привилегированность иностранного предпринимательства, его современный характер и масштабность с чертами традиционного торгово-ростовщического капитала. Кроме того, с приобретением званий шэньши, почетных рангов или чиновничьих должностей компрадоры создавали еще более сложный синтез европейского, старогильдейского и бюрократического начал (см. [104, с. 216–217, 240–241]).

В этом плане характерна близкая к компрадорской среде «чжэцзянская финансовая группировка». Она сочетала черты традиционно-ростовщичества, старого купечества, компрадорства и новой буржуазии, при тесной связи с властями. Подобно институту компрадоров, этот «Большой нинбоский бан» выступал как посредник, как один из инструментов разрешения конфликтной ситуации «мировой капиталистический рынок – традиционная экономика Китая», как средство обеспечения противоречивого сожительства нового и старого. В указанном плане «чжэцзянцы» являлись «вторым эшелonom» компрадорства, или «майбанями от денежного капитала» (см. [36, с. 155–162]). В Шанхайском промышленно-торговом районе эта группировка действовала как более современная, а в городах «родной» провинции Чжэцзян – как в большей мере традиционная сила, в целом сохраняя обе указанные ипостаси. Крупные деятели из среды «чжэцзянцев» сочетали многие социальные роли синтезированного спектра (финансист, чиновник, шэньши, капиталист и т.д.), что было характерно в целом для шанхайской буржуазии.

Представители реэмигрантской буржуазии, попадая в более отсталую среду, также были вынуждены частично традиционализироваться и приспособляться к «азиатчине». Реэмигранты-капиталисты покупали шэньшиские звания, почетные должности и ранги, идя зачастую в услужение местной бюрократии. Такое внедрение в конфуцианскую или переходную среду влекло за собой неизбежное ослабление чисто буржуазных качеств. Приносимые реэмигрантами из-за рубежа дух свободного предпринимательства и жажда буржуазного правопорядка быстро снижали в ходе неизбежного приспособления к могучей силе «азиатчины» и отсталости. Это резко снижало первоначальный заряд известной «революционности» данной фракции буржуазии (см. [235, т. 2, с. 983–1010; 312, 1973, № 3, с. 131–137]).

Элитные группы буржуазии в Китае возникли и развивались в основном в русле гетерогенного синтеза. Порожденный же последним, эндогенный синтез в значительно большей степени определял социально-экономическую природу «массовых» слоев китайской буржуазии, еще во многом связанных с традиционными корпорациями. Мелкий или средний буржуа был еще частично «поглощен» цехом, гильдией, землячеством, пользовался защитным потенциалом «своей» ячейки против произвола бюрократии и иностранной конкуренции.

Заземленность внеэлитного, социально непривилегированного предпринимательства приводила к доминированию в данной синтезированной среде старого над новым. Преобладание низших форм капитала, традиционных форм хозяйствования, быта и сознания было наиболее характерно для дельцов из торгово-ростовщической среды (скупщик, раздатчик надомной работы) и особенно нарождающегося кулачества. Это раннебуржуазное социальное образование, возникавшее в промыслах и земледелии, оставалось еще во многом полуфеодалным, ближе всего стоявшим к «доопиумному» «средневековому капитализму». Кулачество было не только самым низовым, но и самым «традиционным» и «небуржуазным» слоем в буржуазной пирамиде Китая (см. [104, с. 244, 250, 251]).

Таким образом, парадоксальность генезиса китайской буржуазии на рельсах синтеза заключалась в том, что как элитная группа – наиболее крупные капиталисты (чиновники, шэньши, помещики) в современных звеньях экономики, – так и самые низовые страты, упомянутые выше, оставались в строгом смысле слова полутрадиционными слоями.

Синтез наложил свой отпечаток и на структуру нового класса, состоявшего из узкой элиты в современных звеньях капиталистического уклада и «массовых» фракций в отсталых полутрадиционных и традиционных видах предпринимательства без переходного слоя между ними (см. [25, с. 191, 194, 201]), т.е. остававшегося окончательно несложившимся, незавершенным социальным образованием. Конфликтное сожителство «двух буржуазий» – привилегированной и непривилегированной – стало органическим явлением жизни переходного социума Китая.

Синтез в буржуазной среде проявлялся и в двойственной зависимости и дуализме элиты: в тяготении одной ее группы (чиновно-шэньшиско-помещичьей) к старому (государство, феодальная система), а другой (компрадорской и резмигрантской) – к новому центру притяжения (мировая капиталистическая система, иностранный сектор) [104, с. 241–247].

В территориальном отношении буржуазия Китая также была сочетанием более современных групп (шанхайская, гуанчжоуская) с менее современными (уханьская) и более традиционными (северная), т.е. компонентов с разным уровнем и качеством синтеза. Отсутствие единого всекитайского рынка и приоритет региональных хозяйственных связей, как и неразвитость инфраструктуры, закрепляли эти перепады в уровне синтеза буржуазии (см. [25, с. 199–201]).

Ярким отражением комбинированной природы буржуазии служили ее организации – «торговые союзы» (*шанхуэй*). Они представляли собой сочетание новых объединений капиталистов (дельцов, специализировавшихся в тех или иных отраслях, крупных компаний и акционерных обществ) и традиционных корпораций торговцев, маклеров, скупщиков, ростовщиков и менял (см. [104, с. 248–251]).

Такого рода полусредневековая, отсталая, запоздавшая с выходом на мировую арену буржуазия не могла создать ничего оригинального в сфере идеологии; она лишь заимствовала готовые западные клише в виде экономических, политических, мировоззренческих и иных концепций, преломляя их в конфуцианском духе и подстраивая к своей второй, т.е. старокитайской сущности. Этим объясняется эклектичность в восприятии западных идей с их неизбежной китаизацией. В начале XX в. сложился синтез нового буржуазного национализма и старого великоханьского шовинизма, «модернизма» и ксенофобии. Подражание иностранному сочеталось с антииностранными движениями буржуазных слоев, использовавших традиционные формы борьбы – бойкоты, сбор по подписке выкупных сумм для ликвидации иностранных горнорудных концессий. Китайские буржуа, обуржуазившиеся помещики и конституционно-либеральные шэньши выступали под двумя знаменами: старым, великоханьским, и новым – буржуазным национализмом угнетенной империализмом нации. Синтез традиционной ксенофобии и современного антиимпериалистического начала отчетливо проявился в практике антииностранных бойкотов (1905, 1907–1908, 1915 гг.), движений за возвращение Китая горнорудных и железнодорожных концессий (1906–1910) и за отказ от внешних займов (1911 г.), а также кампании «защиты железных дорог» (1911 г.) (подробнее см. [202; 205]).

В указанных случаях и в последующем старая ненависть к «заморским дьяволам» переплеталась с конкурентными и протекционистскими задачами национального капитала, средневековые, особенно корпоративные методы борьбы – с современными политическими кампаниями (патриотическое движение 1915 г., «движение 4 мая» 1919 г., «движение 30 мая» 1925 г. и т.д.). Такого рода сложный поведенческий синтез, сочетавший остатки имперских амбиций прошлого и антиимпериализм настоящего, в свою очередь, дополнял общую картину синтезированной природы китайской буржуазии.

Цехогильдия и современность

В двуедином процессе синтеза вторая сторона – капитализация традиционного – особенно явственно давала о себе знать в сфере старой городской экономики, прежде всего низших и массовых форм предпринимательства – отсталого «средневекового капитализма» в рамках разного рода городских корпораций (*хан, бан, хуэйгуань, гунсо, яхан*) (см. [240, т. 2, с. 331–391]). Тенденция синтеза в данной сфере пробивала себе дорогу в различных вариантах. Происходило постоянное сращивание старого с новым в русле как сочетания традиционной сущности и современной формы, так и старой формы с новой сущностью.

Внутри цехогильдий традиционные ограничения становились бесильными перед ранее запрещенной, а в новой ситуации неуклонно растущей внутренней конкуренцией. Последняя в условиях переходного общества выступала как проявление капиталистического начала. Старым цехогильдейским устоям пришлось уживаться не только с нею, но и с нарушением регламентируемых уставом цен и стандартов изделий, уставных цен на рабочую силу, условий платежей и правил расчетов (см. [134, с. 199–207]). Этому способствовала экономическая политика бэйянского и гоминьдановского государства с его стремлением к унификации экономических требований, законов и торговых правил. Усиливалось прямое вмешательство властей в дела корпораций с целью регистрации, контроля и частичного устранения помех частному предпринимательству внутри цехогильдий.

Последние все чаще превращались в синтезированное явление типа «традиционная форма – новое содержание». Так, некоторые цехи, например строительные, стали фактически капиталистическими «предприятиями» (см. [2, с. 17–18]). В том же направлении влияло и вхождение цехогильдий в торговые союзы (*шанхуэй*), представлявшие собой синтез европейской торговой палаты с правлением традиционной корпорации (*чжуан*, *цзочжуан*) в качестве ассоциированных членов. Появление новых отраслей ремесла и коммерции «оформлялось» путем учреждения традиционных корпораций (например, гильдии торговцев импортными товарами). Цехи и гильдии переходили к использованию современной инфраструктуры (железных дорог, пароходств, телеграфа, страховых и складских компаний). Развитие капитализма шло и через отпочкование и укрепление корпораций хозяев и торговцев – так называемых восточных ханов (*дунхан*)¹.

Традиционные ремесленники, мастерские и мануфактуры все более включались в систему мирохозяйственных связей «Китай–Запад (+ колонии)», переходя на импортное сырье – английскую и индийскую хлопчатобумажную пряжу, английское железо, германские красители и т.д. Цеховые ткачи работали на машинной (импортной или местной) пряже и станках фабричного производства, часто на капиталиста-скупщика и раздатчика надомной работы (см. [156, с. 68–70]). В цеховой среде шло насаждение новых и обновленных промыслов с подготовкой кадров на фабрике и в специальных школах и «бюро», с внедрением усовершенствованной техники и технологии, приближенной к фабричным стандартам.

Надомная капиталистическая система, мастерская и мануфактура превращались в поставщика полуфабрикатов, деталей, заготовок и тары для иностранных и национальных фабрик. Эти синтезированные звенья включались в сложный экономический комплекс «традиционное производство – мировая капиталистическая система» («китайское ремесло – мировой рынок») (см. [240, т. 2, с. 394–402]).

В Китае, особенно после промышленного подъема 1915–1919 гг. («золотого времени»), быстро распространялись виды производства, переходные от ремесла к фабрике. Это происходило за счет внедрения трикотажных, швейных и вязальных машин западного и японского производства, а также хлопчаткацких, хлопкоочистительных, плеточных, мотальных и прядильных станков. Данная техника фабричного изготовления через продажу, прокат и раздачу в системе капиталистической сдельщины насаждалась в среде надомников и мелких мастеровских. Синтез «новая техника – традиционная рабочая сила» возникал и в несколько ином виде при подключении старой традиционной техники к электродвигателям. Китайское ремесло и мануфактура подвергались воздействию иностранного сектора и мирового рынка, стремившихся моделировать европейскую и японскую структуру потребления в Китае, насаждать современные потребительские стандарты в противовес традиционным (см. [30, с. 87–95])². В большинстве отраслей производства в годы первой мировой войны началась и затем все усиливалась подгонка китайских изделий под иностранные (см. [30, с. 90]).

Если и традиционный, и европеизированный китаец у себя на родине все более потреблял такую «синтезированную» продукцию, то модернизированный китайский эмигрант (*хуацяо*) за пределами Китая стремился иметь привозимые с родины изделия чисто традиционного типа, вплоть до жертвенных денег и ритуальных свечей. Дофабричная промышленность цехогильдий и мануфактуры, естественно, все более подлаживались к такому «потребительскому», или «товарному», синтезу.

Общее направление ее эволюции определялось своеобразием сложившегося положения: оставаясь во многом традиционным, с еще не сложившимся единым национальным рынком, Китай в то же время уже превратился в часть мирового капиталистического рынка, что вело к переплетению унитарной природы мирохозяйственных связей и во многом еще средневековых черт внутреннего рынка Китая с его мозаичностью, традиционностью спроса, пестротой цехогильдейских правил, множественностью денежных знаков, мер объема, длины и веса, языковых диалектов и густой внутренней таможенной сетью (см. [329, 1962, т. 3, с. 95–115]). В результате средневековая региональная, провинциальная и районная разобщенность сочеталась с зонами сильнейшего влияния мирового рынка (см. [104, с. 149–161]), складывался болезненный синтез старых и новых торговых связей, местной и мировой рыночной экономики, нескольких ведущих коммерческих анклавов последней и «открытых» портов малой значимости, сфер их непосредственного влияния, переходных зон, огромных районов преобладания традиционной торговли. Иными словами, для такого синтезированного товарного рынка была характерна мозаичность феодальных и полуколониальных составляющих.

То же самое можно сказать и о денежном рынке. Он также строился на основе дихотомии «исторически унаследованное – привнесенное извне»; «традиционное ростовщичество – современный кредит». В рамках этой системы иностранные и первые национальные банки уживались с массой старых ростовщических гильдий (*гунсо*) и их заведений – ломбардов (*дяньдан*), меняльных лавок (*цянъчжуан*) и переводных контор (*пяхао*). Дуализм «старое–новое» пронизывал все стороны денежного рынка и денежного обращения в Китае (два типа валюты и кредитных учреждений, два сектора в сфере хождения бумажных платежных средств и две системы кредита) (см. [127, с. 167–176]).

«Массовый» денежный рынок Китая оставался докапиталистическим: не норма предпринимательской прибыли, а ростовщический процент, устанавливаемый правлением гильдии менял, определял размер платы за производственные ссуды. Естественной базой положения, когда не средняя норма прибыли и не средняя норма процента определяют лицо денежного рынка, было полное господство личного кредита и неразвитость кредита под вещественное обеспечение (см. [222, с. 941–984]).

Национальный современный капитал почти не имел своей банковской базы: слабые китайские банки старались не финансировать производственные объекты, а иностранные банки редко субсидировали китайцев. В результате в переходной экономике страны сложилась дихотомия «китаизированный капитализм – традиционный кредит» с явной тенденцией к синтезу обоих компонентов.

Аналогичные явления явственно просматривались и непосредственно в сфере денежного рынка. На стыке двух систем кредита возникла и быстро набрала силу уже упоминавшаяся «чжэцзянская финансовая группировка» – сложный продукт синтеза, связанный как со старой, так и с новой экономикой. В деятельности этой группировки сочетались средневековое ростовщичество и связи с национальным капиталом и мировым рынком, деление на традиционные кланы и современные банковские операции, европейский дисконт и старый личный кредит, современное буржуазное предпринимательство и организация средневековой гильдии менял (*цянъе гунсо*), тесный союз с бюрократией азиатской деспотии и реальная работа по капиталистической модернизации Китая, активные компрадорские операции и роль главной опоры национальной буржуазии (см. [248; 265, с. 73–91; 289]). Столь же сложный синтез традиционного и современного, хотя и не в столь четких формах и не в таких масштабах, был характерен и для буржуазии и местных ростовщических гильдий Гуанчжоу.

Первые китайские частные банки выросли из крупных меняльных лавок «чжэцзянской финансовой группировки», во многом сохранив их традиционные черты. Первый смешанный государственно-частный Китайский коммерческий банк включал в свою систему казенные

меняльные лавки при морских таможах (*хайгуань иньхао*). На базе таких лавок и традиционных казначейств (*гуаньиньхао, гуаньиньцзюй*) возникли провинциальные банки, для которых синтез старого и нового был достаточно характерен (см. [274, с. 69, 233–234]).

Деревня и капитализм

Деревенская экономика в целом, за исключением сельских промыслов, менее всего была затронута процессом синтеза. Последний принял в сельской местности стертые формы и остался на низшей стадии своего развития.

К Синьхайской революции оба основных компонента деревенского социума – крестьянство (*сяоху, миньху*) и помещики (*даху, дичжу*) – в той или иной мере перестали быть чисто традиционными, частично утратив цельность «доопиумных» характеристик (см. [104, с. 125–148]). Внутри каждого из них возникли новые элементы, сложились переходные явления и приспособленческая мимикрия в связи с потерей старыми структурами исторической инициативы. Тесное переплетение феодальных, капиталистических и переходных социальных отношений, постепенное обуржуазивание помещиков и богатых крестьян (*фунун*), частичная капитализация деревенских промыслов, распространение явлений скупки, найма, переходной аренды создали своеобразную обстановку синтезированной среды (см., например, [317, 1959, № 2, с. 35–38]).

Постепенный переход крестьян к производственному и бытовому использованию фабричных изделий (пряжа, ткани, керосин, красители, иголки и т.д.), нараставшая склонность помещиков и шэньши приобретать импортные и отечественные фабричные товары расширяли своеобразный синтез традиционного быта и современных потребительских стандартов (см. [316, 1962, № 9, с. 16–23]).

В деревне возникали синтезированные переходные формы между традиционным богатым крестьянином и современным кулаком, между наймом (*юнгун*) и клановой взаимопомощью (*бангун, банцзо*), сочетание найма (*гуюн*) с отработками за ссуду или за использование тяглового скота (*гуньи*). Старая кабальная аренда в хозяйствах богатых крестьян сочеталась с кулацким наймом, торговлей и промыслами. Под влиянием капиталистического уклада множились такие комбинированные социальные типы, как крестьянин-надомник в рамках капиталистической раздаточной системы, крестьянин – работник сезонной деревенской мастерской (мануфактуры), крестьянин – сезонник или поденщик на условиях свободного найма (см. [320, 1961, № 6, с. 48–73]). Отходничество при сохранении прочных связей с деревней даже при длительном уходе из нее создало такие синтезированные социальные типы, как крестьянин – фабричный (мануфактурный) рабочий, крестьянин – чернорабочий (строитель, грузчик, транспортник).

Наряду с этим расширялась сфера традиционной пауперизации — уход из деревни в солдаты, в охранники (*миньтуань*), в бандиты (*туфэй*), сбор топлива и удобрений, бродяжничество (*люминь*).

В целом в китайской деревне происходила не чисто новая (буржуазная) и не чисто традиционная (пауперальная) дифференциация, а сожителство и взаимопроникновение обоих типов разложения крестьянства. Старое и новое развивались не просто параллельно, а переплетаясь и питая друг друга за счет частичного обмена социальным материалом. В итоге крестьянин-бедняк (*пиньху*) мог выступать и как традиционный крестьянин на своем клочке земли, и как кабальный держатель (*дяньху*) на базе «голодной» аренды, и как полупролетарий, живущий за счет сезонного найма (*мангун*), отходничества, промыслов, и как пролетарий — батрак (*чангун*) на условиях свободного найма (см. [237, т. 1, с. 686—693]). Сочетание двух-трех таких признаков порождало переходные синтезированные типы деревенских низов.

Синтез на уровне крестьянской верхушки создавал сложное сочетание социальных типов: традиционный богатый крестьянин в системе натурального и полунатурального хозяйства, не сдававший землю в аренду и не нанимавший рабочей силы; полукулак-полупомещик, использовавший традиционные формы эксплуатации соседей (аренда, ростовщичество, сдача внаймы тягла и инвентаря); тот же социальный тип, обуржуазивающийся «по-помещичьи», т.е. за счет сочетания сдачи земли в аренду с земледельческим и промысловым наймом, с мелкой торговлей и предпринимательством; обуржуазивающийся «по-крестьянски» кулак, имевший те же хозяйственные характеристики, но без арендной эксплуатации соседей. В этом спектре возникали различные сочетания трех последних вариантов в одном лице, совмещавшем в себе полупомещика, мелкого ростовщика, торговца и предпринимателя в земледелии и промыслах. Такого рода китайский кулак, в отличие от русского, был сродни низовому слою обуржуазившихся землевладельцев (см. [95, с. 22—23, 25—28]), ибо был продуктом синтеза, близкого к помещичьему варианту. Данная тенденция закреплялась особым климатом традиционной китайской деревни, где между мелким помещиком и богатым крестьянином зачастую не было непроходимой грани (см. [105, с. 29—30]), поскольку помещик, являясь соседом крестьян, членом одной патронимии (*цзу*, *цзунцзу*) и даже дальней родней, не слишком отличаясь от них своим бытом, не был для крестьян столь же чужеродным телом, как на Западе или в России.

Не менее сложную картину синтеза создавала и помещичья среда. Под влиянием политических перемен (в результате трех революций — 1911—1913, 1916 и 1925—1927 гг.), разгула милитаризма, подъема крестьянского движения, развития товарно-денежного хозяйства и капитализма, изменения хозяйственной конъюнктуры постепенно сокращалось число чисто традиционных землевладельцев-рентополуча-

телей. На смену старым земельным магнатам, потомственным шэньши и другим представителям элиты (отставные чиновники, знатные семьи) все чаще приходили помещики «нового типа», порожденные развитием переходного общества. Эти «новые» землевладельцы были представлены милитаристами, бэйянскими и гоминьдановскими чиновниками и их родней, военными чинами среднего ранга, купцами, компрадорами, ростовщиками, капиталистами, в частности вернувшимися на родину эмигрантами (см. [98, с. 151–156]).

Для такой синтезируемой среды все более характерным становилось потребление фабричных, в том числе импортных товаров, растущая погоня за наличными деньгами в связи с ростом платящего потребления, тяга к торговым операциям, усиление арендной и ростовщической эксплуатации крестьян. Для части «хозяйствующих помещиков» (*цзиньин дичжу*) и «торгующих» землевладельцев все большее значение приобретали буржуазное хозяйствование в деревне (мастерские, мануфактуры) в сочетании с торговлей и ростовщичеством (лавки, магазины, ломбарды), операции не только с «собственной», но и со скупаемой продукцией, капиталистические инвестиции в городе, перевод денег из кубышек, ломбардов и меняльных лавок в банки, преимущественно иностранные, переселение в связи с обострением крестьянского движения из «неспокойной» сельской местности в крупные города, повышенная тяга к политике на всех ее уровнях (см. [104, с. 142–147]).

Внешне оставаясь еще достаточно традиционными, даже крупные помещики «старой формации» все более переходили на почву синтеза. Войлочные подошвы их традиционных туфель опирались на сдаваемую в аренду землю предков, но зачастую их деньги и сердца, особенно после революции 1925–1927 гг., находились уже в сейфах иностранных банков в Шанхае, Гуанчжоу и Гонконге. Если их деды при одном упоминании о «рыжеволосых варварах» источали высокомерное презрение, а отцы наливались гневом ксенофобии, то сами они уже с надеждой взирали на иностранную полицию (сикхи, русские белогвардейцы, гуркхи) под командой англичан в международном сеттльменте Шанхая и на иностранные канонерки на его рейде – «оплот стабильности» в беспокойном переходном Китае. В периоды социальных и политических потрясений туда – в подвалы крупнейших иностранных банков, особенно «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн», стекались сотни миллионов юаней помещичьих, шэньши-ских, чиновничьих и иных денег (см. [55, с. 16–17]).

В этой обстановке наряду с традиционными ипостасями помещика как «справедливого» шэньши (*чжэньшэнь*), рентополучателя, торговца и ростовщика появлялись переходные состояния: милитарист, чиновник, политикан, командир местной милиции (*туаньянь*). Растет число «помещиков-деспотов» (*мухао*), «злых шэньши» (*лэшэнь*). Все большее значение приобретали новые, явно синтезированные типы: поме-

щик-компрадор, землевладелец – городской капиталист, *дичжу* – владелец хозяйства, основанного на труде батраков, рентополучатель – основатель мастерской (мануфактуры), помещик-коммерсант, арендодатель – скупщик и раздатчик в сфере надомной работы. Помещичья среда трансформированного Китая все более превращалась в сложный спектр таких традиционных, переходных и новых социальных типов.

Кроме того, происходило втягивание части хозяйственных ячеек «землевладелец–арендатор» в мирохозяйственные связи, в систему рынка, обслуживавшего национальный сектор капиталистического уклада. В результате этого поставленная в новые условия рыночного производства внешне традиционная, а фактически уже переходная арендная система переходила на службу буржуазной коммерции и грюндерству, включалась в синтезированные системы «Китай–Запад (+ колонии)» и «капиталистический уклад – традиционная экономика» (см. [104, с. 144–145]). Она начинала функционировать в ином хозяйственном климате, становясь источником средств для промышленных, мануфактурных, банковских и иных инвестиций. В ходе этого процесса «предприятие» типа «помещик – держатель земли» становилось ячейкой синтеза, переходным явлением на пути к капиталистической эволюции худшего отсталого типа, где старые формы и методы служили новым целям (см. [152, с. 44–52, 53–61]).

В условиях переходного общества в русло такого синтеза все более втягивалось и старое традиционное, родившееся в русле сугубо эндогенного синтеза предпринимательство помещиков – создание различных лавок, магазинов, зерновых лабазов, ломбардов, меняльных лавок, контор по скупке у кустарей готовых изделий или полуфабрикатов, не говоря уже о мастерских, мануфактурах и земледельческих хозяйствах с наймом рабочей силы (см. [229, с. 97–128]). В обстановке сочетания феодальной экономики с капиталистическим укладом и мировым рынком эта «старая» деятельность помещиков все более приобретала и явно капиталистическую направленность.

Вместе с тем сельская экономика и деревенский социум Китая второй половины XIX – первой половины XX в. представляли собой не только самую массовую, но и самую низшую по качественным характеристикам среду синтеза типа «феодальное–переходное–капиталистическое», где абсолютно доминировали первое и второе начало. Деревенский капитализм был еще весьма слабым как в экономической, так и социальной сфере и почти не сказывался в сфере политической борьбы.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

Эндогенный спонтанный синтез

Господство сложившейся в средневековом Китае бинарной экономической системы, основанной на сращенности натурального и товарно-денежного начал, не только не исключало, но и делало неизбежным стихийное возникновение явлений эндогенного синтеза.

Иностранный капитал, вторгнувшись в Китай в середине XIX в., застал там целый спектр добуржуазных производственных ячеек. Они функционировали в условиях, когда деревня и земледелие подчиняли себе город и ремесло, а система этого подчинения обслуживалась внутренней торговлей (см. [104, с. 3–7]).

Основную массу составляли принципиально однородные хозяйственные ячейки, не втянутые активно в общественное разделение труда. Речь прежде всего идет о натуральном хозяйстве крестьянина – владельца земли и не связанном с рынком «предприятия» типа «земле-владелец – держатель земли на феодальном праве». Эти два вида первичных ячеек строились не на разделении труда и обмене между однопорядковыми контрагентами, а на их простом неконтактном сосуществовании.

Другая, достаточно значительная группа ячеек активно участвовала в общественном разделении труда и товарообмене. В данной функции чаще всего выступали хозяйство крестьянина – владельца земли (*цзы-гэн нун*), «предприятие» типа «помещик–арендатор» (*дичжу – дян-ху*), простая семейная кооперация в ремесле (*фан, цзо*) и простейшие виды артели в горнодобывающей и иных отраслях производства (*хэхо, хобань*) (см. [127, с. 141–142]).

Происходило и подчинение крестьян торгово-ростовщическому капиталу – через скупку продукции, ее предварительную контрактацию, авансирование, займы, погашение процентов и т.д. (см. [237, т. 1, с. 82–98, 523–529, 563–577]). Это создавало «предприятия» типа «торговец–крестьянин», «ростовщик–крестьянин», «торговец–ремесленник» и др. (см. [152, с. 44–45]). Все они представляли собой явления однопорядковые и по физическим (мелкое), и по экономическим (товарное), и по формационной характеристикам (явления, свойственные эндогенному синтезу, не выходящему за рамки дуальной системы развитого китайского феодализма).

Первичные ячейки товарного типа при взаимодействии создавали простейшие устойчивые хозяйственные структуры типа «производитель продовольствия – производитель ремесленных изделий», «производитель сырья – производитель готового продукта», «производитель высококачественного (дорогого) зерна – поставщик низкосортного

(дешевого) продовольствия», т.е. «производитель риса (или пшеницы) – производитель проса (или батата)» (см. [105, с. 48–54, 141–142]). Постоянный и обоюдный обмен мог идти и в более сложных структурах: «производитель сырья – изготовитель полуфабриката – производитель готовой продукции» (например, «хлопковод–прядильщик–ткач»).

Все эти взаимозаинтересованные производственные ячейки осуществляли более или менее постоянный товарообмен либо непосредственно, либо через торговца (см. [240, т. 2, с. 417, 421; 244, т. 2, с. 39–42]). В последнем случае цепочки усложнялись за счет связующего компонента, каковым выступал торговый (торгово-ростовщический) капитал: «производитель хлопка – торговец – изготовитель пряжи», «прядильщик–торговец–ткач» или «хлопковод–торговец–прядильщик–торговец–ткач» (см. [15, с. 439–442; 116, с. 86–87]). В итоге наряду с «простыми» возникали «сложные» соединения, входившие в общую систему разделения труда.

И в том, и в другом случае подобные «первичные» хозяйственные структуры, будучи явлениями самой ранней стадии эндогенного синтеза, несли в себе импульс стадийного и тем более формационного сдвига лишь в глубокой потенции. Иными словами, все они не только не выходили за рамки дуальной социально-экономической системы, но и являлись ее органической составной частью.

Знал традиционный Китай и явления более высокого уровня эндогенного синтеза. Задолго до «опиумных» войн там стали появляться немногочисленные частные капиталистические мануфактуры (централизованные и рассеянные), капиталистическая кооперация (мастерские без мануфактурного разделения труда) и раздаточная система, т.е. капиталистическая работа на дому (см. [171, с. 163–194]). Предприятия такого рода легко совмещаются с буржуазным обществом в силу их однородности. Китайской же мануфактуре XVII–XIX вв., функционировавшей в условиях чуждой среды традиционного общества, чаще всего было необходимо особое окружение или собственная общественно-производственная микросистема, включавшая помимо нее самой еще и сырьевой компонент, привязанный к ней постоянным обменом (см. [126, с. 442–483]). Так возникал особый производственный организм «мануфактура – производитель сырья», где промышленный и сырьевой компоненты становились необходимы друг другу как постоянные контрагенты специфического устойчивого разделения труда и постоянного обмена. Последний выступал гарантией непрерывности «единого» в рамках данной системы производственного процесса (см. [171, с. 169–170]).

Однако на пути такого встречного движения товара (сырья, полуфабриката, заготовок) и денег в условиях средневековой структуры рыночных отношений стояли различные препятствия: внутренние таможенные пошлины, произвол властей, отсталость инфраструктуры

и множественность видов капитала, поделивших между собой стадии движения сырья через крайне сложную товаропроводящую сеть (см. [105, с. 77–92]). Товар переходил от деревенского капитала к городскому, от помещичьего к купеческому, от внекорпоративного к гильдейскому или цеховому, от одного торгового к другому через посреднический (*яшан*, *якуай*), от местного к инопровинциальному или иногороднему (*кэшан*), от ростовщического к купеческому, от одного гильдейского к другому и т.д. Это движение осложнялось множественностью и разнородностью мер, весов, денежных единиц, местных торговых правил, обычаев и запретов (см. [105, с. 93–104]).

Самостоятельно охватить все эти этапы денежного и товарного обращения мануфактурист чаще всего был не в состоянии. Прямая связь с производителями сырья без посредников-скупщиков (*цзинцзи*, *шан-жэнь*, *гоубань*) была возможна лишь для сельских и части городских мастерских и мануфактур, если либо сырье доставлялось производителями прямо на предприятие, либо мануфактурист создавал заготовительные пункты (*чжань*, *цанку*, *цан*) в деревне, либо посылал туда своих разъездных приказчиков (*хоцзи*, *цзинцзи*), выполнявших функции скупщика. В других случаях хозяин предприятия попадал в зависимость от торговцев сырьем. Чтобы обеспечить его более или менее постоянное поступление, городской мануфактурист должен был постоянно иметь дело с одним и тем же оптовым поставщиком.

При этом торговый капитал, выступавший в роли снабженца, зачастую сам осуществлял необходимую первоначальную обработку сырья (очистка, сушка, сортировка, прессование, фасовка) (см. [240, т. 2, с. 623]), т.е. скупщик уже на стадии обмена «мелкий производитель – торговец» включался в разделение труда в качестве одного из его организаторов. В итоге капитал скупщика становится не только промежуточным, но и необходимым звеном в данной воспроизводственной системе, выступая гарантом непрерывности производственного процесса. Хозяйственный организм в результате принимал свой законченный вид: «производитель сырья – торговый капитал – мануфактура (мастерская)». В социально-экономическом плане эта триада представляется синтезированным явлением: «феодалный компонент – переходное начало – капиталистическое звено». На данном принципе строились отраслевые варианты подобных «предприятий», например «шелкомотальная мануфактура – скупщик – деревенский шелковод», «чайная мануфактура – скупщик – сельский чаевод» и т.д. (см. [156, с. 61–64, 71–72]).

Промышленным компонентом такой системы могла выступать не только централизованная мануфактура («высший» вариант эндогенного спонтанного синтеза), но и крупная мастерская без детального разделения труда внутри ее (см. [171, с. 112–114, 118, 167, 168, 174]) – «низшая» разновидность эндогенного спонтанного синтеза. Эти варианты могли действовать как изолированно друг от друга, так и в орга-

ническом единстве. В последнем случае складывались усложненные системы и удлинённые производственные цепочки, например «ткацкая мануфактура – торговый капитал – капиталистическая работа на дому (пряжание) – скупщик – крестьянин-хлопковод» (см. [104, с. 130–133]).

Возникает, таким образом, экономический организм, объединяющий, с одной стороны, капитал, наемный труд, детальное разделение труда, сравнительно сложные станки и приспособления, крупное для того времени рыночное производство, а с другой – крестьянский двор, примитивные орудия труда, рутинные методы хозяйствования и мелкое производство (см. [156, с. 73]). Обе эти товарные ячейки оказывались сведенными в одно «предприятие», хотя и не совсем органически построенное на постоянном движении и взаимозамещении сырья и капитала между его внутренними компонентами. Данная производственная система была спаяна третьим связующим участником «общего дела» – скупщиком, без которого ее сырьевой и промышленный компоненты чаще всего просто не могли «найти» друг друга (см. [104, с. 150–158]). Вне такой синтезированной системы мануфактурный и домануфактурный промышленный компонент в Китае, как и в Европе при зарождении ростков капитализма, чаще всего просто не мог функционировать (см. [152, с. 22–61]).

В отличие от «первичных» структур данный производственный организм уже не был механическим соединением однородных компонентов, находящихся на одном и том же уровне общественно-экономического развития. В нем были одновременно задействованы «старый» (торговый и ростовщический), «новый» (промышленный) и переходный (скупщический) капитал наряду с трансформированным производством феодального типа. Это уже был синтез, диалектическое единство разноплановых начал. Оба компонента одновременно и однородны (товарное хозяйство), и антагонистичны (капиталистическое – феодальное, крупное – мелкое производство). Главное же заключалось в их производственной неразрывности на базе постоянного разделения труда и обмена (см. [206, с. 18–19]). Конечно, конкретная мануфактура имела возможность сменить поставщиков сырья, переключиться на иного скупщика, действующего от другой гильдии, в другом уезде, и т.д. В равной мере помещики и крестьяне, замкнутые на данную мануфактуру и обслуживавшего ее скупщика, в принципе также могли сменить ориентацию, а задействованный в синтезе торговый капитал – переселиться в иную сферу экономики. Однако в целом по стране взятые в общей своей массе эти три компонента в данной системе синтеза чаще всего уже не могли произвольно выйти за рамки сложившегося разделения труда, нарушить указанную систему производственных отношений, ибо их функционирование стало комплексным, системно обусловленным.

Синтезированные явления всех вариантов («простые», «сложные», «высшие», «низшие») не были отгорожены «китайской стеной» от несинтезированных ячеек и звеньев. Синтез и «несинтез» не только сосуществовали бок о бок, но и вступали в обменные отношения. Создавались более длинные цепи типа «мастерская – обмен – производитель сырья – обмен – производитель высококачественного зерна (рис, пшеница) – обмен – поставщик низкосортного продовольствия (просо, батат)» (на базе «простого» синтеза) или «мануфактура – торговый капитал – мастерская – скупщик – производитель хлопка – торговец – производитель риса – обмен – поставщик проса» (на основе «сложного» синтеза).

Суть дела не менялась, если место централизованной мануфактуры занимала рассеянная, мастерской – капиталистическая раздаточная система (см. [171, с. 169–172]), а вместо крестьянского двора выступало товарное «предприятие» типа «помещик–арендатор» (см. [104, с. 144–145]). В любом случае первичные ячейки были в той или иной мере подключены, хотя и опосредованно, к сфере эндогенного синтеза, т.е. отчасти теряли свой изначальный несинтезированный характер. Они становились как бы «внешним отделением», «филиалом» или «продолжением» эндогенного синтеза, его служебным придатком и «периферией», принимая характер «синтеза второго эшелона».

Соответственно расширялась гамма различных видов и оттенков капитала, приводившего в движение эти системы. В такого рода разделении труда участвовал и традиционный (торговый, ростовщический, помещичий, шэньшиский и т.д.), и переходный (скупочный), и новый капитал (мануфактурный и домануфактурный).

Сфера синтеза, включая его «периферию», своего рода «стертый», или «размытый», синтез, была окружена гигантской толщей традиционного – либо нейтрального «несинтеза», либо открыто враждебного антисинтеза. Последний выступал под знаменем воинствующего конфуцианства, феодально-архаичного традиционализма и азиатского деспотизма в лице минской и цинской государственности, всячески ограничивавшей как «старого» (купец), так и «нового» «частника» (мануфактурист и иной предприниматель) (см. [171, с. 137, 168, 192, 193, 205, 219]).

Таким образом, китайское общество в минский и цинский периоды (с конца XVI по середину XIX в.), не зная еще синтеза традиционного и современного (западного) начал, уже имело дело с раннекапиталистическим «отечественным» синтезом в области экономики и социума. Поэтому понятие «традиционность», строго говоря, шире понятия «феодализм», так как первое включает наряду с последним и явления эндогенного спонтанного синтеза. Это особенно важно подчеркнуть, ибо еще за 300 с лишним лет до «опиумных» войн в китайском обще-

стве начал возникать целый спектр раннебуржуазных форм (капиталистическая кооперация, мануфактура, капиталистическая работа на дому), развивавшихся от «эмбрионального» уровня («ростки капитализма») до мануфактуры, так и не подошедшей к стадии мануфактурного производства используемой ею простой и сложной техники (см. [171, с. 983]).

Все эти хозяйственные явления и структуры развивались в русле эндогенного синтеза, т.е. в неразрывном блоке «капитализм–феодализм» или «мануфактура – обмен – средневековое хозяйство». Сущностью такой бинарной системы является не только сосуществование, но и взаимообусловленность двух различных способов производства, неразрывное единство противоположных формационных начал, рождающее промежуточный способ производства. Подобные хозяйственные и общественные структуры представляют собой клеточки межформационности (но не внеформационности!). В таких условиях возникает не «свободный» и «чистый» буржуа, а зависимый капиталистический участник нерасчлененного «триединого предприятия», персонифицирующий капитал, отягченный и заземленный обязательными феодальным и переходным (скупщик) «довесками». Китайский промышленник-мануфактурист не мог избавиться от них, так же как черепаха от своего панциря, ибо такое «избавление» практически означало гибель его «дела». Столь неотъемлемый «панцирь» служил одновременно и сферой жизнедеятельности, и клеткой, сковывающей поступательное развитие заключенного в нее капитала. Под тяжестью такого груза он терял часть своей прогрессивности, мобильности и буржуазности, опускался на некий промежуточный уровень, частично деградируя, подлаживаясь к феодальным формам хозяйствования и традиционным конфуцианским, т.е. антибуржуазным нормам поведения (см. [105, с. 104–107]). В сравнении с «чистым» капиталом вариант, скованный синтезом, выступает как капитал «третьего сорта». Он «подтягивал» в рамках «триединого предприятия» на свой промежуточный горизонт деятельность скупщика и повышал экономический статус феодального сырьевого компонента – в том и другом случае за счет понижения своего собственного буржуазного качества, ибо без таких «уступок» старому китайский капитализм был просто невозможен.

Все сказанное выше ни в коей мере нельзя отнести к особенностям Китая. Указанные явления, представлявшие собой первые этапы развития эндогенного синтеза, имели место и в странах «первичного» капитализма. Специфика Китая состояла в дальнейшей судьбе новых явлений. В Европе во многом за счет соответствующего воздействия абсолютистской государственности (в частности, политики меркантилизма) они сумели приобрести тенденцию к саморазвитию (наряду с другими процессами, ведущими к трансформации общества) и, восходя по ступеням синтеза, в конце концов вырваться за его рамки, став

базой новой формации. В таком же ключе в принципе шла эволюция и стран «вторичного» капитализма в Европе (см. [208, с. 235–263]).

В Китае же эндогенный спонтанный синтез оказался в совершенно иной обстановке. Последовательная враждебность государства, периодически просто «выпалывавшего» ростки нового, и всей окружающей традиционно-конфуцианской среды не давала развиваться его преобразующим потенциям. Уделом эндогенного спонтанного синтеза стало чисто функциональное обслуживание старого общества, требующего в условиях достаточно высокого уровня развития рыночной экономики товаров особого качества, специфических стандартов и, соответственно, большего количества (см. [105, с. 76–77, 104–107; 156, с. 72–90]). Это превращало эндогенный синтез из фактора, потенциально способного взорвать традиционную бинарную систему, в служебный придаток последней. Подобный путь развития был тупиковым, так как количественный и отчасти «качественный», т.е. медленный стадиальный, рост системы синтеза (а внутри ее и «капитала синтеза») шел не в русле разложения традиционного строя, а в плане его укрепления, т.е. усложнения и усовершенствования китайского арендно-бюрократического феодализма и в конечном счете его частичного оздоровления. Такой вариант развития спонтанного капитализма (от эмбриональных форм к мануфактуре) характерен для некоторых наиболее передовых стран феодального Востока доколониального и раннеколониального периода (см. [116, с. 387–391]).

Именно этот тип эволюции прочно возобладал в Китае XVI – первой половины XIX в. Став особым переходным способом производства, отличным от чисто феодальных структур, эндогенный спонтанный синтез остался всего лишь одним из рядовых компонентов традиционного общества в конфуцианском Китае. Даже в городах он не превратился в прочное общественно-влиятельное начало (см. [171, с. 194, 204, 221, 222]).

Данный тупиковый вариант развития эндогенного синтеза не мог придать китайскому городу и промышленности экономического перевеса над деревней и земледелием, не мог покончить с постоянной хозяйственной подчиненностью первых вторым и создать дихотомию «капиталистический (или хотя бы переходный) город – феодальная деревня». Китайский сельский комплекс успешно удерживал экономическое влияние отечественного города в безопасных для всей системы рамках, а влияние инонационального (особенно европейского) или мирового города до середины XIX в. практически отсутствовало.

Если в странах Запада (кроме Англии) в XVII–XIX вв., как показал Н.А.Симония, имело место приспособление старых производственных отношений к новым (см. [151, с. 39–46]), то в традиционном Китае наблюдалось обратное. Вплоть до середины XIX в. происходило «обволакивание» старым базисом капиталистических форм хозяйства как в русле синтеза, так и в более широком плане утилизации их в общем

контексте бинарной социально-экономической системы. Эндогенный синтез в «доопиумном» Китае, будучи по своей природе не столько буржуазным, сколько переходным явлением, не смог стать ступенью самостоятельного движения к особому экономическому укладу, а затем к целостному буржуазному обществу, т.е. не развил своего формационно-образующего потенциала. Вплоть до «опиумных» войн блокированный старым и бесперспективный, спонтанный эндогенный синтез оставался «прислужником» феодальной формации, «рабочим винтиком» старой общественной системы, безвредным и неопасным для нее (см. [105, с. 104–107]). В силу всех этих качеств он не породил социальной, политической и духовной оппозиции традиционному обществу, не создал и особой социальной прослойки с программой бюргерской активности, а также общественных течений и движений типа европейских Возрождения, Реформации и Просвещения (см. [104, с. 3–7]).

Лишь впоследствии – после вторжения европейского капитализма в Китай и развития гетерогенного синтеза, т.е. после создания капиталистического уклада извне, – спонтанный синтез, получив мощный импульс для своего развития, стал компонентом последнего, не порвав при этом своей теснейшей связи с традиционным укладом переходной экономики (см. [25, с. 145–150]).

Будучи чисто базисным явлением, эндогенный спонтанный синтез в Китае, крайне слабо затронув социальную сферу, совершенно не повлиял на надстройку. В итоге возник не чисто мануфактурный капитал, а компромиссная промежуточная форма, развивалось не столько буржуазное начало, сколько форма его вставания в средневековье. Подобный социально-экономический компромисс выражал собой идею худшего варианта эволюции, т.е. медленного количественного роста без качественного восхождения. Это было застойное прозябание в рамках феодальной системы в ее азиатско-деспотической разновидности. Целью «капитала эндогенного синтеза» было не движение вперед, а простое выживание и самосохранение. Его уделом было – покупать и платить, терпеть произвол и приспособляться, т.е. покупать то, что деспотия соизволит ему продать (второсортные звания шэньши, формальные должности, декоративные чины (см. [167, с. 81]), в противном же случае – терпеть насилие всемогущей бюрократии и презрение конфуцианского общества (см. [104, с. 5–7, 253, 254]).

Было бы, впрочем, упрощением весь китайский «мануфактурный комплекс» (мануфактура централизованная и рассеянная, капиталистическая кооперация без соответствующего разделения труда внутри нее, капиталистическая работа на дому вне сферы рассеянной мануфактуры) относить к одному уровню развития эндогенного синтеза. Выше уже упоминались отдельные предприятия (реже – городские, чаще – сельские), которые связь с производителями сырья осуществляли прямую – через рынок, без посредничества торгового капитала. Их

хозяева сами скупали сырье у крестьян и помещиков в пригородных деревнях и волостях, у приходивших в город крестьян или привозивших его сюда доверенных лиц крупных землевладельцев. Скупка производилась либо на рынке, либо на складах предприятия. Подобные предприятия уже достигли стадии раннекапиталистических, т.е. частично вырвавшихся за рамки синтеза (см. [103, с. 147, 148, 156–158, 243–247; 229, с. 57–69, 80–96]). Но в целом в Минской и Цинской империях прочно возобладал стадияльно более низкий эндогенный синтез.

Однако как ни малы были в традиционном Китае его физический объем и влияние, но именно он положил начало делению всех хозяйственных структур на три категории – непосредственно участвовавших в синтезе, в той или иной мере подключенных к нему и, наконец, полностью изолированных от него, самостоятельных и независимых в своей феодальной «чистоте».

Полуколонияльный синтез

Вторжение иностранного капитала в Китай (в различных формах) резко изменило там социально-экономическую ситуацию. Втягивание Цинской империи в мирохозяйственные отношения сделало ее частью общемировой системы «капиталистический Запад – феодальный Восток» или «метрополии–колонии (+ полуколонии)» (см. [159, с. 22–73]), т.е. поставило в условия колониального синтеза², первой основной формы гетерогенного синтеза (второй стал неоколониализм).

«Классическая система колониального синтеза, – писал Н.А.Симония, – образуется не простым механическим подчинением элементов данного традиционного способа производства капиталистическому производству метрополии, а путем синтезирования взаимно модифицированных, взаимно приспособленных сторон или частей этих двух различных способов производства, путем их слияния в новый способ производства. Мы имеем здесь, таким образом, не только определенное количество элементов экономики колонии, экономики метрополии и их антагонизм, но также их *синтез, который представляет собой не застывшую формулу, а движение*. Опосредованное обращением мелкое производство колонии является условием функционирования промышленного капитала метрополии, и наоборот. Противоречивая сущность данного синтеза заключается в том, что данный промышленный капитал и данное мелкое производство могут существовать, лишь постоянно вступая в отношения обмена и борьбы между собой. Обмен, реализуемый через функционирование торгово-денежного капитала, выражает собой *производственное отношение (разделение труда) колониального типа*, т.е. производственное отношение между уже однотипными (одинаково носящими товарный ха-

рактор), но неоднородными (стоящими на разных уровнях товарного производства) агентами (производственными единицами) *синтезированного общественно-производственного организма* (курсив наш. — Авт.). Так, колониальный синтез есть движение, но оно осуществляется не по замкнутому кругу. В ходе его происходит изменение соотношения составляющих его компонентов, их собственная эволюция, дальнейшая модификация и трансформация. Важно подчеркнуть также, что синтезируемые компоненты отнюдь не находятся в некоей изоляции от соответствующих несинтезированных структурных элементов колонии и метрополии. Напротив, между ними неизменно совершаются многоплановые процессы взаимовлияния, взаимопроникновения и борьбы» [151, с. 188],

Все это в принципе относится и к переходному обществу в Китае. Однако, как известно, он колонией не стал. За 70 лет экспансии Запада (1840–1911), после пяти вооруженных агрессий (в том числе двух коллективных) державы едва смогли устранить препятствия, создаваемые традиционной системой Китая на пути «правильного» функционирования там иностранного капитала, более или менее закрепитесь в ряде пунктов на побережье, обеспечить себе довольно значительное влияние на местные и центральные власти и выкроить «зоны влияния» (не имевшие четкого юридического оформления).

Под влиянием смазанности и деформации полуколониального типа подчинения Китая, местной и типологической специфики китайского варианта отмеченные выше закономерности при всей их действительности имели и тенденцию к известным отклонениям и модификациям. Главное отличие от «чистого» эталона состояло в том, что наиболее современный, т.е. иностранный, капитал в Китае не являлся полноценным колониальным хозяином.

Механизм включения Китая в мировую колониальную систему был лишен ряда свойств и компонентов обычной дихотомии «метрополия–колония». Неполноценный колониальный статус европейского, американского и японского капитала вне зон прямой оккупации (Тайвань, Гонконг и т.д.) и иностранных концессий обусловил стертость данной модификации колониального синтеза, гипокOLONиальность синтезированного общественно-производственного организма Китая. Это неизбежно сказывалось во всех слагаемых – ячейках, звеньях, структурах и видах китайского варианта, на условиях функционирования иностранного промышленного капитала, как пересаженного в «открытые» порты на китайском побережье, так и остававшегося за океаном, но связанного с Китаем в производственном плане.

Капитал «заморских варваров» далеко не всегда получал в Средней империи прямой доступ к интересующему его сырью. Это было возможно лишь в деревнях районов прямой оккупации (Тайвань, Квантунский п-ов и т.д.) или на горнодобывающих предприятиях иностранного сектора внутри и вне таких районов (см. [104, с. 70–72, 98–

100]). Во всех остальных случаях перед иностранными фабрикантами вставали две фундаментальные трудности: отсутствие «своей» политической власти и те же самые барьеры, что мешали китайским мануфактуристам установить напрямую связь с источниками отечественного сырья. Последние препоны были для иностранца или его компрадора часто почти непреодолимы без участия местного низового капитала скупщика вследствие незнания европейцев, американцев и японцев конъюнктуры в китайской глубинке, незнания языка или местного диалекта, торговых традиций, правил, ограничений и лазеек в обход их, т.е. наиболее быстрых и дешевых путей к сырью. К этому добавлялось стойкое противодействие традиционного общества, скрытая или явная вражда населения ко всему «варварскому», «западному» (см. [56, с. 200, 232; 73, с. 69–81; 111, с. 256–258]). Деловые контакты с «заморским дьяволом» для традиционалистских слоев, как правило, первое время считались чем-то вроде измены родине и могли плохо кончиться для контрагента иностранцев (см. [132, с. 66–71]). Даже компрადоры-китайцы могли заготавливать требуемое европейцами сырье только через посредников, доверенных лиц, анонимных агентов, а иногда через целую их цепочку.

В столь жестких условиях западному промышленному капиталу в «открытых» портах (или за океаном) не оставалось ничего другого, как идти по пути местной мануфактуры и ранних китайских промышленников, т.е. дорогой производственного синтеза, повторяя методы эндогенного синтеза «доопиумного» периода. В указанном плане последний отчасти подготовил почву для полукOLONиального синтеза. Опыт и принципы спонтанного эндогенного синтеза в какой-то мере облегчили как психологически, так и практически участие китайского компонента (или компонентов) в новом, полукOLONиальном варианте синтеза.

Более того, на первых порах иностранный сектор был вынужден сам создавать какое-то подобие эндогенного синтеза, т.е. организовывать мануфактурное производство в системе единого производственного организма «иностранная мануфактура – скупщик – мелкое феодальное производство сырья» со сбытом на внешнем, а также внутреннем, т.е. китайском, рынке (см. [235, т. 1, с. 236–238]). Многие иностранные предприятия, в том числе чайные «фабрики», шелкообрабатывающие, мыловаренные и иные заведения, долгие годы держались целиком на ручном труде китайцев без применения машин и паровых двигателей (см. [54, с. 122–126]). С одной стороны, такой производственный организм был крайне близок к явлениям эндогенного синтеза, а с другой – уже имел иное качество, будучи порождением полукOLONиального синтеза. Иными словами, это было промежуточное переходное явление от одного типа синтеза к другому или особый вид синтеза (см. [105, с. 222–224]).

Однако основная масса производственных систем полукOLONиального синтеза строилась на неизмеримо более высоком способе произ-

водства на базе новой триады: «европейская (или иная) фабрика – торговый и денежный капитал – китайский мелкий производитель» (последним могла быть и крупная по китайским масштабам мануфактура или мастерская [156, с. 61, 62]). В сферах как эндогенного, так и полукOLONиального синтеза, когда промышленник-буржуа вынужден был вместо обращения к свободному рынку сырья подключаться к традиционной в целом цепочке «торговый капитал – мелкий производитель сырья», неизбежно возникал синтез капиталистического и добуржуазного производства с переходным связующим звеном в лице скупщика – заготовителя и поставщика сырья.

Происходившее в рамках гетерогенного синтеза внешне выглядит как простой товарообмен между метрополией и полукOLONией, как многоступенчатая сделка между несколькими дельцами. Может показаться, что ячейка одной формации (капиталистической) – фабрика – просто покупала на рынке Китая сырье феодальной хозяйственной ячейки (крестьянский двор). Однако по сути это не столько рыночно-потребительское снабжение, сколько производственное отношение, т.е. разделение труда и кооперация в рамках связывавшего различные страны и формации производственного процесса, протекавшего в «стенах» весьма специфического «предприятия». Дихотомия «продавец–покупатель» лишь скрывает жизнедеятельность крайне сложного и отчасти условного хозяйственного организма, одновременно целостного и разобщенного (см. [237, т. 1, с. 528–532, 552–556]).

Вся упомянутая выше специфика составляла, подчеркнем еще раз, не сущность, а своеобразие китайского варианта. В принципе же он лежал в русле колониального синтеза, т.е. производственных отношений типа «западный капитализм – обмен – традиционные структуры» или «иностранный промышленный капитал – обращение – местное мелкое производство» (о них см. [199, с. 21–26, 83–103, 129–140]). Все эти три компонента были, во-первых, в той или иной мере модифицированы в русле внутреннего синтезирования, а во-вторых, составляли триединую систему разделения труда колониального типа. С учетом несинтезированного, т.е. невтянутого в такое разделение труда, традиционного пласта синтез колониального типа оказался в рамках еще более широкой, но размытой своего рода системы «двойной связи»: «синтезированная современная экономика – обмен – синтезированное китайское звено – обмен – чисто традиционные структуры» (см. [25, с. 144–149]).

Единый производственный организм колониального синтеза («промышленный капитал метрополии – торгово-ростовщический капитал – мелкое производство колонии» [208, с. 279, 280]) в Китае выступал в двух основных вариантах. В первом мелкое местное производство функционировало как поставщик сырья для машинной индустрии Западной Европы, США и Японии. Дихотомия «полукOLONиальный Китай – капиталистические страны» была в данном случае равнознач-

на комплексу типа «производитель сырья – производитель готовой продукции». Это был своего рода «прямой» сырьевой вариант, наиболее характерный для колониального синтеза. В нем современный, или промышленный, компонент обычно был представлен хлопкопрядильными, хлопкоткацкими, шелкомотальными, шелкоткацкими фабриками, предприятиями по переработке китайского пищевого (соевая продукция, масличные и т.д.) и минерального сырья (см. [54, с. 78, 88, 90, 92–94]). Китайский, или сырьевой, компонент такого хозяйственного организма охватывал всю гамму производственных единиц традиционного типа.

Первым и главным было хозяйство крестьянина – владельца земли, производителя рыночной, в том числе экспортной продукции. Речь идет о мелкотоварном производстве, втянутом в мирохозяйственные связи и тем самым в большей или меньшей степени в русло мелкобуржуазной эволюции. В итоге такое мелкое хозяйство формально традиционного крестьянина становилось участником более высокой (по уровню задействующего его производственного организма) системы полусовременного типа. Вторым по важности поставщиком сырья в системе колониального синтеза было товарное «хозяйство» типа «помещик–арендатор», ориентированное на рынок, иногда – на экспорт. Как и хозяйство «торгующего» крестьянина–владельца земли, такое «предприятие» становилось производителем промышленного сырья в системе «современный капитал – обмен – традиционное хозяйство», выходя тем самым на иной экономический и социальный горизонт (см. [152, с. 17–61]). Третьим «сырьевым» контрагентом являлся китайский кулак в обеих своих ипостасях – в качестве организатора мелкого батрачного (поденщики, сезонные рабочие) хозяйства или мелкого «предприятия» типа «землевладелец – держатель земли». При этом и крестьянин–владелец земли, и кулак могли быть поставщиками не только сельскохозяйственного сырья, но и ремесленных полуфабрикатов.

В той же роли выступали городской цеховой или сельский ремесленник, капиталистическая мастерская (городская и деревенская), мануфактура (централизованная и рассеянная), капиталистическая работа на дому (вне мануфактурного разделения труда) и различные сочетания трех последних типов организации производства. Особым видом поставщика сырья была артель, занятая в горнодобывающей или другой отрасли.

Наряду с «прямым» сырьевым вариантом колониального синтеза имел место «перевернутый». Так, во второй половине XIX в. национальные и иностранные прядильные фабрики в Китае из-за неразвитости местной сырьевой базы (китайский хлопок был коротковолокнистым и не годился для выработки машинной пряжи высоких номеров) работали на длиноволокнистом сырье из Индии и США. В результате сложились хозяйственные организмы типа: «колониальное сырье

(сырье из капиталистической страны) – иностранный коммерческий капитал – машинное производство в полуколонии» («хлопковод в Махараштре или Гуджарате – английский или индийский оптовик в Бомбее + его компрадор в Китае – текстильная фабрика в Ухане» или «хлопковая плантация в Алабаме или Джорджии – американский экспортер в Новом Орлеане + его компрадор в Китае – механическая прядильня в Шанхае»).

В других случаях европейский, американский и японский промышленный капитал выступал производителем полуфабрикатов (машинная пряжа, прутковое и полосовое железо, заготовки иного рода), а создателем готовой продукции (ткань, бытовые скобяные изделия и т.д.) являлось мелкое китайское производство (см. [105, с. 154–155]). Создавалось производственное единство «английская хлопкопрядильная фабрика – обмен – китайские ручные ткачи³» или «иностранная ткацкая фабрика – товарно-денежное обращение – китайские ручные красильни» и т.д. (см. [103, с. 203–217]).

Имел место и «комбинированный» синтез на базе слияния «прямого» и «перевернутого» вариантов или их производственной неразрывности. Таким образом, наряду с «простым» («китайский хлопковод – японская хлопкопрядильная фабрика») возник «сложный» синтез («китайский хлопковод – японская прядильная фабрика – китайский ткач-надомник») (см. [103, с. 50, 204, 212, 215, 216, 222]).

Наряду с «двойным» вариантом типа «Китай – капиталистические страны – Китай» имел место и «двойной» синтез с большим уклоном к колониализму. Это был хозяйственный организм типа «метрополия – колония – полуколония» или, естественно, «современное производство машин – современное производство полуфабрикатов – традиционный производитель готовой продукции». Такой «триадой» являлась система «промышленный капитал Англии – прядильные фабрики колониальной Индии – ручное ткачество Китая» (Манчестер–Бомбей–Цзянсу). Именно данный вариант (британская техника – индийская машинная пряжа – китайский домотканый ситец) наиболее полно отражал место Китая в системе колониального синтеза мирового масштаба, т.е. «метрополии (+ колонии) – полуколонии» (см. [15, с. 444–448; 110, с. 364]). Участниками второго и третьего вариантов со стороны Китая выступали крестьяне-хлопкоткачи, городские ремесленники, мастерские, мануфактуры (обоих видов), надомная раздаточная система (самостоятельно и как придаток мануфактуры), а также сочетание трех последних производственных форм.

Колониальный синтез представлял собой постоянный обмен между современным и традиционным компонентом, т.е. безостановочное движение между обоими полюсами дихотомии сырья и полуфабрикатов, торгового и ссудного капитала, движение, опосредствованное сферой обмена и обращения. «Срыв поставок колониального сырья в метрополию – уже не просто несостоявшаяся торговая сделка, а раз-

рыв в производственном процессе» [151, с. 181]. Носившее ранее самостоятельный характер товарно-денежное обращение превратилось «в постоянный момент производственного процесса» [151, с. 182].

В китайском варианте подобной системы «посреднический» компонент представлял в разных видах. Это был, во-первых, уже частично синтезированный торговый капитал внешне традиционного типа — гильдейско-цеховой, в том числе брокерский (*яху*, *яшан*), помещичий и т.д., во-вторых, отчасти синтезированный, но по форме старый ростовщический капитал — меняльные лавки (*цянчэжуан*), переводные конторы (*няохоао*) и ломбарды (*дяньдан*) и, в-третьих, сочетание капитала первого и второго вида (см. [36, с. 155–162; 248, с. 1–10]). В той же роли активно выступали и компрадорский капитал (сам по себе и в содружестве с тремя упомянутыми видами), и современный капитал — западный, японский и национальный (коммерческий и банковский), как самостоятельно, так и в блоке с компрадорским, а отчасти и с формально-традиционным капиталом (см. [193, с. 267–293]).

Обмен и обращение в системе полукOLONиального синтеза опосредовались как средневековой, так и современной инфраструктурой. Постоянное движение сырья и полуфабрикатов поддерживалось джонками и пароходами, двуколками, кули-носильщиками и железными дорогами, традиционными *хуэйгуанями*⁴ и современным складским хозяйством с участием страховых компаний. Движение торгового и ссудного капитала между обоими полюсами осуществлялось посредством традиционных переводных операций (*хуэйцзюань*, *дуйтяо*) и телеграфа, средневековой посылной службы (*синьцзюй*, *миньцзюй*) и современной почты.

Наконец, колониальный синтез на почве Китая находил свое выражение в появлении многочисленных явлений, комплексов, процессов и отношений более простого (по структуре и уровню) порядка, в основе которых лежала нерасчленимая дихотомия типа «Запад–Восток»: «производство машин — их потребление», «современная техника и капитал — традиционная рабочая сила», «западный капитал — ручная техника — традиционная рабочая сила» (мануфактуры в иностранном секторе), возникновение «промежуточной» (между современной и старокитайской) техники (ручные и ножные станки фабричного изготовления) и технологии (новые отрасли), синтез стадийно различных видов капитала (переход от сосуществования и взаимодействия к взаимопроникновению) и т.д. (см. [135, с. 21–26; 186, с. 3–11]).

Таким образом, колониальный синтез в его китайском полукOLONиальном варианте представлял собой диалектическое единство формационных (капитализм–феодализм) и цивилизационных (европейское–китайское) противоположностей. В силу своей «промежуточной» природы он выводил китайский компонент на стадию межформационного состояния. Колониальный синтез (на всех его уровнях) в сфере экономики и социума привел к сочетанию толщи докапитали-

стических структур с узким современным звеном и разрастающейся переходной промежуточной прослойкой между ними (см. [25, с. 146–149]). Тем самым шло создание не капиталистической (или раннебуржуазной), а смешанной комбинированной системы. В китайском варианте колониальный синтез «работал» не на смену формации, а на межформационность, хотя неизбежно создавал капиталистические явления в качестве своего побочного продукта.

Национальный вариант

Как колониальный синтез вообще, так и его китайская полуколониальная модификация были системами, находящимися в процессе постепенного развития от низших форм к высшим. В ходе этой поступательной эволюции мелкое производство (китайский компонент) постепенно замещалось крупным, традиционное – современным (ремесленник – фабрикой). Подобная тенденция, имманентно заложенная в самой системе, неизбежно порождала отрицание последней местным капиталистическим укладом (с иностранным и национальным секторами) (см. [111, с. 279–288, 451–459, 463–473]), который, в свою очередь, столь же неизбежно вступил в борьбу за равноправный статус Китая в мировой капиталистической системе, за выход из системы колониализма (см. [30, с. 57–74; 140, с. 31–47]).

Начало этому, сам того не подозревая, положил европейский (в первую очередь английский) капитал в рамках иностранного сектора, призванного, по идее, служить делу колониального синтеза (см. [104, с. 54–105]). Производственная неразрывность крупного иностранного капитала с мелким местным производством внешне выглядела как наиболее вживленный в «гипоколонию» вариант колониального общественно-производственного организма. Однако часть производственного капитала, вложенного Западом в иностранный сектор экономики Китая, постепенно полностью или преимущественно втягивалась во внутрикитайское разделение труда, опосредованное местными рыночными связями. Преобладающая доля доходов таких предприятий реализовалась или накапливалась в Китае. В результате они становились органическими участниками китайского общественно-производственного организма, т.е. происходила в определенной мере национальная ассимиляция этой части иностранного капитала, задействованной в системе национального синтеза и постепенно фактически превращавшейся в составной элемент местного буржуазного уклада (см. [19, с. 90]). Последний же в своем восходящем развитии выступал антагонистом китаизированной модификации колониального синтеза, не говоря уже о постепенно развивавшемся национальном капитале. Таким образом, развитие синтеза полуколониального типа породило антиколониальный потенциал.

Разнопорядковая система («современное крупное производство – обмен – мелкое традиционное производство») стала частично замещаться однопорядковой («современное крупное производство – обмен – современное крупное производство»). Это было началом конца общественно-производственного организма типа «крупное производство метрополии – обращение – мелкое производство полуколоний». В одном случае китайский (сырьевой) компонент системы замещался предприятием иностранного сектора (английская шелкопрядильная фабрика в Шанхае – обмен – шелкоткацкая фабрика в США). В другом данную роль могло играть национальное машинное предприятие (Ханьепинский металлургический комбинат – обращение – металлургические заводы Явата и металлообрабатывающая промышленность Японии (см. [269; 270]). В обоих случаях возникал еще один «сырьевой» вариант (пряжа – ткань, чугун и руда – сталь и изделия из нее), но уже вне колониального синтеза как такового (хотя наряду с подобным «отклонением» продолжали функционировать и колониальные предприятия в прямом смысле этого слова – например, японский горно-металлургический комплекс в Южной Маньчжурии до и после 1931 г. [1; 121]).

Таким образом, национальный капитализм в Китае возникал в рамках колониального синтеза и сам был вынужден синтезировать в своем лоне современное (капитал, машины, западная технология, новые методы хозяйствования) и традиционное (мелкое производство сырья и заготовок, старые хозяйственные формы и методы ведения дел, старый людской «материал», конфуцианские стереотипы мышления и поведения) (см. [186, с. 3–11]). К этому традиционному началу вплотную примыкал и местный капитализм эндогенного происхождения, поднявшийся от эмбрионального состояния до мануфактурного уровня (см. [206, с. 14–19]). Иначе говоря, капиталистический уклад в Китае возник как синтезированная система («внутренний синтез»). Поэтому развитие буржуазного начала и частичная замена неколониальной производственной системой колониальной не являлись вытеснением синтеза антисинтезом, поскольку новый уклад мог функционировать лишь в рамках «своей» особой структуры, где крупный капитал был через сферу обмена неразрывно связан с подчиненной ему «частью» формально старой, а фактически уже синтезированной экономики – мелкого ручного производства либо сырья, либо готовых изделий.

Специфика Китая, как уже отмечалось, заключалась в том, что с пересадкой туда крупного иностранного, а затем и с вызреванием национального капитала оба они (особенно первый) по большей части не могли напрямую сомкнуться с непосредственным производителем сырья и полуфабрикатов, включиться без посредников во внутрикитайский рынок (см. [221; 278]). Этому мешал прочный барьер традиционности – гильдейские правила, цеховые ограничения, монопольные права института торговых посредников и их объединений, слож-

ность местной товаропроизводящей сети, специфика средневековых коммерческих традиций и обычаев, пестрота старинных денежных единиц, мер длины, веса и объема, средневековый характер внутренней таможенной сети, чиновный произвол и т.д. (см. [104, с. 150–158, 257–260]). Иначе говоря, перед действующим в стране фабрикантом, как и перед связанным с Китаем заокеанским промышленником, стояла та же своего рода «китайская стена» на пути к сырью, мешавшая и отечественному «доопиумному» предпринимателю. Преодолеть эту систему средневековых преград и помех без помощи традиционного торгово-ростовщического капитала было чаще всего либо невозможно, либо нерентабельно. Последний мог быстрее и дешевле провести сырье, заготовки и готовую продукцию через эти рогатки старины. Гильдейский, цеховой, брокерский, помещичий, чиновный и шэньши-ский «капитал» в условиях переходного Китая являлся совершенно необходимым компонентом в системе деятельности национального и иностранного секторов современного производства (см. [105, с. 81–93]). В итоге для «внутреннего», как и для эндогенного спонтанного и колониального синтеза единственно возможной становилась система «крупное национальное (или иностранное) производство – торгово-ростовщический капитал как организатор обмена – мелкое традиционное производство».

В условиях Китая второй половины XIX – первой половины XX в. такая синтезированная структура в известном смысле являлась идеальным способом сочетания и параллельного развития современной и традиционной экономик (см. [135, с. 21–26]). Данная производственно-воспроизводственная система могла функционировать лишь на основе постоянного обмена и обращения между буржуазным укладом и замкнутой на него частью феодального и переходного хозяйства, т.е. постоянного движения сырья, полуфабрикатов, торгового и ссудного капитала между двумя полюсами. Разрыв этой связи, т.е. безостановочного обмена, грозил крахом как современному компоненту, так и задействованному им, т.е. ориентированному на его производственный спрос и потребление традиционному звену (см. [185, с. 251–258; 248, с. 3–10]). Иными словами, комплекс крупного современного производства (включая часть иностранной промышленности в Китае), определенный сектор традиционного хозяйственного потенциала и какая-то часть подключенного к тому и другому коммерческого и ссудного капитала были связаны в законченную и неразрывную систему непрерывного функционирования. Ни современный, ни традиционный участник этой экономической системы были не в состоянии выйти из нее, нарушить сложившееся разделение труда и разорвать данное производственное отношение. В итоге не только крупный национальный производственный капитал, но и остальные элементы синтеза (за исключением иностранного сектора) были заинтересованы в борьбе против колониализма и империализма.

Данный производственный (и воспроизводственный) организм выступал как национальный аналог колониального синтеза (см. [151, с. 188]). Этот новый тип производства являлся переходным и по форме и по содержанию, ибо все три его компонента, так же как и составные элементы полуколониального варианта, были сами в той или иной степени трансформированы в русле синтеза: крупное современное производство подвергалось некоторой традиционализации (см. [28, с. 50–57]), а две другие составляющие – модернизации.

Конечно, причины возникновения национального, впрочем, как и до него эндогенного спонтанного и полуколониального синтеза не сводимы только к одному сырьевому фактору. Он был лишь главным в общей системе помех буржуазному грюндерству в традиционном и переходном Китае, в общей неподготовленности и неприспособленности всей атмосферы конфуцианского общества к развитию капитализма, как привнесенного, так и «своего» (см. [104, с. 3–7, 263–271; 105, с. 104–107; 156, с. 72–90]). Если бы китайская фабрика возникла как продукт естественного спонтанного развития, как явление органически связанное с породившей ее буржуазной средой (пример Англии), то ей не нужно было бы создавать вокруг себя особую «защитную» и производственную микросистему по образцу эндогенного и колониального синтеза. Однако национальная и иностранная фабрика в Китае искусственно насаждалась в чуждой ей и отсталой среде (не поздний, а всего лишь развитой феодализм) (см. [132, с. 54–66]), которая была не просто стадийно неподготовленной к такой трансплантации, но по-конфуциански, по-азиатски, т.е. в духе восточного деспотизма, откровенно ей враждебна (см. [132, с. 66–72]). Внедриться в такую толщу вполне «здорового» феодализма без создания вокруг себя особой «оболочки» производственного синтеза крупное машинное предприятие европейского типа (особенно созданное «низким» и «корыстным» частником) просто не могло. Ведь даже традиционная мануфактура и капитал Запада были вынуждены приспособляться к особым условиям старого Китая путем синтеза. Иными словами, национальный синтез порождался теми же причинами, которые вызвали к жизни «доопиумный» спонтанный синтез (см. [105, с. 92–104]). Однако в отличие от него национальный синтез носил эндогенный характер лишь частично, поскольку в значительной мере был подключен к сфере гетерогенного синтеза и генетически произрастал из полуколониального варианта последнего.

Производность национального синтеза от полуколониального прослеживается и в расстановке задействованных сил. Крупный современный промышленный капитал китайской буржуазии в его системе занял место, принадлежавшее в колониальном варианте синтеза «внешнему» участнику, т.е. индустриальному грюндерству империалистических держав (см. [54, с. 78, 101]). (Сходную роль играла, как уже отмечалось, часть растущего иностранного сектора, в значитель-

ной мере включившегося во внутрикитайское разделение труда, – см. [105, с. 221–225].) «Типовая» структура «производитель сырья – обмен – производитель готовой продукции» колониального синтеза на-
следуется национальным синтезом («китайский хлопковод – обращение – китайская хлопкопрядильная фабрика» (см. [103, с. 126–131])). В данном «прямом» сырьевом варианте местное машинное производство заменяло фабрику, находившуюся за океаном. Столь же характерен для национального синтеза и «обратный» сырьевой вариант, когда поставщиком сырья и полуфабрикатов для мелкого производителя готовой продукции становилась местная крупная индустрия («китайская прядильная фабрика – обмен – надомный ткач») (см. [103, с. 64, 65, 211, 222, 234])). Параллельно складывался и «сложный» синтез (китайский хлопковод – обмен – национальная машинная прядильная – обмен – китайское ручное ткачество), но на чисто отечественной базе.

Контрагентами национальной или иностранной фабрики в данной производственной системе выступали (в той или иной мере) все основные товарные ячейки фактически уже частично синтезированной части традиционной экономики: хозяйство крестьянина – владельца земли, «предприятие» типа «помещик–арендатор», кулацкий двор, мелко-товарное хозяйство как городского, так и сельского ремесленника, мастерская, мануфактура (оба вида), надомная раздаточная система, а также различные комбинации трех последних хозяйственных типов (см. [103, с. 204–244])). Движение сырья, полуфабрикатов, ссудного и коммерческого капитала, а также функции транспортировки и хранения в данном производственном обмене «современное–традиционное» осуществляли те же типы контрагентов, что и в системе полуколониального синтеза.

Таким образом, если с 40-х годов XIX в. в Китае сосуществовали два типа экономического синтеза – эндогенный спонтанный и гетерогенный полуколониальный, то с 80-х годов к ним прибавился третий – национальный. По целому ряду своих показателей он был чем-то средним, промежуточным между первыми двумя. С полуколониальным синтезом его роднили и происхождение, и форма, и экономическая суть, а со спонтанным эндогенным – частичная подключенность только к внутрикитайскому рынку и значительно более низкие, нежели у полуколониального, качественные характеристики. Во-первых, современный компонент национального синтеза (китайская фабрика и национальный промышленный капитал) сам изначально был продуктом синтеза традиционного и современного. Во-вторых, заниженность качества укреплялась формально традиционно-феодальным, а фактически уже отчасти трансформированным сырьевым компонентом системы. В-третьих, в том же направлении влиял связующий компонент, т.е. торгово-ростовщический капитал, ставший скупочным (см. [54, с. 253, 254, 302–307])).

Под этим тройным влиянием вся система национального синтеза становилась переходной в двух планах – системном (функциональном) и качественном, занимая промежуточное положение между полуколониальным и спонтанным вариантами и выступая в определенной мере связующим началом, мостом между двумя полярными вариантами, один из которых в своей основе являлся более современным, а другой, напротив, оставался почти традиционным. Национальный синтез выступал в нескольких ипостасях: как порождение полуколониального, как его развитие в общеисторическом плане по восходящей линии и как его антагонист и отрицание, будучи продолжателем «дела синтеза», но уже в интересах «гипоколонии», а не группы «метрополий». Процесс постепенной смены полуколониального синтеза национальным являлся вытеснением новым старого, более прогрессивным менее прогрессивного (см. [54, с. 78, 93]). В итоге «снятие» полуколониального синтеза (отрицание отрицания) происходило не в последовательности «синтез–антисинтез», а путем замены другим, более органичным аналогом – новой нерасчленимой системой производства. Последовательная потеря своих монопольных позиций межнациональным и поступательное развитие отечественного синтеза были практически двуединым неразрывным и одновременным процессом, растянувшимся от 80–90-х годов XIX в. до 1949 г. (когда он был еще весьма далек от своего завершения). Помимо иных бурных событий политической истории Китая эти 60–70 лет были заполнены и их взаимной борьбой. Вплоть до конца 20-х годов она шла с переменным успехом, ибо каждый из вариантов синтеза переживал свои взлеты и падения. С упрочением власти гоминьдана позиции полуколониального варианта существенно ухудшились (см. [93, с. 121–126]). Однако в 1937–1944 гг. национальный синтез оказался перед угрозой полного поражения, а его последующая победа в 1945–1948 гг. стала пирровой.

С конца XIX в. все три варианта производственного синтеза (эндогенный спонтанный; гетерогенный полуколониальный и промежуточный национальный) развивались не только параллельно, но и вступая в экономические контакты между собой, функционируя в рамках синтезированной системы высшего порядка – «капиталистический Запад – переходный Восток», а в самом Китае – «буржуазный уклад – традиционная экономика». Все три варианта синтеза выступали компонентами смешанного комбинированного буржуазно-традиционного хозяйственного горизонта, т.е. специфического способа производства с его «центром» (мировой капиталистический «город») и его колониальной (или полуколониальной) «периферией». Как компоненты такой общности, все они несли в себе большие или меньшие признаки системного и видового родства.

Синтезированные производственно-воспроизводственные организмы, о которых речь шла выше, возникали при содействии весьма колоритной фигуры скупщика (*баомайчжу*, *шанжэнь*, *шоумайчжи*, *цзинцзи*, *гоубань*, *майцзижэнь*). Такой «торговец» вырастал из антагонизмов «крупное производство – мелкое производство» или «централизованное производство – разрозненный сбыт сырья», представлявших собой отражение глобальной системы «промышленность Запада – сырье Востока (Китая)». Скупщик-китаец устранял разрыв между обоими полюсами, гарантируя постоянные связь и обмен между столь различными компонентами единой системы.

Скупщик в сфере синтеза становился необходимым из-за несоответствия не только мелкого производства и крупного сбыта, но и разпыленного производства сырья и его централизованной переработки на фабрике. Иными словами, речь идет о соотношении единичного и множественного начал. Первое было представлено капиталистическим предприятием (мануфактура, фабрика), второе – массой мелких товаропроизводителей сырья, работавших фактически на данную «единицу». Все это вело к изоляции крестьянина от фабриканта и к необходимости пользоваться услугами скупщика в равной мере как для первого, так и второго участника смешанного феодально-капиталистического производства независимо от того, было ли оно межнациональным, т.е. международным (Китай–Англия, Китай–Япония), или внутрикитайским. Скупщик своей деятельностью обеспечивал связь между обоими компонентами производственной оппозиции, будучи сам порождением данного единства противоположностей, условием его поддержания и воспроизводства (см. [151, с. 185–189]). Он одновременно выступал в трех ипостасях: во-первых, в роли «служащего» по отношению к современному во всех его модификациях; во-вторых, как «хозяин» и эксплуататор мелких производителей сырья; в-третьих, в качестве равноправного партнера других «организаторов» производства и поставщиков отечественного сырья – помещиков (*дичжу*), владельцев мастерских (*чжужэнь*), хозяев торговых «фирм» и лавок (*дунцзя*, *цайдун*), хозяев шахт, рудников и других производственных сооружений (*шаньчжу*, *яочжу*, *гунбэнь*, *сыча*), глав или старост самостоятельных артелей (*хотоу*, *баогун*), разного рода паевых торговых «фирм» (*хан*, *чжуан*, *цзюй*, *хао*) (см. [127, с. 141, 142, 147]).

Деятельность скупщика превращала труд зависимого от него китаец – крестьянина, кустаря, горняка и носильщика – из явления национального в интернациональное. Включив в свою систему такого дельца (*шанжэнь*) или агента (*майбань*, *цзинцзи*), английская и всякая иная иностранная фабрика тем самым в той же мере из «отечественного» предприятия превращалась в «международное». Скупщик вы-

ступал агентом хозяйственной интернационализации как капитализма, так и феодализма в рамках системы «Запад–Восток» (см. [237, с. 352–356]).

В системе национального синтеза капитал скупщика и фактически подчиненный ему труд его «клиентов» – крестьян, ремесленников, горняков и кули – выступали как одна из функций местного буржуазного уклада, а через него – всей системы мирового капитализма, т.е. так же находились в русле интернационализации экономики Китая.

Таким образом, вырастая на стыке «Запад–Восток», национального и международного, скупщик в сфере и полукOLONиального, и отчасти национального синтеза становился двойственной, промежуточной, связующей и переходной (национально-интернациональной) фигурой, в чем-то родственной компрадору.

Чтобы сомкнуться с крупным производством готовой продукции (фабрика), мелкому производству сырья в Китае необходимо было «подняться» на промежуточный горизонт более крупного сбыта, а фабрике – соответственно «опуститься» на этот функциональный уровень. В условиях переходного Китая второй половины XIX – первой половины XX в. обе эти задачи в отдельности были невыполнимы. Их возможно было решить только в комплексе, и притом третьим компонентом, т.е. скупщиком. Последний становился жизненно необходимым и для крупного современного, и для мелкого традиционного производства, т.е. не просто связующим, а «производственным» звеном их общего «предприятия». Скупщик не просто вовлекал фабричный капитал в более отсталое разделение труда в сфере традиционности, а мелких феодальных производителей, наоборот, в более передовые экономические отношения, но и соединял всех их в единое, уже переходное и смешанное производственное отношение типа «новое–старое». На этой основе возникало иное качество, или синтез обоих исходных начал, причем не механическая стыковка, а слияние в одну производственную систему.

Такой «торговец» своей деятельностью модифицировал «кусочек» старой экономики, принаравливая его к слиянию с персонификатором новой в единый хозяйственный организм. Вместе с тем связь с азиатским «полутрадиционным» купцом частично меняла в худшую сторону природу фабричного капитала в плане приспособления последнего для слияния со «старокитайским» мелким производством сырья в одну неразрывную систему. Оба ее компонента – сырьевой и промышленный – осуществляли через скупщика взаимное разделение труда, через него же налаживалось их единое производственное отношение. В то же время через скупщика проходил не только постоянный взаимообмен, но и тройственный антагонизм всех участников «общего дела». Скупщик, будучи одновременно «частью» и «функцией» современного капитала, выступал как «целое» и «сущность», т.е. капитал,

по отношению к докапиталистическим ячейкам – производителям сырья (см. [225, т. 2, с. 9, 16]).

Переходный характер института скупщиков был заложен не только в его «промежуточном» положении между фабрикой, с одной стороны, и крестьянским или ремесленным двором (*миньху, сяньху, цзяньху*) – с другой. Уже в самой природе связи с последними проявлялась его двойственность. У одних он по-традиционному продолжал покупать произведенное ими сверх их домашних потребностей. У других, специализировавшихся на монокультуре или техническом сырье, он скупал весь продукт, делая производство и потребление такого «двора» (*ху*) целиком товарным. В данном случае скупщик фактически приобретал не столько товар, сколько рабочую силу непосредственного производителя, становясь «ранним» предпринимателем, подвергая фактически уже отчасти переходную производственную ячейку буржуазной эксплуатации, хотя внешне все еще прикрытой формой традиционной торговой сделки или ростовщической кабалы (см. [54, с. 304–307, 318]). Сохранявшееся мелкое владение такого «двора» уже противостояло ему самому как элемент капитала, т.е. становилось средством эксплуатации данной семьи со стороны якобы традиционного «торговца» шелком, хлопком и т.д., выступавшего в роли «организатора» производства по отношению к мелкому («двор») и среднему (мастерская, мануфактура, раздаточная система) производству, ибо в его руках находились главные рычаги принуждения и контроля, т.е. кредитование (авансирование), погашение процентов и самого долга, зачастую намертво опутавшего крестьянина, ремесленника, горнодобывающую артель или хозяина мелкой мастерской. Держа таких должников «на коротком поводке», скупщик фактически контрактировал их современному капиталисту-фабриканту в качестве постоянных поставщиков сырья или «рабочих», которым «заработную плату» выплачивал не сам фабрикант, а его агент – скупщик (см. [225, т. 2, с. 56, 69, 70, 92]).

Таким образом, для соединения фабрики с сырьем в рамках синтезированной производственной системы в условиях традиционной глубинки Китая второй половины XIX – первой половины XX в. скупщику было достаточно не просто выполнять свои непосредственные функции (скупать). Требовались подчинение ему мелкого производителя и возникновение на этой базе специфического «предприятия» типа «скупщик–крестьянин», «скупщик–ремесленник». Последнее во многом было родственно «доопиумным» производственным ячейкам «торговец–крестьянин», «ростовщик–крестьянин» (см. [54, с. 302–307, 317–319]). Однако новые «предприятия» отличались от традиционных. Во-первых, в условиях синтеза фактическое овладение со стороны скупщика средствами и условиями производства деревенского или городского «двора» и соответственно невозможность для последнего жить и работать без «торговца» становились более жест-

кими (см. [15, с. 450, 451]). Во-вторых, новое «предприятие» типа «скупщик – мелкий производитель» уже становилось частью мирового производства, персонифицированного либо «центром» капиталистической системы (в Европе, США и Японии), либо ее «периферией», т.е. буржуазным укладом в Китае.

В отличие от традиционного торговца, скупщик, будучи представителем фабрики (которую он зачастую и в глаза не видел), осуществлял несколько производственных и предпринимательских функций, выступая как снабженец (поставка сырья), контролер (за его качеством и количеством), организатор (смычка фабрики и мелкого производителя), вербовщик рабочей силы (обеспечение необходимого числа постоянных производителей и оплата их труда) и надсмотрщик (за всей подконтрольной ему частью производственной системы). Он не переставал оставаться традиционным торговцем и ростовщиком, но обе эти средневековые функции уже теряли свою прежнюю самостоятельность и становились рабочими моментами, стадиями и средствами выполнения переходной функции производственного синтеза как непрерывного процесса. В данном случае скупщику были свойственны дополнительные черты, внешне роднившие его с традиционными функционерами в сфере эндогенного «средневекового» и раннемануфактурного синтеза – с подрядчиком по найму рабочих (*лаобань*), со старшинкой (*гунтоу*), с поручителем при контрактации рабочей силы (*баожэнь*), с разъездным агентом (*цзинцзи*) крупной «фирмы» и хозяином предприятия (*чжужэнь*, *чжужэнь*).

Когда поставки сырья в системе полукOLONиального и национального синтеза требовали его первичной обработки перед отправкой на фабрику или ее склад, скупщик был вынужден сам организовывать чистку, размотку, сушку, сортировку, фасовку, снование, крашение, упаковку и т.п. Такое производство создавалось на базе функционирования его собственного капитала (мастерская, раздаточная система или даже небольшая мануфактура) (см. [104, с. 131; 227, с. 303, 304]).

Деятельность скупщика как организатора производственного синтеза кроме общей функциональной однозначности имела и свои чисто отраслевые особенности. Так, в шелкообработке параллельно или совместно со скупкой, контрактацией и авансированием крестьянского производства коконов скупщиком зачастую осуществлялись те же торгово-денежные операции с деревенскими «дворами», поставлявшими тутовый лист, т.е. корм для шелковичных червей. В ряде случаев эти закупки производились агентами или доверенными на местах специализированных «тутовых фирм» (*санхан*). В этом варианте в систему производственного синтеза «встраивался» дополнительный, или второй, «эшелон» – «тутовый двор – скупщик листа».

Во всех этих случаях скупщик одновременно выступал как промышленный капиталист, хотя и разной степени зрелости и исторического уровня⁵. На него могли работать крестьяне, цеховые ремеслен-

ники (*гунцзян*), подмастерья (*банцзо*), наемные работники (*гузун*) и «ученики» (*ту*, *сюэту*, *гунту*).

Возникновение скупщика-раздатчика и скупщика-промышленника (мануфактуриста) становилось дополнительным слагаемым разных видов производственного синтеза. В этих случаях уже на «стадии скупщика» внутри самой системы возникало синтезированное производство, в чем-то близкое по форме и по сути эндогенному спонтанному синтезу. В итоге некоторые формы последнего становились подсистемами нового, более мощного и передового производственного организма, его вспомогательными «цехами», подсобными «участками», передаточными звеньями в единой производственной цепи. Традиционные «простые» формы производства превращались в очередные ступени движения сырья (полуфабрикатов) и капитала внутри сложного синтезированного воспроизводственного организма. Полуколониальный и национальный варианты последнего не только подключали к своей деятельности уже существовавшие предприятия «доопиумного» типа, но и насаждали мастерские, мануфактуры и раздаточные сети (см. [156, с. 61, 62; 240, т. 2, с. 327]). В обоих случаях «традиционное крыло» производственного синтеза заметно усложнялось, возникали удлинённые цепи типа «производитель сырья – скупщик – мастерская – скупщик» или «мелкий производитель – скупщик – раздаточная система – скупщик» с последующим подключением к фабрике.

По отношению к фабриканту скупщик выступал как явление крайне многоликое, совмещая отдельные черты и компрадора (*майбань*), и пайщика (*хэтун*), и приказчика (*хоцзи*), и помощника (*баншоу*), и конкурента-предпринимателя (*дунцзя*, *цайдун*), т.е. дельца, стремившегося сорвать за свои услуги, а точнее – за свой капитал, максимум дивидендов, и туземного купца (*шанжэнь*), и мелкого разъездного торговца (*сяоцзинцзи*) (см. [156, с. 61–63, 76]). При этом иностранный фабрикант, как и его представитель или поверенный в «открытом» порту для скупщика-конфуцианца оставались «заморскими дьяволами» (*янгуйца*), «варварами» (*фаньи*) и «длинноносыми» (*дабицза*).

Природа скупщика

Скупщик участвовал в создании на стыке феодальной экономики с мировой капиталистической системой или с ее форпостами в Китае переходной структуры, китайская (в основном деревенская) часть которой становилась сферой его господства. Правда, для окружающих и для казны такой скупщик продолжал выглядеть всего лишь как «торговец хлопком», «купец, торгующий коконами», «хозяин торговой фирмы» или «владелец конторы», т.е. человек из низшего и малопочтенного сословия *шан* (торговцы) (см. [237, т. 1, с. 523–534]).

Однако в своей «работе» на фабриканта такой «торговец» поднимался на уровень раннего буржуа, хотя его обновленная, переходная сущность все еще прикрывалась старой средневековой оболочкой.

В экономике традиционного Китая торговец и ростовщик неизбежно оставались на вторых или третьих ролях. В переходном же способе производства их «наследник» – скупщик сразу же вышел на первый план, поскольку для этого сложились экономические предпосылки. Внутри производственной системы синтеза такой «торговец» являлся скупщиком лишь по отношению к традиционному компоненту системы (крестьянин, ремесленник, хозяйство типа «помещик – арендатор» и т.д.). По отношению же к мануфактуре, иностранной фабрике (в Китае или за океаном) и национальному машинному предприятию он выступал в другой ипостаси – как соучастник промышленного капитала. Иными словами, в целом это уже не просто средневековый торговец, а двуединое явление синтеза – «скупщик-промышленник» (представитель «торгово-ростовщического капитала модифицированного обуржуазившегося типа») [151, с. 185]. В первой своей ипостаси он еще оставался достаточно «феодальным», но во второй уже был частично буржуазным. Слияние воедино двух противоположных качеств (традиционное-современное) создавало некое третье – переходный статус, дававший возможность стать между противоположностями, т.е. «в центре» производственного синтеза. Такой «снабженец» специфического синтезированного «предприятия» уже не был простым персонификатором торгово-ростовщического капитала, но еще не стал явственным представителем промышленного. На одном «отрезке» производственной системы синтеза – «фабрика-скупщик» – он был в определенной мере промышленником, а на другом – «скупщик – мелкий производитель» во многом еще оставался традиционным торговцем (см. [98, с. 130–134]).

В других случаях, наоборот, для фабриканта скупщик выступал как «торговец», а для крестьян – «промышленник», организовывавший первичную обработку сырья и подключавший к ней контролируемые им «предприятия» типа «торговец-крестьянин» или «ростовщик-крестьянин». В целом же он персонифицировал своеобразное единство обоих видов капитала, синтез старого и нового, феодального и буржуазного.

Двойственность его статуса проявлялась и в дихотомии «самостоятельность-зависимость». Скупщик зависел от промышленного капитала (фабрика), но по отношению к производителям сырья был самостоятелен. Первая ипостась во многом была абсолютной, а вторая – относительной. Он отчасти был близок к роли приказчика (*цзинцзи*, *хоцзи*) фабриканта, а по отношению к традиционным ячейкам выступал как «благодетель» и в определенной мере как «хозяин» (*лаобань*). Его «эксплуатировал» фабрикант, а он сам – крестьян, ремесленников, горняков, кули и т.д., т.е. скупщик функционировал на стыке зависи-

мости и верховенства. Первая привлекала его к современному капиталу, второе пристегивало к нему мелких традиционных тружеников, а также традиционные предприятия («хозяйство» типа «помещик-арендатор», мастерская, раздаточная система во главе с данным или другим скупщиком более мелкого масштаба, артель) (см. [105, с. 67, 68]).

Однако в рамках синтезированного производства его самостоятельность и верховенство растворялись в общем деле – он служил лишь компонентом системы и ее функцией. Это фундаментальное свойство скупщика. В его «обновленной», переходной природе старая торговая ипостась становилась подчиненным, служебным моментом синтезированной сущности.

Скупщики – организаторы производственного синтеза по своему происхождению делились на три условные категории. Первые приходили в сельскую местность «сверху» или «извне», т.е. из городских купеческих гильдий или торгово-ремесленных корпораций. Их «фирмы», «конторы» и «магазины» действовали в деревне через сеть своих разъездных агентов (*цзинци*). Вторые были представителями «внутренней», т.е. собственно деревенской или волостной торгово-ростовщической среды. Это были хозяева местных лавок, ломбардов и складов, самостоятельные разъездные торговцы, торгующие помещики, действовавшие через своих агентов, местные посредники разного рода «фирм», «контор» и их филиалов. Третьи – наиболее мелкие скупщики – поднимались «снизу», т.е. из среды зажиточных и богатых крестьян, из преуспевающих деревенских кустарей, из бывших удачливых низовых агентов городского и волостного торгово-ростовщического капитала, начавших самостоятельно осуществлять скупку сырья и полуфабрикатов, а также раздачу работы на дом.

Вырастая из традиционного обслуживания феодального общества, такой «торговец» неизбежно отчасти сохранял средневековый генетический потенциал. Не уходя из старой, скупщик становился частью новой экономики. Он служил и феодализму, и капитализму одновременно, точнее – прислуживал им обоим, обслуживая традиционные и современные хозяйственные структуры в комплексе, т.е. не просто «работал» на стыке старого и нового, но активно участвовал в создании и функционировании переходных бинарных структур – двусловных производственных микросистем буржуазно-феодального типа. Присущие природе скупщика противоположные черты представляли собой не простой набор, а некое органическое единство, им было свойственно взаимопроникновение, слияние, т.е. возникновение нового качества – синтеза двух исходных антагонистических начал.

Все это делало скупщика не внеформационной, а межформационной фигурой. В данном своем качестве он являлся ярчайшим представителем экономического синтеза. Не изменяя полностью породившей его традиционной экономике, скупщик, проникая в современную,

включался в нее лишь наполовину. Функционируя одновременно и в системе синтезированного производства, и в феодальной экономической сфере, он явственно ухудшал свое «новое», т.е. переходное качество. «Скупщик-торговец» представлял собой не просто переходную, а переходно-традиционную фигуру, ибо делал больший крен в прошлое, в традиционность, в средневековье, нежели «чистый» «скупщик – организатор производства». Этот шлейф «азиатчины» отнюдь не украшал синтезированный способ производства, он тянул скупщика вниз – к более отсталым формам (см. [54, с. 303–307, 315–319]).

Такой «синтезированный» делец работал не на капитализм и феодализм в их чистом виде, а на смешанную, переходную многоукладную полуколониальную экономику. Для него это и «золотая жила», и наилучшая «среда обитания», ибо она одновременно – и относительный застой, и относительное развитие. Такого рода переходность на стыке «Запад–Восток» была для скупщика оптимально приемлемой атмосферой, лишенной опасных крайностей. Первая из них, т.е. абсолютный традиционный застой «доопиумного» периода, отбросила бы «скупщика-промышленника» на уровень третьеразрядного торговца или просто сделала бы его совсем лишним. Вторая, т.е. быстрое развитие капитализма по западному образцу, привела бы к изживанию и производственного синтеза как пройденного этапа и самого скупщика как уже ненужную деталь. Обстановка переходности и межформационности как ничто другое больше и лучше всего «работала» на скупщика; «чистым» же современному капиталу и феодалу-помещику более подходили иные агенты. В этом смысле эпоха синтеза – время «скупщика – поставщика фабрики». «Скупщик-снабженец» был не просто порождением синтеза, переходности и межформационности, но и важнейшим условием «расширенного воспроизводства» этих трех фактически внутренне единых явлений, их подъема в количественном и качественном отношении (см. [25, с. 144–149, 152–156]). Ошибочно рассматривать скупщика пассивным исполнителем воли фабриканта и «рабочей лошадкой» синтеза, ибо он выступал как его активный «толкач», лично заинтересованный в процветании «смешанного» дела.

В системе полуколониального синтеза такой делец был одновременно порождением как национальной, так и международной системы разделения труда, представлял собой явление и «отечественное» и «иностранное», соответственно – китайское и «варварское» одновременно. Он действовал как рабочий винтик синтезированной экономики полуколониального Китая и синтезированной глобальной системы «капиталистический Запад – феодальный Восток», т.е. в равной мере функционировал и на страновом, и на мировом уровне. В сфере колониального производственного синтеза «местный торгово-ростовщический капитал обновленного типа выступает... как продолжение или составное звено европейского торгово-ростовщического капитала. Тем

самым он соучаствует в его двойственной функции в качестве агента обращения производительного капитала метрополии и в качестве относительно самостоятельного или господствующего над местным мелким производством торгово-ростовщического капитала» [151, с. 188].

Генетически связанный с традиционным торгово-ростовщическим капиталом, он с ним практически не порывал; вращая же в современный промышленный капитал, сколько-нибудь прочно с ним не смешивался. Скупщик всегда уподоблялся игроку, делающему игру на двух столах или две игры за одним столом. Такого рода «двуликий Янус» одновременно выступал проводником трансформирующего воздействия буржуазного Запада на традиционный Китай и агентом обратного, реакционного воздействия «азиатчины» и отсталости Востока на капиталистическое общество Европы, США и Японии (см. [135, с. 21–26]).

Последнее, т.е. встречное влияние скупщика и всего «китайского» компонента синтезированного производства не только на западный, современный компонент синтеза, но и на все общество метрополий, было вынужденной побочной «платой» Запада и империализма за прибыльность колониальной и полуколониальной эксплуатации остальных стран и за создание доходного синтезированного способа производства. В силу этого скупщик не был полноценным представителем прогресса. Служа трансформации Китая под воздействием Запада (феодалов общества Востока под влиянием мировой капиталистической системы), он представлял не столько буржуазную тенденцию развития Китая, сколько в известном смысле «стагнативный» рост шири переходности и межформационности, был не столько двигателем быстрого капиталистического обновления страны, сколько одним из выразителей худшего, отсталого варианта эволюции промежуточного плана, созидателем не столько буржуазной формации в Китае, сколько застойной и поэтому реакционной межформационной переходности (см. [104, с. 263–271]). Своей деятельностью скупщик объективно приближал полосу китайских революций 1911–1913, 1916, 1925–1927 и 1949 гг., а субъективно был противником кардинальных перемен, ибо полная победа буржуазного или социалистического начал была для него крахом.

И производственный синтез, и скупщик в его системе были подвержены эволюции – как движению по восходящей линии, так и скольжению по наклонной плоскости. При определенных условиях «купец» овладевал промышленным звеном синтеза, становясь хозяином фабрики. Этот вариант был распространен в машинном шелководстве и шелкопрядении юга Гуандуна, особенно в районе Шуньдэ (см. [235, т. 2, с. 896–903]), где либо скупщик и фабрикант объединялись в одном лице, либо новоявленный промышленный капиталист устанавливал связи с другим скупщиком – «торговцем коконами» или «торговцем хлопком». Превращение вчерашнего скупщика в фабри-

канта в сфере национального синтеза стало весьма характерным явлением в «золотое время» китайского капитализма (1915–1919) (см. [244, т. 2, с. 189]).

В равной мере скупщик мог и деградировать, т.е. уйти из сферы производственного синтеза, переведя капитал в традиционные (ростовщичество, чистая торговля) или «безопасные» современные сферы его приложения (банки, страховое дело). Чаще всего это наблюдалось в годы экономических кризисов, особенно в 1929–1932 гг., в условиях застоя или свертывания фабричного производства в системах полуколониального, национального и спонтанного синтеза.

Персонализация скупщика

Если между скупщиком и иностранной фабрикой (как в самом Китае, так и, например, в Англии) не существовало иных посредников, то такой «торговец» фактически являлся компрадором. Если же он скупал сырье по поручению официального («штатного») майбаня иностранной фабрики или фирмы, то выступал как посредник низшей ступени, или своего рода «компрадор второго эшелона». При этом «штатный» майбань фактически становился скупщиком высшей ступени. В обоих случаях, как уже подчеркивалось, звено «скупщик–компрадор» являлось центральным, связующим в системе производственного синтеза (см. [237, т. 2, с. 552–556]).

Один и тот же скупщик мог быть задействован и в полуколониальном, и в национальном вариантах синтеза, поставляя, например, сырье для фабрики в Англии и для отечественного буржуа в Шуньдэ; либо одновременно обслуживая и эндогенные спонтанные (мануфактурные), и один из современных (фабричных) синтезированных производственных организмов; либо функционируя как в чисто традиционной сфере экономики («старая» торговля, средневековое ростовщичество или же в них обоих), так и внутри одного (или двух одновременно) из видов производственного синтеза. Например, некая «шелковая фирма» (*сыхан*) в Гуандуне могла связывать местных производителей коконов и с шелкомотальной мануфактурой, и с китайской фабрикой в Гуанчжоу (или в Шуньдэ), и с аналогичным предприятием в США и при этом осуществлять традиционную гильдейскую торговлю коконами и шелком на местном рынке.

В данной связи и сам «скупщик-поставщик» был представлен различными видами торгового капитала. Он мог быть компрадором, занятым только производственными поставками на иностранное предприятие или совмещавшим эту функцию с чисто торговым посредничеством, например в сбыте потребительских товаров (готовые изделия); майбанем, имевшим свою фабрику или мануфактуру, т.е. соединявшим в своем лице и скупщика, и промышленника; торговцем –

членом корпорации или цехогильдии, целиком специализировавшимся на фабричных поставках или занятым также обычной коммерцией традиционного типа; гильдейским купцом – акционером национальной фабрики, т.е. частично капиталистом; «торгующим» помещиком, скупавшим сырье и владевшим соответствующими складами в городе или в сельской местности⁶; низовым деревенским торговцем-скупщиком, широко применявшим ростовщические методы концентрации сырья; низовым скупщиком – организатором первичной обработки сырья в созданной им мастерской (мастерских) или в системе надомной капиталистической работы; скупщиком, соединявшим в себе черты двух последних типов дельцов.

При всей указанной многоликости скупщика его производственная сущность оставалась практически однотипной. Когда в данной роли выступал «штатный» компрадор иностранной фирмы, посредническая торговля включалась в синтезированное производство как подчиненная, или служебная, функция капитала, переходного к промышленному, как один из моментов в более сложном и «высоком» движении капитала. В таком случае деятельность майбаня в роли организатора синтезированного производства перекрывала и включала в себя чисто компрадорскую «работу» как одну из «технических» операций. «Конфуцианский» капитал становился функциональной частью «варварского», его «продолжением», т.е. служил «заморским дьяволом». В этой ипостаси он уже был «старым» и «новым» одновременно, т.е. переходным (см. [221; 230; 278]). Организуя производственный синтез, он сам становился продуктом последнего.

Даже если скупщик формально не являлся компрадором, его функции в чем-то воспроизводили функции майбаня, ибо он тоже служил связующим звеном между Западом (иностранная фабрика) и европеизированной средой (современный национальный капитал), с одной стороны, и традиционными структурами Китая — с другой. Его функции включали в себя элемент компрадорства, но не замыкались, не ограничивались последним. Такой «капитализированный» китаец и втайне ненавидел «варваров», и активно служил им, завидуя масштабыности их операций и стараясь им в чем-то подражать, и ждал их ухода из Китая в надежде занять их место, и боялся при этом понести убытки либо остаться не у дел. Он еще ел по-китайски – палочками, но деньги начинал хранить в иностранных банках, неизмеримо лучше зная, что такое дисконт, нежели демократия (см. [248, с. 2–10; 105, с. 172, 173]).

Уровень зрелости или, наоборот, незрелости подобной переходной природы скупщика определялся степенью близости такого «торговца» к фабрике. Последнее было особенно важно, когда на уровне связующего звена в системе синтеза начинал действовать фактор множественности, т.е. функционировал не один, а несколько скупщиков, не говоря уже о большом числе мелких и «средних» (мастерская, артель

и т.д.) производителей сырья. Встречалось два варианта подобной усложненности в сфере снабжения. Во-первых, у фабрики бывало несколько «параллельных», «равноправных» скупщиков. Во-вторых, единственный поставщик предприятия являлся лишь последним и главным звеном в передаточной цепи, состоявшей из иерархии подчиненных ему или взаимоподчиненных друг другу «торговцев» более низкого ранга, т.е. его «фирма» (*хао, хан*), «контора» (*чжуан, цзюй*) или «магазин» (*хао, дянь, ну*) представляли собой вершину целой подсистемы. К главному скупщику могла сходитья не одна, а несколько таких «цепочек» или линейных подсистем, создававшихся низовыми, подчиненными ему скупщиками. Параллельно сам он мог иметь и свою собственную заготовительную сеть. Такие подсистемы не были новостью. Они создавались в сфере скупки мануфактурного и домашнего уровня задолго до «опиумных» войн, а во второй половине XIX – начале XX в. в равной мере применялись для производства и поставок готовых изделий на мировой рынок (см. [226, с. 61, 62; 240, т. 2, с. 404–406]).

Во всех этих случаях в среднее звено системы «промышленный капитал – скупщик – мелкий производитель» встраивалась иерархия скупщиков более традиционного типа. И уровень синтеза скупщика в своем качественном отношении по мере движения от фабрики к мелкому производителю понижался с каждой новой ступенью. Переходная природа «снабженца» в системе производственного синтеза при движении вниз от фабрики постепенно уступала место качествам простого торговца и ростовщика феодально-традиционного типа.

«Перевернутый» вариант производственного синтеза

В «классических» колониальном и национальном вариантах капиталистическо-феодальных производственных организмов традиционный крестьянин выступал производителем сырья, фабрика – изготовителем, а ее хозяин – собственником готовой продукции. Однако, как уже отмечалось, Китай второй половины XIX – первой половины XX в. знал и другой образец, когда функции современного и традиционного компонентов триады «фабрика – скупщик – мелкий товаро-производитель» менялись местами. В результате создавался производственно-воспроизводственный организм типа «прядельная фабрика – торговый капитал – ручной ткач», в рамках которого пряжа с фабрики поступала к торговцам, раздатчикам и скупщикам и через них – к ручным ткачам для выделки хлопчатобумажных тканей, идущих на рынок (см. [216, т. 1, с. 509–515]). В данном случае машинное производство было не конечным, а исходным пунктом или «сырьевой базой», поставлявшей полуфабрикат (пряжа). Главный производственный

процесс — производство готовых изделий — осуществлялся руками традиционного крестьянина (владельца земли или арендатора), а также, правда в неизмеримо меньшей степени, городского цехового ремесленника. Все они (как податная единица восточной деспотии или компонент традиционного «хозяйства» типа «землевладелец — феодално зависимый держатель его земли») являлись частицами традиционного сектора. Подобное соотношение звеньев синтезированной системы создавало «перевернутый» тип производственного организма межформационного (феодализм—капитализм) плана.

Если в полукOLONиальном и национальном варианте промышленный современный компонент был представлен «единицей» (одна фабрика), а сырьевой — «множеством» (сотни и тысячи дворов), то в «перевернутом» типе синтеза сотни и тысячи ручных ткачей были связаны с несколькими «единичными» производителями сырья (фабриками).

Он, как и все другие синтезированные системы, строился на неразрывности и постоянстве производственных отношений тех же трех слагаемых (фабрика, скупщик, мелкий производитель), заинтересованных в непрерывном взаимном обмене (сырьем, деньгами, трудом, транспортными услугами) при явной нежелательности нарушения заданного ритма и задержки обоюдных поставок внутри по-своему сложного «предприятия» (см. [240, т. 2, с. 412–424]). Разрыв установленных производственных отношений грозил всем участникам общего «дела» экономическими трудностями. Неразрывность производственного процесса служила гарантией единства этого синтезированного хозяйственного организма.

В отличие от полукOLONиального и национальных вариантов синтеза в «перевернутом» типе «центр тяжести» и «командные высоты» переходили в сферу скупщика. Главным организатором производственной системы выступал не фабрикант, а торговый капитал, становившийся в этом случае во многом уже производственным капиталом. Именно в данном случае скупщик наиболее явно становился хозяином, промышленником и капиталистом, ибо отпадала его функция служения фабриканту, исчезала его роль подручного или приказчика современного капитала (см. [244, т. 2, с. 286–297]). Тут скупщик сам становился персонификатором производительного капитала и фактическим собственником готовой продукции. Из связующего звена он действительно превращался в центральную фигуру системы.

Такому взлету скупщика способствовали массовые процессы, обусловленные включением Китая во второй половине XIX в. в систему мирового рынка. Наплыв машинной пряжи из Англии, колониальной Индии, а позднее из Японии вызвал растущий приток в торговлю хлопчатобумажными изделиями и полуфабрикатами торгового капитала, специализировавшегося на оптовой покупке фабричной пряжи, мелкой розничной продаже, а потом и просто на раздаче импортного

сырья ткачам с последующей концентрацией готовых тканей (*тубу, сябу*) в своих руках (см. [105, с. 151, 152]).

Массовость и высокие темпы роста сделали явления «перевернутого» синтеза важным звеном экономической жизни Китая второй половины XIX – начала XX в. «Ввоз индийской пряжи по сути дела вызвал революцию в местном прядении» (цит. по [103, с. 207]); «гигантский рост сбыта пряжи (фабричной. – *Авт.*) представляет собой важнейшее явление. Такого положения не только в районах вокруг Шанхая, но так обстоит дело и по всему Китаю» (цит. по [15, с. 449]); в хлопчатобумажной промышленности Цинской империи «произошел переворот, вызванный иностранной пряжей и ножным станком (*телунизи*)» (цит. по [103, с. 220]), – так характеризовали сложившуюся ситуацию современники.

Переход китайских ткачей на покупное или получаемое «заморское» сырье отдавал мелкого производителя в руки «торговца», становившегося организатором надомного ткачества, «ранним» капиталистом. К нему поступала основная часть, а то и вся готовая продукция. Именно скупщик в рамках «перевернутого» синтеза поставлял ткань на рынок, особенно после того, как отрезал от него ранее самостоятельных ручных ткачей (*цзычжи*). Последних скупщик превращал в своих кабальных должников, зависимых от него производителей или просто в наемных рабочих на дому (*дайчжи*) в сфере раздаточной системы⁷. Чаще всего он получал готовую ткань в обмен на машинную пряжу, делая к ней определенную доплату.

В роли скупщика-раздатчика выступали как мелкие самостоятельные предприниматели – «торговцы пряжей» (*шашан*), «торговцы тканями» (*бушан*) и хозяева «лавок тканей» (*будянь*), так и паевой капитал – «ткацкие фирмы» (*бусяньхан*, *бусяньчжуан*, *хао*, *хан*), «ткацкие конторы» (*бучжуан*), их отделения (*фэньхао*, *фэньчжуан*), «торговые фирмы» (*шанхао*) и «ткацкие бюро» (*чжибуцзюй*) (см. [104, с. 126–128, 133]). Все они превращали ткачей из самостоятельных мелких товаропроизводителей (*чжимайхо*) в подчиненных надомников на сдельной заработной плате (*сацзицза*, *чжишоугун*) или просто «наемных ремесленников» и «нанятых мастеров» (*гуцзян*) (см. [104, с. 127, 128]). Посредниками и низшими контрагентами при раздаче фабричной пряжи по домам и сбору готовой ткани чаще всего становились деревенские кулаки (*фунун*), занятые торговлей, скупкой и промыслами (см. [122, с. 184]). Раздавая ткачам пряжу от «фирм», «контор», «лавок» и «торговцев», они, в свою очередь, заставляли деревенскую бедноту и дворы со средним достатком работать и на себя. Тем самым создавался дополнительный нижний слой производства в системе «перевернутого» синтеза (см. [103, с. 168, 169]). В городах аналогичную роль выполняли зажиточные цеховые мастера.

Наряду с «обновлением» природы скупщика заметно изменился и традиционный компонент производственной системы. Китайское руч-

ное ткачество в рамках «перевернутого» синтеза перешло на машинное сырье, на новые ручные станки – «высокие» (*гаоцзи*) вместо «низких» (*айцзи*), станки с протягиваемым челноком (*ласоцзи*) вместо старых с бросаемым челноком (*тоусоцзи*), ножные металлические станки фабричного изготовления (*телунцзи*) вместо ручных деревянных, самостоятельная продажа ткани сменилась работой на скупщика как в рамках раннекапиталистической организации, так и во вполне устоявшейся, законченной системе надомной работы на сдельной оплате.

В итоге мелкое производство, т.е. традиционный компонент, в русле «перевернутого» синтеза претерпело наибольшую, по сравнению с полукOLONиальным и национальным вариантом, трансформацию как по глубине изменений, так и по массовости явлений (см. [15, с. 446–455]). Перестав быть традиционным, оно, оставаясь ручным, ремесленным, не стало и современным; происшедшая с ним трансформация сделала его характерным явлением синтеза старого и нового.

В отличие от полукOLONиального и национального вариантов синтеза, в рамках которых фактор множественности господствовал лишь в традиционном, т.е. сырьевом, и отчасти в «центральном звене» (скупщик) системы, при «перевернутом» синтезе он действовал как на уровне «промышленного» компонента (масса ручных ткачей) и «центрального звена» (цепочка из нескольких и притом различных представителей торгового капитала), так и «сырьевого» компонента, т.е. производства полуфабрикатов, представленного чаще всего несколькими предприятиями.

В определенной группе деревень Гуандуна, например, сотни и тысячи ткачей работали на пряже не одной, а нескольких фабрик Манчестера; рыночная ткань в такой же группе деревень Сычуани изготавливалась фактически в тесном производственном взаимодействии с группой капиталистов-индийцев, владевших несколькими механическими прядильнями в Бомбее; в Чили – с группой фабрик в Японии; в долине Янцзы – с рядом национальных предприятий в Шанхае.

Четкая «адресованность» связей всех трех компонентов системы при национальном и полукOLONиальном вариантах синтеза в рамках «перевернутого» синтеза, особенно на его ранних ступенях развития – вплоть до начала XX в., подчас смазывалась. Объяснялось это удлинненностью передаточной цепочки в «центральном звене». Машинная пряжа, например, фабрик Ланкашира шла к китайскому ткачу-надомнику последовательно через многие ступени: «английская коммерческая фирма – китайский компрадор – местный оптовый торговец – розничный торговец – скупщик (раздатчик)» (см. [240, т. 2, с. 421–423]). В результате китайский ткач сегодня перерабатывал полуфабрикат одного, завтра – другого, послезавтра – третьего предприятия, находившегося в Бомбее или Манчестере. Надомник в Хубэе мог

ткать из пряжи японской, а через неделю – китайской фабрики. Сельский «ткацкий район» в Юньнани при задержке поставок из Ланкашира переходил к сырью из колониальной Индии. Однако и при некоторой размытости производственных связей прочность и неразрывность принципиальной схемы «перевернутого» синтеза – «мелкий производитель – торговый капитал – фабрика» – оставалась неизменной (см. [156, с. 65–70]). Такой производственный организм строился как на постоянстве единичных связей, так и на их смешении, переплетении и взаимозаменяемости в общей массе групповых связей, что приводило к смазанности и постоянным изменениям на уровне единичных связей.

Множественность и смазанность последних были особенно характерны для раннего этапа становления «перевернутого» синтеза – в 60–90-е годы XIX в. С возникновением и ростом числа национальных и иностранных хлопкопрядилен в Китае (начавшимся после Симоносекского мира 1895 г.) в системе «перевернутого» синтеза происходили известные изменения. Поскольку доставка местному ткачу полуфабриката с быстро растущих национальных предприятий не требовала участия иностранного коммерсанта и компрадора-китайца⁸, резко сокращалась передаточная цепочка торгового капитала – максимум до двух лиц – звеньев (оптовый торговец и розничный скупщик-раздатчик). Вследствие этого множественность связей все более сменялась единичностью – данный крестьянин или горожанин перерабатывал пряжу определенной хлопкопрядильни при ориентации на одного «торговца».

Исторически «перевернутый» синтез в Китае был первой по значимости и количественно преобладающей формой синтезированных структур до первой мировой войны. Его развитие началось в 50–60-х годах XIX в. в восточных приморских провинциях, в 70–80-х годаххватило юг и юго-запад Китая, в 80–90-х годах – центральные провинции, а на рубеже веков – Северный Китай. С 60–70-х годов господствовавшее место занимала импортная пряжа из колониальной Индии. Ее поставщиками были главным образом фабриканты-индийцы Бомбея, большая часть продукции которых поступала в Китай. В 1895 г. в Индии насчитывалось 70 таких прядилен [110, с. 364]. На втором месте долго держалась продукция Англии, в основном Ланкашира. С 90-х годов последовательно увеличивалась роль пряжи, сработанной в Японии, а также китайскими и иностранными фабриками в Китае. До 10–20-х годов XX в. в южных, юго-западных и центральных провинциях производство ткани в системе «перевернутого» синтеза базировалось на индийской пряже, в Северном Китае – на японском полуфабрикате.

В сфере хлопкообработки с середины XIX в. вплоть до 20-х годов XX в. «перевернутый» синтез в Китае явно преобладал над колониальным и национальным. В эти шесть-семь десятилетий ввоз машин-

ной пряжи и ткани во много раз преобладал над их вывозом (см. [54, с. 78, 89, 90]). Перелом наступил в годы первой мировой войны, когда вследствие быстрого развития фабричного хлопчатобумажного производства в Китае национальный и колониальный варианты производственного синтеза возобладали над «перевернутым». Решающую роль в этом сыграл небывалый ранее подъем китайской промышленности в ее «золотое время» (1915–1919) и в 20-е годы. Если ранее вывоз хлопчатобумажного сырья превышал его ввоз в Китай, то в указанный период данное сырье стало одной из важнейших статей импорта, а экспорт бумажной пряжи резко возобладал над ее ввозом (см. [54, с. 78, 93]). Пряжа, произведенная на фабриках в Китае, поступала уже не только во внутренние районы страны, но и в другие полуколонии и колонии.

В сфере «перевернутого» синтеза развивались также подсобные и подготовительные для ткачества промыслы – сновальный, мотальный, красильное производство. Он захватил и ряд других производств, перешедших на фабричное сырье и полуфабрикаты. Так, при изготовлении специфически китайских инструментов, сельскохозяйственных орудий, утвари, гвоздей и других скобяных изделий традиционная металлообработка перешла на английское и иное прутковое и полосовое железо; для зонтов использовались импортные материя и основы; китайские красильни работали преимущественно на ввозимых анилиновых красителях (см. [105, с. 154, 155, 163]); производство оловянной фольги, традиционных «жертвенных денег» (*сибо*) и оловянной посуды базировалось на импортном металле машинной выделки [240, т. 2, с. 293]; на иностранные фабричные заготовки и полуфабрикаты ориентировалось производство китайских хлопущек, ламп, обуви и других товаров.

«Перевернутый» синтез развивался параллельно и во взаимодействии с другими вариантами производственного синтеза. Так, фабрики, задействованные в его системе, зачастую одновременно являлись промышленными компонентами колониального или национального синтеза. В этом случае создавалась крайне сложная производственная цепочка: «„перевернутый“ – колониальный (или национальный) синтез». Например, китайский или индийский хлопок-сырец в Англии, США, Японии или Индии превращался в машинную пряжу, которая затем поступала в Китай к ручному ткачу с последующим выходом в сферу местного потребления в виде готовой материи (*тубу, сябу, янбу*). В данном случае хлопок-сырец проходил через системы двух вариантов производственного синтеза – колониальный и «перевернутый». Последний с конца XIX в. развивался и как «продолжение» национального варианта. В этой сложной цепи производителем начального сырья выступал феодальный крестьянин, а полуфабриката (пряжа) – отечественные фабрики в Шанхае, Ухане, Наньтуне, Уси и Тяньцзине (см. [244, т. 2, с. 138–143, 185–188]).

Синтез и мануфактура. «Двойной» синтез

Еще в рамках эндогенного спонтанного синтеза вокруг мануфактур, а в ряде случаев и крупных мастерских возникали синтезированные производственные цепочки. Появившись задолго до вторжения иностранного капитала в Китай, такая «феодално-капиталистическая» система производства (мануфактура – скупщик – мелкий производитель сырья) после «опиумных» войн середины XIX в. вошла составной частью в переходную экономику Цинской империи.

Многие иностранные предприятия (чайные, шелкообрабатывающие, мыловаренные и др.) в «открытых» портах долгие годы базировались на ручном труде китайцев без применения машин и паровых двигателей (см. [54, с. 122–125; 235, т. 1, с. 236–238]). В специфических условиях традиционной экономики Китая иностранный сектор был вынужден с помощью своих компрадоров создавать подобие эндогенного спонтанного синтеза (например, «английская мануфактура в Шанхае – компрадор – китайский крестьянин» со сбытом как на внешнем, так и на внутреннем рынке). Сочетание элементов спонтанного эндогенного (форма) и полукOLONиального (суть) синтеза создало новое качество – особую его разновидность.

Что же касается эндогенного синтеза на базе китайской мануфактуры, то его дальнейшее развитие пошло по двум руслам. В одних случаях он сохранял свой «доопиумный» самостоятельный статус – вне прямого экономического взаимодействия с фабрикой, находившейся либо за океаном, либо в «открытом» порту в Китае. Речь идет о чайных (*чачжань*, *чачжуан*), шелкомотальных (*сычан*) и иных мануфактурах, работавших где-нибудь в глубинке целиком на внутренний рынок. В других случаях мануфактура подключалась к мирохозяйственным связям «метрополии (+ колонии) – полукOLONии», превращаясь в элемент симбиозного переплетения гетерогенного и эндогенного синтеза («двойной» синтез). Так, шелкомотальни из района Гуанчжоу поставляли шелк-сырец на ткацкие фабрики в Англии или США (см. [240, т. 2, с. 51–53, 94, 356–358]). Такого рода непрерывный производственный обмен полуфабрикатами и капиталом налаживали китайские и иностранные торговые круги – местный компрадор и, скажем, британская экспортная фирма. В результате создавалась система взаимной зависимости «крестьянин (шелковод) – скупщик – мануфактура – компрадор – экспортер – фабрика», т.е. законченный производственный цикл «производство коконов – приготовление пряжи (или нити) – изготовление ткани».

В конце его производственной цепи в ряде случаев стояли не за морские фабрики, а механизированные предприятия иностранного сектора в Китае, например русские чайные фабрики в Ханькоу и Цзюцзяне или английские на Тайване (см. [240, т. 2, с. 110–113]).

Чтобы уяснить роль мануфактуры в этой системе, необходимо обратиться к более простым вариантам синтеза. В тех случаях, когда китайский и западный торговый капитал поставлял на фабрику в Европе или Америке или на иностранное предприятие в Шанхае не шелк-сырец (нить и пряжу), а коконы (см. [237, т. 1, с. 556]), возникал обычный колониальный синтез: «мелкий производитель сырья – скупщик – компрадор – экспортер – крупное машинное производство», т.е. феодально-капиталистическое производство типа «Китай–Запад». Аналогичной была ситуация, когда скупщик, компрадор и экспортер поставляли на чайную фабрику за океаном чайный лист, первично обработанный не на мануфактуре, а в самом хозяйстве крестьянина-чаевода (*чаху, шанху*) (см. [237, т. 1, с. 552; 240, т. 2, с. 101–103]), или шелковую нить (шелк-сырец), изготовленную не на мануфактуре (*сычан*), а «ремесленным двором» (*цзиху*), т.е. непосредственно китайским крестьянином или горожанином на своем размоточном станке. Замена же блока «шелковод–скупщик» усложненным вариантом «мелкий производитель – скупщик – мануфактура» создавала новую комбинированную систему, в рамках которой элементы эндогенного спонтанного и полуколониального синтеза оказывались поглощенными более широким и сложным хозяйственным организмом («двойной» синтез).

Как и в предыдущих вариантах синтеза, в данном случае имело место не просто механическое взаимодействие элементов разных способов производства, а их слияние в рамках некоего третьего, т.е. создание нового промежуточного начала, которое, формально выглядя лишь производственным циклом, фактически являлось единой производственно-воспроизводственной системой феодально-капиталистического синтеза, сочетающего в себе структуры эндо- и гетерогенного синтеза. Как и более простые варианты такого способа производства, «двойной» синтез строился на единстве и борьбе противоположностей, на интеграции старого и нового в рамках общности при эксплуатации феодального звена капиталистическим. На данной базе происходил неразрывный обмен трудом, капиталом, сырьем и услугами между традиционным, переходным и современным компонентами системы, складывались их противоречия и взаимозависимость. Все вовлеченные в это феодально-капиталистическое «предприятие» – китайский крестьянин, скупщик, хозяин мануфактуры, его работники, компрадор, европейский коммерсант-экспортер, фабрикант и его рабочие – были связаны общностью весьма сложных производственных отношений (см. [240, т. 2, с. 101–110]). Внутри такого «предприятия» мануфактура в Китае, в равной мере как и фабрика в Англии и китайское мелкое производство (чаевода, шелковеда, мотальщика и др.), превращалась в один из своего рода «цехов» или «участков», двигаясь через цепочку которых сырье превращалось в готовое изделие, а постоянно повторяющаяся «одноразовая» купля-продажа была

лишь одной из очередных стадий безостановочного движения сырья, полуфабрикатов, капитала и услуг⁹. Смена этих последовательных производственных операций отражала в миниатюре единый производственный процесс внутри мирохозяйственной системы «метрополии–колонии (+ полуколонии)».

В рамках данного варианта международного и межформационного разделения труда китайская мануфактура производила размотку коконов, перемотку нити с мотовил на шпули, сдваивание и скручивание нитей (трошение), а зачастую также промывку, выварку, отбеливание, протравливание и частично крашение шелковой пряжи. Иностранная же фабрика осуществляла окончательную подготовку пряжи для ткачества, изготовление материи и аппретуру последней. Китайские чайные мануфактуры производили сортировку чайного листа, его сушку, прессовку, поджаривание, просеивание и упаковку в ящики [240, т. 2, с. 103]. Чаеразвесочные фабрики в Европе и США чаще всего производили повторное просушивание и просеивание листа после длительной транспортировки, измельчение и расфасовку.

На ранней стадии создавались системы более низкого уровня (синтез по типу ближе к спонтанному эндогенному), когда иностранная мануфактура в Китае получала сырье от чаеводов через руки китайского скупщика или компрадора. Иногда сырье проходило и через китайскую мануфактуру. В этом случае мануфактура русской чайной фирмы, например, получив от китайской мануфактуры полуфабрикат, дорабатывала чай применительно к потребностям и стандартам российского рынка. В результате возникал более низкий по техническому и стадияльному уровню вариант сложного синтеза: «мелкий производитель чайного листа – скупщик – китайская мануфактура – иностранная мануфактура».

Еще большее понижение уровня подобной системы происходило иногда за счет ее центрального звена, когда оно было представлено не мануфактурой, а простой капиталистической кооперацией. Чаще всего это наблюдалось в шелкообработке, где на экспорт работали многочисленные мелкие размоточные мастерские (*цзифан*); в результате возникали цепочки «шелковод–скупщик–мастерская–компрадор–фабрика», объединявшие традиционные, переходные и современные компоненты. Еще более понижался уровень «двойного» синтеза, когда место мануфактуры или мастерской занимала капиталистическая работа на дому. Так, в Хунани и Хубэе в 60–80-х годах XIX в. сырой чайный лист скупщики раздавали женщинам на дом для обработки (см. [156, с. 71]).

В экспортной шелкообработке Чжэцзяна в начале XX в. скупщик коконов выступал еще и раздатчиком в системе надомной сдельщины. Снабжая коконами по фиксированной цене размотчиков и прядильщиков, такой «торговец» собирал нить и пряжу опять-таки по твердым расценкам, т.е. фактически выплачивал кустарям заработную плату.

Затем через компрадоров и экспортеров полуфабрикат отправлялся за океан. В итоге действовала производственная система «мелкий производитель сырья – скупщик – надомная сдельщина – компрадор – фабрика».

Три последних варианта сливались, когда роль «центрального звена» в системе играла мануфактура, одновременно создававшая вокруг себя раздаточную систему в качестве своего «внешнего отделения». Аналогичную надомную «периферию» имели и мастерские, хозяева которых организовывали обработку сырья по деревням. Так, в Шаньдуне в конце XIX – начале XX в. шелкопрядильни, производя размотку коконов в своих стенах (*нэйкуан*), часть сырья раздавали по окрестным дворам надомникам (*вайкуан*) (см. [104, с. 131; 156, с. 61, 62]). Этот наиболее сложный вид производственного синтеза «шелковод – скупщик – мотальная мастерская (мануфактура) + раздаточная система – компрадор – иностранная ткацкая фабрика» с особой полнотой демонстрировал подключенность всех видов раннекапиталистической промышленности Китая к мирохозяйственной системе «метрополии – колонии (+ полуколонии)».

Во всех случаях «двойного» синтеза компонент спонтанного эндогенного синтеза выполнял роль своеобразного «сырьевого» (полуфабрикат) звена полуколонияльного синтеза. В то же время последнее выступало промышленным «продолжением» спонтанного синтеза, а фабрика – мануфактуры. Обе эти служебные функции в рамках общего хозяйственного организма были неразрывными и взаимодополняющими.

В равной мере в мирохозяйственные связи втягивалась и мануфактура, связанная с производителем сырья напрямую, без помощи скупщика. В таком случае она практически сама выступала в качестве сырьевого компонента хозяйственного организма «фабрика – торговый капитал – мануфактура», в чем-то воспроизводившего структуру синтеза «крупное современное производство готовой продукции – скупщик – традиционный производитель сырья». Такой вид производственных систем имел место в шелкообработке Китая и в производстве чая в XIX–XX вв. (см. [240, т. 2, с. 100–110]).

Сложность хозяйственного организма, складывавшегося в результате сочетания полуколонияльного и эндогенного спонтанного видов синтеза, увеличивалась за счет подключения к рассмотренной выше системе еще одной вспомогательной цепочки. Речь идет о регулярных поставках топлива мануфактурному звену. Они осуществлялись угольными шахтами традиционного типа (*туфа*). С отправлением этих топливно-снабженческих, а фактически производственных функций к экономическим организациям типа «метрополия – полуколония» подключалось еще одно звено – спонтанно-эндогенное по своей природе. Такого рода подсобный, но совершенно необходимый для функционирования всего хозяйственного цикла «цех» (или «участок») был

представлен производственными единицами различного вида. Весьма распространены были мелкие угольные разработки, где добыча велась «самостоятельно» (т.е. без капитала хозяина) артелями (*хо, хэхо, хобань*) простых горняков или местных крестьян. Такая артель во главе с артельным старостой (*хотоу, баогун*) либо работала на собственной, т.е. ею созданной шахте (*цзин, яо*), либо снимала чужую в аренду (*дянь*) у ее хозяина (*яочжу, шаньчэжу*), либо брала подряд у шахтовладельца на выполнение определенного объема работ; уголь она сбывала через комиссионеров (*яху, ядянь, цзинцзи*) из соответствующих городских корпораций (*яхан, гунсо*) или через местных купцов и «торговые фирмы» (см. [105, с. 65–67]). Артели горняков чаще всего находились в полной зависимости от скупщиков. Последние, устанавливая закупочные цены, объем и сроки выработки, а также выдавая через старосту денежные авансы, всем этим опутывали артель сетью по сути раннекапиталистической эксплуатации. Во всех трех случаях в систему «двойного» синтеза включалось вспомогательное звено «артель–скупщик–мануфактура (мастерская)».

На другой категории шахт – частновладельческих – добычу вели наемные горняки (*гугун, юнгун*), набранные хозяином (см. [240, т. 2, с. 156–163, 383–385]). Они нанимались поодиночке или же целой артелью, староста которой становился практически «старшинкой» над своими рабочими. Разработку месторождения в рассматриваемом случае вел либо хозяин данной земли (*шаньжэнь, дичжу*), либо предприниматель – основатель шахты (*гунбэнь*), т.е. владелец самого сооружения, либо подрядчик, арендовавший шахту и становившийся фактически предпринимателем (*сыча*). В двух последних ролях выступали как отдельные лица, так и группы пайщиков-компаньонов (*хэтуун, хэтуунжэнь*) (см. [127, с. 141–142]).

В ряде случаев горнозаводчики поставляли топливо на мануфактуру (или в мастерскую) напрямую – без посредничества торгового капитала. Чаще же всего хозяин последней получал уголь от «торговца», который либо скупал продукцию средних и мелких разработок, либо выступал посредником при реализации угля крупных шахт, организуя доставку его заказчику. Эти функции выполняли гильдейские купцы и маклеры: «фирмы», торгующие углем, мелкие перекупщики и т.д. Во всех случаях к системе «двойного» синтеза подключалось звено, по своей сущности бывшее явлением спонтанного синтеза и представленное разными вариантами цепочки «шахта (или несколько мелких разработок) – скупщик – мануфактура» плюс транспортное звено. Данную подсистему приводила в движение «триада» предпринимателей – «производительный капитал – торгово-ростовщический капитал – производительный капитал». Наличие такого служебного «участка» еще более усложняло структуру «двойного» синтеза. Эндогенный компонент в «стенах» такого «предприятия» представляло не только сырьевое, но и топливное звено, что увеличивало его удельный вес

внутри «двойного» синтеза и тем самым еще более ухудшало по формационной шкале ценностей «общее качество» последнего, т.е. значительно понижало его и без того межформационный уровень. В сочетании с фабрикой топливный «цех» создавал дополнительную оппозицию «традиционное—современное». В итоге «двойной» синтез строился по принципу «две синтезировано-традиционные подсистемы — одна современная (фабрика)». Иначе говоря, «двойной» синтез представлял собой производственную систему ухудшенного качества — за счет большего значения традиционных, домануфактурных и мануфактурных экономических форм.

Сложные системы

Выше рассматривались основные варианты «двойного» (спонтанно-полуколониального) синтеза, начиная с качественно более высоких и кончая более низкими. В историческом плане их последовательность была обратной. С каждым десятилетием развития переходного общества в Китае более отсталые в техническом, организационном и стадийном отношении варианты уступали место более развитым. Так, надомная обработка чайного листа сменялась мануфактурной, а затем фабричной. Домашняя размотка коконов вытеснялась работой мастерских, которые, в свою очередь, отступали перед мануфактурами (*саосычан*), а те — под натиском механических прядилен (*цзици сычан*) (см. [103, с. 160, 162, 165; 156, с. 61–64]).

Специфика этих сложных систем заключалась в том, что иностранный капитал господствовал не только в их «колониальном» крыле («компрадор — экспортная фирма — фабрика»), но и в «спонтанном» («крестьянин — скупщик — мануфактура»). В сфере последнего скупка и переработка шелка и чая во многом финансировались английскими, американскими и иными фирмами. Авансирование, контракция и предварительные закупки необходимой продукции осуществлялись либо через «своих» компраторов (как это было в чаеобработке Тайваня до японской оккупации в 1895 г.), либо через меняльные конторы (*цянъчжуан*, *датунхан*) Шанхая, оперировавшие в таких случаях специальными краткосрочными займами иностранных банков.

На такого рода гарантированных заказах во многом держалась экспортная переработка чая «чайными складами» и «чайными фирмами», а также размотка и прядение шелка, ориентированные на вывоз в Европу и Америку. В этом плане «двойной» синтез выражал единство системы «метрополия—полуколония», причем капитал первой явно довлел над местным и в самой глубинке Китая.

Наряду со сращиванием эндогенного спонтанного и полуколониального с начала XX в. в Китае наблюдалось соединение спонтанного чисто эндогенного и национального синтеза (в котором переплетались

начала эндо- и гетерогенного порядка), когда современным компонентом производственной цепи становилось отечественное механизированное предприятие, в частности китайские чайные и шелкоткацкие фабрики. Однако спонтанно-национальный вариант синтеза в Китае не получил заметного развития.

Неизмеримо большие размеры приобрело слияние спонтанного и «перевернутого» синтеза. Импортная хлопчатобумажная фабричная пряжа из Англии, Индии и Японии поступала в Китай, как правило, неокрашенной, в таком же виде она уходила в китайскую глубинку с иностранных и национальных фабрик в «открытых» портах. В итоге крашение или отбеливание (в одних случаях ткани, в других – пряжи), а также и остальные виды аппретуры (лощение, прессовка) становились операциями производственного цикла в рамках «перевернутого» синтеза. Они производились, как правило, в специальных мастерских и мануфактурах (*жаньфан*). Когда в окраску шла пряжа, создавалась производственная цепь «надомный ткач – скупщик – красильная мастерская – торговый капитал – механическая прядильня» или «деревенский ткач – торговец – красильная мануфактура – компрадор – иностранная фабрика». Такая производственная система могла быть еще сложнее: «отделочная мастерская – ткач – скупщик – красильня – торговый капитал – фабрика». Зачастую аппретурная либо красильная мастерская или мануфактура создавалась скупщиком–организатором «перевернутого» синтеза (см. [104, с. 144, 169, 170; 122, с. 184]).

Сращивание спонтанного синтеза с полуколониальным, национальным и «перевернутым» вело к образованию сложных систем, внутри которых оба ее слагаемых теряли не только свою автономность, но и чистоту первоначальных характеристик, а новое образование приобретало смешанную, промежуточную природу. Включение спонтанного синтеза в систему полуколониального, национального и «перевернутого» вариантов вносило новые антагонизмы в и без того противоречивый мир подобных хозяйственных организмов. С одной стороны, «доопиумные» спонтанные структуры становились подсистемами нового, более сильного и передового начала, его рабочими «цехами», «участками», формально его «филиалами» или «внешней» периферией, а фактически частью сложного комбинированного единого организма. Причем новые варианты синтеза (полуколониальный, национальный и «перевернутый») не только подключали к себе уже существовавшие системы («мануфактура – скупщик – мелкий производитель», «мастерская – торговец – крестьянин»), но и вызывали появление заново таких организмов либо специально создавали их в качестве подчиненных себе звеньев (см. [240, т. 2, с. 62, 403–404]). С другой стороны, новые системы выступали «продолжением» и «развитием» спонтанного синтеза. «Варварские» фирмы и механические предприятия выглядели как «зависимые клиенты», польза от которых состояла в том, что они дали старым китайским «фир-

мам» (*хао, чжуан, хан, цзюй*) «второе дыхание», а в ряде случаев и обеспечили их развитие вширь с открытием новых мануфактур и мастерских.

Сложные системы в рамках такого «двойного» синтеза были соединением структур разнотипных и в чем-то противоположных. Один компонент сложной системы был представлен явлением средневековым («доопиумный» спонтанный синтез), другой – современным (фабрика и полукOLONиальный синтез эпохи свободного капитализма, а затем империализма). В итоге сложные системы являлись дихотомиями «низший–высший», «традиционный–современный», «азиатский–европейский», «средневековый–буржуазный», где первые компоненты представлены спонтанным, а вторые – тремя новыми видами синтеза.

В «двойных» структурах особенно велика была роль торговлоростовщического капитала, в том числе скупщика. Различного рода капитал, задействованный в них, своей многочисленностью (четыре-пять участников в каждой системе) и разнородностью воспроизводил ту же дихотомию «низший–высший», но уже в ином варианте – «переходный–современный»: «хозяин мануфактуры – фабрикант», «скупщик–компрадор», «владелец мастерской – хозяин фабрики», «компрадор – западный коммерсант», «организатор раздаточной системы – промышленный капиталист». Каждая из этих оппозиций специфически отражала фактор синтеза внутри сложных систем. Последние, как и простые варианты синтеза, являли собой не только единство и борьбу противоположностей, но и движение – стадийное или от одной ступени к другой.

Сложные системы, возникшие на базе полукOLONиального и «перевёрнутого» синтеза, являлись не только межформационными (феодально-капиталистическими), но и международными (Китай–Англия, Китай–Индия, США–Китай), выступая как порождение и воплощение международного разделения труда. В одних из них были задействованы фабричные прядильщики – индийцы вместе с ручными ткачами и красильщиками – китайцами; в других крестьяне и подмастерья Китая – с фабричными рабочими Японии; в третьих китайские шелководы и мотальщицы – с английскими ткачихами. Как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, «буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическими» [91, т. 4, с. 427]. В рамках «общего дела» «работали» скупщик коконов, хозяин шелкомотальни в Гуандуне и фабрикант в Англии. В единой производственной цепи функционировали капиталы промышленника-индийца в Бомбее, китайского компрадора в Шанхае, скупщика-раздатчика в Сычуани и мануфактуриста в Хубэе. Широта спектра социально-экономических форм внутри таких «предприятий» наиболее полно отражала всю сложность глобальной системы «капиталистический Запад – переходный Восток» или «метрополии–колонии (+ полукOLONии)». В равной мере именно сложные системы

полнее всего воспроизводили разнообразие базисных форм в трансформируемой и переходной экономике Китая второй половины XIX – первой половины XX в. И наконец, сложные системы в большей степени, нежели простые, выражали природу производственного синтеза как межформационного способа производства.

Долгое время сложные системы играли значительную роль в той части народного хозяйства Китая, которая оказалась вовлеченной в мировую экономику. Именно в их русле шла переработка двух основных экспортных продуктов – шелка и чая, а также такого важного предмета импорта, как хлопчатобумажная пряжа. Однако с середины 80-х годов XIX в. наметилось постоянное падение роли спонтанно-полуколонизального варианта синтеза в сфере производства чая, а с 30-х годов XX в. – в шелкообработке (см. [54, с. 78, 79, 90]). С 10-х годов XX в. стало резко падать значение спонтанно-«перевернутого» варианта синтеза в переработке импортной пряжи Индии, Японии и Англии. Параллельно в 20–30-х годах начался рост этого же вида синтеза, но уже на базе национальных прядильных и прядильно-ткацких фабрик, а также иностранных, особенно японских текстильных предприятий в Китае (см. [54, с. 78, 79, 138; 244, т. 2, с. 308–311]).

Подключенная среда

Задействованные как в «двойном», так и в спонтанном, полуколонизальном и национальном вариантах синтеза производители сырья (хлопок-сырец, коконы, табачный лист, масличные, руда, уголь и т.д.), а в «перевернутом» варианте – поставщики готовых изделий (ткань, металлические орудия, утварь, скобяные изделия, зонты и др.) нуждались в регулярном снабжении продовольствием, чаще всего дополнительным, т.е. сверх собственного производства¹⁰. Земледельческий и одновременно «ткацкий двор», мелкотоварное хозяйство крестьянина – владельца земли, кулацкая семья или «предприятие» типа «помещик–арендатор», производя сырье или готовые товары, в свою очередь, нередко зависели от поставок риса, пшеницы, проса, батата и т.д. В одних случаях эта потребность была более, в других – менее острой, в третьих – частичной, в четвертых – почти не ощущалась. Все определялось степенью специализации данного района или конкретного хозяйства на выращивании той или иной товарной, особенно технической культуры (см. [103, с. 67–94, 104–107]). Что же касается таких участников производственного синтеза, как сельские «ремесленные дворы» из среды неземледельческого населения, работники деревенских мастерских и мануфактур, горнодобывающие и иные артели, то они полностью зависели от регулярных поставок продовольствия (см. [104, с. 130–132, 163]).

Во всех этих случаях необходимость такого снабжения была потребностью не только традиционного звена, но и всей системы. Не-

прерывность подобных поставок в синтезированный экономический организм в принципе соответствовала постоянному характеру обмена трудом, сырьем, деньгами и транспортными услугами внутри его, а следовательно, прочности производственно-воспроизводственных отношений в его рамках. К подобному «предприятию», снабжая его продовольствием, стихийно подключались различные традиционные и переходные по своей природе единицы. В данной роли могли выступать кулацкий двор и мелотоварное хозяйство среднего или бедного крестьянина – владельца земли, «предприятия» типа «помещик–арендатор», «ростовщик–крестьянин» и «торговец–крестьянин». В последних крестьянский двор выступал уже не как самостоятельная единица, а лишь как один из компонентов такого рода мелких производственных организмов (см. [152, с. 43–45]).

В подключенном звене действовал принцип как принудительной, так и естественной товарности. Первая была свойственна таким звеньям, как «скупщик–хозяйство» типа «помещик–арендатор» (либо «ростовщик–крестьянин»), в которых помещик и ростовщик могли играть и роль скупщика (см. [54, с. 303, 307, 317, 318]). Через принудительную товарность подключались к сфере синтеза налогоплательщики дворян – владельцы земли (*сяоху*) – и бедняков (*пиньху*), и середняков, и богатеи (*фунун*). В равной мере крепкие средние и кулацкие дворяне подключались к сфере синтеза на основе естественной товарности (см. [104, с. 35, 36; 237, т. 1, с. 526–541]).

Поставка продовольствия звеньям синтезированных систем внешне выглядела простым товарообменом между двумя традиционными ячейками, т.е. обычной куплей-продажей. В действительности же эта якобы простая рыночная сделка представляла собой не только одно из «внешних» условий производства в русле синтеза, но и одну из последовательных и потому органически необходимых стадий жизнедеятельности сложного производственно-воспроизводственного механизма. В данном смысле взаимодействие «производственный синтез – производитель продовольствия» приобретало характер производственных отношений, что означало если не прямое, то, во всяком случае, косвенное или частичное подключение еще одного традиционного звена к системе феодально-капиталистического синтеза. Вступая в специфические, но регулярные и устойчивые производственные отношения с системами полукOLONиального, «перевернутого» или национального вариантов синтеза, традиционные ячейки и «предприятия» частично входили в русло переходной экономики в узком смысле этого слова. Если производственные отношения внутри системы синтеза выступали как «первичные», то описанные выше вспомогательные связи с подключенной средой¹¹ становились «вторичными».

Дополнительные звенья такого рода в ряде случаев подключались к системам «двойного» – колониально-спонтанного и национально-спонтанного – синтеза, т.е. оказывались косвенно и опосредованно

связанными в производственной цепочке не с одной, а двумя фабриками последовательно. Тогда возникали производственные цепочки типа «шелкоткацкая фабрика в Англии или в Шанхае – торговый капитал – китайская машинная шелкопрядильня в Шуньдэ – скупщик – производящий коконы крестьянский двор – скупщик – рисопроизводящий крестьянин» (см. [103, с. 194; 235, т. 2, с. 896–903]). Наличие не только общей традиционной сырьевой базы, но и общей подключенной среды содействовало сращиванию полукOLONиального, национального и спонтанного вариантов синтеза.

Производители продовольствия – как самостоятельные крестьянские дворы, так и «предприятия» типа «помещик–арендатор», «торговец–крестьянин» и «ростовщик–крестьянин» – вступали в производственную связь с синтезированными системами либо напрямую, либо через скупщика, поставлявшего продовольствие производителям ткани, хлопка-сырца, коконов, чайного листа или масличных. При этом под словом «поставка» имеется в виду не доставка зерна на дом, а постоянная покупка его у одного и того же торговца зерном (*мишан*) либо в своей деревне, либо в соседней, либо на ближайшем деревенском или волостном базаре (*цаоши, сяньши, сюньши*) (см. [98, с. 140, 141]). В качестве зерноторговца могли выступать местные или расположенные в окрестностях «рисовая лавка» (*мидянь, мипу*), хлебный лабаз, «зерновая фирма» (*лянхан, михан*), их отделения (*фэньхан*) и разъездные агенты (*цзинцзи*), а также деревенские и волостные ломбарды (*данпу, дяньдан*), «торгующие», т.е. скупающие зерно окрестные помещики, лавки мелочного товара (*цзахопу*), винные лавки (*цзю-дянь*), мелкие бродячие торговцы (*сяоцзинцзи*) и кулаки-скупщики (см. [105, с. 84, 85, 87–89]).

Втягиваясь в постоянные поставки в сферу производственного синтеза, зерноторговец (в любой из перечисленных ипостасей) начал выполнять вспомогательные функции в русле налаживания и поддержания сложных форм производства. Не переставая быть «простым» торговцем и ростовщиком традиционного типа в сфере старой экономики, он одновременно приобретал некоторые раннебуржуазные черты скупщика в русле синтеза (см. [152, с. 22–38]). Такого рода «внешний» (по отношению к сфере синтеза) скупщик, равно как и «внутренний» («компаньоном», «помощником», своеобразным «продолжением» которого выступал «внешний» скупщик) представляли собой, хотя и в разной мере, функционеров во многом разобщенного и в чем-то единого производственно-воспроизводственного процесса в русле переходной экономики.

Однако раннебуржуазные черты у «внешнего» скупщика были выражены слабо, ибо подключенная к синтезу среда не являлась частью последнего. Тем не менее она несла в себе его стертые и ослабленные признаки, косвенно участвуя в работе его механизма и испытывая его воздействие. Это была не просто окружающая, а уже переходная к

синтезу и в этом смысле отчасти трансформированная среда. Занимая промежуточное положение между производственным синтезом и чисто традиционными хозяйственными ячейками и структурами, она играла связующую роль между первым и вторыми, будучи одновременно и органическим компонентом феодальной экономики, и частичным участником синтеза, т.е. третьеразрядным партнером современного капитала.

Параметры трансформации были еще ниже, если подключенные структуры имели более сложное строение. Речь идет о звеньях типа «скупщик – производитель высококачественного зерна – поставщик низкосортного продовольствия» или «скупщик – производитель риса – торговец – производитель проса», возникавших, когда производители высококачественного зерна сбывали его (добровольно или по необходимости) для последующей покупки и потребления грубого и дешевого продовольствия (просо, гаолян, гуцза, батат) (см. [98, с. 141–143; 105, с. 141–142]). В таких случаях к обслуживанию синтеза привлекался дополнительный горизонт традиционных ячеек и структур, а также еще одна группа представителей торгово-ростовщического капитала. К этому, еще более заземленному варианту применимы, хотя и в значительно меньшей степени, характеристики, данные выше подключенной среде.

Выделение последней как некой реальности, качественно отличающейся от массы чисто традиционной экономики, обусловлено воздействием современного капитала на средневековое общество Китая. Производственный синтез в его полукOLONиальном, национальном, «перевернутом» и «двойном» вариантах формировал «свое» рабочее звено из традиционных ячеек и структур. Двойственная природа последних определялась их одновременным функционированием и в сфере синтеза, и в рамках феодальной экономики. Различные варианты синтеза обволакивали и трансформировали «кусочек» феодализма, который, в свою очередь, втягивал в сферу модифицирующего влияния переходных экономических организмов буржуазно-феодального типа еще одно традиционное, на сей раз производящее продовольствие, звено. Оно также было двойственным по своей природе, будучи задействовано как старым базисом, так и синтезом, хотя находилось вне его структуры и служило ему «внешним отделением». Это «внешнее» звено втягивало за собой в сферу синтезирующего, хотя и еще более ослабленного воздействия, второе «внешнее» звено, т.е. происходила своеобразная «цепная реакция», в ходе которой в чем-то сходный процесс повторялся, но всякий раз на еще более низком функциональном и качественном уровне. Возникал длинный и законченный производственный ряд: «крупное современное производство – обмен – мелкое производство сырья – обмен – мелкое производство качественного зерна – обмен – мелкое производство низкосортного продовольствия». Таким образом, процесс синтеза, захваты-

вая традиционные элементы и создавая особую подключенную среду, тем самым отрывал от гигантской массы традиционных экономики и социума небольшую их часть, находившуюся на различных ступенях трансформации.

Подключенная среда являлась ослабленным и неполноценным подобием входящего в систему синтеза традиционного звена, органически связанного с фабрикой. Не будучи системным компонентом производственного синтеза, она была с ним тесно связана экономически. Находясь организационно вне его рамок, она тем не менее несла на себе его отпечаток, выполняя подсобные функции и в достаточно ограниченной степени служа его продолжением, периферией, «внешним отделением», т.е. отдаленно претендуя на роль «синтеза второго эшелона». Будучи по отношению к синтезу явлением вторичным, подключенная среда опосредованно – через синтез – втягивалась в сложнейшие производственные организмы типа «капиталистический Запад – феодальный Восток» или «буржуазный уклад в Китае – местная докапиталистическая экономика», также опосредованно оказывая обратное консервативное влияние на ход социально-экономической эволюции.

Структура «производственный синтез – подключенная среда» своеобразно воспроизводила указанные выше два типа дуализма. Не будучи частью синтеза, подключенная среда взаимодействовала с ним как контрагент более низкого порядка в рамках единого производственного процесса. Находясь в силовом поле борьбы «синтез–анти-синтез», она оказалась на грани того и другого, выступая последним рубежом синтезирующего влияния. За ним далее лежала гигантская масса чисто традиционных структур, активно и пассивно сопротивлявшихся воздействию современного начала.

Синтез и капитализм

Под интернационализацией экономики Китая после «опиумных» войн обычно подразумевается развитие внешней торговли. Между тем, как было показано выше, залпы английских и французских корабельных пушек в середине XIX в. не только «открыли» Срединную империю для европейской коммерции, но и создали условия для втягивания ее в международное производство, т.е. в специфическое разделение труда и переходные производственные отношения полукOLONиального типа. Первичное явление – хозяйственная интернационализация капитализма Европы и США – вызвало к жизни неизбежное вторичное явление – экономическую интернационализацию феодализма стран Азии, в частности Китая. Определенная часть средневекового базиса колониальных и полукOLONиальных стран становилась как объектом, так и относительно активным участником международ-

ной хозяйственной интеграции. Эта часть традиционного хозяйства Китая превратилась в подчиненного участника международного разделения труда, трансформируясь из феодальной в переходную, из самостоятельной в зависимую среду (см. [25, с. 139–156]). Процесс параллельной интернационализации и частичной взаимной интеграции в русле производственного синтеза соединял в рамках «общего» производства капитализм Запада и феодализм Востока, являясь способом функционирования мировой системы «Запад–Восток» в ее колониалистском и империалистическом варианте «метрополии–колонии (+ полуколонии)».

Европейский и американский капитал, выходя из национальных границ на мировой простор, создавал настолько сложное производство, что в нем потребовалось участие китайского крестьянина и помещика, ремесленника и шахтера, торговца и ростовщика, хозяина мастерской и мануфактуры. Включившись таким образом в мировое производство, одни из перечисленных его участников стали эксплуатироваться не только отечественным, но и заморским капиталом, а другие выступали «компаньонами» или заинтересованными агентами последнего.

Таким образом, наряду с международным обменом производственный синтез стал важной функцией мирового хозяйства (см. [151, с. 181–195]).

Однако синтезированный (феодално-капиталистический) способ производства стал явлением более широким, нежели только международное разделение труда. В Китае возникли и развивались выходящие за его рамки варианты синтеза – эндогенный спонтанный (вне связи с заморской фабрикой) и гетеро-эндогенный национальный. Вторая половина XIX в. стала временем появления новых и усложнения существовавших видов синтеза. В 40–50-х годах к спонтанному добавился полуколониальный, в 60–70-х годах – «перевернутый» вариант, в 80–90-х годах – национальный вариант. На их базе развивались разного рода сложные системы. Следовательно, производственный синтез в Китае не был застойным, в его русле шло движение и развитие. От отсталых спонтанных форм он поднимался к более высоким (полуколониальный и национальный варианты), от сравнительно «простых» организмов – к сложному «двойному» синтезу. Все эти виды синтезированного производства не только сосуществовали и развивались параллельно, но и вступали в производственную связь и конкурентную борьбу между собой. Все они представляли собой слабые и варианты одного общего – особого типа переходного способа производства (см. [151, с. 164, 165, 188]). Всех их объединял единый принцип создания и функционирования, а также во многом однотипная социально-экономическая природа, т.е. слияние трех различных начал – феодального, переходного и капиталистического – в целостные организмы или производственные системы непрерывного

действия. Эти системы строились не только на взаимообмене, но и на экономическом неравенстве их участников, на эксплуатации одних другими, т.е. на антагонистических отношениях. Слияние феодальных и капиталистических начал внутри хозяйственного организма порождало новое разделение труда и особые производственные отношения.

Важнейшая особенность и общая черта всех видов синтезированных систем Китая состояла в их переходном характере. Каждый их вид представлял собой сплав традиционного и современного, в свою очередь скрепленный переходной средой. В рамках включавшей в себя и собственно феодальные, и чисто капиталистические отношения единой системы возникало в качестве итога нечто третье – среднее промежуточное начало, т.е. синтез двух исходных формационных начал.

Как эндогенный спонтанный, так и остальные варианты зрелого, привнесенного извне синтеза одновременно обслуживали и традиционную массу экономики, и различные сектора нового буржуазного уклада, и пласты переходности (см. [25, с. 146–154]). В массе своей синтезированное производство «работало» и на Китай, и на западные метрополии: и на капиталистический уклад внутри страны, и на мировой рынок, и на ослабленный китайский феодализм. Такие системы способствовали и полукOLONIALьному ограблению, и социально-экономической модернизации Китая. Они укрепляли и в то же время ослабляли империализм и колониальную систему, ибо создавали силы сопротивления и способствовали подъему национально-освободительной борьбы в Китае.

Иначе говоря, общими чертами различных видов синтеза служили его многофункциональность и иногда прямо, иногда косвенно международный характер. Все варианты синтеза были одним «концом» «замкнуты» на мировую капиталистическую систему – либо на ее «центр» (метрополии), либо на ее «периферию» (буржуазный уклад в Китае), а другим «концом» – на толщу феодальной экономики Китая.

На разных горизонтах, «этажах» синтеза функции современного, традиционного и переходного компонентов выполняли разные субъекты.

На глобальном уровне, в дихотомии «Запад–Восток», как уже отмечалось во Введении, роль современного выполнял капитализм Европы, США, Японии, а традиционного – весь Китай (включая синтезированный капиталистический уклад и переходную среду).

На национальном уровне в качестве современного звена выступали расположенные в метрополиях фирмы (полукOLONIALьный, «перевернутый» и частично «двойной» синтез) и местный капиталистический уклад, представленный иностранным (те же виды производственного синтеза) и национальным (эндогенный спонтанный, национальный и частично «двойной» синтез) секторами, а традиционное звено было представлено массивом феодальной экономики и в определенной мере переходной средой.

В экономической и социальной сферах любое явление, затронутое синтезом, являлось для толщи традиционности современным. В рамках же синтеза то или иное явление, связанное с более высоким его уровнем, играло роль современного по отношению ко всему остававшемуся на сравнительно более низком уровне, т.е. понятие «современное» приобретало в значительной мере относительный характер.

Картина усложняется при анализе конкретных синтезированных систем. Один и тот же производственный объект (например, мануфактура, мастерская) выступал в них то как элемент традиционного (при взаимоотношениях с фабрикой), то как элемент современного (при взаимоотношениях с феодальными и мелкотоварными хозяйственными единицами, снабжавшими их сырьем, топливом, продовольствием).

Кроме того, каждое современное и многие традиционные звенья этих систем были в то же время сами по себе продуктом, явлением синтеза.

Иная сложность связана с персонификацией переходного элемента синтеза. В одних случаях она очевидна – компрадор, скупщик. В других – глобальный синтез, системы прямой связи фабрики, мануфактуры с источниками сырья и т.п. (см., например, [105, с. 128, 129, 135]) – переходность, не находя конкретного воплощения, оставалась, как и во всем, что связано с синтезом, сущностью той или иной конкретной системы.

Эта достаточно пестрая картина в целом охватывает весь процесс развития в Китае капиталистических начал, шедший как в рамках различного рода систем производственного синтеза, так и вне послед-
них¹².

СФЕРЫ СИНТЕЗА. НАДСТРОЙКА

Глава 6

ГОСУДАРСТВО

В трансформации общества вторичных и третичных моделей, как уже отмечалось, государство играет особую роль (см. [143, с. 34]). Пример Китая подтверждает данное положение, причем не только прямо, но и, так сказать, по методу «от противного». Государство там, в отличие от стран вторичной и большинства стран третичной модели, в меньшей мере содействовало движению общества вперед и в большей мере тормозило такое движение, что стало одной из основных причин не только длительного сохранения в Китае обстановки феодально-капиталистического синтеза, но и краха этой линии исторического развития.

Во многом это своеобразие определялось характером традиционной китайской государственности.

Трансформация основ

Китайское императорское государство – особый, во многом уникальный (хотя бы по времени своего непрерывного существования) феномен мировой истории, сложный и многоплановый. Возникнув как высшее выражение складывавшегося на последнем этапе первобытнообщинного строя инструмента «власти-собственности» (см. [12, с. 40–49]), утвердившись как «связующее единство», возвышавшееся над массой замкнутых общин (см. [91, т. 46, ч. 1, с. 463–464]), оно затем на протяжении без малого 4 тыс. лет, эволюционируя и совершенствуясь, сохраняло характер восточной деспотии. Традиционное китайское государство не выражало непосредственно интересов какого-либо господствовавшего класса. Весьма велика и самостоятельна была его роль в хозяйственной жизни страны, в эксплуатации крестьянства и ремесленничества. Все это заставляет говорить о нем как о «государстве-классе».

Возвышаясь над всеми классами, сословиями, социальными группами как высшая, самодовлеющая функция и ценность социума, как некая формально равноудаленная от всех, регулирующая и направляющая, самостоятельная сила, китайская деспотия в некоторой мере функционально напоминала абсолютизм, по виду государственности будучи весьма сходной с ним.

У восточной деспотии и абсолютизма (как видов государственности) просматриваются некоторые черты сходства – возникновение в ходе преодоления политической раздробленности страны, повышенная относительная самостоятельность как социально-политической силы, необходимость поддерживать определенное соотношение между разнородными социально-экономическими компонентами общества. Однако перечень различий намного длиннее и включает в себя моменты формационного порядка (превращающие абсолютизм в первую стадию перехода от феодализма к капитализму). Так, важными факторами генезиса абсолютизма были союз королевской власти с городами и идеология легизма (естественно, европейского, а не китайского); этому типу государственности свойственны сословное представительство (парламент, генеральные штаты и т.п.) и политика меркантилизма (важный фактор первоначального накопления капитала). Восточной же деспотии все это чуждо.

Элементы схожести восточной деспотии и абсолютизма определялись тем, что оба указанных варианта государственности венчали бинарные социально-экономические структуры, а различия между ними – неодинаковостью этих структур.

В свете всего сказанного не исключено, на наш взгляд, что дальнейшая теоретическая разработка понятий «восточная деспотия» и «абсолютизм» позволит поставить вопрос не только об их схожести, но и о наличии у восточной деспотии некоторых черт абсолютизма. В то же время представляется, что это – максимум их возможного гипотетического сближения.

В древнем и средневековом Китае «государство-класс» был представлен чиновничье-бюрократическим аппаратом во главе с императором (см. [164, гл. 2]).

Огромную роль в структуре китайской традиционной государственности играл отнюдь не аналогичный европейскому дворянству институт *шэньши*, своеобразный персонификатор конфуцианских установлений. Его функции были многообразны. Он был и важнейшим источником пополнения государственного аппарата, и как бы его продолжением на субадминистративном уровне, обеспечивая политический, полицейский, идеологический контроль над населением, а также выступая организатором его социальной жизни и посредником между ним и властью (см. [251; 252; 164]).

С развитием переходного общества происходила трансформация китайской деспотии, затронувшая оба ее основных компонента

(шэньши – управленческий аппарат): первый – на социальном, а второй – на институциональном горизонте общественной системы.

Для государства (после частичной модификации еще при Цинах) это выражалось в смене монархии республикой, гражданской власти – военной; маньчжурского господства – ханьским; относительной централизации – раздробленностью, а затем (после прихода к власти го-миньдана) – частичным возвратом к исходной позиции; чисто фео-дальной власти – переходной; конфуцианско-шэньшиского начала – политиканско-милитаристским и т.д. В итоге институциональный го-ризонт надстройки все более становился продуктом синтеза традици-онного и современного.

Столь же многозначным было перерождение сословия шэньши. С конца XIX в. началось его угасание как оплота конфуцианской сис-темы, происходившее за счет постепенного обуржуазивания (в русле всех видов синтеза), частичной модернизации по западному стандар-ту, утраты былого «надклассового» ореола, реальных позиций, кон-троля над остальным социумом, а после 1905 г., когда была отменена традиционная система экзаменов, и прекращения численного роста (см. [164, с. 135–140]).

Быстрое ослабление господствующего положения шэньши и неук-лонное падение их авторитета определялось рядом причин: во-первых, крушением традиционной монархии – их важнейшего оплота; во-вторых, постепенным отмиранием сословной системы, а с ней и их сословной привилегированности; в-третьих, растущим участием шэнь-ши в местном управлении. Последнее означало открытое насилие над крестьянством при сборе налогов и усмирении волнений, что снижало былую посредническую функцию шэньши – медиаторов между каз-ной и крестьянином. Кроме того, сказывалась непригодность «старых» шэньши – помещиков к новой хозяйственной конъюнктуре XX в., что вело к их частичному разорению. На этой почве шло вы-теснение «благородных» феодалов-шэньши «старой формации» но-выми помещиками из «непрестижных» сословий и страт (купцы, ка-питалисты, ростовщики, компрადоры, милитаристы и др.) (см. [98, с. 151–157]). Авторитет шэньши падал и вследствие перерождения части «справедливых» шэньши (*чжэньшэнь*) в «злых» (*лэшэнь*), тво-ривших произвол над крестьянами в погоне за увеличением арендных и ростовщических платежей.

На смену шэньши-конфуцианцам все более выдвигалась новая ин-теллигенция, получившая современное образование. Усиливающееся обуржуазивание шэньши, в том числе и землевладельцев, как процесс явно антитрадиционный, «антиобщественный» и «антигосударствен-ный» с точки зрения конфуцианской теории государства, разлагающе влияло как на само это сословие, так и на амальгаму «шэньши–гос-аппарат» (см. [164, с. 136–145]).

Трансформация шэньши прямо не стыковалась с перестройкой китайской государственности. Разрыв между обоими процессами наметился уже после Синьхайской революции и постоянно увеличивался, особенно после Национальной революции 1925–1927 гг. «Разложение» шэньши, их постепенная «измена» конфуцианским традициям усиливались по мере перехода их на позиции «частника»–буржуа, превращения их в фабрикантов, горнозаводчиков, обуржуазившихся помещиков, коммерсантов, судовладельцев, компрадоров, банкиров – как индивидуально, так и в качестве пайщиков, акционеров и членов правления разного рода предприятий, компаний, фирм и обществ. Эти процессы не были адекватны эволюции государственности (см. [104, с. 213–216, 238–240]).

Этот разрыв еще более ослаблял прежнюю бинарную структуру, принявшую в бэйянский период облик синтезированной триады «бюрократия–шэньши–армия», где каждый компонент в отдельности и все вместе были сочетанием традиционного и современного. В дальнейшем, с выдвиганием в политической жизни страны на первый план гоминьдана, эта система еще более усложнилась, приняв вид «бюрократия–шэньши–армия–партия».

Соотношение компонентов внутри бэйянской «триады» и гоминьдановского «квартета» отнюдь не оставалось неизменным. На первой стадии, т.е. после Синьхайской революции, шэньши и гражданский госаппарат были оттеснены армией, что привело к следующей перестановке: «военная элита – шэньши – госаппарат». Революция 1925–1927 гг. еще более обессилила «высший» слой феодалов, а затем и старую бюрократическую среду. В итоге по степени значимости гоминьдановский вариант надстройки выглядел иначе: «военная элита – партийный аппарат – гражданская бюрократия – шэньши». Таким образом, шло постепенное оттеснение «ученого» сословия на задний план.

Как милитаризация надстройки, так и гоминьдановская модернизация последней оказали пагубное воздействие на традиционную бинарную амальгаму власти. Вклинившись в прежнюю структуру, армейская верхушка после революции 1911–1913 гг. вытеснила шэньши со многих ключевых позиций в высшем и среднем эшелоне управленческого аппарата, которые были заняты военными и представителями новой бюрократии современного типа – выходцами из сословий *нун*, *гун*, *шан*, тем самым частично лишая «привилегированный» слой феодалов его государственных функций (см. [198, с. 43–48]). Военная элита, по сути дела, начала процесс расщепления данной амальгамы, разобщая ее компоненты. Практически началось «отделение» шэньши от государства. Еще дальше в этом направлении продвинулся гоминьдановский «квартет»; уже наметившееся до этого «отделение» «ученого» сословия от верховной власти на данной стадии эволюции заметно усилилось. Насыщение прежней бэйянской «тройственной» структуры четвертым компонентом, т.е. партийными кадрами гоминь-

дана, как и пополнение армейского звена надстройки соратниками Сунь Ятсена и Чан Кайши, еще более сократило участие шэньши в делах государства, увеличивая разрыв между этим слоем и трансформирующимся государством (см. [205, с. 337–340]).

В то же время шэньши еще сравнительно прочно держались в среднем и особенно низовом аппарате. В бэйянский период они составляли явное большинство управленческих функционеров. Однако и в данной сфере происходило постепенное и неуклонное вытеснение старых кадров новыми (см. [163, с. 228–231, 235–237]). Особенно заметно это было после Национальной революции 1925–1927 гг., когда гоминьдановцы стали насыщать госаппарат своими ставленниками. Главное же состояло в том, что функциональная значимость оставшихся в госаппарате «старых» шэньши, как и многочисленных выходцев из шэньшиских семей в чиновной и партийной среде, определялась уже не столько традиционным авторитетом и былым сословным статусом, сколько приспособлением к милитаристской и гоминьдановской системам. К тому же гоминьдан выдвигал на первый план гражданского звена госаппарата «новых шэньши», т.е. обладателей современного образования.

«Отделение» бывшего «ученого» сословия от управленческих функций наметилось и на самом нижнем – субадминистративном уровне. Социальный и политический контроль на уровне волости, деревни, округа и патронимии стал постепенно уходить из рук местных шэньши. Сказывалось усиливающееся социальное брожение, политическая нестабильность в сельской глубинке в связи с революционными событиями, ростом крестьянского движения, созданием крестьянских союзов, милитаристской грызней, усилением бандитизма. В этих условиях сельские шэньши все более активно включались в борьбу против крестьянства или столь же активно покидали неспокойную деревню, переселяясь в города под защиту местных гарнизонов. В обоих случаях они теряли положение выразителей и представителей местных интересов, посредников между населением и госаппаратом (см. [163, с. 231–233]). Вольно или невольно уходя из сферы традиционного социально-политического контроля, они отчуждались от структуры восточной деспотии, ибо переставали быть «продолжением государства». Переходя на позиции «частника», шэньши оказывались перед лицом трансформирующегося государства, пытавшегося наладить низовой социально-политический контроль другими методами, при помощи новых, например гоминьдановских, кадров, т.е. на путях синтеза, что фактически вело к разрушению прежней бинарной амальгамы власти в ее традиционной конфуцианской форме.

Старая конфуцианская элита – ведущее сословие Китая – быстро сходила с исторической сцены. Еще до того как народная революция 1949 г. и аграрная реформа ликвидировали оба слоя феодалов («привилегированный» и «простой»), амальгама «государство–шэньши» в

ее «доопиумном» виде все более растворялась в более сложной и синтезированной системе власти, будучи обречена на исчезновение или замену амальгамой нового типа. Трансформируемая государственность постепенно избавлялась от «девальвируемых» «ученых мужей». Спрос на них падал, их эра кончалась, они уходили в небытие. В результате всего за три-четыре десятилетия новейшей истории Китая (1911–1949) практически сошло на нет тысячелетнее господство шэньши.

Шэньши и модернизация

Выше анализировался процесс ослабления шэньши как функционального компонента институционально-классовой амальгамы «государство–шэньши», т.е. их эволюция как части надстройки. Однако данный слой являл собой не только одно из слагаемых надстройки, но и компонент базиса и социума. В этой двуликости заключался один из «секретов» шэньши. Обратимся теперь к их эволюции в сфере экономики, социума и социальной психологии.

В трансформации после «опиумных» войн Цинской империи с ее двухслойным господствующим классом, а затем и Китайской республики 1912–1948 гг. важна эволюция как второго массового феодального компонента, т.е. «простых» землевладельцев (*дичжу* – нешэньши), так и первого – ведущего, а именно шэньши в их чиновничьей (*шэнь*), суббюрократической (*ши*), помещичьей (*дичжу*), торговой и иных экономических ипостасях. Военные поражения, нанесенные Поднебесной «варварским» Западом, восстание тайпинов и опыт его подавления, влияние мирового рынка и начало развития гетерогенного синтеза в Китае вызвали перемены в бытии и сознании сословия шэньши, предопределили частичный отход «ученого» сословия от традиционности, принятие им некоторых современных характеристик, трансформацию поведенческого кода, корректировку конфуцианского мышления. Многие из этих сдвигов шли параллельно с аналогичным синтезированием старой надстройки, но в еще большей мере до 1912 г. опережали этот процесс.

Если конфуцианец-шэньши начала XIX в. не знал о существовании парламентской системы и не имел никакой необходимости думать о конституции, как и вообще обо всем «варварском», «низком», отсталом и чуждом, то несколько десятилетий синтеза традиционного общества (1840–1895) заставили передовых, наиболее дальновидных шэньши во главе с Кан Ювэем и Лян Цичао в 90-х годах XIX в. поставить вопрос о реформах в духе Запада, прогрессе и всесторонней модернизации (см. [111, с. 289–313; 179]).

Последняя мыслилась лишь в русле синтеза современного и традиционного, с опорой на последнее. Существенно изменилось и отношение к «варварскому» Западу. Примитивная традиционная ксенофобия

и агрессивный китаецентризм уступали место более сложным и более реалистическим формам сознания, более широкому взгляду на мир и обновленному пониманию патриотизма как стремления к «возрождению Китая» через его модернизацию.

В итоге постепенно складывался синтезированный тип шэньши, т.е. частично европеизированный конфуцианец или по-конфуциански мыслящий сторонник современного прогресса. Проникновение в Китай западных общественно-политических идей, частичное обуржуазивание шэньши в русле развивающегося национального капитализма, пример «возрождения» Японии в результате реформ Мэйдзи, влияние буржуазной резмиграции привели к сложному синтезу шэньшиского патриотизма и конфуцианской учености с буржуазным мировоззрением (см. [74, с. 10–49, 92–119; 201, с. 38–102]).

Отмена традиционной системы экзаменов, подготовка к которым, требовавшая зазубривания канонических текстов и комментариев, отнимала все силы у абитуриентов, позволила тогдашней китайской интеллигенции больше внимания уделять политике, бизнесу, чтению западной литературы по общественным наукам и периодики (в переводе или в переложении). Конфуцианское пренебрежение к точным наукам как делу торгашей и ремесленников, недостойное истинного «благородного» *цзюньцзы*, утратило прежние черты обскурантизма, хотя признание их важности сочеталось с традиционным утверждением приоритета гуманитарных дисциплин (этика, философия, история) как носителей «истинных» ценностей. Для все более значительной части шэньши и интеллигенции вообще становился характерным либо некий синтез, либо механическое соединение «старых» и «новых» знаний. Такого рода европеизированные шэньши стали наиболее действенной силой в политических сферах, особенно в деле модернизации надстройки. После Синьхайской революции многие чиновники и шэньши имели как «классическое» конфуцианское, так и современное западное образование. В бэйянском и гоминьдановском Китае образование продолжало играть особую роль в определении общественного положения человека, хотя само по себе не гарантировало карьеры чиновника. Современная интеллигенция, получавшая образование в новых школах, колледжах, в специальных учебных заведениях, университетах (в Китае и за границей), воспринималась как «новые шэньши» (*синьшэнь*), т.е. часть или «продолжение» традиционного «ученого» сословия (см. [163, с. 228, 233–235]).

В целом трансформация последнего создавала крайне широкую гамму старых, переходных и новых социальных типов. Сокращалась численность «старых» шэньши реакционного, чисто «доопиумного» типа (ультраконсерватор-монархист, по-традиционному «справедливый шэньши»). Заметно росли многочисленные синтезированные виды «шэньши-политика» (конституционный монархист, либерал, республиканец, радикал, сторонник буржуазной модернизации и новой

системы образования, выразитель интересов национального капитала, член партии, функционер бэйянского или гоминьдановского режима).

Экономические сдвиги вызвали к жизни различные типы «шэньши-буржуа» (фабрикант, судовладелец, коммерсант, горнозаводчик, компрадор, банкир, обуржуазившийся помещик, владелец различного рода акций и паев, член правления компании, фирмы или банка) (см. [25, с. 191–193]).

Таким образом, синтез старого и нового в среде шэньши протекал на двух «этажах» – микро- (данный конкретный индивид) и макро- уровне (сословие в целом). Несмотря на то что средневековая сословная система была упразднена с созданием республики, последняя отнюдь не стала чисто современным обществом, свободным от сословных пережитков. В итоге возникло промежуточное состояние – сочетание старого и нового с продолжающимся, хотя и ограниченным действием сословного фактора. В республиканском Китае как бэйянского (1912–1927), так и гоминьдановского периодов (1927–1948) фактически сохранялись привилегированный статус шэньши, авторитет и влияние обладателей «ученых» званий и степеней, их родни, выходцев из семей потомственных шэньши наряду с приниженным положением выходцев из низших сословий – торговцев (*шан*), ремесленников (*гун*) и «подлого люда» (*цзяньминь*). В целом с прекращением традиционных экзаменов в 1905 г., с упразднением сословной системы и введением в 1913 г. новых правил квалификации и комплектации бюрократического аппарата «старые» шэньши вошли в республиканский социум как фактически закрытое элитное образование, особая каста, находившаяся в процессе все усиливавшегося синтезирования, в том числе и за счет сращивания с прослойкой «новых шэньши». Во многих местах шэньши сохраняли традиционный суббюрократический контроль и полуофициальные функции на уровне деревни, волости или уезда. Они продолжали заниматься сбором налогов, руководить местной сельской милицией, школами, организовывать общественные работы, осуществлять контроль за настроениями населения и посредничество между последним и властями (см. [163, с. 231–232]). Это участие традиционного сословия в управлении происходило в обстановке трансформации и его самого, и государственности и принятия ими новых черт в русле частичной модернизации.

Синтезирование шэньши было важным компонентом формирования не только переходного базиса и социума, но и трансформированной надстройки в ее бэйянском и гоминьдановском вариантах, т.е. в период роста нового социально-экономического – капиталистического – уклада и новых классов – буржуазии и пролетариата, а также мелкобуржуазной среды и современной интеллигенции.

Традиционное противостояние феодальной деспотии (в форме бинарной амальгамы «государство-класс – шэньши») остальным классам и более мелким социальным образованиям было перенесено и в переходное общество Китая XIX–XX вв. Традиционная монархия не была «комитетом по управлению делами» помещиков, как и любого другого класса вообще (см. [134, ч. 1, с. 11–23]). С падением Цинов бэйянский режим и его милитаристские аналоги провинциально-регионального уровня унаследовали освященный веками приоритет государственных интересов над частными. Вслед за императорами старого Китая президенты, генералы и вожди переходного общества, в том числе Сунь Ятсен и Чан Кайши в роли главы государства, не выступали как прямые представители или «управляющие делами» какого-то одного эксплуататорского класса, а сохраняли средневековую «надклассовую» ипостась как носители «высшего», т.е. общенационального общегосударственного всекитайского, начала. «Внесоциальность», абсолютность китайской деспотии по отношению к «рядовым» сословиям (*нун, гун, шан*), не говоря уже о внесословном «подлом люде» (*цзяньминь*), были в принципе перенесены государством первой половины XX в. на сельский и городской социум переходного Китая. И гоминьдан, будучи одним из «наследников» азиатского деспотизма, никогда не отождествлял свои интересы с нуждами какого-либо одного класса (землевладельцев или буржуазии). Отчуждение его от «классов-частников» еще более усилилось с середины 30-х годов – с поворотом в экономической политике государства в сторону традиционности (см. [164, с. 140–159]).

Переходная надстройка 10–40-х годов XX в. не была и продуктом компромисса государства с указанными двумя классами. При своей известной синтезированнойности оно сохраняло за собой имперскую экономическую и иную «независимость» от имущих классов как обычных «подданных», гарантируя в целом их имущество и свойственные им формы эксплуатации, но при всем том сохраняя жесткое господство бюрократа как над латифундистом, так и миллионером. Гоминьдан так и не стал помещичьей партией, а руководимая им надстройка, особенно высшее и среднее звено госаппарата, все более отдалялась от помещичьего идеала, переключив все свое внимание на служение «всей нации», т.е. верховному государственному началу.

В равной мере, не будучи ни буржуазной, ни крестьянской, ни рабочей партией, гоминьдан как продукт синтеза реального традиционного деспотизма и номинального современного «демократизма» рекламировал себя как «защитника» рабочих, крестьян и национальной буржуазии, но все с той же старой позиции «надклассового», «высшего» идеала государственности (см. [95, с. 251–260]). В этой переходной двойственности явно сказывалось наследие трех революций –

Синьхайской, 1916 г. и Национальной, а также революционное прошлое самого гоминьдана.

Как крайне сложное явление синтеза, «предпартия» Сунь Ятсена и Чан Кайши выступала сразу в нескольких ипостасях: как очередное поколение азиатского деспотизма и как носитель современного западного начала, как восприимчивик бэйянской системы и как наследник революции, как совокупный милитарист и как душеприказчик Единого фронта 1923–1927 гг., как политическая «партия» и как субститут «класса-государства», как хозяин госсектора и как идейный противник буржуазной системы (см. [164, с. 141–158]).

Отождествляя интересы правящей бюрократии с интересами всей нации и действуя прежде всего в интересах модернизируемой бюрократической деспотии, режим Чан Кайши был в конечном счете классовым, как и всякий иной в эксплуататорском обществе. Однако при всем том гоминьдан подавлял и разлагал рабочее и крестьянское движение, не столько защищая буржуазию и помещиков, сколько исходя из «высших», «общенациональных» задач «возрождения Китая» (см. [65, с. 294–311]). Главным побудительным мотивом карательных акций «нанкинского» (1925–1937) и «сычуаньского» гоминьдана (1938–1945) являлись не просто защита частного владения своих подданных как такового (хотя это и было для режима крайне важно), а прежде всего интересы государства. Приоритет последнего над «простыми» классами был и для бэйянских, и для гоминьдановских лидеров приоритетом «общего» над «частным», «высокоэтического» над «узкокорыстным», «высшего» над «низшим». Интересы бюрократии и в республиканский период традиционно довлели над частными, т.е. «стяжательскими» и «лишенными этики», интересами как имущих, так и неимущих классов; чиновничество сохраняло повышенную автономию от остального общества и относительную свободу действий в утверждении своего курса.

Вместе с тем и для «старых» милитаристов, и для «партии государства», какой являлся правящий гоминьдан 30–40-х годов, осуществлять эту «высшую» миссию одними традиционными методами в условиях переходного общества было невозможным. Постепенная трансформация общества вынуждала в чем-то идти навстречу новым социальным силам. Так, уже бэйянские правительства предпринимали попытки «приспособиться» к буржуазии, мелкобуржуазной демократии и пролетариату путем лавирования, демагогии и заигрывания, что было глубоко чуждо традиционной монархии. Подобный синтез азиатского деспотизма с новыми явлениями был особенно характерен для правления гоминьдана.

Синтезирование надстройки обуславливалось также известной трансформацией традиционных социальных слоев, в том числе и наиболее устойчивых в плане феодальных характеристик (помещики-нэшэнши, податное и частнозависимое крестьянство, составлявшие

практически чуть ли не девять десятых деревенского социума) (см. [94, с. 35–45]). В итоге после Синьхайской революции Китай от дихотомии «конфуцианская империя – феодальные классы» перешел к противостоянию «трансформированная государственность – переходный социум». Прежняя «гармония» в системе «деспотия–классы» нарушалась не только чуждой этой системе эволюцией старых, но и становлением новых, нетрадиционных социальных сил (буржуазия, пролетариат, мелкая буржуазия и новая интеллигенция), которые, не будучи по западным меркам чисто капиталистическими, развивались в русле «китаизации» европейского начала, т.е. синтеза традиционного и современного.

Среди связанных с этим сложных и противоречивых сдвигов был и двуединый процесс «обуржуазивание помещиков – опомещивание буржуазии» со взаимным сближением обоих классов (см. [98, с. 154]), происходивший не в последнюю очередь в связи с революционным пробуждением трудящихся масс города и деревни, с обострением социальной и политической дестабилизации переходного общества. Казалось бы, в сложившихся условиях ничто не мешало созданию социального блока «помещики–буржуазия» с подчинением ему синтезированной надстройки или же с установлением какого-то контроля над ней. Этому способствовали прогрессирующее ослабление и распад амальгамы «государство–класс – шэньши», бывшей главным препятствием на пути перехода политической надстройки в руки новых общественных сил. Более того, в указанном направлении отчасти эволюционировало и само переходное государство. Бэйянские власти были «ближе» к буржуазии, нежели цинский режим, а гоминьдан в этом направлении пошел еще дальше. Однако подобное «сближение» касалось (как и при династии Цин) практически лишь узкой элиты нового класса (с 1927 г. прежде всего «чжэцзянской финансовой группировки»). Последняя в течение «нанкинского десятилетия» (1927–1937) долго и в целом безуспешно пыталась превратиться из союзника в равноправного партнера правящего гоминьдана. Что же касается остального огромного большинства национальной буржуазии, т.е. ее «массовых слоев», то о его участии в управлении государством при «наследниках» Юань Шикая и при преемниках Сунь Ятсена просто и речи не могло быть. Государство, сохранившее многие традиционные черты, как в бэйянской «триаде» (армия – гражданский аппарат – шэньши), так и в гоминьдановском «квартете» (партийные кадры – армия – гражданский аппарат – шэньши) оставалось слишком «конфуцианским», т.е. антисобственническим, «античастным» и достаточно независимым от количественно преобладающих имущих и эксплуататорских классов (см. [164, с. 137–141]).

Переходная государственность, сохранившая основы азиатской деспотии, продолжала во многом жить по логике последней, следуя старой программе действий. Традиционная «надклассовость» допол-

нялась повышенной активностью и особой инициативностью государства в условиях переходного общества. Этот синтез старой и новой самостоятельности «государства-правителя» (но не «государства-управляющего») по отношению к эксплуататорским «классам-подданным» вел к укреплению деспотического статуса, к абсолютизации бюрократической автономности, к повышенной автократичности «высшего начала». Оно по-прежнему не желало связывать себе руки, не стремилось «замкнуться» на частновладельческую среду как господствующие классы, все еще рассматривая их как аморфную массу одиночек – традиционных подданных «высшего начала» – олицетворения всей нации в целом.

Даже в «нанкинское десятилетие», т.е. в период определенных «классовых колебаний», легкого флирта с верхушкой национального капитала и в одеждах суньятсенизма, остававшееся в основе все еще достаточно традиционным государство никогда серьезно не ставило вопрос о своем превращении в «комитет по управлению делами» отечественной буржуазии, равно как и слабейшего класса «простых» помещиков (см. [93, с. 57–74]). Более того, внутренняя борьба современного и традиционного начал в политике гоминьдана в середине 30-х годов явно сменилась преобладанием старого испытанного курса на «самоусиление» государства в ущерб «подданным» и за их счет. Расцвет госсектора под эгидой Чан Кайши был в весьма значительной мере плохо замаскированным насилием китайской деспотии над частным капиталом. Он все еще рассматривался как наследник «эгоистических», «стяжательских» и «аморальных» торговцев – скрытых противников общегосударственного, общенационального начала в деле «возрождения Китая». Таким образом, с конца 30-х годов развитие синтезированной системы круто повернуло в сторону традиционной социально-экономической политики приоритета казенного и ущемления частного сектора (см. [95, с. 202–209]). Тем самым было ускорено отчуждение основной массы эксплуататорских классов Китая от гоминьдановского режима.

Переходная государственность стремилась компенсировать недостаточную (и имевшую в целом тенденцию к убыванию) поддержку частновладельческой массы, в том числе помещиков, в духе синтеза за счет традиционного усиления разного рода на этот раз в большей или меньшей степени нетрадиционных субститутов эксплуататорских классов – армии, «предпартии», управленческого аппарата и т.д. На этот путь толкало и прогрессирувавшее ослабление традиционной институционально-социальной амальгамы в ее шэньшиско-феодалной форме. Сословие шэньши уже не могло, а национальный капитал из-за своей слабости еще не был способен выполнять роль главного партнера государства в его господстве над неуклонно меняющимся обществом. В этой обстановке стали остро необходимы поиски компенсаторных вариантов для заполнения образовавшегося вакуума

силы. Последняя задача решалась включением армии, а затем и «партии» (гоминьдана) в систему власти. Таким образом, сохранение старой системы подавления социума в рамках противостояния «деспотия–классы» обеспечивалось на путях милитаризации и политизации государства. Однако «обходные маневры» такого рода не смогли компенсировать отсутствие прочной социальной базы гоминьдановского режима. Трансформировавшаяся деспотия, потеряв своего традиционного партнера (шэньши), не нашла ему достойной замены (см. [118, с. 163–164]). В образовавшуюся политическую брешь вслед за бэйянскими милитаристами, социально-классовым конгломератом сил Единого фронта и его «наследником» в лице правящего гоминьдана устремились и силы, свергнувшие в 1949 г. режим Чан Кайши и тем самым решившие проблему власти.

В итоге в период от Синьхайской революции до победы КПК в 1949 г. сложился синтез традиционной (императорской, конфуцианской, феодальной, шэньшиской) и современной (переходной, милитаристской, суньятсеновской, абсолютистской, бонапартистской) «надклассовости» республиканской власти. Последняя выступала как преемник и продолжатель дела азиатской деспотии при сохранении общен исторической классовой сущности любого государства в эксплуататорском обществе.

Внутри дихотомии «деспотия–социум» росло противостояние по линиям «старое институциональное начало – новые классы» и «современный пласт государственности – традиционный социум». Вместе с тем в данной синтезированной системе «старое институциональное начало + современный пласт государственности – традиционный социум + новые классы» все четыре компонента в своем чистом виде практически не функционировали. Наряду с противостоянием «трансформирующееся государство – новые классы» ведущие позиции сохранял наиболее прочный и массовый потенциал старого деспотизма и феодальных сил. Именно он определял общий социально-политический климат в переходном Китае XX в., явно довлея в сфере синтеза надстроечных форм и институтов.

Казна и «частнику»

Конец XIX и первая треть XX в. принесли в Китай под прямым воздействием капиталистического Запада подъем частного предпринимательства и буржуазной инициативы. Одновременно большую роль продолжало играть наследие конфуцианского средневековья – традиционная неприязнь казны к «частнику» (см. [312, 1981, № 2, с. 224]). В итоге развитие капиталистического уклада в Китае происходило в обстановке противоборства и частичного взаимопогашения обеих тенденций. С ростом современного хозяйственного уклада пе-

ред казной наряду с традиционным «частником» (помещик-нешэньши, купец, мелкий торговец, ростовщик, скупщик, владелец мастерской или мануфактуры) появился новый (фабрикант, горнозаводчик, банкир, владелец пароходства, пайщик железнодорожной, коммерческой и иной компании). Между старым и новым «частником» сложился целый спектр промежуточных переходных социальных типов (компрдор, обуржуазившийся помещик, чиновник-предприниматель, буржуа-шэньши).

В дихотомии «деспотия–классы» буржуазная среда нешэньшиского происхождения могла выступать лишь в качестве объекта закамouflированного произвола и усиленного налогообложения в связи с «неэтическим» обогащением антиконфуцианскими методами. Поэтому западное частнопредпринимательское начало, будучи пересаженным в Китай, попадало в чуждую и враждебную среду азиатского деспотизма, где личная инициатива подавлялась всем «общинным» (корпоративным, групповым, патронимическим) характером традиционного общества, культ индивидуализма и личности – в общество «поголовного рабства», «феодального коллективизма», деспотизма на базе средневековой корпоративности; а капиталистическая частная активность сталкивалась с косной неподвижностью средневековой общности, с антипредпринимательским потенциалом «азиатчины».

В традиционном противопоставлении казенного (*гуань*) и частного (*сы*) последнее было синонимом личной корысти, антиобщественных поползновений, эгоистических целей, шкурнических устремлений, жадного стяжательства, моральной нечистоплотности, низменности сознания, духовной измены обществу, деградации конфуцианской этики. Этот жесткий антипредпринимательский настрой механически переносил на современного буржуа старую презумпцию виновности «торгаша» за свою предосудительную природу. Даже терминологически капиталист в Китае в то время обозначался иероглифом *шан* – как купец, мелкий торговец и ростовщик, т.е. автоматически относился к сословию торговцев, ниже которого стоял только «подлый люд». Этот термин относился и к фабриканту, и к горнозаводчику, и к банкиру, и к владельцу пароходов, и к современному коммерсанту, и к пайщику железнодорожной компании, и к хозяину мануфактуры, и к скупщику – раздатчику надомной капиталистической работы, если они не были шэньши (см. [104, с. 6–7, 253–254]). Сходное отношение ждало простого помещика-нешэньши в случае его вступления на скользкую стезю буржуазного предпринимательства, хотя его положение было предпочтительнее, нежели у буржуа «неблагородного» происхождения (из сословий *гун* и *шан*).

Влияние стереотипов конфуцианского мышления и традиционной стратификации общества сказывалось на отношении государства к новым социальным силам и в других случаях. Так, средневековое пренебрежение к сословию ремесленников (*гун*) было, в частности,

перенесено на современный китайский пролетариат, тогда как оценку новой интеллигенции частично определяла конфуцианская уважительность к «ученому» сословию шэньши (см. [30, с. 100–123, 158, 233–236]). В то же время помещик-шэньши как «благородный» (*цзюньцзы*) и «человек государства» всячески охранялся и превозносился цинской надстройкой. Иными словами, государство членило «частников» на «своих» и «чужих», «благородных» и «низких». Такого рода «двойной стандарт» был порождением не только сословной иерархии (*сыминь*), но и всей бинарной системы, противопоставлявшей бюрократический сектор частнофеодалному (см. [164, с. 145–159]).

Деление цинской казной «частника» на «своего» и «чужого» наблюдалось и в торговой среде. Если купцы-откупщики в сфере казенных соляной и чайной монополий, шаньсиская каста ростовщиков (*пяошан*) и крупные полубанкиры-полуростовщики из «Большого нинбоского бана» и гуанчжоуской гильдии менял-ростовщиков были отчасти «функционерами» казенного сектора (см. [36, с. 155–162]) и в этом плане «людьми деспотии», то остальная рядовая масса сословия *шан* была простым объектом фиска и государственного контроля.

Поставленная в аналогичные условия китайская буржуазия конца XIX – первой половины XX в. в своем развитии воспроизводила традиционную бинарную модель типа «высший–низший» («привилегированный–непривилегированный», «связанный с казной – сугубо частный»). Национальный капитал как нечто единое, как «класс для себя» никогда четко не противостоял трансформируемой деспотии нового и новейшего времени, ибо составлявшие его группы изначально генетически складывались как разные подклассы, как «две буржуазии» (см. [25, с. 191–196]). Первая – крупные дельцы, привилегированная элита из бюрократии, шэньши, знатных землевладельческих семей и компрадоров – была настолько связана с казной, что во многом выступала как ее продолжение, субститут. Это была своего рода «буржуазия деспотии», служебный компонент последней. Тем самым национальный капитал как бы обезглавливался, его верхушка инкорпорировалась в систему подчинения, ограничения и ограбления остальной, т.е. простой, «неблагородной» (в сословном и «антигосударственном» плане) буржуазии. В итоге одна часть капиталистов была поставлена государством на службу в целом антибуржуазному началу, а другая – «второсортная» – была превращена в обычного «подданного» деспотии, бессловесного налогоплательщика. Обессиленная «уходом» крупного капитала элиты на другую сторону политической баррикады, масса средних и мелких буржуа из низших сословий полностью испытывала на себе традиционное конфуцианское отношение казны к городскому «эгоистичному» и «низкому» частнику (см. [201, с. 11–28]).

Специфика генезиса китайской буржуазии – расчленение последней – снимала с государства, во многом еще традиционного, задачу

выработки единой политики по отношению к новому классу. Вместо этого трансформируемая деспотия могла продолжать испытанную веками практику «двойного стандарта»: одного – в подходе к «своей», элитарной буржуазии и другого – к «чужой», низовой, «массовой» среде предпринимателей, изолированной от «казенной буржуазии». Столь резко рассеченный на две части класс был не в состоянии стать серьезным оппонентом государственной власти, а последняя во многих случаях вообще могла с ним не считаться, имея дело в основном с самыми многочисленными традиционными «частниками» – помещиками, в среде которых огромную роль играли землевладельцы-шэньши. Стать выразителем интересов класса буржуазии – слабого и малопочтенного – и служить ему китайская деспотия как «высшее», «надклассовое», «внесоциальное» начало никак не могла, ибо это означало потерю ее сущности. Соответственно, азиатский деспотизм и в цинском халате, и в мундире бэйянского милитариста, и в кителе гоминьдановца был неизменно антибуржуазен.

Так, гоминьдан как наиболее «буржуазный» из всех режимов Китая первой половины XX в. в «нанкинское десятилетие» предпринял ряд шагов, способствовавших развитию капитализма, однако во многом в поддержке национального капитала не пошел дальше словесных заверений, формальных актов и показного участия (см. [93, с. 57–74]). В целом преобладал потребительский подход к отечественной буржуазии как к служебной детали в механизме «национального возрождения» Китая. Последователи Сунь Ятсена возложили на нее разного рода тяготы. Усиленное налогообложение фабрикантов дополнялось произволом военных на железных дорогах, принудительной и разорительной подпиской на внутренние займы, удорожанием железнодорожных тарифов на перевозку товаров и грузов, транспортными сборами на отечественные товары и др.

Фискальные интересы казны оставались неизмеримо более важными для гоминьдана, нежели нужды национальной буржуазии. Этим определялись нежелание использовать обретенную в 1929 г. таможенную автономию в национально-протекционистских целях, замена отмененного в 1931 г. лицензия серией поборов, компенсирующих потери государства. Продолжая практику цинских и бэйянских властей, режим Чан Кайши, введя практику «патриотических», «экстренных», «одноразовых» и «политических» пожертвований в целях «спасения родины», продвинулся далеко вперед по пути произвольного налогообложения имущества и доходов буржуазии, осложненного произволом местных властей. Новый «частник» наряду со старым, в том числе и рядовым помещиком, должен был оплатить растущие расходы государства в процессе его модернизации и милитаризации, при этом без какой-либо надежды на то, что центральное правительство и провинциальные власти всерьез будут учитывать интересы частных эксплуататорских классов, не говоря уже о превращении их в буржуазную власть.

Таким образом, сложился противоречивый симбиоз «новая экономика – старая политика» или «капиталистические слои – антибуржуазная надстройка». Данный симбиоз из-за своей внутренней антагонистичности не имел запаса прочности в историческом плане, ибо не мог быть положен в основу новой социально-экономической формации. Не приходилось рассчитывать и на очистительную работу китайских революций, ибо возникавшая в результате последних государственность всякий раз сохраняла весьма значительный компонент азиатского деспотизма, враждебного к «частнику» вообще (см. [28, с. 40–49]). Бесперспективность данной ситуации, ее тупиковый характер возрастали от революции к революции, ибо они фактически «проходили» мимо данного противоречия, мало что в нем меняя по существу, решая другие наболевшие и более насущные для китайского общества проблемы (см. [164, ч. 1, гл. 2]).

Государство и экономика

Итак, трансформируемое государство в переходном Китае унаследовало и закрепило традиционно жесткий курс казны по отношению к владельческим классам как всего лишь подданным, но не партнерам по политическому и социальному господству. В XX в. этот курс продолжал во многом базироваться на силе и прочности экономических позиций самого государства. В земледелии в противовес «частному» арендно-помещичьему сектору казна имела практически равноценный бюрократический сектор с противостоянием «государство – податный крестьянин (владелец земли)». На эту государственно-феодальную подсистему к началу XX в. приходилась половина всех пахотных земель и всех крестьян Китая (см. [31, с. 140–149]). Деспотия сохраняла также «собственную», т.е. чисто казенную, пахотную площадь, обрабатываемую крестьянами. Вместе с тем начиная с периода «самоусиления» казна создала и постепенно расширяла в противовес «частнику» госсектор в сфере «новой» экономики (заводы-арсеналы, фабрики, шахты, рудники, железные дороги, пароходство, банки, телеграф), привлекая капитал «своих» «частников» (чиновники, шэньши, компрадоры, знатные семьи). Столь прочный экономический «тыл» укреплял даже в обстановке переходного общества традиционное представление о государстве как свободном от подчинения интересам частновладельческих классов.

Традиционная независимость государства от «частника» (помещика, купца) в хозяйственном, политическом и идеологическом плане вступила в синтез с растущей активностью и самостоятельностью надстройки переходного периода в выработке ею собственной своеобразной экономической политики и социальной стратегии на путях дальнейшего отчуждения от «массового» помещика и капиталиста.

Более того, в конце 30-х годов трансформированное государство перешло в решительное наступление на частнокапиталистический сектор, а также отчасти и на помещичью среду (в той степени, в какой последняя уже втянулась в предпринимательскую деятельность различного характера). «Низкое» буржуазное начало тем самым приносилось в жертву «высокоэтическому» казенному сектору как представителю «общенациональных» интересов. В обстановке войны с Японией (1937–1945) гоминьдан проводил политику огосударствления экономики не по-западному – в интересах буржуазии в широком понимании, – а по-восточному, т.е. в интересах «азиатчины», деспотии и в русле традиционной экономической доктрины притеснения «частника» (см. [97, с. 158–178]).

Это был курс не просто на укрепление госсектора в современном укладе, а на постепенное подавление буржуазии и вытеснение ее из последнего с установлением в нем господства переходного государства на базе синтеза «азиатчины» и госсектора. Ставка делалась на победу казенного сектора как главного рычага «возрождения Китая» и «спасения родины». Пойдя на открытое ущемление предпринимательских слоев, режим Чан Кайши оттолкнул от себя буржуазно-помещичьи круги, во многом предопределив тем самым свое поражение в 1949 г. [97, с. 158–178].

Не желая и не имея возможности «соединиться» с буржуазно-помещичьей средой, переходное государство лишь следовало тысячелетнему принципу сохранения и укрепления своей «высшей» миссии и провиденциальной «надклассовости». Подобная позиция во многом обуславливалась незавершенностью капиталистической перестройки хозяйственной системы Китая и застреванием этого процесса на начальной стадии. В таких условиях революции 1911–1913, 1916 и 1925–1927 гг. не давали ни бэйянским генералам, ни гоминьдану материальной базы и реальной возможности коренной модернизации общества в духе требований XX в. В итоге победители во всех революциях всякий раз овладевали государственными рычагами не как экономической силой современного типа, а как по преимуществу традиционной надстройки, сохранявшей мощный потенциал «азиатчины», возможности и устремления восточной деспотии. Захватывая государственную власть, в своей синтезированной форме соединявшую старокитайское начало с разнохарактерными элементами нового, остававшуюся по ряду капитальных характеристик полуфеодальной системой (азиатская деспотическая государственность, налоги, трудовые повинности, жесткий контроль за населением), китайские политические силы XX в. становились во многом ее пленниками. Все это вело не только к сохранению, но временами и к преобладанию старого над современным в сфере политики. Сказывались низкие стадийные и качественные характеристики синтеза всех горизонтов китайского общества – и базисных, и надстроечных (см. [28, с. 48, 49]). Переход-

ное общество Китая XX в. ничего не могло предложить ни бэйянским политикам, ни последователям Сунь Ятсена, кроме полутрадиционной экономики, все еще конфуцианского социума и азиатской деспотии в основе надстройки. В итоге лидеры Китайской республики после 1912 г. были вынуждены в какой-то мере наследовать власть, близкую по природе и возможностям к императорской. В этом заключалась не вина, а беда победителей в каждой очередной китайской революции.

Следует, впрочем, отметить, что победившая в 1927 г. «предпартия» Сунь Ятсена – Чан Кайши – Ван Цзинвэя по-своему обновила идеологическое обоснование традиционного господства бюрократии над «частником», прежде всего над буржуазией. Как уже отмечалось, для традиционного государства в Китае классов как бы не существовало. Азиатская деспотия видела в своих подданных единообразную безликую массу налогоплательщиков и податных в дихотомиях «император–подданные», «чиновники–простолюдины», «казна–народ».

Сходным был и подход Сунь Ятсена, также не признававшего деления китайского общества на классы. Только вместо указанных его схема базировалась на оппозиции «государство – масса бедняков (народ)». Среди этой массы он выделял «очень бедных» (крестьяне и рабочие) и «менее бедных» (помещики). Развитие же частного бизнеса, согласно воззрениям Сунь Ятсена, могло создать «первый» в Китае класс – «класс крупных богачей» (см. [175, с. 62, 64]). В буржуазии он видел элемент, вносящий раздор классовой борьбы в бесклассовое, по его представлениям, общество Китая, не знавшее до этого межклассовых столкновений. Для Сунь Ятсена частные предприниматели – узкая группа безнравственных стяжателей, занятых эгоистическим ограблением общества. Эта лишенная этических норм аномалия предельно чужда китайцам как «высокоморальной нации». Основатель гоминьдана заявлял: «Мы против капитала, против капиталистов, против экономической силы меньшинства, монополизирующего богатства общества» (цит. по [175, с. 50]).

Принцип «народного благоденствия» (*миньшэн*) для «отца нации» являлся «методом предупреждения, цель которого – воспрепятствовать [появлению] крупного частного капитала», методом превращения капитала в орудие государства (см. [175, с. 65]). Путем фактической национализации частных земельных владений, подчинения капитала государству и развития казенного предпринимательства создатель «трех народных принципов» (*саньминьчжэуи*) ставил задачу не допустить развитие частного капитала, «предупредить его возникновение» и «избежать появления крупных капиталистов» (см. [175, с. 49, 53]). В отношении к уже имевшемуся в Китае национальному предпринимательству Сунь Ятсен требовал «обязательно принимать меры по ограничению капитала», но при этом «не только ограничивать частный капитал, но и развивать еще государственный» [172, с. 407].

В итоге Китай должен был стать страной, где правительство осуществляло бы руководство основными ключевыми отраслями промышленности, банками и транспортом, а частный делец допускался на третьестепенные роли под жестким контролем могучего госаппарата. Такого рода казенный сектор экономики Сунь Ятсен называл «государственным социализмом», а указанные установки органически входили в его идею «строительства государства» (*цзяньго*). «Строить демократическое государство – значит создавать государственный капитал», – говорилось в проекте резолюции по экономическому строительству III конгресса гоминьдана (цит. по [93, с. 64]).

Эту же линию продолжал Чан Кайши. Китаец, по его установкам, должен был «отбросить частные интересы и посвятить себя общественному долгу (*цзюйсы шангун*)», т.е. на первое место ставить государство. «Государство – превыше всего (*гоцзя чжишан*)», – заявлял он (цит. по [65, с. 286, 289]). Для Чан Кайши в основе принципа *миньшэн* лежали развитие «национальных (т.е. государственных. – *Авт.*) предприятий», «контроль за частным капиталом, а также уравнивание землевладений в целях предотвращения капиталистического контроля за благосостоянием народа» (цит. по [175, с. 102]). Весьма важной задачей он считал «предотвращение развития капиталистических монополий путем обложения налогами частного предпринимательства» (цит. по [93, с. 81]).

Мысля в том же ключе, Ван Цзинвэй призывал «с помощью государственного регулирования промышленности избежать бедствий частного капитализма» (цит. по [93, с. 64]).

Проект Конституции 1936 г. предоставлял государству широкие права по контролю над частным капиталом, по его ограничению и огосударствлению. Казенное промышленное предпринимательство в гоминьдановском Китае было направлено на скупку акций и захват действующих частных и смешанных компаний, на создание казенного сектора за счет соответствующего ослабления частного, а не на расширение промышленных капиталовложений (см. [93, с. 81–83]). В итоге «огосударствление частной собственности в промышленности полностью преобладало над социализацией инвестиционного процесса» [93, с. 140].

Бюрократия и капитал

В лице «нанкинского» гоминьдана азиатская деспотия в 1927 г. получила в наследство от династии Цин и бэйянского режима госсектор (заводы, фабрики, арсеналы, шахты, рудники, банки, железные дороги и т.д.). Эти «современные» казенные предприятия были основательно «разбавлены» традиционным началом (распределительные отношения и чиновничье управление со всеми его отрицательными средневеко-

выми особенностями). Гоминьдановский госсектор строился на дихотомии «бюрократия–капитал». Данный сектор базировался на господстве директивно-распределительной системы над предпринимательством. Это был сложный синтез деспотии и капитализма, распределения и рынка, старого и нового, феодального и современного, где сам капитал перед лицом могущественной номенклатуры гоминьдана играл служебную, т.е. подчиненную ей роль. Это был госсектор не буржуазного государства, а во многом еще традиционной восточной деспотии. Такой отсталый казенный капитал «работал» не столько на рынок, сколько на нужды госаппарата, армии, полиции и т.п., существовал не столько на рыночную прибыль, сколько на налоговые субсидии казны. Кроме того, еще в 30-е годы гоминьдан расширил именно традиционное использование финансовых ресурсов [326, с. 220],

Главным стимулом здесь выступала воля бюрократии, а не предпринимательский интерес. Сам казенный «капитал» был не «чистым» предпринимательским явлением, а продуктом синтеза традиционного и современного начал, т.е. неполноценным капиталом. Последний в системе феодально-капиталистического синтеза и на службе у полутрадиционной деспотии еще не означал обуржуазивания чиновничества. Зато его хозяйничанье в системе госсектора означало частичную традиционализацию самого казенного капитала. Такой полуфеодальный госсектор менее всего был нацелен на развитие капитализма как такового, а гоминьдан – на производственные накопления и инвестиции, на экономическое развитие и институциональные реформы. К этому режим был просто не подготовлен [302, с. 17]. Его задачей было поддержание и усиление собственной власти, могущества казны, благополучия чиновничества и стабильности государства, т.е. сугубо традиционные цели. В казенном секторе царила не бюрократическая буржуазия, а антибуржуазная бюрократия. Функционеры гоминьдана прилежно следовали учению Сунь Ятсена об упреждении и недопущении капитализма в Китае. В этих условиях превращение казенного сектора в сферу деятельности бюрократического капитала и бюрократической буржуазии было физически невозможно.

Вплоть до 1949 г. такое «буржуазное перерождение» режиму Чан Кайши не грозило – он бы его просто не допустил. Произошло обратное: традиция победила капитал, неотрадиционализм в лице учения Сунь Ятсена одержал верх над модернизацией [283, с. 124; 263, с. 757–760]. От средневековья гоминьдановская генерация китайской деспотии унаследовала старую экономическую и социальную политику, т.е. всяческое ограничение «частника», насилие над китайской буржуазией, государственное регулирование в экономике, расширение казенного сектора, охрану феодальных порядков в деревне и в том числе в сфере землевладения.

Режим Чан Кайши с 30-х годов делал ставку на силовые и оградительные меры, а не на позитивную и созидательную деятельность. Эти

старые методы ограничения и вытеснения «частника», захвата его предприятий и позиций не развивали капиталистический уклад, а лишь расширяли госсектор внутри его и тем самым увеличивали численность хозяйственной бюрократии. Данная модель являла собой устойчивый феодально-капиталистический синтез с преобладанием традиционных и переходных начал под контролем трансформированной азиатской деспотии. Тем самым «нанкинская модель» госсектора и всей социально-экономической и политической эволюции Китая в 30–40-х годах строилась на принципах гетерогенности, переходности и межформационности.

Вместо активного созидания и развития экономики в рамках своего сектора режим Чан Кайши с конца 30-х годов взял курс на овладение практически всем капиталистическим укладом. Во главу угла была поставлена своего рода «экономическая агрессия», направленная как против национальной буржуазии, так и против японского капитала (особенно в 1945 г.) [202, с. 134–147]. Вместо широкого дополнительного инвестирования и создания новых объектов деспотия пошла на захват имущества своих же отечественных предпринимателей. Овладев тяжелой промышленностью, гоминьдан в 1945 г. перешел в наступление на легкую, в основном частную текстильную промышленность. Отчасти это делалось под лозунгом национализации японской собственности и наследства прояпонского правительства Ван Цзин-вэя. Значительную их долю составлял фонд китайского частного владения национальной буржуазии [202, с. 148–157]. Крайне скромный до японского нашествия, госсектор подмял под себя частный сектор. В 1946 г. (по сравнению с 1936 г.) 76% частного сектора оказалось в руках казны [215, с. 203; 115, с. 320; 257, с. 110; 236, с. 53, 83; 202, с. 148]. После 1945 г. возникла правительственная монополия в банковском деле, резко возросла роль государства в других звеньях экономики. Деспотия душила «частника» по всем направлениям. Захваченный казной частный сектор превращался из более или менее современного явления в традиционно-современное, т.е. произошел переход от развитого синтеза к отсталому или падение вниз.

Капиталистический уклад Китая и раньше не отличался высоким уровнем «чистоты» буржуазных отношений, но в его лоне синтез современного и традиционного являл устойчивый перевес нового над старым. Поглощение частных структур казной привело к резкому усилению феодально-деспотического начала – распределительным отношениям, некомпетентности руководства, казнокрадству, произволу, карьеризму, коррупции, раздуванию управленческих штатов, волоките, неразберихе, падению производительности труда и качества продукции [202, с. 166–171]. Эта часть капиталистического уклада, более близкая к «чистому» капитализму (антисинтез), попав в объятия «азиатчины» и традиционных порядков, откатилась назад. В таком синтезе резко упала доля прогрессивного начала, перекрываемая ре-

акционным. Поступательность сменилась попятностью, вместо движения в буржуазном направлении произошел возврат под крыло полуфеодальных чиновничества и казны [299, с. 284, 285].

Гоминьдановские хозяйственники и управленцы (как на старых госпредприятиях, так и на недавно захваченных казной частных фабриках) в условиях Китая 30-х и 40-х годов представляли собой скорее традиционную номенклатуру, нежели современных предпринимателей (что справедливо и для «четырех семейств»). Перед нами прежде всего функционеры деспотии «силового» направления, т.е. антиподы буржуа-созидателя и предпринимателя [272, с. 232]. Вполне закономерно, что такой полуфеодальный госсектор был устремлен главным образом в сферу финансов (банки) и транспорта (железные дороги) и менее всего в производство (промышленность). При этом деспотия захватывала капиталистический уклад в интересах самоусиления и ослабления «частника», а отнюдь не ради развития капитализма в Китае. Гоминьдан «работал» только на себя, а не на создание новой формации, являясь препятствием на ее пути. Насильственный захват полуфеодальным государством командных высот в капиталистическом укладе сам по себе еще не превращал чиновников в бюрократическую буржуазию. Для ее возникновения неизмеримо более подходящим явился бы мирный, т.е. созидательный вариант роста госсектора в рамках победившей рыночной экономики и буржуазного общества. Лихая атака «нанкинского» гоминьдана на частный капитал предельно четко отразила именно антикапиталистическую, антибуржуазную суть суньятсенизма, его стремление предотвратить победу рыночной экономики и становление гражданского правового общества в Китае, а тем более превращение части партийных функционеров в ненавистную буржуазию.

Кроме того, буржуазной эволюции госсектора и гоминьдановского чиновничества мешало отсутствие мирной обстановки. С 1927 по 1949 г. гоминьдан жил в условиях всевозраставших по своим масштабам военных действий, военных расходов, инфляции и дезорганизации экономики. Все это способствовало расширению «силовых» функций деспотии, укреплению «азиатчины», усилению роли именно директивного распределения и бюрократии, а не рынка и капитала внутри госсектора. Для превращения последнего в колыбель и среду бюрократического капитала, а его функционеров-управителей – в бюрократическую буржуазию в Китае 40-х годов еще не возникло необходимых условий – тех, что появились на Тайване в 50–70-е годы.

Обстановка 30–40-х годов мешала качественным сдвигам в природе самого гоминьдана, когда в казенном секторе экономики правит уже не деспотия, а бюрократический капитал, не чиновники, а бюрократическая буржуазия. Все еще традиционный по своей сути госаппарат препятствовал зарождению в его среде социальной силы капиталистического типа. Превращение функционеров «класса-государст-

ва» в бюрократическую буржуазию представляло собой отдаленную, весьма слабую перспективу [164, с. 154–159]. Практически же гоминьдан боролся против такой перспективы.

Эта борьба с частным капиталом и национальной буржуазией была и по самому гоминьдану, по его «четырем семействам». Противясь созданию свободной рыночной экономики, нанкинский режим тем самым консервировал свою деспотическую полуфеодальную природу, откладывая на будущее эволюцию в бюрократический капитал и бюрократическую буржуазию. Зато возникли идеальные условия для «паразитического получения прибылей», для «организованной официальной коррупции» гоминьдановской бюрократии – этой «последней формы традиционных денежных манипуляторов» [273, с. 700; 272, с. 232]. При сохранении старых структур и порядков «буржуазное перерождение» казенного сектора, его чиновничества и самого режима оставалось невозможным.

Для такой эволюции нужна была решительная адаптация казенного сектора в свободной рыночной экономике, а не борьба против нее, был необходим ряд конкретных сдвигов политического и экономического характера. Прежде всего надлежало создать иную атмосферу в обществе и устранить наиболее вопиющие препятствия для развития рыночной экономики, созданные феодализмом и китайской деспотией. Для превращения полутрадиционной номенклатуры в бюрократическую буржуазию был необходим переход к политике нового типа, а именно очистительно-созидательной. Здесь требовались антифеодальная аграрная реформа, ослабление государственного регулирования экономики, отказ от антибуржуазной направленности учения Сунь Ятсена, выработка новых стратегических установок, прекращение насилия над национальной буржуазией, насаждение «западного» правопорядка, прекращение произвола и силовых приемов со стороны казны. Для своего «буржуазного перерождения» госсектор и сам режим Чан Кайши в целом должны были отказаться от существенных черт полуфеодальной восточной деспотии. Иными словами, для становления бюрократического капитала и формирования бюрократической буржуазии требовалась полоса серьезных буржуазных реформ и настоящей модернизации самого режима.

Между тем правительство в Нанкине об этом даже не думало. Все перечисленные выше изменения оказались возможными только на Тайване после 1949 г. В итоге бюрократический капитал и бюрократическая буржуазия в рамках «нанкинской модели» гоминьдана так и не могли сложиться. Термины «бюрократический капитал» и «бюрократическая буржуазия» как образные и расхожие тогда названия не соответствовали социально-экономической природе полуфеодального казенного сектора и гоминьдановской верхушки¹. Если в частном и иностранном секторах капиталистического уклада функционировал капитал как самостоятельное явление (т.е. вне традиционных и пере-

ходных производственных и надстроечных систем), то в рамках нанкинского госсектора происходило включение капитала в старые системы (распределительная, административно-командная). Тем самым капитал «обволакивался» чуждой средой, подчинялся ей, теряя во многом свои формационные качества (созидательные и разрушительные, т.е. пробуржуазные и антифеодальные).

После таких потерь уже неполноценный «капитал», по сути, переходил в иное состояние (из формационного в межформационное, из антисинтеза в синтез). Из капитала как такового он превращался в «капитал-синтез», т.е. опускался ниже «чистого» капитала – на горизонт переходности и начинал «работать» не на новую формацию, а на «поддержание» обстановки межформационности. Быстрое расширение госсектора в этих условиях означало не наступление капитализма на феодализм, а нечто иное – либо частичное разрушение уже существовавшего капитала, либо его «обволакивание» старыми отношениями, т.е. превращение в «капитал-синтез». Происходило фронтальное наступление традиционности на современность, что сопровождалось ее устранением или превращением в переходность. Захват таким госсектором основной массы капиталистического уклада вел его к полураспаду. При этом происходило разделение его на две сферы. В первой капитал как производственное отношение, по сути, исчезал, а его «материальная часть» (здания, оборудование, рабочая сила, деньги) переходила к распределительным отношениям, начинала обслуживать административно-командную систему, т.е. становилась на службу антиподу капитала. Во второй сфере капитал как общественное отношение сохранялся, но уже окружался распределительной системой, функционировал «в связке» с ней и «работал» на нее. Он действовал не самостоятельно (антисинтез), а в русле синтеза, теряя свои разрушительные и созидательные способности и становясь безопасным рабочим компонентом переходной структуры. Тем самым устранялся капитализм как носитель иной (враждебной, опасной, чуждой) системы, как особый уклад, как зародыш новой формации. Такой госсектор (как синтез распределительной системы с госкапитализмом) всемерно расширялся режимом Чан Кайши не для развития капитализма, а для замещения его и противодействия ему.

Китайская деспотия в лице гоминьдана глушила и устраняла капитализм не только в рамках казенной экономики, но и за ее пределами. Предприятия и фирмы национальной буржуазии, еще формально не вошедшие в состав госсектора, все более попадали под жесткую руку гоминьдана. Казна подчиняла их через систему правительственных заказов, государственного кредитования, снабжения натуральным сырьем и энергоносителями, через контрактацию готовой продукции [115, с. 328]. Таким образом в ткань капиталистического производства внедрялась распределительная система, первое постепенно заменялось последней. По сути, готовились дальнейшее расширение госсектора и ликвидация частного сектора капиталистического уклада.

Продолжая наступление на капиталистический уклад, азиатская деспотия успешно насаждала компоненты административно-командной системы в его резко сократившуюся структуру, «добывая» остатки частного национального сектора, к тому же резко сократился и иностранный сектор [95, с. 202, 204, 207, 208]. Ведя тотальное наступление на ненавидимый ему капитализм, гоминьдан был близок к осуществлению цели, поставленной Чан Кайши и его окружением, т.е. к полному огосударствлению капиталистического уклада, а по сути, к его ликвидации [95, с. 121, 181]. Гоминьдановская «национализация капитала» означала замену «чистого» и частного капитализма (антисинтез) сочетанием рыночной и распределительной систем при господстве последней, т.е. синтезом современного и традиционного начал. Замена «опасного» капитализма господством административно-командной системы с вкраплениями в нее уже «безопасных» элементов капитализма по сути была успешно осуществлена режимом Чан Кайши в его последний период господства на материке (1945–1949). Были во многом разрушены имевшиеся до этого позиции капитала и буржуазных отношений в экономике, а госсектор явился орудием их либо ликвидации, либо обесценивания и трансформации. Из экономики, и в первую очередь из госсектора, успешно устранялись такие явления, как капитал, капиталистическое производство и буржуазное начало. Тем самым гоминьдан обезопасил и свой госсектор, и самого себя от «буржуазного перерождения».

Специфика госсектора в «нанкинской модели» состояла в том, что он функционировал не в одной общественной системе (капитализм), а в двух (феодализм, капитализм) одновременно. Первая была представлена всей массой традиционной, в основном деревенской, экономики, вторая – крайне слабым буржуазным укладом. Находясь на стыке старой, уходящей и новой, ожидаемой формации, госсектор нес в себе признаки как той, так и другой. Как продукт взаимодействия старого и нового, госсектор в Китае 30–40-х годов был обращен как в прошлое, так и в будущее. В итоге он так и не стал современным, а тем более чисто капиталистическим явлением. Такое двойственное положение на грани двух разных эпох и во многом антагонистических систем напрямую отражалось в его противоречивой сущности.

Синтез и централизация

Переходная государственность в Китае как продукт сложного синтеза стала своего рода двуликим Янусом: одно лицо повернуто в прошлое, в средневековье, в традиционность и феодализм, а другое – в XX в., к новой формации. Такая двойственность не стала благом для Китая, ибо старая государственность как таковая не умерла, а ростки современной только пробивали себе дорогу. В значительно больших

масштабах наблюдалась мимикрия традиционного под новое, внешне новое во многом строилось по образу и подобию старого. Кроме того, синтезирование китайского общества привело к измельчению деспотии и периоду политической раздробленности.

Если до «опиумных» войн (1840–1860) и Крестьянской войны тайпинов (1850–1864) традиционная деспотия оставалась неизменной и по-традиционному относительно централизованной, то с середины XIX в. наметился процесс не только ее органической трансформации, но и механического дробления. Это было связано как с началом синтеза, так и с назреванием очередного циклического династийно-демографического кризиса.

Уже на послетайпинском этапе (1864–1911) внутри страны возникли особые зоны военно-политического и экономического контроля различных бюрократических группировок – хунаньской, или сянской (Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан и Цзэн Гоцюань), и хуайской (Ли Хунчжан). Такого рода скрытый «раздел» Китая на «частные» зоны отличался неустойчивостью и подвижностью в связи с перемещением упомянутых наместников (*цзунду*), военно-политических лидеров и их преемников из одного наместничества (*ду*) в другое. Тем не менее указанный процесс фактически привел к сужению «зон контроля» самого центрального правительства (или, точнее, придворной группировки Цыси) в северных провинциях и Маньчжурии, находившихся ранее под особым надзором Пекина. Таким образом, послетайпинское десятилетие явилось инкубационным периодом будущей бэйянской и гомиьндановской раздробленности.

Подспудное выделение «зон контроля» тех или иных военно-политических сил (иногда выражавших и определенные социально-классовые интересы) для истории Китая отнюдь не новость. Оно было свойственно начальным этапам многих династийных кризисов, но в данном случае на традиционную канву накладывались явления нового порядка.

«Зоны контроля» Ли Хунчжана, Цзо Цзунтана и Чжан Чжидуна были не просто «малыми деспотиями» старого типа или частями однородной массы. Они уже имели иное качество – им были присущи черты переходности и известная «автономность» на почве синтеза «самоусиления». Это отличало их от районов, остававшихся в рамках чистой традиционности. В итоге возникла скрытая дихотомия «территория старой власти – зоны переходного контроля». При кажущейся незначительности различий между обоими ее компонентами она стала реальностью, создав полосу территориального раздела некогда монолитной деспотии по принципу «антисинтез–синтез».

Постепенно частично модернизовавшиеся военно-политические группировки оказались в скрытом противостоянии с чисто средневековым звеном госаппарата. Возникший в недрах китайской государственности дуализм «неизменное начало – трансформирующийся блок»

проявился в годы движения ихэтуаней (1898–1901), когда консервативные силы (во главе с императрицей Цыси и маньчжурскими князьями) перешли в наступление на все новое и синтезированное. Лидеры же региональных группировок Центрального и Южного Китая не поддерживали центральное правительство, оставшись в молчаливой оппозиции. Эти наместники даже заключили с западными державами секретное соглашение о совместной охране юго-восточных провинций.

Указанная дихотомия «синтез–антисинтез» на институциональном уровне сохранялась до 1905–1911 гг., когда центральное правительство перешло к запоздалым и поверхностным реформам (*синьчжэн*) в русле синтеза. В результате дробление деспотии по принципу «синтез–антисинтез» сменилось расколом на части по принципу «качественно более высокий синтез – синтез низких характеристик».

Наряду с этим действовала и тенденция, свойственная династийному кризису. Речь идет о дроблении империи на «сегменты», находившиеся на одном и том же качественном горизонте синтеза. Их противостояние диктовалось традиционными факторами – партикуляризмом, регионализмом, борьбой местных кланов друг с другом, особенно в бэйянский период и на первом этапе господства гоминьдана (1927–1937). Таким образом, с 1912 г. децентрализация Китая происходила на базе как однородного, так и разнопорядкового синтеза. Соответственно этому трансформируемая государственность «крошилась» на два вида «осколков». Оба типа раздробленности чаще всего развивались параллельно, во взаимной борьбе.

Подобная ситуация была результатом сочетания, переплетения, наложения друг на друга двух кризисов. Один из них был порождением традиционной линии развития, другой – модернизационной тенденции. Иными словами, политический раскол страны сам был явлением синтеза указанных начал.

Превращение синтеза в один из важнейших факторов, обусловивших процесс децентрализации власти, был вполне закономерен. Если «здоровому» развитому феодализму была свойственна сильная централизованная деспотия, то «больному», т.е. переходному, трансформированному, смешанному и синтезированному обществу соответствовала ущербная надстройка с ослабленной центральной и вообще государственной властью, неспособной сразу же принять эстафету централизации. Все отмеченное на время открывало простор для резкого преобладания центробежных сил. Процесс синтеза ослабил центральную власть и усилил периферийные звенья деспотии.

Это сказывалось, в частности, в быстром падении статуса верховного правителя Китая: сильный абсолютный монарх (Цыси) – намного более слабый «монархо-президент», а затем монарх (Юань Шикай) – почти бессильный верховный глава государства и премьер-министр (Дуань Цижуй) – дальнейшее падение реальной роли центральной

власти (Сюй Шичан, Цао Кунь) – глава одной из милитаристских клик, имевший ставку в Пекине (У Пэйфу).

В условиях неуклонного падения былого статуса правительства в Пекине реальная власть соответственно опускалась на более низкие горизонты, т.е. становилась по преимуществу региональной, провинциальной, областной и т.д. Период скрытого «раздела» страны (1860–1911) сменился открытой и многоступенчатой раздробленностью. В Китае параллельно существовало два-три (а иногда и более) самостоятельных официальных правительства, не считая неофициальных, каждое со своей подвластной территорией и различными атрибутами власти.

В 1912–1948 гг. противостояние параллельных правительств, местных правителей и иных звеньев государственности происходило в рамках дихотомии «более низкий по уровню синтез – качественно более высокий синтез». Традиционный антисинтез за малыми исключениями (например, монархический переворот Чжан Сюня в 1917 г.) практически исчез с политической арены. Со смертью Юань Шикая в 1916 г. началось быстрое «измельчание» прежней деспотии. Она дробилась на «владения» милитаристских клик и более мелких группировок, а также на военно-территориальные единицы под единоличным контролем какого-то одного генерала. Данный процесс шел рука об руку с милитаризацией власти (см. [39]) и неуклонным переходом последней с общенационального на провинциальный, областной и уездный уровни. В конце концов зона, контролируемая «центральным правительством» в Пекине (а точнее, захваченная очередной победившей в Северном Китае кликой), превратилась если не в обычную, то, во всяком случае, в одну из многих милитаристских вотчин с постоянно сменяющимися правителями. Между тем в целом ряде других «удельных княжеств» власть местных дучжоней была либо более устойчивой, либо несменяемой («королевство» семейства Чжанов в Маньчжурии, «вотчина» Янь Сишаня в Шаньси и т.д.). В результате более чем на три десятилетия (1916–1948) децентрализация государственной власти становится не просто побочным продуктом синтеза, но и руслом трансформации институционального горизонта политической надстройки переходного Китая.

«Физическое» и территориальное дробление китайского деспотизма после 1912 г. сначала шло лишь на количественном уровне. В первой фазе бэйянского периода (1913–1915) все режимы, в том числе региональные и провинциальные, являлись, в сущности, однородными «осколками» Цинской империи, суммой однопорядковых слагаемых.

Во второй его фазе (1916–1925) в Южном Китае возник иной тип власти – с 1918 г. либеральное, а с 1920 г. гоминьдановское правительство Сунь Ятсена – Чэнь Цзюньмина в Гуанчжоу. С противопоставлением «Север–Юг» возникла дихотомия «бэйянская власть – антибэйянское начало», или «государственность старого синтеза – го-

сударственность нового синтеза». Тем самым процесс децентрализации перешел с чисто количественного на качественный уровень. Китай становится суммой разнородных величин, отчасти возвращаясь ко временам Синьхайской революции 1911–1913 гг., когда страна распалась на территориальные блоки с различным политическим потенциалом. Если синьхайский дуализм «старая власть – новая власть» был кратковременным, то с 1920 г. подобное противостояние становится постоянным, то расширяясь, то сужаясь вплоть до 1949 г. Дробление власти происходило параллельно на количественном и на качественном уровнях, в сфере как «старого» (т.е. бэйянского типа), так и «нового» (гоминьдановского) синтеза (например, существование двух зон власти гомиьндана с самостоятельными правительствами в Гуанчжоу и Нанкине).

С переходом к гомиьндановской стадии раздробленности (1927–1948) ведущие силы тогдашнего Китая – армия и «предпартия» Сунь Ятсена и Чан Кайши – повели борьбу за объединение страны под своей эгидой. Гоминьдан, даже будучи до 1936–1937 гг. расколотым на две части со ставками соответственно в Нанкине и Гуанчжоу, претендовал на статус общенациональной силы. Он выступал как компенсаторное начало, восполняющее вакуум силы, образовавшийся с падением «централизованной» диктатуры Юань Шикая, хотя Национальная революция 1925–1927 гг. не смогла полностью ликвидировать состояние раздробленности: наряду с двумя враждовавшими между собой гомиьндановскими центрами «собственные» территории имели группировка Фэн Юйсяна (до 1930 г.), фэнтяньская клика, клан мусульманских генералов Ма, Янь Сишань, сычуаньские милитаристы, юньнаньские генералы и Шэнь Шицай в Синьцзяне.

Таким образом, во-первых, деспотизм «второго поколения», т.е. остатки бэйянской системы, противостоял деспотизму «третьего поколения» – гомиьндановскому, что создавало дихотомию «старый, отсталый синтез – новый, более передовой синтез». Во-вторых, одно направление нового синтеза противостояло другому в борьбе между нанкинской и юго-западной группировками гомиьндана. В-третьих, зонам китайского синтеза противостояли зоны японизированного синтеза – оккупированные Японией Тайвань, затем Маньчжурия, Северный Китай и т.д. В-четвертых, зонам бэйянского, гомиьндановского и японизированного синтеза противостояли советские (или освобожденные) районы и базы, находившиеся под контролем КПК.

В указанных четырех дихотомиях и в их параллелизме нашло отражение развитие синтеза через борьбу противоположностей. Многочисленность противостояний, их переплетение внешне усиливали децентрализацию Китая, а фактически поэтапно вели к его объединению в будущем. В первой фазе гомиьндановского господства (1927–1935) первая дихотомия была ведущей. В следующей фазе она резко ослабела за счет подчинения гомиьнданом «старых» милитаристов.

Второе противостояние закончилось в 1936–1937 гг. в связи с объединением двух группировок гоминьдана. В то же время третья оппозиция превратилась в главную и охватила основную часть провинций собственно Китая, а четвертая сохранялась в суженных географических рамках. В последней фазе (1945–1949) первое и третье противостояния сходят на нет (в результате вытеснения последних милитаристов бэйянского происхождения и разгрома японских войск Советской Армией в Маньчжурии), четвертое же оставалось единственным и решающим в борьбе за объединение Китая.

В целом можно констатировать, что смена стадий институционального синтеза явственно воздействовала на децентрализацию деспотии и на борьбу между ее наследниками за новую централизацию. Синтезирование китайской деспотии на ранней стадии (1860–1911) вместе с нарастанием династийного кризиса посеяло семена децентрализации, а затем привело к распаду единого государства (1916–1935). Но синтез породил и общественные силы (Единый фронт, гоминьдан, компартия), начавшие борьбу за централизацию Китая уже на новой основе.

Однако недостаточное развитие капиталистических отношений, прогресс которых сковывался низкими параметрами синтеза (в Китае только происходило складывание общенационального рынка), лишало этот процесс необходимой экономической базы. Но в том же направлении действовали на данном этапе и законы традиционного циклического кризиса. И успехи гоминьдана в деле объединения страны во многом основывались на указанной тенденции.

Таким образом, состояние политической власти в Китае на обоих рассматриваемых этапах (раскол, тенденция к централизации) определялось в конечном счете сочетанием влияния традиционных гомогенных и связанных с синтезом гетерогенных факторов.

Глава 7

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Непосредственная трансформация китайской государственности по ряду причин (в том числе из-за неудачи выступления реформаторов в 1898 г.) фактически началась с полосы реформ («новой политики») 1902–1911 гг. (см. [111, с. 360–366, 400–407]). В итоге обновление государственности примерно на полвека отстало от процесса трансформации базиса. К началу XX в. синтез в разных формах уже укоренился в экономике и социуме, а институциональный горизонт надстройки Цинской империи вышел из ихэтуаньской катастрофы (1900–1901) практически в неизменном традиционном состоянии.

Если анализировать ее согласно методике, предложенной Н.А.Симонией (см. [143, с. 19–20; 208, с. 195–223]), то по своему роду (формационная категория) государственность Китая оставалась феодальной, а по своему типу (стадиальный показатель) являлась продуктом не третьей, заключительной фазы старой формации (стадия умирания, или поздний феодализм), а второй фазы (стадия зрелости, или развитой феодализм) с некоторыми элементами абсолютизма, привнесенными политикой «самоусиления» (возникновение «феодального госкапитализма»). Вид китайской государственности (показатель структуры и внутренней организации) оставался незыблемо авторитарным, а по форме она представляла собой абсолютную (но не абсолютистскую) монархию. Системное единство указанного четырехчлена «род–тип–вид–форма» означало, что в Китае накануне эпохи «пробуждения Азии» сохранялась в принципе феодальная деспотия (см. [78, т. 21, с. 403–404]).

Кризис власти

Дихотомия «трансформирующийся переходный базис – неизменная средневековая надстройка» была чревата политической революцией. Однако непосредственным стимулом трансформации типа и формы государственности был политический фактор. Речь идет об острейшем кризисе власти, выходявшем за рамки «обычного» для династийного демографического кризиса ослабления роли центрального правительства (постепенный переход фискального и полицейского контроля над сельским населением в руки местных шэньши и помещиков), поскольку он был вызван также резким падением внутри- и внешнеполитического престижа династии Цин в ходе полуколониального закабаления Китая капиталистическими державами (т.е. факторами гетерогенного синтеза) [189, с. 335–337].

Происходило неуклонное падение внутренней и особенно внешней дееспособности деспотии. Во-первых, был утрачен статус гегемона в системе «Поднебесная–варвары», распался «мировой порядок» «Китай–данники» вследствие потери последних. Во-вторых, выявилась военная слабость деспотии в сравнении с «варварами» Запада, что привело к серии проигранных войн, цепи унижений и контрибуций. В-третьих, понизился международный статус китайской деспотии, и надменное правительство независимой державы – «центра Вселенной» – постепенно превратилось в подчиненный во многом внешним силам аппарат полуколонии. В-четвертых, утверждение «системы капитуляций» (неравноправные договоры, экстерриториальность иностранцев и т.д.) (см. [188, с. 100–108, 268–285, 327–353, 400–401]) привело к утере части государственной самостоятельности и суверенитета. В-пятых, происходило явное сокращение суверенной террито-

рии при росте территориальных потерь (Тайвань, Квантунская область, анклав на морском побережье, селтльменты и концессии в «открытых портах», полосы отчуждения вдоль железнодорожных концессий, право нахождения и ввода иностранных войск на эти территории, в том числе в Пекин). В-шестых, не только произошел фактический раздел страны на «сферы влияния» и «зоны особых интересов», но и установились особые отношения между иностранными державами и местными властями в этих «сферах» и «зонах» за спиной у центральной власти (см. [188, с. 425–427, 572–578]). В-седьмых, деспотия потеряла часть внутриэкономических прерогатив (утрата таможенной и валютной автономии, иностранный контроль над налоговыми поступлениями казны, финансовая задолженность и зависимость от внешних кредиторов), допустила захват «заморскими дьяволами» командных высот в современном секторе экономики и сама попала к ним в долговую кабалу (см. [8]). Иностранцы во все большей степени распоряжались национальными ресурсами Китая и контролировали хозяйственную политику. Теряя прерогативы экономического суверенитета, цинская деспотия лишалась части власти в собственном доме.

Все это резко снизило ее общую дееспособность (в том числе в политической и правовой сферах), вплоть до частичной атрофии защитных функций государства (см. [39]). При усиливающейся утрате Китаем своего суверенного международно-политического статуса это для китайского социума равнялось «временной потере им своего макросоциального лица» [208, с. 117]. Деспотия в своих традиционных формах во все меньшей мере обеспечивала китайскому народу его священное право на суверенное историческое бытие, все меньше могла отразить покушение извне на эту высшую ценность.

Ослабление деспотии обуславливалось и факторами, связанными с развитием синтеза: возникновение многоукладности, формирование на ее почве переходного социума (со свойственными этому процессу неуклонно возрастающими социальными и политическими противоречиями как внутри китайского общества, так и между ним и силами империализма) (см. [25, с. 139–157]), а также постепенное нарастание явлений политической раздробленности. Социально-политическая неустойчивость и децентрализация власти толкали деспотию к трансформации, обновлению и внутривнутриполитическому маневрированию на грани классового компромисса (см. [296]). Ослабленная и усеченная (т.е. в этом плане уже неполноценная) восточная деспотия в Китае отчасти перестала соответствовать своим изначальным статусу и историческому предназначению. В условиях падения своего престижа, в обстановке «национального позора» и утраты политического суверенитета, ставших важнейшими факторами, поднимавшими все новые слои населения на путь политической активности в целях обновления институционального горизонта надстройки, деспотия вынуждена была искать оздоровления на почве синтеза традиционного и современного (см. [189, с. 334–357]).

В сложившейся обстановке необходимость обновления типа и формы традиционной государственности в конце XIX в. стала императивом. На первых порах она нашла отражение в идее превращения китайской деспотии в сословно-представительную абсолютистскую монархию. До революции 1911–1913 гг. это был единственно реальный вариант, поскольку в условиях Цинской империи о переходе к бонапартистской (первая фраза капиталистической формации), а тем более к буржуазно-демократической государственности (вторая ее фаза) не могло быть и речи. Мог быть поставлен и стоял вопрос о замене типа государственности, свойственного второй фазе феодализма, на тип, характерный для его третьей фазы.

Такого рода абсолютистские планы, правда в своеобразном виде, родились в 90-х годах XIX в. – проекты реформаторов Тан Чжэня (1890 г.), Чэнь Цю (1893 г.), «Коллективный меморандум» Кан Ювэя, Лян Цичао и Май Мэнхуа (1895 г.). По мысли Тан Чжэня, высшие чиновники (1–4-го рангов) должны были составить сенат, т.е. верхнюю палату «парламента», нижняя палата которого формировалась из представителей бюрократии низшего ранга. При этом в провинциях и уездах должны были действовать аналогичным образом построенные местные «парламенты». Проект Чэнь Цю предполагал раздел Китая на удельные княжества, при правителях которых следовало созвать совещательные органы («парламенты») из чиновничества (см. [111, с. 261–262]). Авторы «Коллективного меморандума» призывали создать при императоре палату выбираемых из среды шэньши советников, предоставив ей право влиять на политику правительства (см. [179, с. 98–99]). Сословно-представительную (шэньшискую) абсолютистскую монархию намеревались обрядить в одежды буржуазного парламентаризма Чжэн Гуаньин, Сюй Сяньшу и др. (см. [148, ч. 2, с. 150–155; 67, с. 59–62]).

Практически реформаторы 90-х годов упрасивали «Сына Неба» спуститься с «надклассовых» высот на почву скромного, но реального классового, а точнее сословного, компромисса. Того же самого уже не просили, а требовали либералы-конституционалисты в ходе трех петиционных кампаний 1907–1911 гг. (см. [201, с. 103–138, 158–188]). Ожидаемый компромисс должен был поднять «частные» социальные слои (нечиновные шэньши) и классы (помещики, буржуазия), бывшие лишь объектом политики деспотии, до уровня, позволявшего влиять на выработку важнейших государственных решений. Деспотии же предлагалось сделать шаг вниз – на этот промежуточный уровень обоюдного соглашения. В итоге «класс-государство» должен был бы отныне править в содружестве с остальными экономически господствующими силами общества. Тем самым реформаторы, а затем конституционалисты планировали сдвиг обеих договаривающихся сторон по вертикали – навстречу друг другу.

В противовес этому маньчжурские правители с 1862 по 1905 г. ограничивались формальной модернизацией только самого госаппарата, не меняя характера государственности (см. [111, с. 210–215, 361–366]). Иначе говоря, Цины в одностороннем порядке осуществляли лишь сдвиг по горизонтали, считая его допустимым максимумом. Ихэтуаньская катастрофа 1900–1901 гг. и нараставшее политическое брожение в стране заставили династию в принципе согласиться на классовый компромисс с шэньшиско-помещичье-буржуазной оппозицией при явном затягивании сроков его реализации (до 1916 г.), ускорении формальной модернизации госаппарата и укреплении позиций маньчжурской феодальной реакции в качестве противовеса предстоящим нововведениям (дихотомия «синтез–антисинтез») (см. [111, с. 361–365, 400–402, 418–420]). Планировалось украсить здание феодальной деспотии сословно-представительной декорацией, выполненной в парламентском стиле, т.е. создать формальный синтез традиционной монархии и абсолютизма с вполне современным фасадом. Между тем оппозиция боролась за реальный абсолютизм на базе сословного, преимущественно шэньшиского, представительства (правительственный проект 1908 г.). Были сделаны и первые шаги на данном пути (учреждение провинциальных совещательных комитетов – *цзыцзюй* – в 1909 г.). Все это привело к определенному сдвигу – в китайской государственности появились не только фактические (политика насаждения «феодального госкапитализма»), но и формальные элементы абсолютизма.

Обе стороны, торгуясь о сроках введения конституции и парламента, вовсе не имели в виду перехода к государственности бонапартистского или даже буржуазно-демократического типа как неприемлемо радикальных. Однако, борясь за введение не формальной, а действительной сословно-представительной абсолютистской монархии, оппозиция из-за упорства и двуличия правительства вынуждена была всем ходом и самой логикой борьбы постепенно леветь (см. [111, с. 374, 375, 402–407]). Она уже вкладывала в понятия «конституция» и «парламент» элементы бонапартистского варианта парламентарной монархии, т.е. придавала сословно-представительному органу уже не совещательные, а контрольные, законодательные и исполнительные функции.

Наиболее ярко об этом свидетельствовала попытка оппозиции в 1909–1910 гг. превратить провинциальные совещательные комитеты в органы своей власти (см. [201, с. 147–158]). Если до 1907 г. оппозиция робко вымаливала у деспотии консервативный минимум (абсолютизм), то накануне революции 1911–1913 гг. требования либеральных конституционалистов поднялись уже до уровня сочетания абсолютизма и бонапартизма. Такому сдвигу содействовал и пропагандистский инструментарий конституционно-монархического движения 1905–1911 гг., являвшего собой наглядный пример политической контами-

нации: превращение средневековой деспотии в абсолютистскую монархию мыслилось через введение институтов бонапартистской, а формально – буржуазно-демократической государственности. Для умеренной и верноподданнической оппозиции такая «радикализация» была сугубо вынужденной, диктуемой как косностью и неповоротливостью правительства, так и быстрым нарастанием предреволюционного кризиса. Тем не менее даже накануне Синьхайской революции собственно бонапартистская монархия еще не стала осознанной целью оппозиции, не говоря уже о монархии как форме буржуазно-демократической государственности (см. [111, с. 434–443]).

Однако темпы нарастания политического кризиса и общее обострение ситуации привели к тому, что в 1911 г. события вырвались из рамок предполагаемой сделки и вышли из-под контроля как правительства, так и оппозиции. В результате Синьхайской революции с марта 1912 г. (опубликование Временной конституции) и фактически до сентября–октября 1913 г. (поражение «второй революции» и избрание Юань Шикая постоянным президентом), а формально до января 1914 г. (ропуск парламента) существовала парламентская республика, по форме близкая к буржуазно-демократическому типу государственности. Эта короткая буржуазно-парламентская «весна» была резким «забеганием вперед» при пропуске двух фаз – абсолютистской и бонапартистской государственности (см. [118, с. 35–40]). Столь же резким оказалось «забегание вперед» не только по типу, но и по форме – минуя всевозможные варианты переходной монархии, Китай установил у себя республиканский строй.

Положение резко обострилось. С одной стороны, вчерашняя оппозиция средневековой монархии оказалась перед необходимостью поиска более «умеренных» форм государственности и иных носителей реальной власти, готовых к желанному классовому компромиссу. С другой стороны, ситуация круто изменилась: Синьхайская революция положила конец периоду мирных поисков соглашения и рыночного торга вокруг него. Политический «бриз» сменился перманентным «штормом» – полосой революций, переворотов, гражданских войн и междоусобиц. Путь к компромиссу в новой обстановке лежал через острейшую борьбу, не только политическую, но и вооруженную (см. [111, с. 527–537, 547–566]). Именно в ходе нее складывался механизм классового сдвига, принявшего формальный и малоэффективный вариант.

В данной связи уместно поставить вопрос о реальности классового компромисса в 1913–1949 гг. Само переходное состояние общества, осложненное затяжным кризисом, исключало органическую целостность социума и, следовательно, социальный консенсус. При определенных благоприятных условиях было возможно нахождение классового компромисса как основы для создания государственности переходного типа на пути от феодализма к новой формации. Но скромные

результаты сговора, точнее так и несостоявшегося соглашения «Цины–оппозиция», были уничтожены революцией 1911–1913 г., которая смела не только династию, но и саму монархию. Было возможно соглашение (и даже начало налаживаться) и на базе новой, не легитимной, а плебисцитарной монархии 1915–1916 гг., однако «третья революция» в 1916 г. уничтожила вместе с последней и этот вариант (см. [111, с. 547–553]).

В дальнейшем возможность достижения компромисса существенно усложнилась. Дело в том, что цикл китайских революций (Синьхайская, революция 1916 г., Национальная 1925–1927 гг.), ликвидировав монархию (форма), не разрушил базу деспотии (тип государственности). Более того, смена формы отчасти обновляла ее основу, отсекая больные, разлагающиеся члены (маньчжурскую династию, плебисцитарную монархию), т.е. архаичное и обреченное, и заменяя недееспособные, отжившие верхние звенья деспотии новыми, более приспособленными к характеру переходного базиса и социума (бэйянская власть, гоминьдановские правительства). Подобная ампутация отживших звеньев и замена более реакционного менее консервативным продлевали жизнь деспотии как типа государственности, дополняя ее элементами абсолютизма и бонапартизма. Трехкратное обновление верхнего звена явилось и трехэтапной поступательной трансформацией деспотии в сторону переходной государственности (см. [62, с. 92–131]).

После революций 1911–1913 и 1916 гг. такое обновление произошло за счет милитаризации власти – замены архиреакционных маньчжурских правителей и старых императорских сановников ханьским генералитетом. Второе оздоровление надстройки было осуществлено путем внедрения нового организационного начала («предпартии» гоминьдан) и националистической идеологии. «Инъекции» милитаризма и суньятсенизма в надстройку продлевали жизнь основам деспотии, по-своему модернизируя и модифицируя ее, давая ей «второе дыхание».

Кроме того, смена традиционной монархии переходной бэйянской республикой была заменой антииностранного, во многом еще ксенофобного режима проколониалистским, т.е. соответствующим полуколониальному положению Китая. В этом плане наступила временная «гармония» в дихотомии «Китай–державы». Если капиталистический Запад за 60 лет (1840–1901) нанес монархии Цинь шесть военных поражений, то с утверждением бэйянских режимов подобные удары прекратились вплоть до начала 30-х годов, т.е. до захвата Маньчжурии Японией.

Однако все перечисленные факторы, как это ни парадоксально, отодвигали или даже отчасти снимали саму необходимость и возможность классового компромисса. Если предельно «больная» традиционная монархия накануне падения была вынуждена согласиться с идеей своего оздоровления на почве компромисса, уступок «частным»

социальным группам и классам, то отчасти уже оздоровленная, т.е. милитаризованная и гоминьданизированная, республиканская власть в подобном подходе нуждалась в меньшей мере (см. [23, с. 33–56, 92–95]).

Кроме того, политическое соглашение, достижимое в условиях сравнительно спокойного состояния внутри страны до 1911 г., стало предельно затрудненным в условиях мятущегося социума и политической нестабильности. В обстановке непрекращавшихся с 1911 по 1949 г. революций, гражданских войн, милитаристских междоусобиц и распада единого государства на разного рода самостоятельные части (зачастую с разнородной по своей природе властью) межклассовое соглашение стало практически трудноосуществимым. Воюющими оказались сами предполагаемые участники компромисса (см. [23, с. 24, 60–98]). Как «класс-государство», так и сословие шэньши вместе с классами помещиков и буржуазии были этой экономической и политической децентрализацией не только разобщены, но и низведены с высоты общенациональных действий и интересов до состояния борьбы за самосохранение на региональном, провинциальном и уездном уровнях, для чего они блокировались друг с другом в разных сочетаниях на местных горизонтах. Такого рода резкое и затяжное дробление каждого из возможных участников соглашения делало последнее «технически» невыполнимым, тем более в условиях непрекращавшихся военных действий.

В итоге наступил паралич соглашательской тенденции общекитайского масштаба, что отнюдь не исключало поиски компромисса на региональном, провинциальном и уездном горизонтах. Там, где некоторое время военных действий не наблюдалось, проблема классового соглашения неизбежно вставала вновь. Речь идет о таких зонах временного покоя, как «королевство» бандитской «династии» Чжанов в Маньчжурии (1916–1931), пров. Шаньси – «удел» Янь Сишаня (1911–1930, 1932–1937), восточные провинции под властью нанкинського гоминьдана (1927–1932, 1934–1937), Гуандун в годы Юго-Западного политического совета (1927–1936) (см. [58, с. 144–170; 277]). Наиболее далеко поиски соглашения зашли в третьей из названных зон. Однако явный «флирт» чанкайшистов с верхушкой шанхайской буржуазии закончился к середине 30-х годов, не приведя к классовому компромиссу.

Вместе с тем наполнение верхнего и среднего звена государственной системы новым сословно-классовым людским контингентом (военные, верхушка гоминьдана, бюрократия из новой интеллигенции) отчасти компенсировало отсутствие реального межклассового компромисса (см. [23, с. 43–46; 296, с. 138–166]). Кроме того, как уже отмечалось, трансформирующаяся деспотия дополнялась элементами «компромиссных» типов государственности (абсолютизм, бонапартизм, буржуазная демократия), т.е. фаз, которых Китай ни до ни после

этого не прошел. Такой вариант развития препятствовал возникновению перечисленных выше целостных типов государственности. В итоге смена одного типа государственности другим замещалась синтезом их отдельных соответственно ослабленных и трансформированных фрагментов. Такой синтез был не столько реальным классовым компромиссом, сколько его суррогатом, видимостью учета интересов «частных» сословий и классов (см. [189, с. 337–343]).

Столь ущербный вариант (точнее, паллиатив) оставался тем не менее наиболее приемлемым для сложившегося варианта государственности. Дело в том, что в результате полноценного соглашения, т.е. реального дележа власти с эксплуататорскими классами, деспотия практически перестала бы быть таковой и превратилась бы в тип государственности, близкий к европейским стандартам. Между тем благодаря специфике классового сдвига в переходном Китае деспотия в ходе своей трансформации получила возможность отделяться чисто формальным компромиссом, симуляцией уступок и соглашательской риторикой (см. [23, с. 120–166; 296, с. 113–131]).

Классовый сдвиг

Под таковым в данном случае подразумевается переход власти от одной фракции господствующего класса к другой, от одного его слоя к другому, от старого класса к новому, от данного класса к совместному владению властью с иным или иными классами или же от данной фракции господствующего класса к совместному правлению с фракциями другого класса или группы классов. Понятно, что именно классовый сдвиг является базой изменения рода, типа и в определенной мере вида и формы государственности. Ниже мы попытаемся определить, к какому из указанных выше вариантов можно отнести изменения, происшедшие на уровне государственной власти в Китае, в значительной мере стимулируемые внешним воздействием и ускоряемые механизмом «большой» китайской революции, т.е. «взаимодействием» внутри ее общего цикла трех частных, или «малых», революций (Синьхайская, революция 1916 г. и Национальная).

Неполноценность рассмотренного выше «компромисса» отражала слабость и поверхностность классового сдвига, наметившегося в первой половине XX в. Событийная сторона его выглядела следующим образом: деятельность совещательных комитетов (1909–1911) – Синьхайская революция (1911–1913) – диктатура Юань Шикая (1914–1915) – провозглашение монархии (1915–1916) – «третья революция» (1916–1917) – власть бэйянских милитаристов (1917–1925) – Национальная революция (1925–1927) – господство гоминьдана (1927–1949). Тот же процесс в плане форм политической борьбы представляется в следующем виде: реформы сверху (1909–1911) – первая неза-

вершенная политическая революция снизу (свергнувшая монархию, но не уничтожившая деспотию, 1911–1913) – сдвиг вправо (1914–1915) – государственный переворот сверху (1915–1916) – вторая незавершенная революция аналогичного типа и кризис общественных структур (1916–1917) – установление компромиссной государственности (1917–1925) – третья незавершенная политическая революция (не уничтожившая основ деспотии, 1925–1927) – новая ступень компромиссной государственности (1927–1949). Рассмотрим теперь ту же цепочку с точки зрения смены форм политической власти: традиционная монархия (1909–1912) – парламентская демократия (1912–1913) – военная диктатура (1914–1915) – новая монархия (1915–1916) – парламентская демократия (1916–1917) – военные диктатуры двух видов (бэйянские и гоминьдановские) (1917–1949).

Таким образом, смена форм китайской государственности за 40 лет (1909–1949) прошла два этапа, а внутри каждого из них протекал типовой цикл «монархия–демократия–диктатура». Первый из них занял 7 лет (1909–1915), а второй – 33 года (1916–1949).

Появление в обоих циклах, хотя и на крайне короткие сроки (год-полтора), парламентской демократии при всей ее слабости и противоречивости в условиях сохранения фундаментальных основ азиатской деспотии являлось очевиднейшим «забеганием вперед», т.е. рывком на позицию обреченности. Затем осуществлялась коррекция – торможение и движение вспять (см. [62, с. 92–131]). Кратковременное введение буржуазно-демократической формы государственности в 1912–1913 и 1916–1917 гг. при доминировании чуждой ей по роду, типу и виду государственности (своего рода «обреченный максимализм») служило важным фактором раскачки консервативных структур и определенной гарантией продвижения вперед если не на максимальную, то на промежуточную дистанцию как внутри каждого из двух циклов, так и во всем механизме классового сдвига (см. [111, с. 496–522, 556–566]). С этих позиций последний выглядел следующим образом: эволюция (1909–1911) – забегание вперед (1911–1913) – выход на промежуточный уровень (между эволюцией и забеганием, 1914–1915) – контрреволюционный откат (на горизонт эволюции, 1915–1916) – вторичное забегание вперед (1916–1917) – вторичный выход на промежуточный уровень (между забеганием и откатом, 1917–1949) при срыве вторичного контрреволюционного отката (имеется в виду монархический переворот Чжан Сюня в 1917 г.). В результате такого рода двукратной раскачки верхних эшелонов власти срабатывал механизм сдвига в форме государственности: абсолютная монархия (1909–1911) – парламентская республика (1912–1913) – президентское правление (1914–1915) – плебисцитарная монархия (1916) – парламентская республика (1916–1917) – военно-бюрократическая республика во главе с проколониалистским режимом (1917–1927) – военно-бюрокра-

тическая республика, возглавляемая националистическим режимом (1927–1949).

В приведенной цепочке также прослеживаются отмеченные выше циклы, каждому из которых свойственно чередование «монархия–республика».

Подобное движение было и сменой видов синтеза на уровне типа государственности. Политическое развитие Китая 1909–1949 гг. дало на институциональном горизонте надстройки следующую последовательность видов синтеза (сочетавшего гетеро- и гомогенные начала): деспотия и абсолютизм (1909–1911) – деспотия и буржуазная демократия (1912–1913) – деспотия и бонапартизм (1914–1915) – деспотия, абсолютизм и бонапартизм (1915–1916) – деспотия и буржуазная демократия (1916–1917) – деспотия и бонапартизм (бэйянский вариант, 1917–1927) – деспотия и бонапартизм (гоминьдановская разновидность, 1927–1949). В этой пестрой смене видов устойчивый конечный результат (синтез деспотии и бонапартизма) стал возможен после изживания более консервативного (деспотия и абсолютизм), а также явно внутренне антагонистического и поэтому обреченного (синтез деспотии и буржуазной демократии) вариантов.

Таким образом, в Китае вследствие воздействия капитальных факторов – общей гетерогенности синтеза и переплетения двух кризисов (формационного и династийно-демографического) – имела место смена не полноценных, т.е. соответствующих реальным стадиям формационного развития (последней фазе феодализма и двум первым фазам капитализма) типов государственности (соответственно абсолютизм, бонапартизм и буржуазная демократия [208, с. 195–234]), а различных видов политического синтеза. Его устойчивость отражала общий переход синтеза в Китае на системный уровень.

Основу политического синтеза составлял традиционный тип государственности – весьма отсталый (соответствующий не третьей, а второй фазе феодализма), в том числе из-за длительного сохранения в нем элементов не только китайской архаики, но и компонентов примитивного маньчжурского военно-феодального наследия (первая фаза феодализма). К данной основе (феодальная деспотия) в процессе синтезирования присоединялись стертые и ущербные, т.е. не имевшие под собой сложившейся формационной фазы, элементы трех указанных выше типов государственности. Это вело к постепенной и умеренной трансформации государственности, к ее частичной модернизации.

В итоге механизм классового сдвига в Китае 1909–1949 гг. являл собой модель, отличную от первичной и вторичной (см. [208, с. 250]).

Как в экономической сфере сдвига формационного плана не сопровождалось крушением феодального хозяйства и заменой его капитализмом, так и в сфере надстройки состояние переходности не ознаменовалось сменой азиатской деспотии новым типом государственности. Китайские революции 1911–1913, 1916, 1925–1927 гг. приводили

не к слову деспотии, а к эволюции государственности и приспособлению ее к новым условиям – внутренним и внешним. Такая поэтапная оздоровительная и достаточно поверхностная модернизация эволюционного типа отодвигала на будущее принципиальные изменения сущностной природы власти (см. [28, с. 44–50]). Многочисленные и быстрые изменения формы компенсировали слабую подвижность вида, типа и рода китайской государственности. При всей пестроте политических пертурбаций механизм классового сдвига в Китае работал на минимальных оборотах.

В результате за четыре бурных десятилетия (1909–1949) феодальная в своей основе сила – «класс-государство» – власть не теряла, а «частные» сословия и классы (шэньши, помещики, буржуазия) – ни каждый в отдельности, ни в блоке с другим, ни все вместе – к власти не приходили. Реальный классовый компромисс между «классом-государством» и экономически господствующими классами в конце концов так и не состоялся. Его заменил формальный синтез на уровне типа государственности, т.е. суррогат или видимость компромисса. При таком решении вопроса о характере власти самовластие восточной деспотии ограничивалось, по сути, в основном воздействием внешних факторов. Она так и не спустилась на промежуточный (компромиссный) уровень и не дала подняться на него «частным» сословиям и классам (см. [23, с. 92–95, 120–166]).

Устранив монархию, Синьхайская революция обновила лишь верхний ярус деспотической власти, тогда как ее основа сохранилась. Как отмечал Сунь Ятсен, «разрушение было произведено лишь на поверхности, а грунт, лежавший под старым зданием, не был извлечен и отброшен. Что же представляет собой этот старый грунт? Не что иное как бюрократию – зло, доставшееся нам в наследство от цинской династии» [173, с. 332]. Под «бюрократией» в данном случае подразумевались старое чиновничество, военщина и политиканы. Если на верхнем горизонте институты буржуазной демократии (Временная конституция 1912 г., Национальное или Нанкинское собрание, Временный, а затем Постоянный, т.е. «старый», парламент) на крайне короткое время потеснили институты деспотической государственности, то на нижних и средних ярусах власти (уезд, провинция) деспотия жестко держала в своих руках местные «парламенты» – провинциальные собрания и местные собрания самоуправлений. Так, в Шаньдуне военный губернатор, открывая провинциальное собрание, «объяснял» его депутатам: «Вы напоминаете птиц, запертых вместе в большой клетке. Если вы будете вести себя хорошо и петь приятные песни, мы будем кормить вас. В противном случае вам придется обходиться без пищи» (цит. по [27, с. 492]). Это заявление предельно точно отразило характер ситуации на местах: там, как и прежде, вся власть оставалась в руках губернаторов. Иными словами, произошло сохранение основ деспотии при разрушении монархии.

Последовавшие политические сдвиги существа дела не изменили. Это обусловило полное преобладание авторитарного вида государственности, принимавшей форму президентского правления (1914–1915), плебисцитарной монархии (1916 г.), военно-бюрократической диктатуры (1917–1949).

Явная смена окраски и формы государственности подчас порождает искушение оценить позднецинскую власть как абсолютистскую, падение монархии принять за гибель деспотии, а бэйянские и гоминьдановские режимы рассматривать в качестве бонапартистских. Между тем для установления абсолютизма в Китае не хватало многого – другого типа феодализма, прохождения третьей фазы этой формации, а также равновесия сил феодалов и буржуазии. Для утверждения бонапартизма недоставало основного – победы капитализма. О буржуазной демократии и говорить не приходится. В итоге для традиционной государственности еще не было ни явной альтернативы, ни реальной замены.

Изменяя форму государственности и периодически обновляя верхний ярус власти, китайские революции поэтапно приводили институциональное звено надстройки в определенное соответствие с менявшимся переходным базисом. Такая поэтапная эволюция делала ненужной коренную ломку старой государственности, постепенно вводившейся в рамки переходности (см. [28, с. 44–50]).

В ходе революций принцип синтеза традиционного и современного начал переноситься из сферы базиса в сферу политической надстройки, к началу XX в. застрявшей в своей эволюции на уровне зрелого феодализма (вторая фаза этой формации). Вместо разворачивания третьей – позднефеодальной – стадии в Китае началось становление переходного общества полукOLONиального типа. Такой специфический вариант эволюции если не снял вовсе, то затенил и скомкал дальнейшее стадияльное развитие китайского феодализма. В итоге с выпадением стадии позднего феодализма практически не состоялась соответствующая ему фаза абсолютистской государственности. Ни Синьхайская, ни революция 1916 г., ни Национальная революция, как каждая в отдельности, так и все вместе, не привели к победе буржуазии и возникновению капиталистического общества в Китае. Вместо разворачивания первой стадии новой формации произошла лишь модификация и усложнение переходного – комбинированного и синтезированного – общества (см. [25, с. 143–156]). С выпадением раннекапиталистической стадии как таковой исчезала возможность становления фазы бонапартистской государственности как целостного явления. До победы Народной революции и начала социалистического строительства Китай так и не вступил в стадию зрелого капитализма с соответствующей ей буржуазной демократией. Минование, или «проскакивание», этих трех формационных фаз без установления порождаемых ими типов государственности резко отличало вариант обще-

ственной эволюции Китая от стран первичной и вторичной модели (о них см. [208, с. 223–263]).

Феномен переходного общества Китая первой половины XX в. состоял в непосредственном и кризисном смещении на коротком этапе (полстолетия) господствующих зрелофеодальных структур с элементами, тенденциями и формами пропущенных стадий – позднего феодализма, раннего и развитого капитализма – в их бессистемном, приглушенном и ущербном варианте. Причудливое переплетение компонентов трех выпавших фаз в сфере базиса и социума находило частичное отражение на уровне государственности. Вместо прохождения «положенных» в странах первичной модели целостных фаз или их смещения и видоизменения в странах вторичной модели в переходном Китае обнаруживаются лишь стертые формы этих фаз, причем в XX в. всех одновременно и вперемешку, в синтезе не столько друг с другом, сколько главным образом со староформационным (зрелофеодальным) потенциалом и его типом государственности (деспотия).

Таким образом, китайский вариант классового сдвига представлял собой передачу власти не по вертикали, а по горизонтали, в рамках системы «класса-государства» – от одной олицетворявшей его группы к другой: сначала от маньчжурской знати, верхушки сословия «знаменных» и сановной китайской элиты, придворной и штатской бюрократии – к генералитету; затем от бэйянской военной элиты – к гоминьдану, т.е. сплаву генералитета и партийных функционеров. Другими словами, традиционные представители деспотии были сменены полусовременной военщиной, а последняя была оттеснена и поглощена более модернизированными военно-бюрократическими силами при сохранении базовых структур деспотии, особенно на нижнем, местном уровне (см. [189, с. 343–349]).

Компоненты синтеза

В русле эволюции, рассмотренной выше, отдельные черты, формы, тенденции, фрагменты и методы абсолютизма, бонапартизма и буржуазной демократии в разное время становились второстепенными и третьестепенными компонентами переходной государственности, во многом выступая служебными, вспомогательными моментами для модернизированной деспотии.

От абсолютизма была позаимствована формальная склонность к межсословному и межклассовому компромиссу, стремление демонстрировать равное отношение как к старым «частным» классам (землевладельцы), так и к новым (буржуазия), общая тенденция максимально сохранить старую феодальную сущность в новых формах (см. [111, с. 516–522, 527–532, 547–553]). Но по сути это были элементы не

классического, а иного, специфического абсолютизма. Если в странах первичной и вторичной модели абсолютизм выступал как классовый компромисс дворянства и буржуазии, то в Китае речь шла о соглашении «класса-государства» с нечиновными шэньши, помещиками и буржуазией. Шэньшиско-помещичье-буржуазная оппозиция боролась за введение сословно-представительной (шэньшиской) монархии посредством пересадки в Китай институтов буржуазной демократии (парламент, конституция) (см. [65, с. 242–243]). Таким образом, в отличие от европейского абсолютизма (средневековая форма и феодальное содержание) китайский вариант создавался как сочетание буржуазной формы и традиционного содержания (господство феодальных сил). С двукратным падением монархии – в 1912 и 1916 гг. – абсолютистские тенденции хотя и были подорваны и затенены другими, более радикальными, но окончательно не были изжиты, ибо китайская реакция продолжала видеть в них наиболее умеренную новацию и минимально допустимую уступку изменившейся обстановке. В связи с этим некий подспудный абсолютистский потенциал отчасти сохранялся в системе весьма консервативной авторитарной республики 1917–1949 гг.

От буржуазной демократии переходная государственность позаимствовала республиканский строй, парламентскую систему, конституцию, политические партии и т.д. (см. [168; 209; 241]). Между тем до конца XIX в. в истории Китая ни на практике, ни в копилке политической мысли никогда не было не то что традиций или примеров, но даже самих идей республиканизма, общественного представительства и гражданских прав. С 1909 г. институты и принципы буржуазной демократии пересаживались не в гражданское общество, а в социум азиатского деспотизма и зрелого феодализма, т.е. в среду, не подготовленную к этому ни формационно, ни стадийно, а потому предельно антагонистическую к такой трансплантации. Во взаимодействии с совершенно иной «средой обитания» досрочно импортированные институты, крайне слабые и незащищенные, ждало неизбежное перерождение. Если Временная конституция 1912 г., Национальное собрание 1912 г., Временный, а затем Постоянный («старый») парламент (1912–1913, 1915–1917) еще несли в себе потенциал буржуазной демократии, то с 1918 г. началось быстрое вырождение «преждевременного» парламентаризма в инструмент деспотизма и бонапартизма правящих генералов (см. [256; 281]). Синтез двух последних начал полностью обесценил и ликвидировал демократизм синьхайского периода. В итоге республика, парламент, конституция, борьба «партий» под мертвящим дыханием деспотии как базового компонента синтеза государственности оказались в конце концов формальными и предельно искаженными. Это дает основание говорить о формальной республике, квазипарламенте, фиктивных конституциях, формальных «партиях» («предпартиях»).

«Инъекция» буржуазного демократизма была выхолощена, извращена и использована в качестве декорации для более стойкого компонента синтеза, т.е. бонапартизма. Наиболее ярко это проявилось в период деятельности «болотного» (дучзюньского, аньфуистского или «нового») парламента 1918–1920 гг., ставшего инструментом диктатуры Дуань Цижуня (лидера аньхойской милитаристской клики) (см. [62, с. 99–101]). Аналогичным явлением стал также фарс с созывом «старого» парламента и восстановлением Временной конституции 1912 г. чжилийской генеральской кликой (У Пэйфу, Цао Кунь) в 1922–1923 гг., а также выработка и принятие конституции 1923 г. (см. [62, с. 102–107; 65, с. 243–244]). С одной стороны, бэйянские правительства всемерно обессиливали и выхолащивали буржуазно-демократический компонент политического синтеза, а с другой – стремились по возможности облачиться в синьхайские «одежды», прикрыться знаменем прогресса.

Авторитарной республике в Китае был необходим и определенный потенциал «абсолютизма без монарха», и безопасный минимум буржуазного демократизма без власти буржуазии.

Таким образом, очевидно, что механическое пересаживание парламента, конституции, «партий» (точнее, «предпартий»), т.е. продуктов органически целостного гражданского общества (вторая фаза буржуазной формации), в общество, лишь начавшее свое движение в современность, было явным «забеганием вперед» или броском в чужеродную среду с неизбежной реакцией обесценения и отторжения (см. [62, с. 107–111]). Но в то же время это был революционный рывок, результат победившей Синьхайской революции; борьба за республику, парламент, конституцию и демократию в тогдашнем Китае явилась не только большой школой политического созревания передовых сил общества для дальнейших ударов по деспотизму, но и атакой на «азиатчину» и средневековье (см. [74, с. 291–340]).

От бонапартизма синтезированная китайская государственность приняла военную диктатуру (бэйянские генералы и гоминьдановские лидеры), фиктивный и полуфиктивный парламентаризм («болотный» парламент в 1918–1920 гг., гоминьдановские представительные органы), борьбу против реставрации феодальной монархии («защита республики»), арбитраж в классовых столкновениях (особенно политика гоминьдана в рабочем и крестьянском вопросе), политическую демагогию, «надклассовую» позицию (см. [296, с. 113–131]). «Классический» бонапартизм являет собой синтез феодальной формы (монархия) и буржуазного содержания (господство капитала), где бесспорна доминирующая роль современного капиталистического начала над традиционным средневековьем. В Китае же XX в. местный бонапартизм выступал как один из компонентов синтеза буржуазной формы (республика, конституция, парламент) и переходного содержания (с низкими параметрами синтеза) при политическом и экономическом

бессилии буржуазии (см. [35, с. 142–152]). Иначе говоря, в Китае имели место не осколки «классического», а элементы качественно иного, частично выродившегося явления, своего рода квазибонапартизм, т.е. низкосортный и достаточно отсталый компонент синтеза. Таким образом, в переходном китайском обществе XX в. не только абсолютизм и буржуазный демократизм, но и бонапартизм были специфически иными. Поскольку элементы абсолютизма оказались запоздалыми и малоэффективными, а фрагменты буржуазно-демократического строя слишком «радикальными» и преждевременными, как первые, так и вторые вытеснялись промежуточным – бонапартистским – компонентом, представлявшим собой «золотую середину» между «отставанием» (абсолютизм) и «забеганием вперед» (буржуазная демократия).

В течение бурных сорока лет (1909–1949) компоненты синтеза китайской государственности менялись: одни девальвировались и практически сходили со сцены, сохранялись лишь как скрытая тенденция или третьестепенный потенциал внутри сложного синтеза (симбиоза), а их место занимали другие.

Так, падение плебисцитарной монархии Юань Шикая в 1916 г. знаменовало нежизнеспособность китайского варианта абсолютизма. Эволюция китайского парламентаризма – разгон «старого» парламента на Севере, создание «болотного» парламента в 1918 г., сосуществование двух парламентов (в Пекине и Гуанчжоу), их превращение в продажное орудие правящих милитаристов и в «законное» прикрытие их диктатуры (например, второе восстановление «старого парламента» в Пекине в 1922–1923 гг.) к началу Национальной революции 1925–1927 гг. – привела к вырождению, а затем и отмиранию буржуазно-демократического компонента синтеза (см. [62, с. 96–121]). В этой роли наиболее жизнеспособными оказались элементы специфического бонапартизма.

Фрагментарность вкрапления этих трех типов государственности в Китае отражала низкий статус нового в его синтезе со старым. В итоге сложился не просто сложный синтез, а болезненный симбиоз с участием четырех отмеченных выше компонентов при прочном господстве в этом своеобразном образовании старого потенциала (см. [148, ч. 3, с. 14–15]). Этот специфический и нежизненный сплав истории спрессовала в предельно короткие временные рамки, отведя ему неполных четыре десятилетия (1912–1949). Вместо трех последовательных фаз (абсолютизм, бонапартизм, буржуазная демократия) возникало их смешение в одной комбинированной фазе сложного синтеза. В условиях столь деформированного развития первичная и вторичные революции (соответственно Синьхайская, революция 1916 г. и Национальная) становились гранью, с которой начинался отсчет не нового формационного времени, а интегральной переходности и ее развития. В этой переходной стадии отставание от передовых стран Запада

(на две-три фазы) сменилось скачком вперед с минованием двух-трех фаз как целостных этапов развития при напластовании их поверхностных или извращенных элементов как друг на друга, так и на основу еще неизжитой староформационной фазы. Досрочно вызревшие, а чаще всего просто привнесенные извне элементы «будущих» (но никогда не наступивших), а практически уже «прошлых» (но никогда не бывших в Китае) фаз смещались и перемешивались на базе медленно трансформировавшейся традиционности, создавая неразрывное единство отставания и наверстывания. В такого рода «отстающе-догоняющем» варианте развития происходило постоянное усложнение и обновление не столько самой государственности, сколько синтеза, ее выражающего. При этом революционно обновлялась лишь форма государственности, т.е. наиболее поверхностный и наименее значимый компонент системы «род–тип–вид–форма», тогда как ее базовые пласты (род, тип и вид) изменялись крайне мало и медленно, демонстрируя повышенную живучесть традиционных основ (см. [189, с. 349–353]).

Парламентаризм и деспотия

Взаимодействие этих двух начал в Китае первой четверти XX в. отнюдь не сводилось лишь к периодам сочетания «азиатчины» и буржуазной демократии (1912–1914 и 1916–1917), представлявшим собой две вспышки наиболее антагонистического, предельно неустойчивого, максимально скоротечного и наиболее яркого вида институционального синтеза. Их реальное взаимодействие началось с 1909 г. и продолжалось до середины 20-х годов. Парламентаризм был предельно чужд восточной деспотии, однако на часах истории был уже не XVIII, а XX век и прогрессивные силы страны видели в парламенте, республике и конституции символ обновления, средство «спасения родины» и начало «возрождения Китая», а после 1913 г. – драгоценное наследие Синьхайской революции (см. [173, с. 137–145, 281–290]).

Идея парламентаризма в Китае первоначально появилась, как уже отмечалось, в ходе движения за реформы в 90-е годы XIX в. в форме призыва созвать сословно-представительные органы (центральный и провинциальные) абсолютистского типа. Фактор отставания зрелофеодальной надстройки Срединной империи от держав Запада на три-четыре фазы (абсолютизм, бонапартизм, буржуазная демократия, империалистическая государственность) привел к парадоксальной ситуации. Создание китайского абсолютизма мыслилось из материала «азиатчины», но в буржуазно-демократических формах – требования парламента, конституции и законности. Иными словами, парламентаризм в Китае на первых порах представлялся компонентом синтеза старого и нового на пути превращения монархии Цин в сословно-представительную абсолютистскую власть. Проследим основные эта-

пы противоборства деспотии и парламентаризма – этих антагонистических компонентов институционального синтеза.

Первый этап (1909–1911) их взаимодействия был окрашен в абсолютистские тона. Созыв первых в истории Китая представительных учреждений (провинциальные совещательные комитеты и Верховная совещательная палата в качестве «предпарламента») вызвал ответное контрнаступление деспотии (создание из маньчжурских князей, «знаменной» аристократии и преданных трону китайских сановников кабинета министров и Верховного тайного совета, подчиненных исключительно императору и регенту). Такого рода «реконкиста» реакции создала структуру власти, совершенно независимую от будущего парламента (см. [201, с. 182–183]). Возникло «силовое поле» типа «действие–противодействие» или дихотомия «натиск полусовременного – контрнаступление традиционного». В итоге феодальная деспотия заранее нейтрализовала и обессилила будущие парламент и конституцию, но фактически продвинулась на промежуточную позицию между чисто старым и полуновым, ибо возврат к доихэтуаньским формам стал уже невозможен.

Второй этап (1912–1915): революция, провозглашение республики, свержение монархии, принятие Временной конституции и созыв парламента (Национальное собрание) (см. [241, с. 221–232]) – разгон последнего (1914 г.), замена Временной конституции 1912 г. фактически конституционным соглашением 1914 г., ликвидация республики и создание новой монархии Юань Шикаем (1915–1916). Взаимодействие «революция–контрреволюция» привело к откату, во многом напомиравшему реставрацию досиньхайских порядков (см. [111, с. 527–553]). Однако вторая схватка «демократии» и деспотии, парламентаризма и «азиатчины» вывела Китай не на чисто цинский, а на компромиссный уровень, т.е. уже к конституционной и плебисцитарной власти. Синтез «класса-государства» и буржуазной демократии сменился взаимодействием деспотии, абсолютизма и бонапартизма.

Третий этап (1916–1917): новая революция, вторичное свержение монархии, восстановление республиканских институтов 1912–1913 гг. (Временная конституция и «старый» парламент) – роспуск Национального собрания, вторичная ликвидация республики, реставрация монархии Цин (переворот Чжан Сюня). Ситуация «рывок вперед – резкое отступление» вновь привела к выходу на промежуточный уровень, ибо устанавливалась не абсолютная, а конституционная монархия (см. [111, с. 561]). Краткое возрождение синтеза деспотии и буржуазной демократии сменилось столь же скоротечным сплавом «азиатчины» и абсолютизма.

Четвертый этап (1917–1921): третье свержение монархии, очередное восстановление республики и третье восстановление «старого» парламента, затем замена его «новым» (аньфуистским) – разгон Национального собрания (переворот У Пэйфу – Чжан Цзолиня). Новый

бросок на «горизонт обреченности» обесценился превращением буржуазно-демократического института в завуалированный орган несколько модернизированной деспотии с последующим откатом к прямой власти последней, но уже не средневекового (цинского), а промежуточного типа, близкого к президентству Юань Шикая (см. [114, с. 55–57]). Буржуазная демократия теряет свою сущность, от нее остается лишь форма, служащая маскировке синтеза деспотии и бонапартизма.

Пятый этап (1922–1924): восстановление (четвертое по счету) «старого» парламента и введение конституции 1923 г. – ликвидация конституционно-парламентских форм, установление открытой генеральской диктатуры (переворот Фэн Юйсяна). Последний «рывок в демократию» был лишь очередным восстановлением парламентского прикрытия «азиатчины» (см. [62, с. 101–107]). Последовавший затем полный разгром всех буржуазно-демократических форм и конституционных институтов означал, что промежуточный (между династией Цин, с одной стороны, и Национальным собранием периода Синьхайской революции – с другой) характер власти деградировал, преведя к военному авторитарному правлению, слегка прикрытому демагогической фразой, т.е. к синтезу деспотии и бонапартизма.

Шестой этап (1924–1927) – фактическая автократия промежуточного типа: 1924–1925 гг. – режим «временного главного правителя» (Дуань Цижуй, а фактически Чжан Цзолинь и Фэн Юйсян); 1926–1927 гг. – правление «регентских кабинетов» как чисто номинальных носителей власти; 1927 г. – власть «генералиссимуса» (Чжан Цзолинь), т.е. неограниченная военная диктатура (см. [62, с. 107–111]).

Седьмой этап (1928–1948) – открытая военная диктатура, или «период политической опеки» (с 1929 г.): власть гоминьдана, а точнее чжэцзянской генеральской группировки (клика Хуанпу) во главе с генералиссимусом Чан Кайши, с 1927 г. ставшим бессменным диктатором на значительной части территории Китая. В случае необходимости военная диктатура использовала экстренно и на короткий срок созданное Национальное собрание из специально назначенных или подобранных лиц. Оно, в частности, проштамповало конституцию, закреплявшую власть гоминьдана, а фактически генералиссимуса (1931 г.). Такая псевдodemократическая уловка была эпизодическим служебным инструментом и камуфляжем господства военно-партийной элиты, представлявшего собой более высокую ступень синтеза деспотии и бонапартизма (см. [23, с. 91–95]).

Анализ первых пяти этапов (1909–1924) позволяет вскрыть механизм взаимодействия парламентаризма и «азиатчины», эволюцию их синтеза и закономерности изживания его первого компонента.

Во-первых, для каждого этапа была свойственна дихотомия типа «действие–противодействие»: «утверждение или очередное восстановление парламентаризма – его ослабление или очередное разруше-

ние», соответственно «частичный успех современного – осязаемая победа традиционного» в рамках синтеза обоих начал.

Во-вторых, обращает на себя внимание своеобразная динамика парламентаризма: если на первых двух этапах вводимый парламентаризм набирал силу и шел по восходящей (от совещательных комитетов 1909 г. к Национальному собранию 1913 г.), то с каждым последующим этапом, начиная с третьего, возрождаемый парламент всякий раз оказывался слабее и ниже качеством предыдущего, т.е. шло последовательное разложение нового под воздействием старого.

В-третьих, параллельно обессиливанию и изживанию западных институтов (парламент, конституция, законность) с первого до последнего этапа происходила частичная трансформация «класса-государства» на почве синтеза старого и нового. Приспособление «азиатчины» к изменившимся условиям служило ее оздоровлению (см. [28, с. 43–49]). В одних случаях оно было минимальным (в конце первых трех этапов), в других – более значительным. Если парламентаризм шел по нисходящей, то синтез деспотии с авторитарными типами государственности – абсолютизмом и бонапартизмом – по восходящей линии.

В-четвертых, от этапа к этапу наблюдалась циклическая периодичность такой эволюции. Со второго по четвертый этап каждый цикл включал в себя не только сам данный этап, но и начало следующего. Например, «„старый“» парламент 1913 г. – диктатура и монархия Юань Шикая – ослабленный «„старый“» парламент 1916–1917 гг.» или «Национальное собрание 1916–1917 гг. – монархический переворот – аньфуистский („болотный“) парламент 1918–1920 гг.» и т.д. Иначе говоря, цикл не ограничивался очередным торжеством «класса-государства», а завершался новым, но уже ослабленным или половинчатым возрождением западных институтов, с очередной дозой их «китаизации». В итоге срабатывал цикл «новое – старое – их синтез» или механизм смены «ослабленное современное – оздоровленное традиционное – следующая фаза их взаимопроникновения». С точки зрения поступательного движения это соответствовало формуле, выведенной Н.А.Симонией: «Забегание вперед – откат – выход на промежуточный уровень» [151, с. 102–116]. Если первому этапу была свойственна лишь дихотомия «движение вверх – сползание вниз», то второй и начало третьего этапа уже давали всю триаду такого типа: «штурм старых твердынь – резкое отступление – частичное движение вперед». Все последующие «троичные» циклы строились по той же модели: «еще недостижимый максимум – уже невозможный минимум – реальная „золотая середина“», т.е. «бросок в современность – отход к традиционности – переход к синтезу нового и старого» или «краткий и обреченный рывок к прогрессу – временный и неполный возврат к консерватизму – окончательный (для данного цикла) половинчатый результат». Всякий раз этот последний «промежуточный

итог» был явным продуктом институционального синтеза. Взаимодействие парламентаризма и деспотизма прошло через четыре «троичных» цикла (1912–1916, 1916–1918, 1918–1922 и 1922–1924).

В-пятых, поскольку конец такого цикла служил началом следующего, то каждый «выход на промежуточный уровень» для следующего цикла являлся «забеганием вперед». При этом очередное «забегание» с каждым новым циклом становилось все скромнее, относительнее и малозаметней, а «промежуточный итог (уровень)» в русле синтеза все более «набирал» черты современного, т.е. являлся формой поступательной трансформации синтеза восточной деспотии с более передовыми типами государственности.

В-шестых, с каждым последующим «троичным» циклом менялся и центральный (второй) его компонент. Если во втором и третьем циклах он был представлен монархиями (1916 и 1917 гг.), хотя и уже в определенной мере трансформированными, то в последующих циклах «откат» осуществлялся уже только республиканскими силами, стоявшими на почве институционального синтеза. Причем если в первом цикле парламентаризм являлся слагаемым буржуазно-демократического компонента, то в последующих стал частью бонапартистского компонента синтеза. Иными словами, из компонента буржуазной демократии, т.е. государственности второй фазы первичной модели развития (см. [208, с. 195–234]), он стал в Китае атрибутом различных стадий и типов синтеза.

В том единстве противоположностей, каким являлся синтез «класса-государства» и парламентаризма, вся реальная сила – армия, полиция, чиновничий аппарат, суд, финансы и т.д. – находилась в руках трансформированной «азиатчины». К этим рычагам власти Национальное собрание имело лишь предельно косвенное отношение. Дихотомия «деспотия–парламент» была противопоставлением «сила–бессилие». Вынужденный временно терпеть представительные органы в своей структуре, допуская их «болтовню» и используя их в качестве современной декорации, бэйянский режим (продукт синтеза несколько трансформированной военной деспотии с элементами абсолютизма и бонапартизма) постоянно ослаблял «западные» институты, навязанные ему Синьхайской революцией. Для этого использовался целый арсенал действенных средств. Как и при Цинах, когда были созданы всевластные органы, стоявшие и над «предпарламентом», и над будущим Национальным собранием, т.е. осуществлялось превентивное обессиливание представительных органов, после падения плебисцитарной монархии Юань Шикая был учрежден откровенный противовес Национальному собранию в виде Ассоциации провинциальных военных губернаторов (см. [303, с. 235]). Этот «антипарламент» первоначально возник в Нанкине (18 мая 1916 г.) как конференция военных губернаторов северных и центральных провинций. Чуть раньше (8 мая 1916 г.) армейские лидеры южных провинций создали в Гуан-

чжоу Военный совет Временного правительства. На данной основе в августе 1916 г. в противовес парламенту и была создана Ассоциация провинциальных военных губернаторов, проводившая свои съезды (конференции, сессии) для решения важнейших политических вопросов. В сентябре 1916 г. в Сюйчжоу она создала «великий союз» 13 провинций во главе с Чжан Сюнем, причем провал его монархического переворота не изменил роли Ассоциации. В последующем конференции военных губернаторов на фоне бессильного парламента и его суррогатов стали важнейшим политическим институтом Китая вплоть до победы Национальной революции 1925–1927 гг. Ассоциация держала «на поводке» парламент и в случае надобности диктовала свою волю всем бэйянским кабинетам министров, ибо в ее руках была армия и реальная власть (см. [62, с. 97, 104; 258, с. 27]).

Другим средством обессиливания Национального собрания и превращения его в послушное орудие деспотии являлось сужение электората. Так, законы 1918 г., сокращая по сравнению с законами 1912 г. общее число депутатов сената и палаты представителей почти на одну треть, резко повышали и без того высокий избирательный ценз. К избирательным урнам допускались уже не просто образованные богачи и шэньши, а только те из них, кто являлся чиновником или был им в прошлом (см. [241, с. 103]). Тем самым электорат сужался до предельно узкого круга функционеров госаппарата, тогда как по закону 1912 г. административные, военные, судебские и полицейские чины вообще не допускались к урнам (см. [62, с. 94, 95, 99, 110]). Иными словами, если на волне Синьхайской революции «демократия» не допустила «деспотию» в ее чистом виде в свое Национальное собрание, то в 1918 г. «азиатчина» формировала парламент исключительно из собственного людского материала. Вытравление из европеизированных буржуазно-демократических институтов Китая сущностного начала, сведение их к фикции путем направленного сужения электората привело к стадиальному перерождению парламента. Национальное собрание 1918–1920 гг. представляло собой не буржуазно-демократический институт и даже не сословно-представительный орган эпохи абсолютизма, ибо в нем было представлено даже не господствующее сословие (шэньши), а лишь его высшая фракция, задействованная в системе «класса-государства», т.е. бюрократия. Подобный «деспотизированный парламент» по формационным и стадиальным критериям откатился резко назад – не просто к уровню провинциальных совещательных комитетов 1909–1912 гг., а еще ниже, т.е. к собранию чиновников при автократических правителях. Аньхойская генеральская клика идею парламента фактически низвела к реализации проекта Тан Чжэня (1890 г.) и частично варианта Чэнь Цю (1893 г.), т.е. к начальной абсолютистской модели, хотя и половинчатой, ибо аньхойский псевдоабсолютизм был таковым без монарха.

Для обессиливания «западных» институтов использовался ряд объективных факторов или же целенаправленных мер. Среди таких «технических» приемов были: замена слишком «левого» «старого» парламента резко консервативным «новым», дробление парламента на две части (пекинскую и гуанчжоускую), переезды больших групп депутатов из Пекина в Гуанчжоу и обратно, изгнание и скитание парламентариев по стране. Так, часть разогнанного в 1917 г. Национального собрания из Пекина перебралась в Шанхай, затем в Гуанчжоу, влившись в новое собрание Юга. В 1920 г. часть последнего была вынуждена переехать в Шанхай, затем в Юньнань, оттуда была изгнана в Сычуань и вернулась в Гуанчжоу (см. [62, с. 113]). Эта «одиссея» 1917–1921 гг. ярко продемонстрировала как бессилие парламента, ставшего мячиком в руках различных генеральских клик, так и необходимость для последних до определенного момента прикрывать свою диктатуру хотя и весьма дырявыми, но конституционными одедами.

По отношению к парламенту применялось и открытое насилие. Практиковались запугивание, травля и избивание строптивых депутатов, чистки (1913, 1920), роспуск (1920), разгоны (1914, 1917) и парализация деятельности парламента путем использования «проблемы кворума». К этому добавлялась дискредитация парламента – игнорирование его Ассоциацией провинциальных военных губернаторов, кабинетом министров, президентом, очередным генералом или маршалом, вылезшим в диктаторы, принятие важнейших решений через голову Национального собрания, насаждение коррупции среди депутатов.

Парламент как государственный институт, перенесенный извне в среду азиатского деспотизма, естественно, наполнялся людским контингентом, зачастую далеким от идеалов демократии, свободы, законности и прогресса, но зато крайне подготовленным к продажности, повиновению, беспринципности и перебежкам в противоположный лагерь. Все это превращало парламент в синтез противоположностей: «буржуазно-демократическая форма – людской материал азиатского деспотизма». Так, продажность была имманентно присуща китайскому парламенту. Генералы скупали депутатов тайно и явно, оптом и в розницу, постоянно и на время, переходя от разовой покупки голосов к длительному содержанию депутатов на средства той или иной группировки (так называемые «пособия за дружеские отношения»). Существовала такса (имевшая явную тенденцию к постоянному повышению) за явку на заседание, за приезд депутата в Пекин, за проведение удобного решения и т.п. Деятельность парламента характеризовалась бесконечными перебежками депутатов из одного лагеря в другой, расколом сената и палаты представителей, массовыми неявками на заседания, оскорблениями и бранью, переходившими в потасовки между депутатами, причем зачастую такие драки кончались

госпитализацией изуверченных (см. [62, с. 101–104; 168, с. 41; 209, с. 78]).

Все это вело к полной дискредитации идеи народного демократического представительства. В итоге обессиливание Национального собрания деспотией и внутреннее саморазложение парламента были одновременными и встречными процессами.

В периоды роспуска и разгона, а с 1924 г. полной ликвидации парламента осуществлялась подмена последнего различными «эрзацами» с целью сохранить видимость конституционной, т.е. законной власти. В 1913 г. таким муляжом был Политический совет, в 1914 г. – Законодательный совет, а затем Палата политических советников, в 1916 г. – Законодательная палата. Позднее появились Временный сенат (1917 г.), Государственный совет (1924 г.) и Временный политический совет (1925 г.).

Их введение означало фактический переход от формально буржуазно-демократического парламентского строя к так называемым представительным учреждениям абсолютистского и бонапартистского толка. Тем самым наметилась тенденция к возврату от «забегания вперед» 1912–1913 гг. к скромному политическому соглашению власти и оппозиции, предлагавшемуся накануне Синьхайской революции. Одни из названных «заменителей» являлись выборными органами – Законодательный совет 1914 г., Законодательная палата 1916 г. и Временный сенат 1917 г. Они (в плане формирования) отчасти были «откатом» к уровню палаты советников по проекту Коллективного меморандума реформаторов конца XIX в. В условиях бэйянской республики это было откатом на уровень «абсолютизма без монарха» в сочетании с «бонапартизмом без Бонапарта». Другие «эрзацы» создавались подбором и назначением нужных или доверенных лиц той или иной генеральской кликой – Политический совет 1913 г., Палата политических советников 1914 г. и Государственный совет 1924 г. В этих случаях «откат» был еще дальше уровня, предлагавшегося Кан Ювэем, Лян Цичао и Май Мэнхуа в 1895 г., т.е. к авторитарной власти, близкой к традиционной деспотии. Встречались случаи и сочетания указанных принципов – Временный политический совет был сформирован как из «выбранных», так и назначенных властями лиц (см. [62, с. 96, 97, 99, 107, 108; 111, с. 530, 531, 552]).

Таким образом, от падения династии Цин до Национальной революции 1925–1927 гг. синтез деспотии и парламентаризма прошел через сложную эволюцию. Она была обусловлена могуществом первого и слабостью второго компонента. Причем авторитет и воздействие Синьхайской революции, а также напор оппозиционных сил, боровшихся за обновление и «возрождение великого Китая», оказались столь существенными, что на первых порах (1912–1914) «азиатчина» не могла отказаться от парламентаризма и конституционности, а в последующем – в течение почти целого десятилетия (1914–1924) –

была вынуждена периодически брать на вооружение парламентскую форму, конституционное прикрытие, принцип законности и преемственности, исходивший от Синьхайской революции. Тем не менее с каждым возвратом от монархии к республике, с каждым новым переворотом парламент восстанавливался в более размытых формах, в более консервативном варианте, фактически неуклонно обессиливаясь и обесцениваясь (см. [173, с. 287–296]).

Механизм институционального синтеза с 1914 по 1924 г. являлся одновременно и механизмом изживания парламентаризма. Избавляясь от него как компонента синтеза, остававшаяся базой государственности деспотия нашла ему замену. Вытесняя его как обреченный и отживший материал, она с середины 20-х годов же срачивалась с новым, более жизнеспособным и эффективным началом – суньятсенитской «предпартией» гоминьдан (см. [189, с. 353–357]).

Глава 8

МИЛИТАРИЗМ

Для китайского арендно-бюрократического феодализма (как в определенной мере и для европейского абсолютизма) была характерна заниженная роль армии в государственных делах. При Цинах, несмотря на военное происхождение господствующего сословия «знаменных», весь госаппарат вплоть до конца XIX в. базировался на всевластии в основном гражданского чиновничества и гражданской суббюрократии (шэньши) при резко подчиненном положении армейского персонала, игравшего третьестепенную роль (см. [197, ч. 2, с. 205–206]). В условиях традиционной сбалансированности и зарегулированности системы силовой фактор до конца XIX в. лишь эпизодически выступал на авансцену.

Государственность и армия

Китайский милитаризм в первой половине XX в. (как и связанный с ним фактический раскол страны) был детищем переплетения циклического династийно-демографического и социально-экономического кризисов.

Общая деструкция государственной системы, ослабление центральной власти, постепенный переход ее фискальных и контрольных (полицейско-идеологических) функций в руки неуклонно укреплявшихся местных сил, развитие элементов политической раздробленности – в этих характерных для традиционного кризиса условиях на

первый план, естественно, выходили военные (все новые династии в Китае были основаны удачливыми полководцами).

Повышению роли силового фактора в не меньшей степени способствовало нарастание состояния переходности. Войны, как внешние, так и гражданские, были в Китае неотъемлемыми спутниками синтезированного общества, стимуляторами внедрения нового в старую систему. Насильственный фактор, в том числе поражения в войнах с капиталистическим Западом, становится «повивальной бабкой» общественного синтеза.

В этом же направлении шло и внутреннее развитие Китая XX в., происходившее под воздействием обострения классовых противоречий, нарастания социальной деструкции и политической неустойчивости (в русле обоих кризисов), усиливавшегося воздействия Запада, влияния революций в России, подъема политической активности.

Начало постепенной «милитаризации» жизни китайского общества положили силы, подавившие восстание тайпинов (1850–1864). Ведущими среди них были Хуайская (во главе с Ли Хунчжаном) и Сянская (под командой Цзэн Гофаня) армии. На их основе сложились анхойская и хунаньская военно-помещичьи, шэньшиско-бюрократические группировки. Частичная модернизация по европейскому образцу этих двух армий и создание китайско-иностранных соединений¹ для борьбы с тайпинами положили начало синтезу в чисто военной сфере и «раннему» милитаризму в Китае (см. [298]). В том же направлении действовали проводившиеся в русле политики «самоусиления» дальнейшая модернизация армии и флота, создание арсеналов и т.п. (см. [310, 1969, № 4, с. 78–98]).

На базе этого половинчатого, во многом еще традиционно-наместнического милитаризма в конце XIX в. стал формироваться «зрелый» милитаризм.

Военные (*цзюньфа*) становятся особой по отношению к гражданской власти силой после 1895 г. с созданием армии «европейского типа» (Бэйянской) под началом Юань Шикая – «отца» китайского милитаризма. Введение современных уставов и тактики, новой военной техники и новых для Китая родов войск (артиллерия и инженерные части) было своеобразным переворотом в армейской сфере, создавшим более или менее современную профессиональную армию с более высокой, нежели раньше, выучкой и дисциплиной (см. [264, с. 365–382]). Она рекламировалась как оплот «возрождения» и «спасения родины». Постепенно ослабевало традиционное пренебрежение к военным, чему способствовали отмена в 1905 г. средневековой системы экзаменов на звание шэньши, учреждение множества военных школ и училищ. Кроме того, с созданием специальной полицейской службы в ходе реформ 1905–1906 гг. армия наконец освободилась от унизительных функций повседневной охраны уличного порядка, особенно в городах.

Синьхайская революция, в результате которой синтез в Китае перешел в интегральное состояние, стала переломным моментом и в развитии милитаризма, выдвинув его на авансцену политической жизни страны².

Необходимо было заполнить вакуум силы, образовавшийся после свержения монархии, которая традиционно была высшей «скрепой» всей общественной системы. Кроме того, синтезированное общество как незавершенная гетерогенная и неустойчивая гипосистема в силу своей ущербности и дисбаланса требовало чрезвычайных мер политического контроля. Подобную роль могла играть только армия, важнейшим регулятором трансформируемого общества стал военно-силовой фактор (см. [296, с. 3–38]).

Чиновничья империя переродилась в генеральскую авторитарную «республику», конфуцианская монархия уступила место военной диктатуре. Подобная милитаризация государственности превратила китайский госаппарат из чиновно-гражданского в военно-бюрократическую машину, представляющую собой синтез нового («современная» армия)³ и старого (деспотия). Впрочем, оба его компонента были, в свою очередь, достаточно синтезированы: первый – в русле традиционализации (Бэйянская армия – в меньшей, а остальная часть «новой армии», особенно провинциальные войска, – в большей мере), второй – в плане модернизации.

В условиях ослабления центральной власти и позиций «класса-государства» в связи с падением монархии, ослаблением роли шэньши и гражданской бюрократии, размыванием старой традиционной помещичьей среды, слабостью национальной буржуазии, ростом социального брожения превращение армии в правящую силу, частичный переход прерогатив «класса-государства» к сильному субституту в лице китайского милитаризма был не просто «самовольным» актом последнего, но и в какой-то мере сознательной уступкой с обоюдного и молчаливого согласия как традиционных (чиновники, шэньши, землевладельцы), так и современных (буржуазия, капитализирующиеся помещики) слоев. Военщина частично «замещала» правящие верхи старого шэньшиско-бюрократического государства. Если в 1912 г. штатские чиновники правили еще семью провинциями, то в 1913–1917 гг. уже одной-двумя. С 1920 г. все провинции возглавлялись исключительно генералами (см. [325, с. 599–600]). Армия, таким образом, из чисто служебного инструмента государства поднялась до уровня правящего начала. Старый чиновничий аппарат частично срачивался с новым офицерством (см. [207, с. 503]), одновременно происходила явная бюрократизация военной элиты. Сложный синтез старого имперского и нового республиканского управленческого аппарата стал основой «государственной организации китайского милитаризма» [69, с. 670–671].

После Синьхайской революции профессия военного и соответствующее образование стали основным средством продвижения вверх — к занятию ключевых постов в госаппарате. Страну возглавила армейская элита, синтезированный социум управлялся сначала военным (бэйянским), а затем военно-партийным режимом (гоминьдан). Только одна бэйянская группировка дала Китаю одного императора, четырех президентов, одного премьера, многих министров и генерал-губернаторов (см. [198, с. 79–80]).

Военная каста оттеснила старые гражданские кадры не только в верхнем, но и в среднем и нижнем (уровень уездного управления) эшелонах власти. Генералы управляли не только провинциями, но и округами. Выходцы из армии, т.е. низшие военные чины, штабисты или лица из армейского административного аппарата (*цзюньцзо*), а также прямые ставленники местных генералов составляли большинство уездных начальников. В этих условиях личная преданность и тесная связь с тем или иным генералом стали необходимым условием чиновной карьеры (см. [330, с. 239, 240]).

Иными словами, армия не возвысилась над трансформировавшейся деспотией, а вращалась в ее верхний этаж как наиболее действенный в сложившихся условиях компонент. Не стал китайский милитаризм и политическим представителем какого-либо «частного» класса (землевладельцы, буржуазия). У военной элиты при всей ее социальной демагогии резко обозначились «надклассовый» статус, идущий от традиционной монархии и средневековой конфуцианской государственности, и претензии на общенациональную универсальную и мессианскую роль «защитника» всех классов, прежде всего эксплуататорских, но во всех случаях стоящего «над» ними.

Задвигая на второй план штатскую бюрократию, модернизированная армия в лице генералов взяла на себя многие функции традиционной «гражданской» монархии, восполняя тем самым растущее ослабление шэньшиского пласта государственности в результате сложных социальных сдвигов. Если до 1912 г. штатские шэньши командовали военными-простолюдинами, то после Синьхайской революции генералы «из народа» стали главенствовать над «благородными»⁴.

Многие шэньши стали помощниками генералов, личными секретарями и консультантами при малограмотных или безграмотных милитаристах. Эти «старые» шэньши, безразлично или враждебно настроенные к современным идеям и новациям, стали компонентом генеральского политического синтеза, зачастую весьма реакционного толка (см. [296, с. 55–58]).

На смену старым политическим клише типа «император и подданные» и «чиновники и народ», «правительство и население» пришли новые формулы и стереотипы: «армия и народ», «военные и гражданские (*цзюнь-минь*)», «армия и правительство (*цзюнь-чжэн*)», «армия и государство (*цзюнь-го*)».

Таким образом, китайский милитаризм вышел на авансцену политической жизни страны, когда традиционная политическая система оказалась неэффективной, а современная еще не сложилась, когда феодальная надстройка в неизменном виде уже не могла, а буржуазная в чистой форме еще не была способна контролировать «мятущийся» переходный социум. Данный разрыв и был заполнен китайским милитаризмом как промежуточной, связующей и компенсаторной силой.

Его компенсаторная функция резко возросла с распадом централизованной монархии на региональные, провинциальные и еще более мелкие «сегменты», т.е. с «провинциализацией» и автономизацией восточного деспотизма (см. [101, с. 253]).

Иными словами, с Синьхайской революции начался двуединый процесс: с одной стороны, деспотия, все более военизируясь, дробилась, мельчала и опускалась с общекитайского на провинциальный, окружной и уездный уровень; с другой стороны, армия, наоборот, крепла, росла количественно и поднималась с нижнего горизонта институциональной сферы надстройки вверх, вплоть до высшего «императорского» уровня власти, в свою очередь явно бюрократизируясь. На стыке этих двух встречных потоков и образовался феномен китайского милитаризма в его зрелых формах.

Традиционная монархия была заменена не столько республиканским строем, сколько иерархизированной структурой милитаризма – центрального, регионального, провинциального и более мелкого масштаба (см. [297, с. 11–14]). Милитаризация госаппарата представляла собой суррогат его реальной модернизации, т.е. частичную подмену «европеизации», антипод и препятствие для реальной демократизации власти. В итоге в Китае в первой половине XX в. главным руслом синтеза государства стала не гражданская сфера (конституция, парламент, политические партии, профсоюзы, штатская бюрократия и т.д.), а военизация надстройки (армия в качестве главного орудия политической власти), т.е. худший вариант обновления. В этом сказалась неподготовленность Китая к органической модернизации общественной жизни, невозможность чисто европейского варианта развития, эволюция по иному, специфическому пути, промежуточно между западным буржуазным и восточным феодальным, т.е. в русле синтеза обоих начал (см. [198, с. 43–49]).

Военщина и средневековье

Будучи явлением синтеза, китайский милитаризм, как уже отмечалось, имел и современные, и традиционные истоки. С одной стороны, он был продуктом XIX–XX в., т.е. был вызван к жизни начавшейся модернизацией надстройки, слабостью капиталистической эволюции, влиянием Запада, полукOLONиальным статусом Китая. С другой сто-

роны, он был порожден завершением очередного традиционного династийного цикла и социально-демографическим кризисом со всеми присущими им типично средневековыми чертами. Главные из них – обострение социальных противоречий, ослабление центральной власти, распад госаппарата, усиление местных правителей, переход власти от чиновников к руководителям военных отрядов на периферии и борьба между ними за гегемонию в стране с последующей победой сильнейшего военного лидера. Последний обычно основывал новую династию и восстанавливал единую централизованную власть, подчинявшую себе остальных периферийных военачальников (см., например, [9, с. 131–176]).

Такого рода традиционный «сценарий» в XIX–XX вв. разыгрывался дважды. В первый раз – начиная с подавления тайпинов – он прошел в незавершенном виде, т.е. без смены династии и военной междоусобицы победителей. Тем не менее он привел к скрытому «разделу» Цинской империи в 70–90-е годы XIX в. на зоны господства ведущих военно-бюрократических группировок – аньхойской и хунаньской, чем были заложены основы будущей системы *дучжуната* – регионализма XX в. в его сугубо военной форме. Тогда же было положено начало и «малой» милитаризации – на уровне деревни, волости, уезда. Второй раз – в 10–40-х годах XX в. кризисный цикл имел полный объем. Вехами этой эпопеи были падение династии Цин, милитаристская раздробленность, военно-политическая междоусобица и, наконец, основание новой «всеитайской» власти Чан Кайши.

В бэйяннский период генеральские клики и отдельные дучжунки фактически разорвали на части единую прежде империю. Полного расцвета достигла (после некоторого спада в 70–90-е годы) и «малая» милитаризация.

Этот процесс шел по двум руслам – укрепления местного ополчения под контролем шэньши (*туаньянь*) и создания отрядов крестьянской самообороны. И те и другие последовательно объединялись в ополчение нескольких деревень, нескольких десятков деревень, затем в отряды «союзов деревень» и «союзы союзов» с соответствующим ростом влияния их командиров (см. [328, с. 218–255]).

Между «большим» генеральским и «малым» сельским милитаризмом активно формировался и третий – промежуточный. Он создавался за счет «военизации» бандитизма (*туфэйство*) через его укрепление, перевооружение и организацию по образцу «большого», или «законного», милитаризма. Главари крупных бандитских отрядов становились «официальными» милитаристами низового, среднего и даже высшего звена – например, Чжан Цзолинь и ряд генералов его клики (см. [288]).

Конечно, формальное повторение традиционного «сценария» проходило в иных условиях (влияние капиталистического Запада и русских революций, особенно Октябрьской, т.е. общемирового исто-

рического развития), что превращало китайский милитаризм в явление синтеза. Но одной из своих ипостасей он, особенно дучжунат 10–20-х годов XX в., был своего рода рецидивом феодальной раздробленности со своеобразной системой подчинения как внутри военных клик, так и между сильными и слабыми группировками, с непрерывным созданием и распадом разного рода коалиций и борьбой⁵ за обладание большей территорией, большей властью и, наконец, «троном», т.е. центральной властью в Пекине (см. [296, с. 77–112]).

Таким образом, в характерном для междоусобицы 1916–1936 гг. сложном переплетении факторов, тенденций и форм средневековья и современности явственно просматриваются моменты, генетически отчасти восходящие к традиции периодов Отдельных царств (Лего), Пяти гегемонов (Уба), Борющихся царств (Чжаньго) или Троецарствия (Саньго)⁶.

Эволюция той или иной милитаристской вотчины в «удельное княжество» (*фаньго*) или в фактически независимое «царство» (при всей условности такой аналогии) протекала по-разному. В одних регионах и провинциях происходила калейдоскопическая смена правителей – своего рода «генеральская чехарда», в других милитарист-властитель закреплялся сравнительно надолго (см. [325, с. 599–600]). 24 года (1911–1930, 1932–1937) правил в Шаньси Янь Сишань, почти 15 лет (1916–1931) властвовало в Маньчжурии семейство Чжанов, 11 лет (1933–1944) держал Синьцзян в своих руках Шэн Шицай, долго «владел» Юньнанью Тан Цзияо и т.д.

Столь длительное самовластие было почвой не только для превращения Китая в федерацию автономных провинций, но и для возникновения в отдельных из них династических тенденций. Наиболее далеко этот процесс зашел в Маньчжурии, где место Чжан Цзолиня, убитого в 1928 г. японцами, занял его сын и «законный наследник» – Чжан Сюэлян, что было лишь одним из многих проявлений феодального потенциала в системе китайского дучжуната.

Самодержавные амбиции многих дучжуней, боровшихся за полную независимость от Пекина, вполне логично сочетались с призывами и военными акциями «против восстановления монархии», «в поддержку республики». Выступая против планов реставрации монархии, местные potentаты в генеральских мундирах прежде всего стремились увековечить институт милитаризма, сохранить региональную и провинциальную раздробленность, не допустить создания могучей централизованной власти, способной объединить Китай железной рукой. Более открыто их стремление к самостоятельности раскрывалось в поддержке внешне весьма «демократического» и «современного» лозунга провинциальной автономии (см. [296, с. 116–131]).

Как и в период Уба, Чжаньго и Саньго, в основе личных отношений между дучжунями в виде союзов, коалиций, борьбы, нейтралитета и интриг лежало явное или подспудное, сознательное или стихийное

стремление не допустить появления силы, опасной для власти генералов (см. [296, с. 77–81, 92–95]).

Иными словами, милитаризм и раздробленность страны были неотделимы друг от друга. При появлении преобладающей группировки ее либо дробили, как было с бэйянской кликой после 1916 г., и с гоминьданом после завоевания армиями Северного похода провинций бассейна Янцзы, либо отбрасывали из столицы в провинции, как было с аньхойской кликой в 1920 г., либо всячески ослабляли выступлениями враждебных коалиций, направленных то против чжилийской, то против фэнтяньской клик. «Клики-гегемоны», в свою очередь, имели спасительную для системы в целом тенденцию к распаду и дроблению. Так, внутри чжилийской клики существовали три группировки – тяньцзиньская, баодинская и лоянская (см. [297, с. 125]).

Отношение новых правителей к армии имело первостепенное значение. Как и у средневековых полководцев периода междоусобиц и у повстанческих вождей смутного времени, армии милитаристов были их «личными» войсками, хотя на словах они все были «слугами республики» и «защитниками конституции». Такие соединения чаще всего именовались «армия Фэна», «дивизия Ли», «бригада Вана», «полк Чэня» и т.д. Как и в периоды традиционных династийных кризисов, солдаты знали лишь своего командира и стоящего над последним милитариста. Клятву верности своему генералу они приносили как феодальному властителю, а офицеры – как «младшие» «старшему» в соответствии с конфуцианскими нормами (см. [296, с. 43–45, 51–53]). Дуцзюни, стремившиеся закрепиться в «своей» провинции в качестве местного «гегемона», опирались на лично им преданную армию и сервильный штатский аппарат. Подражая древним и средневековым властителям, они широко использовали конфуцианские принципы «правитель–подданные», «государь–народ», «высший–низший», стараясь тем самым на «моральной» основе поставить для своих подчиненных интересы собственной личной власти выше интересов нации и государства.

Генералы унаследовали от конфуцианского феодализма традиционное соединение гражданской и военной, законодательной и исполнительной, а также всякой иной власти в одних руках. Имея собственные армию, полицию и госаппарат, дуцзюнь на подвластной ему территории собирал налоги, чеканил монеты, выпускал ассигнации, творил суд и расправу. Многие из этих функций на местах (на уровне округа, района, уезда) передавались командирам дивизий и бригад, что накладывало на них обязанности личной преданности своему лидеру и правителю при соблюдении особого кодекса поведения обеих сторон (послушание со стороны первых, покровительство и защита со стороны второго).

В результате складывалась своеобразная военно-феодалная система. На смену старому, скрытому и гражданскому регионализму ме-

стных шэньшиских кругов, которым молчаливо потакали наместники и губернаторы, пришел новый, на этот раз явный и военный сепаратизм республиканских маршалов и генералов, ставших выразителями давних региональных интересов местных феодальных сил, опиравшихся на экономическую автаркию своих провинций и слабые политические связи с Пекином. Центробежные силы, ранее скованные мощью централизованной деспотии, возобладали над цементирующими, а местные интересы – над общекитайскими (см. [94, с. 54–55]).

Таким образом, «современный» раздел Китая на «сферы влияния» империалистических держав был дополнен «традиционным» разделом страны и государственного аппарата между силами, борющимися за власть и символический «трон» в Пекине (см. [285, с. 88–114]). В результате смены феодального сепаратизма переходным децентрализация и регионализм приняли комбинированный «традиционно-современный» характер, а сам политический и экономический хаос стал синтезированным (см. [296, с. 13–37]).

Милитаризм и переходность

Дуцзюнат выступал как своеобразная надстройка переходного общества. Пришедшие к власти генералы многое унаследовали от феодально-конфуцианского прошлого, но тем не менее не были точными копиями своих древних и средневековых предшественников. Изменения в институциональной сфере при всей их поверхностности (республиканские одежды, социальная демагогия) были необратимыми. В результате традиционный потенциал в лоне китайского милитаризма либо органически, либо механически соединялся с новыми качественными явлениями, образуя сложный и противоречивый синтез. Сложившаяся военно-политическая система в силу своей переходности была шагом в направлении нового государственного строя современного типа.

Дуцзюнат выступал и как надстроечный аналог, и как одно из проявлений социально-экономического синтеза. Хозяйственная деятельность генерала-правителя строилась на связи как со старой, так и с новой экономикой, делая его фигурой многоликой. Он выступал как феодал-помещик, как крупный земельный магнат (*даху*) и как буржуа, покупая акции национальных и иностранных компаний. Захватывая крестьянские земли как «местный деспот» (*туба, тухао*), собирая налоги как традиционный наместник или губернатор провинции, местный милитарист сочетал это с компрадорской деятельностью – посреднической торговлей с Западом и вложениями в иностранные банки, т.е. функционировал в русле экономического синтеза феодализма и капитализма. Будучи опорой местной полутрадиционной реакции (бюрократия, шэньши, землевладельцы, ростовщики), дуцзюнь охра-

нял интересы «своей» иностранной «державы-патрона» (или даже двух-трех), т.е. был оплотом неравноправных договоров нового времени, выступая надстроечной частью системы «Запад–Китай» (см. [111, с. 553–556]).

Ведомые им войны, как фактор разрушения, истощения производительных сил и дезорганизации рынка, являлись бичом частного капитализма. В то же время местный или пекинский правитель часто функционировал и как обломок «феодального госкапитализма», причем его «личное» и «казенное» грюндерство практически сливались воедино. Руководя старыми и создавая новые казенные и смешанные (государственно-частные) заводы, фабрики, шахты и рудники, такой генерал продолжал линию на модернизацию Китая (см. [280, с. 139, 181–189]).

В своей главной и любимой сфере – военной – китайский милитаризм строился на тех же принципах общественного синтеза. Армии «центральных», региональных и местных «республиканских» деспотов и их сатрапов были сочетанием современного (оружие и организация XX в.) и традиционного – старого людского материала (пауперизированные и деклассированные элементы – люмпены, бандиты), палочной дисциплины, мародерства, насилия над мирными жителями, низких боевых качеств, слабой выучки и огромных обозов с массой подневольных носильщиков (см. [258, с. 77–90]). Такие войска были способны лишь на подавление народных движений и на междоусобную грызню (см. [111, с. 554–555]).

Соотношение нового и старого в этих армиях постоянно менялось. В войсках периода «самоусиления» традиционное прочно превалировало. «Новая армия» Юань Шикая в основе своей была уже современной (см. [256; 264, с. 365–382]). Сопутствовавшие разгулу милитаристских войн резкий количественный рост армейских контингентов (в основном за счет деклассированных элементов), включение в их состав чисто бандитских формирований, получавших статус «регулярных войск Китайской республики»⁷, общее падение дисциплины, армейской выучки и боевых свойств, расцвет мародерства привели к резкому росту традиционных черт и утверждению худшего варианта синтеза в войсках милитаристов. Чем отдаленнее от Пекина, чем «провинциальнее» был тот или иной генерал, тем больше его воинство напоминало старокитайские части «зеленого знамени». Новый этап модернизации наступил в середине 20-х годов с созданием в Гуандуне офицерской школы (военной академии) Хуанпу и Национально-революционной армии Единого фронта под эгидой гоминьдана, что ознаменовало очередное усиление современного начала в недрах «военного синтеза».

Таким образом, как ярчайшее явление общественного синтеза, система дуцзюната выступала ставленником одновременно и «азиатчины», и «европеизации». В той или иной мере каждая милитаристская

клика, каждый провинциальный или региональный военный режим были носителями такой двойственности, только одни были более традиционными, другие – более современными. Пестрота оттенков, множественность типов в милитаристской среде была отражением сложности и противоречивости структуры и тенденцией развития переходного общества Китая.

Как явление синтеза с весьма низкими качественными характеристиками, милитаризм был отягощен не только грузом старого, но и способностью регенерировать его. Военная разруха и политический хаос вели к росту дезинтеграции рыночного хозяйства и денежной системы, хозяйственной изоляции провинций, загрузке железных дорог военными перевозками, ухудшению условий буржуазного предпринимательства. Китайский милитаризм привел к восстановлению, а затем и к росту казенных повинностей крестьян (мобилизация рабочей силы, тяглового скота, транспортных средств, провианта и фуража), к принудительному возделыванию опиного мака и росту бандитизма. Резко увеличилось число налогов, доходившее иногда до семи-десяти [297, с. 25]. Проводя собственную внешнюю политику, военные клики ориентировались на «свою» империалистическую державу: одни из них были «японскими», другие – «англо-американскими», третьи – «англо-французскими». Тем самым закреплялся раздел Китая на «сферы влияния» (см. [94, с. 58, 59]).

Столь резкая перегруженность военного регионализма и милитаристского синтеза как старым, так и новым реакционным началом сделали их тормозом общественного развития, помехой «возрождения Китая» и главным объектом Национальной революции 1925–1927 гг. Последняя нанесла серьезный удар по системе дучжуната. Военный регионализм не был уничтожен, однако стал постепенно поглощаться и заменяться военной централизацией.

Генеральский синтез

В плане синтеза весьма показателен социальный состав милитаристской среды. Генералами стали многие не только простолюдины, но и представители «подлого люда» (*цзяньминь*). До своего «взлета» один был посыльным (Чжан Сюнь), другой – солдатом (Чжан Гуйди), третий – корабейником (Хун Чжаолин), четвертый – телохранителем (Чжан Пяо), пятый – швейцаром (Чжан Цзунчан), шестой – маклером (Чан Кайши), седьмой – разносчиком (Цао Кунь) и т.д. Более двух десятков генералов вышло из среды бандитов – маньчжурских хунхузов, туфзев Гуандуна, мацзев Хэнани, шаньдунских цяндао и т.п. (клан Чжанов в Маньчжурии, У Цзюньшэн).

Наряду с ними достаточно часто встречались выходцы из сословия шаньши: Тан Янькай был *цзиньши* и *ханьлинем*, Чэнь Цзюньмин и Янь

Сишань – *цзюйжэнями*, Фэн Гочжан и У Пэйфу – *сюцяями*; встречались также носители других степеней – *линьшэн*, *багун*, *иньшэн*, *цзяньшэн* (см. [325, с. 589, 596; 253]).

Впрочем, подобная пестрота в высшем слое сама была явлением синтеза, с одной стороны, отражая частичную модернизацию правящей сферы, а с другой – будучи обычным явлением смутного времени в традиционном Китае.

Милитаристская среда была синтезом не только всех сословий, но и всех видов образования. Наряду с классическим конфуцианским образованием одни генералы получили чисто современную военную подготовку в Японии (в частности, в Токийской императорской военной академии), другие – с примесью традиционного начала – в Бэйяньском военном училище (Тяньцзинь) или Баодинской военной академии, образование третьих, проходивших подготовку в провинциальных военных школах в Китае, представляло собой еще большую смесь старых и новых идей. Остальные – две трети милитаристов – были людьми полуграмотными или совершенно неграмотными, не имевшими ни специальной военной, ни гражданской подготовки [325, с. 568]. Кроме того, наряду с «новым» генералитетом в ряды милитаристов вошли военачальники полутрадиционного типа, воплощавшие «военный синтез» периода «самоусиления» (1860–1895) – генералы старой Хуайской армии, например Чжан Сюнь и Ни Сычун.

В психологии и методах деятельности генералов было очень много традиционного. Так, заменив императорских наместников (*цзунду*), генералы – правители провинций всячески старались унаследовать часть их величия и престижа, в том числе и за счет сохранения второй части их титулатуры: в 1912–1916 гг. военные губернаторы именовались *дуду*, в 1917–1921 гг. – *дуцзюнь*, в 1922–1924 гг. – *дули*, а с 1924 г. – *дубань*. Копировались и другие эталоны Цинской империи. Вслед за Ли Хунчжаном его «наследники» – Юань Шикай, Дуань Цижуй и Ли Юаньхун – амбициозно именовали себя по названию местности, где родились. У Пэйфу, подражая Чжан Чжидуну и Лю Кунь, именовал себя *юйшуай*, используя традиционный титул *шуай* («главнокомандующий»). Возвеличению Чэнь Цзюньмина служил роскошный особняк-дворец. Чжан Цзолинь создал себе подобие трона с двумя чучелами тигров по бокам (см. [325, с. 573]).

В массе своей китайские милитаристы XX в. в значительной мере оставались последователями и защитниками конфуцианства. Этим особенно отличались наиболее реакционные «северные генералы», начиная с Юань Шикая, восстановившего культ Конфуция, до У Пэйфу. Ли Юаньхун, Дуань Цижуй и Цао Кунь постоянно ссылались на конфуцианские традиции, принципы, стремились использовать стереотипы традиционного мышления и поведения. Дуцзюни-северяне требовали объявить конфуцианство государственной религией, закрепив это в конституции. Некоторые из них, в том числе У Пэйфу, писа-

ли сочинения в защиту конфуцианства, переиздавали конфуцианскую классику, настаивали на ее преподавании в школах. Большинство милитаристов рекламировали себя в качестве «конфуцианских полководцев» (*жуцзян*).

Подобная позиция во многом, конечно, объяснялась и прагматическими соображениями – соблюдение хотя бы на словах конфуцианских принципов и апелляция к авторитету Конфуция придавали «моральную основу», налет «законности» и респектабельности, особенно тем, кто еще вчера был простым солдатом или бандитом. Кроме того, для многих генералов современные идеи Запада, прежде всего марксизм, были непонятны, а то и враждебны.

Если генералы-шэньши стояли на уровне литературного конфуцианства, то у малограмотных и неграмотных военных, солдатской и унтер-офицерской массы его восприятие шло от народной традиции (см. [325, с. 569–572]). Это был по сути свойственный тайным обществам и простому люду «ихэтуаньский» уровень, во многом определявший позицию генералов и офицеров.

Республиканские дучжюни унаследовали от средневековья и сильнейший груз суеверий. Вера в духов, «счастливые» числа, заклинания, предсказания гадальщиков, обращения к геомантии и моления в кумирнях были естественным компонентом «генеральского синтеза». Милитаристы с пафосом говорили о прогрессе и республике, а начало строительства, выступление в поход, выборы президента или въезд в Пекин согласовывали с результатами средневековых гаданий, чем особенно грешили У Пэйфу и Тан Янькай, т.е. выходцы из среды шэньши.

В традиционной составляющей «генеральского синтеза» особую роль играли кровнородственные узы – надежная гарантия личной преданности в конфуцианском обществе. Поэтому в милитаристской среде процветала семейственность. Непотизм всячески насаждали Цао Кунь, Фэн Юйсян, Дуань Цижуй, Фэн Гочжан, Сунь Чуаньфан, «мусульманские генералы» семейства Ма и другие мелкие деспоты.

Большое распространение получила традиционная для смутного времени практика породнения местных властителей путем браков их детей. Ею пользовались, в частности, Юань Шикай, У Пэйфу и Чжан Цзолинь. «Династийным браком» мелкий милитарист XX в. укреплял союз с крупным, а последний – расширял сферу своего влияния. Использовался и традиционный прием «усыновления» (*шоуянь*) других военных функционеров, чем гарантировалась их преданность. Таких «приемных сыновей» (*янцзы*) имели, например, Юань Шикай и Цао Кунь (см. [325, с. 596–598; 296, с. 45–47]). Заметную роль играла также традиционная практика побратимства, когда два-три генерала совершали в храме древний обряд с клятвой «на крови» (своей или куриной). Так, «братом» Чжан Цзолиня и Чжан Цзосяна стал выходец из хунхузов генерал Чжан Цзинхуэй, трижды «братался» Цао Кунь, по-

братимами стали Чан Кайши и Фэн Юйсян. Как и в смутные времена междоусобиц, широко практиковались в среде милитаристов клятвы верности с соблюдением древнего обряда у алтаря, скреплявшие как союз равных по силе, так и отношения «сильного» и «слабого» генерала и, кроме того, начальника и подчиненного.

Важным традиционным фактором объединения милитаристов были земляческие связи, действовавшие на уездном, областном, провинциальном и отчасти региональном уровне (см. [296, с. 47–49]), чему немало способствовала отмена на практике старинного правила, согласно которому чиновника (гражданского и военного) не назначали на должность в его родную провинцию или область. Принцип землячества действовал при образовании группировок по провинциальному признаку – чжилийской, фэнтяньской, анхойской, гуансийской и иных клик.

Союзы милитаристов укреплялись переплетением земляческих связей с клановостью однокашников по военным учебным заведениям (см. [325, с. 577]), игравшей заметную роль в республиканском Китае. Для бэйянской клики такой «альма-матер» служило Бэйянское военное училище, для гуансийской – местная провинциальная военная школа в Гуилине, для чжэцзянской, или нанкинской клики – офицерская школа Хуанпу (Вампу). Достаточно сильны были связи среди выпускников японских военных училищ (в частности, академии Сикан гакко, давшей большое число китайских комдивов), а также Баодинской военной академии. Двойная связь «земляк – однокашник» очень часто была основой для «династийных браков» или побратимства генералов. Определенную роль играли также и традиционные отношения между бывшим преподавателем военного заведения и его курсантами (см. [285, с. 49–51]), например Чан Кайши – бывшего руководителя офицерской школы Хуанпу – и основной массы генералов, составлявших клику Хуанпу (Нанкинскую) – выпускников этой школы (см. [258, с. 39–44, 103–105]).

Причудливое переплетение личных связей, регулируемых принципом *сяо* (разного рода родственных, учителя и ученика, покровителя и протеже, побратимства), и иных (отношения земляков, однокашников и сослуживцев) служило основой существования генеральских клик – иерархических структур полутрадиционного типа со всеобщим подчинением лидеру, своего рода «старейшине» (*даюаньлао*). В чжилийской и анхойской кликах преобладала вторая группа связей, фэнтяньская строилась в одинаковой мере на первой и второй группе, что делало ее более, а две первые – менее традиционными конфуцианскими и «семейными» (см. [258, с. 62–67, 69–71]). На второй группе связей преимущественно строились «молодые» клики – «Гоминьцзюнь» Фэн Юйсяна, нанкинская и новая гуансийская клики гоминьдана.

Среди всех названных видов связей особую роль играли наиболее традиционные, уходящие корнями в глубь тысячелетий – кровнородственные узы. В суэте междоусобной грызни, когда часто наруша-

лись всякого рода клятвы, игнорировались связи по клике, по учебному заведению, земляческого толка и т.п., конфуцианский приоритет семейных связей практически не нарушался. Не было случая, чтобы отец и сын, родные братья, тесть и зять сражались друг против друга.

Мощное влияние старого потенциала не позволяло милитаристам стать политиками современного типа, однако в условиях переходного общества они уже не могли оставаться чистыми традиционалистами. Милитаристы как явление были порождены не только азиатским деспотизмом, но и революцией, были отчасти ее «сынами». Так, генералы бэйянской клики были в массе своей монархистами. Но именно революция сделала их, простых служаков, правящей элитой – президентами, премьерами, министрами, генерал-губернаторами, т.е. дала власть, и в ходе монархического путча Чжан Сюня они предпочли остаться «республиканцами». Революцию поддержала почти половина будущих генералов, получивших подготовку в Японии, в том числе Чан Кайши, Янь Сишань, Цай Э, Тан Цзияо и Чжао Хэнти. Две трети генералов – выпускников Баодинской военной академии (в частности, Тан Шэнчжи, Бай Чунси, Ли Цишэн, Фу Цзон, Чэнь Чэн и Чжан Факуй) примкнули к гоминьдану. «Новая армия» готовилась Цинами и Юань Шикаем в качестве главной опоры трона, однако каждый четвертый комдив и каждый третий комбриг присоединились к революции (см. [325, с. 587–595]). При этом генералы-южане были в большей мере республиканцами, противниками старой и новой монархии, охотнее щеголяли «левой» фразой.

Будучи наследниками революции 1911–1913 гг., бэйянские и южные милитаристы-политики уже не могли, в основном на словах, не выступить в поддержку прогресса, конституции, народных прав и т.п., не отдавать дани революционным, прогрессивным веяниям. Они всячески стремились рекламировать себя то в качестве «защитника рабочих» (У Пэйфу), то «протектора буржуазии» (Юань Шикай), то «защитника трудящихся» (Чан Кайши), то «борца против западного империализма» (Чжан Цзолинь). Так, Чэнь Цзюньмин «выступал» и «за социализм», и «за национальную буржуазию», и «за народ». В большом ходу были пышные фразы о «возрождении Китая», о симпатиях к народу, о необходимости пересмотра неравноправных договоров и т.п. (см. [296, с. 116]). Однако никто из милитаристов 1913–1925 гг. никогда не выступал с оружием в руках против империализма, чаще всего остро нуждаясь либо в поддержке, либо в попустительстве иностранной державы, на которую он был вынужден ориентироваться.

Сочетание элементов восточного деспотизма и лозунгов современности, прогресса и патриотизма особенно наглядным стало после Национальной революции 1925–1927 гг., когда в своих шкурных интересах генералы – наследники цинского режима поспешно «приняли» доктрину Сунь Ятсена, став сторонниками «трех народных принципов» (см. [285, с. 218]).

Низкие параметры синтеза в Китае, отсталость социальной структуры, слабость и малочисленность современных классов и слоев (буржуазия, пролетариат, новая интеллигенция), полное преобладание над городом традиционного сельского социума делали бесперспективными попытки решать назревшие вопросы общественного развития путем чисто политической борьбы. Революции 1911–1913 и 1925–1927 гг. начинались как «гражданские» (сычуаньский этап Синьхайской и «движение 30 мая» в Национальной), однако, потерпев неудачу в этом качестве, сразу же или с запозданием перерастали в «военные революции» (учанский этап – в первой, Северный поход – во второй). Уже с 1911 г. войска стали основной ударной силой свержения очередного эшелона реакции. Армия превращается в главный субститут борющихся социально-политических сил, прочно превалируя над другими субститутами (партии, профсоюзы) или же срачиваясь с ними.

Неуклонно шел процесс милитаризации политики – от бэйянских генералов, а затем к гоминьдановским «политическим» милитаристам – синтезу партийных функционеров, армейских командиров и гражданских администраторов. Особенно показателен пример гоминьдана. Главной его силой стали бригады и дивизии, а армейским знаменем – доктрина «трех народных принципов». С 1924–1927 гг. он все более становится военной организацией (см. [205, с. 337–341]). Политизация армии и милитаризация «предпартии» слились в двуединый процесс, ставший важным фактором превращения гоминьдана в ведущую политическую силу 20–30-х годов. Силам Национальной революции 1925–1927 гг. для достижения победы необходимо было вчлениваться в структуру китайского милитаризма и в конечном счете подчинить ее себе. Это было возможно лишь «изнутри» самой системы, т.е. путем превращения революционного лагеря в сильного и единого «милитариста». Чтобы вытеснить «старый» дуцзунат бэйянского типа, новый революционный сплав армии и партий Единого фронта 1924–1927 гг. должен был иметь свои батальоны, если не больше числом, то во всяком случае лучше качеством. Сунь Ятсен и Чан Кайши поняли особую роль армии в переходном обществе, где победить, или, точнее, централизовать систему милитаризма можно лишь в качестве победоносного военного лидера, своего рода «милитариста от революции».

Таким образом, в специфической обстановке Китая первой половины XX в. милитаризм и революции оказались не столько антагонистами, сколько компонентами или взаимодействующими сложного органического синтеза. В русле последнего революции двигали вперед, обновляли и расширяли милитаризм, а он, в свою очередь, служил двигателем политического развития, все более придавая революции специфическую военную форму. При этом неуклонно нарастали,

с одной стороны, милитаризация государственной власти, а с другой – политизация армии (см. [40, с. 54, 72–88]). Этот двуединый процесс синтеза надстроечных институтов служил одним из способов приспособления политической надстройки переходного общества к изменяющемуся базису, к требованиям мировой капиталистической системы и необратимости исторических перемен общемирового плана. Синтез милитаризма и революции резко повысил роль гражданских войн в эволюции китайского переходного общества.

Этапы «большой» китайской революции, будучи ступенями синтеза китайского общества (см. [28, с. 40–49]), играли аналогичную роль и в развитии милитаризма. Восходя от более низкого к более высокому уровню, они в то же время вели к соответствующему этапному росту – количественному и качественному – милитаризма. Послетьпинский этап был временем его становления. Послесиньхайский период породил «первое поколение» милитаризма и его «классическую» форму в условиях децентрализации. В нанкинский период произошло «укрупнение» милитаризма, его видоизменение, формальная и половинчатая централизация под эгидой гоминьдана (см. [101, с. 256–258]). Данные тенденции были резко усилены антияпонской войной 1937–1945 гг.

В дихотомии «революция–милитаризм» первый компонент обновлял второй на базе синтеза. Так, разгром тайпинов и других народных движений привел к частичной модернизации старого военного потенциала страны. Синьхайская революция продолжила эту линию, распространив принципы организации «новой» (Бэйянской) армии на все остальные войска. Революция 1925–1927 гг. заметно укрепила и оздоровила милитаризм на базе учения Сунь Ятсена и практики Чан Кайши, ставшего затем главным военным лидером Китая (см. [186, с. 149–154]).

Таким образом, синтезированная сущность, неразрывная связь с революцией обусловили серьезные отличия китайского милитаризма XIX–XX вв. от его традиционных предшественников. В древнем и средневековом Китае в период междоусобиц независимый от столицы полководец либо создавал свою армию на базе повстанческого отряда или помещичьих дружин, либо поворачивал против старой династии вверенные ему правительственные части. Эволюция традиционного милитаризма была линейной и количественной. В переходном же Китае милитаризм, сопрягаясь с синтезом и революциями, в своем развитии прошел два цикла – 1885–1924 гг. и 1924–1948 гг. Каждый из них начинался (в отличие от прежних времен) с создания армии новой модели и «кузницы офицерских кадров» (школа, академия, училище). В первом цикле конкретными ступенями были: учреждение Бэйянского военного училища (1885 г.) – создание «новой армии» (1896 г.) – открытие Баодинской военной академии (1902 г.) – революция 1911–1913 гг. Второй цикл начался с создания офицерской

школы Хуанпу, а на ее основе армии новой модели (1924 г.) – главной силы Национальной революции. Первый этап ознаменовался переходом синтеза в системное состояние, второй – его утверждением и дальнейшим развитием. Эти качественные сдвиги стали основой сложной эволюции китайского милитаризма.

Глава 9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА. ИДЕОЛОГИЯ

Антиимпериалистический и антифеодальный потоки

Революция в Китае, как и во всякой колониальной или зависимой стране, должна была решать две задачи – национального освобождения и социально-экономического прогресса. И синтез определял характер политической борьбы по обоим этим руслам.

Освободительное движение в Китае второй половины XIX – первой половины XX в. представляло собой сложное сочетание двух разнородных начал – традиционной ксенофобии (антииностранная направленность) и современной антиимпериалистической направленности (см., например, [56, с. 329–334]). В первом пласте сливались великоханьский шовинизм, высокомерное отношение к иноземцам как «варварам», стоящим ниже китайца – носителя конфуцианской этики и имперского величия Поднебесной. Вторжение иностранных держав в Китай не сняло, а усугубило и видоизменило ксенофобию (см. [7, с. 10–15, 25–26, 40, 45–46, 69–71, 122–132, 190–192]). Агрессия капиталистического Запада воспринималась конфуцианцами как грубое насилие «варваров» над «центром Вселенной», что бывало в средневековой истории Китая не раз в ходе чужеземных нашествий и завоеваний, но при этом никогда не ставило под сомнение высшую миссию Срединной империи в «варварском» окружении и неизбежность смирения последнего (см. [266, с. 13, 257–261, 263–269; 271, с. 3–8, 25, 74, 195–199]).

Вместе с тем сопротивление западной экспансии несло черты антиколониальной, антиимпериалистической борьбы, выступая в данном плане прогрессивным началом, слагаемым общемирового национально-освободительного движения, пользовавшегося всесторонней поддержкой со стороны международного коммунистического движения и первой страны победившего социализма.

В складывавшемся синтезе ксенофобии и антиимпериализма оба компонента теряли прежнюю изначальную чистоту форм, взаимно приспособляясь и питая друг друга. Этот сплав реакционного и про-

грессивного, средневекового и современного возник, начиная с действий пинъинтуаней и антианглийского бойкота в Гуандуне в годы первой «опиумной» войны и после нее (1840–1851) и развивался в ходе антимиссионерских движений начала 60-х годов, бойкота иностранных тканей в бассейне Янцзы (70-е годы), разрушения первых фабрик (конец 60-х – начало 80-х годов), борьбы против первой железной дороги (1875–1877) и телеграфа, антимиссионерских выступлений, в том числе в Тяньцзине (1870 г.) и т.д. Важными его факторами были шэньшиский патриотизм, цехогильдейские бойкоты, действия тайных обществ (*хуэйдан*), косность крестьянских повстанцев, отсталость китайского пролетариата, луддитские настроения ремесленников, крестьян и транспортных рабочих (см. [312, 1982, № 6, с. 150–151]). Все указанные компоненты дихотомии «ксенофобия – антиимпериализм» в большей или меньшей степени и в разных комбинациях проявились в движении ихэтуаней и в борьбе рабочих против иностранных хозяев.

С ростом китайской буржуазии и околобуржуазной среды в эту и без того сложную ситуацию вошел синтез старого великоханьского шовинизма и буржуазного национализма угнетенной империализмом нации, нашего, в частности, отражение в конкурентной борьбе национального капитала и обуржуазившихся шэньши против иностранного сектора (антииностранные бойкоты 1905–1908 гг., движение «за возвращение прав» 1906–1910 гг., борьба против иностранных железнодорожных займов и за выкуп концессий 1907–1908 гг., кампания «охраны железных дорог» 1911 г., антияпонский бойкот 1915 г.) (см. [73; 219]).

В сложном переплетении единства и борьбы ксенофобии и антиимпериализма позиции последнего в рамках их синтеза укрепились после Октябрьской революции и создания СССР. После «движения 4 мая» 1919 г. антиимпериалистическое движение в Китае поднялось на новую ступень, постепенно беря на вооружение марксистское учение (см. [30, с. 136–173]).

Дихотомия типа «старое–новое» имела место и в русле борьбы против внутренней реакции. При этом от средневековья переходный Китай унаследовал антифеодальную, антиманьчжурскую, антидинастийную струю в сочетании с сильной античиновничьей и антиналоговой направленностью стихийного движения масс, определяемого как «старые китайские бунты» [78, т. 17, с. 179] – крестьянские войны, городские восстания, «голодные» бунты, вооруженные действия тайных обществ, цехогильдейские бойкоты и движения национальных меньшинств (см. [71, с. 107–140]).

Параллельно с конца XIX в. началась политическая и экономическая борьба современного типа – буржуазные движения с участием мелкобуржуазных слоев, выступления китайского пролетариата и новой интеллигенции, особенно студенчества (см. [30, с. 11–34]). По-

сколько все эти новые социальные силы несли на себе явный отпечаток традиционности, присущая им революционность не могла не сочетать в себе тенденции XX в. и явный груз наследия прошлого. Иначе говоря, новое демократическое движение изначально складывалось как явление синтеза.

В равной мере и старые формы борьбы с конца XIX в. все более теряли свой чисто средневековый облик, дополняясь нетрадиционными чертами, лозунгами и целями (восстания в Пинсяне в 1906 г., в Сычуани в 1911 г. и Бай Лана в 1913–1914 гг.) (см. [71, с. 60–76; 73, с. 125–138; 310, 1960, № 2, с. 167–180]).

Союз восточного деспотизма и его бэйянских преемников с Западом внес в антиправительственную борьбу антиинострannую, антиимпериалистическую струю. Фактор сопряженности с 1913 г. внутренней и внешней реакции ускорял синтез старых и новых форм политической борьбы еще с конца XIX в. В итоге антидеспотическая, антиправительственная активность постепенно срасталась с национально-освободительным движением и антиколониализмом XX в.

Печать синтеза лежала на всех выступлениях против реакции в конце XIX – начале XX в. Так, движение реформаторов 1895–1898 гг. сочетало модернизаторские цели и средневековые формы политической деятельности (меморандумы трону, петиции, конфуцианские нормы поведения по отношению к государю) [179, с. 52–63, 90–110, 131–140, 145–168]), что делало его чем-то средним между европейским политическим движением и традиционной группировкой ученых-конфуцианцев типа Дунлинь (XVII в.), между еще несложившейся современной партией и шэньшиским объединением. Аналогичная двойственность была характерна также для либерально-конституционного движения 1906–1911 гг. (см. [201, с. 115–138, 160–179]).

На принципах синтеза строилась и полоса экономических кампаний буржуазии, обуржуазивавшихся помещиков, шэньши и представителей иных слоев против иностранного сектора в 1905–1911 гг., когда в общий поток слились буржуазный протекционизм, старые цехогильдейские бойкоты, традиционная петиционная деятельность шэньши (во многом обращенная на этот раз к наместникам и губернаторам), борьба против машин и антиправительственный настрой населения (см. [104, с. 189–193, 228–232]).

На первых этапах в деятельности революционеров во главе с Сунь Ятсеном также сочетались современные задачи и традиционная практика заговоров, локальных восстаний и привлечения средневековых тайных обществ (см. [111, с. 321–333, 380–389, 409–416, 425–432]).

Фиксируя общий дуализм политической активности в Китае эпохи «пробуждения Азии», в качестве господствующей тенденции слияния двух потоков следует указать на «переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение» [78, т. 17, с. 179]. Важной ступенью качественного улучшения данного синтеза стали победа

Октябрьской революции, разгром белогвардейских сил в Сибири и на Дальнем Востоке, последующее укрепление СССР (см. [59, с. 111–130, 298–322]). Заметный вклад в ускорение этого синтеза в 20-е годы внесли китайские коммунисты и левые гоминьдановцы своей работой в пролетарской среде, в крестьянском движении и среди городских ремесленников.

Таким образом, оба вида массового движения китайского народа – антииностранное и антифеодальное – развивались в русле синтеза. Сливаясь в ходе «большой» китайской революции, они тем самым перенесли на ее почву принцип синтеза. В результате она выступает как сложный синтез средневекового освободительного движения (антиманьчжурского), традиционной крестьянской войны, милитаризма, действий модернизированных армий и, наконец, современных городских форм борьбы (выступления пролетариата, стачки, митинги, агитация, манифестации) (см. [57; 207, с. 334–450]).

Революция и синтез

«Большая» китайская революция и составлявшие ее четыре этапные революции (1911, 1916, 1925, 1949 гг.) складывались из военного (оперативные действия армий) и гражданского компонентов (политические митинги, манифестации, стачки, идеологическая борьба, рабочее движение). Первый был во многом близок к традиционной маневренной войне китайского средневековья (крестьянские войны, изгнание чужеземных завоевателей, например монгольской династии Юань¹) (см., например, [33; 169]). Вторым, напротив, был по преимуществу порождением влияния буржуазного Запада, русских революций 1905 и 1917 гг. Традиционное начало шло из деревни в города, современное – в обратном направлении, первое рождалось крестьянской массой, второе – средой интеллигенции, мелкой и национальной буржуазии, рабочих (см., например, [37; 176]). С переходом от одной китайской революции к другой роль военного компонента неуклонно росла: в Синьхайской революции он часто выступал на первый план, в 1916 г. и в период Национальной революции явно и прочно возобладал (см. [145]), а в 1946–1949 гг. практически вытеснил гражданский компонент.

Но из этого отнюдь не следует, что соответственно происходило нарастание традиционного начала. Дело в том, что дихотомия «военное – гражданское» выступала как синтез не традиционного и современного в чистом виде, а «более традиционного» и «более современного», поскольку обе ее составляющие сами были факторами синтезированными. Каждый из них был сочетанием явлений нового и старого, соотношение которых с каждым шагом «большой» китайской революции менялось в пользу первого.

Как уже отмечалось, в «большой» китайской революции выделялись два потока – борьба с внутренней реакцией и против закабаления страны Западом, – каждый из которых носил синтезированный характер. Долгое время прогрессивные силы Китая были недостаточно сильными и зрелыми для нанесения ударов сразу на двух фронтах. Основное направление борьбы менялось по «принципу маятника»: антииностранное движение пиньинтуаней, тайпины, антимиссионерская борьба и т.д. (см. [73, с. 69–81; 111, с. 112–113, 134–142, 227–229, 248; 201]). Также сменяли друг друга крупные переломные политические движения: – «против внутренней реакции – против внешнего врага – против китайского деспотизма – против империализма» (движение реформаторов – восстание ихэтуаней – Синьхайская революция – «движение 4 мая»). В промежутках между крупными менее значимые и более мирные движения развивались параллельно (либерально-конституционное движение 1906–1911 гг. и антииностранная экономическая борьба 1905–1911 гг., антимонархическая «война в защиту республики», или «третья революция» 1916 г., и антияпонская кампания 1915–1916 гг.) (см. [111, с. 544–553]). «Принцип маятника» в усеченном виде или стертых формах просматривается и в ходе революций – смена сычуаньского этапа учанским в рамках Синьхайской революции, переход от «движения 30 мая» к этапу Северного похода в 1925–1926 гг. (см. [5, с. 114–151; 114, с. 215–222]).

Оба эти синтезированных потока развивались либо одновременно, либо близко по времени, не сливаясь друг с другом, более или менее объединенными были с 1913 г. лишь враги китайской революции – внутренняя и внешняя реакция, тогда как в лагере прогрессивных сил не было сплочения. Качественный перелом за счет слияния различных видов революционности, как традиционной, так и современной, наметился в ходе «движения 4 мая» и утвердился в деятельности Единого фронта 1923–1927 гг. (см. [114, с. 136–205]). Таким образом, развитие революционного процесса в Китае шло от чередования и параллельности двух «простых» синтезов к их органическому срастанию в один «сложный», или «двойной», синтез.

В целом в китайских революциях XX в. современное проникает в традиционные формы борьбы, одновременно инкорпорируя видоизмененные средневековые компоненты (см. [135, с. 107–114]), т.е. идет встречный и двуединый процесс синтеза азиатского и европейского.

С каждой последующей революцией сила и объем «старых» компонентов несколько снижались, соответственно высвобождая простор для «новых» слагаемых синтеза. Однако груз «азиатчины», деспотизма², подавленности гражданского и демократического начала, «надклассовые» позиции новой власти, традиционный приоритет интересов государства над народными нуждами, влияние старых стереотипов политического мышления обусловили низкие разрешающие способности и ограниченные результаты китайских революций XX в.

Они поэтапно ослабляли и деформировали китайский деспотизм и «азиатчину», но эти реакционные силы, в свою очередь, частично «обесценивали» революции изнутри, будучи их скрытыми компонентами в рамках сложного синтеза (см. [28, с. 40–49]). Революции вывели китайское общество из чисто традиционного состояния, но сделали его не новым, а «постоянно переходным», т.е. движущимся по спирали синтеза – от низкого к более высокому уровню последнего.

Революция и «азиатчина»

Переходное состояние общества с присущими ему конгломератностью и дисбалансом компонентов складывавшейся гипосистемы вызвало комплекс болезненных сдвигов, нарушивших традиционную устойчивость десятков миллионов людей. Связанные с этим обострение социальных антагонизмов, нарастающая неустойчивость и деструкция, формационная неопределенность переходного периода, борьба за различные варианты выхода из общественного кризиса породили полосу массовых движений, гражданских войн и социально-политических революций (см. [25, с. 139–156]). В подобной обстановке их преобразующая и очистительная «работа» во многом непосредственно смыкалась с процессом синтеза, а сами они отчасти становились его «ступенями» (не только в области политики, но и в базисной, и мировоззренческой сферах), орудием и ускорителем. Стимуляторами синтеза выступали, как инструмент макросинтеза, революции, представлявшие собой общемировой фактор (влияние 1905 г. на подготовку Синьхайской революции, Октябрьской революции и гражданской войны на вызревание событий 1925–1927 гг., становления народной демократии в 1945–1947 г. на исход революции 1949 г. в Китае) (см. [14; 59, с. 298–345; 131]).

В институциональной (и мировоззренческой) сфере «работа» китайских революций прежде всего состояла в поэтапном «улучшении» синтезированной системы (за счет постепенного ослабления «азиатчины», восточного деспотизма и усиления современного начала). Так, Синьхайская революция устранила абсолютную средневековую реакцию; революция 1916 г. – частичную реставрацию старого режима; революция 1925–1927 гг. – реакцию «второго эшелона» (бэйянскую), частичную восприимчиву цинского деспотизма; революция 1949 г. – гоминьдановский режим (реакцию «третьего эшелона») (см. [61, с. 95–118; 114, с. 361]). Трансформация надстройки характеризовалась не только количественным изменением (от большей реакции – к меньшей), но и качественным сдвигом – от целостной системной – к «комбинированной» надстройке: от цинской монархии – «чистой»³ не только по названию, но и по отсутствию чужеродного (современного) начала – к бэйянской республике – частично синтезированному и по-

тому смешанному явлению, и гоминьдановскому режиму – дальнейшей ступени синтеза и переходности. Таким образом, революционные этапы суть ступени восхождения синтеза за счет уменьшения традиционного и повышения роли современного в надстройке. В этом плане каждая последующая «синтезированная» реакция была результатом очистительной и трансформирующей «работы» предшествующей революции в плане улучшения качественных показателей политического синтеза. Последнее дает основание считать, что механизм революций в Китае был в известной мере механизмом синтеза.

Современное пробивало себе дорогу и укоренялось в синтезированной системе поэтапно, частями, поскольку большие амортизационные и регенерационные возможности старого позволяли ему, частично гася или искажая (в традиционном духе) импульсы нового, в определенной мере сохраняться, хотя и в трансформированном (модернизированном) виде. Тяжелейшее наследие «азиатчины», огромное население, большая часть которого была слабо затронута новыми веяниями, делали Китай в известном смысле «трудным объектом» модернизации. В итоге основной тенденцией эволюции институциональной сферы стало развитие не от азиатской деспотии к демократии (этот идеальный вариант практически немыслим), а от абсолютной реакции – к относительной, от большей – к меньшей, от менее европеизированной (синтезированной) – к более модернизированной.

Сам факт смены одной реакции другой (своего рода порочный круг отсталости) как бы предполагает негативную оценку итогов соответствующей революции («поражение») (см. [60, с. 181; 43, с. 103, 155])⁴. Такой подход во многом объясняется смещением понятий «реакция» (относительное понятие) и «контрреволюция» (абсолютное понятие в применении к практике революций). Между тем в китайском контексте победа реакции (продукта очередной стадии синтеза) не была победой контрреволюции (прекращение поступательного движения синтеза, застревание на уже достигнутой стадии). О поражении Синьхайской, «Третьей» (1916 г.) и Национальной революций следовало говорить, если бы в 1912 г. одержал верх цинский режим, в 1916 г. – Юань Шикай, а в 1927 г. – бэйянские милитаристы. На деле три эти революции завершились успехом, но к власти приходила не демократия, а реакция следующего поколения, продукт новой стадии синтеза. Контрреволюция в чистом виде и в классических формах не побеждала и потому влияла на судьбы синтезированной системы в Китае лишь косвенно. Логика данного варианта синтеза, обусловленная неодолимым воздействием «азиатчины», делала победителей в очередной революции своего рода наследниками побежденных – предшествующего эшелона реакции (см. [93, с. 36]). Пришедшие к власти неизбежно оказывались вынужденными частично выполнять функции свергнутой реакции, а иногда завершать начатые, но не законченные ею дела. Так было и с бэйяньцами, и с гоминьдановцами.

Таким образом, вариант неполного успеха революции был универсален для Китая: в 1912 и в 1916 гг. не удалось создать ни полноценную республику, ни жизнеспособную парламентскую систему, в 1927 г. — ни буржуазную демократию, ни власть широкого национального фронта (см. [23, с. 33–48, 92–95; 62, с. 92–121]). Это сказывалось на темпах улучшения качественных показателей синтеза, обуславливая невозможность вырваться из ситуации синтеза. В итоге китайское общество не вышло за рамки синтезированной системы при явной тенденции к усложнению последней.

При столь явной устойчивости обстановки синтеза, его низких параметрах и замедленности улучшения последних неизбежно возрастание (при общем поступательном ходе развития) «возвратной» тенденции, своего рода инерционного эффекта противодействия. Каждый раз через какое-то время после победы очередной революции происходила под влиянием массы «старого» известная корректировка, частичное возвращение «на круги своя», но уже при ином балансе компонентов внутри синтеза. Если с каждой революцией баланс менялся в пользу «современного», то последующая «возвратная» корректировка несколько, а иногда весьма существенно понижала общий уровень синтезированной системы (см. [62, с. 92–121]), низводя его на промежуточный (между до- и послереволюционным состоянием) горизонт. Упомянем в данной связи разгул милитаризма после 1916 г., поворот в гоминьдановской экономической политике 1935–1937 гг. (при всей неоднозначности его оценок [95, с. 63–82, 97–100]).

Таким образом, параллельно стадиям восхождения синтеза имела место попятная тенденция со своими ступенями торможения поступательного процесса, причем эти линии практически накладывались друг на друга. Указанные спады в равной мере несли в себе как рецидив старого, так и придание новому иного направления. В любом случае баланс традиционного и современного менялся, а обстановка синтеза после «возвратной» корректировки воспроизводилась в ухудшенном варианте.

Все это, в свою очередь, укрепляло парадоксальность общей ситуации, когда китайские революции вследствие своих невысоких разрешающих способностей не приводили к общему перерыву постепенности (обстановка синтеза) и выливались в конечном счете в своего рода ступенчатую эволюцию (изменения в рамках синтезированной системы), где преобладающее поступательное начало было отягчено и деформировано «возвратным» эффектом.

Так, с одной стороны, показатели каждой последующей революции явно улучшались (более радикальные задачи, более действенные средства, вовлечение новых социальных слоев и классов, более левая доктрина и идеология, лидерство все более массовых социальных сил). С другой стороны, вследствие преобладания практики синтеза над коренной ломкой ни в одной из революций к власти не пришли новые классы как таковые (буржуазия, пролетариат) (см. [135, с. 132–138]).

Синтез, так или иначе, затрагивал сферу политических (всю) и общественных (в первую очередь в городах) отношений в Китае.

Одной из сторон этого было использование традиционных форм и методов для достижения современных целей. Борьба за введение европейской конституции и парламента велась в форме петиционных кампаний, т.е. типичных «посланий к трону» (*яньлу*), хотя и в несколько модернизированном виде (см. [201, с. 124–137; 312, 1982, № 6, с. 149]). Против иностранной конкуренции буржуазные слои использовали старый цехогильдейский прием – бойкот товаров, фирм и т.д. (см. [130, с. 16–29]). Противодействие империалистической экспансии частично шло в русле местной модификации луддизма: современную технику в различных ее видах (железные дороги, телеграф, станки, оборудование, здания фабрик и т.п.) уничтожали не только ихэтуани (см. [56, с. 143–144, 164, 200–201, 222, 243–244]), но и рабочие на начальной стадии становления китайского пролетариата (см. [207, с. 184–185]). И в дальнейшем массовые городские движения (например, «4 мая») представляли собой сложное смешение старокитайских и западных форм политической и экономической борьбы (см. [30, с. 16–29]).

Такого рода синтез был особенно причудлив на раннем этапе действий китайских революционеров. Так, руководители неудавшегося восстания «Союза возрождения Китая» в конце 1902 г. планировали сочетать восстановление Минской династии с учреждением конституционной монархии во главе с президентом (см. [108, с. 196–208]). Многие из революционеров, получивших европейское образование, были членами тайных обществ либо имели с ними связь (см. [107, с. 134–137, 156, 161, 165–171; 108, с. 109–119]). Наконец, заправилами некоторых тайных обществ в городах (особенно это относится к Цинбану и Хунбану – «Синему» и «Красному клану» – в Шанхае) выступали политиканы, коммерсанты, влиятельные лица, тесно связанные с предпринимателями, полицией, с иностранными секретными службами. Эти общества использовались гоминьдановской охранкой для борьбы с революционно настроенными рабочими (см. [88, с. 42–45]).

В деревне новая революционная форма организации крестьян – крестьянский союз весьма часто напоминал либо тайное общество, либо традиционное объединение самообороны. В ходе революции 1925–1927 гг. некоторые деревенские тайные общества чисто формальными актами «преобразовывались» в крестьянские союзы.

В целом во всех вариантах «политического» синтеза четко вырисовывалось преобладание традиционного, феодального, старокитайского, конфуцианского начала. Под его сковывающим и разлагающим воздействием все новое, «западное» в сфере надстройки оказалось неразвитым, во многом формальным, стертым. Республика служила

ширмой привычному для феодального Китая авторитарному правлению (см. [296, с. 13–38]), парламент стал игрушкой в руках генералов и политиканов, «буржуазные» партии – прикрытием влиятельных клик, узких политиканствующих группировок (см. [62, с. 97–111, 121–131]), гоминьдан во многом воспроизвел традиционный антидемократизм, механическое послушание рядовых членов, групповщину и стереотипы мышления традиционного общества (см. [23, с. 35–59; 115, с. 336–349; 175, с. 77–109]). Профсоюзы зачастую служили формальным прикрытием традиционных цехов, гильдий и землячеств. Политическая деятельность во многом строилась на маскировке современной фразеологией старокитайских доктрин и принципов (см. [65, с. 279–293; 111, с. 529; 115, с. 337, 342, 343, 348]). Современные юридические нормы и новые суды в городах были лишь декоративным фасадом господствующего в деревне обычного и кодифицированного феодального права с традиционным арбитражем шэньши. Управленческий деспотизм оставался обычной нормой во внутривластной сфере (см. [163, с. 228–239; 330, с. 219–240]). Традиционное массовое сознание сочеталось с уродливым синтезом старокитайских и западных учений на почве механического заимствования и эклектического восприятия современного. Во внешней политике вынужденное признание реальностей XX в. сочеталось с сохранением мечты об имперском величии Китая (см. [66, с. 143–151; 94, с. 61–88; 115, с. 337, 340]).

Китайское общество в переходный период было не в состоянии не только породить буржуазную и социалистическую идеологии, но и воспринять их в развитых и чистых формах (см. [64, с. 269–272]). Чтобы привиться в китайском социуме, западные концепции должны были чем-то поступиться в пользу азиатского как в количественном, так и в качественном отношении⁵. Для преодоления формационного, цивилизационного, мировоззренческого, психологического, понятийного и иных барьеров передовой идеологии Запада XIX–XX вв. необходим был хотя бы частичный синтез с традиционными воззрениями. Это предопределило основной путь и метод вхождения западной идеологии в китайскую реальность – возникновение синтезированных, симбиозных, эклектических воззрений, что достигалось за счет как избирательного извлечения «нужных» компонентов или адаптированных, усеченных основ европейских теорий, идей, институтов, так и реактуализации канонов конфуцианской классики.

Европейская идеология и наука рассматривалась в Китае в основном как прикладное начало, своего рода «добавка» к китайской мудрости, как инструмент, с помощью которого можно подновить и оздоровить Среднее государство, вернув ему бывшее величие (см. [111, с. 208–215, 222–227]). Китайские идеологи утилитарно «перебирали» духовное наследие Запада, ища в нем, с их точки зрения, наиболее подходящие для Китая и наиболее действенные компоненты синтеза.

Сыграла свою роль и естественная в сложившихся условиях неподготовленность Китая к восприятию западного понятийного аппарата и инструментария общественно-политических наук. В итоге при переводе книг современной буржуазной и социалистической мысли часто использовались старые понятийные клише, традиционные категории конфуцианской классики с неизбежной при этом (осознанной или бессознательной) подменой понятий. Такого рода «понятийный» синтез наряду с явно неадекватным пониманием переводимого играл большую роль в китаизации европейского и модернизации староконфуцианского начал.

Процесс синтеза мировоззренческой и социопсихологической сфер затронул в первую очередь область деятельности интеллигенции: литературу (новый стиль), искусство (живопись *гохуа*), архитектуру, прессу и издательское дело, сферу письменного языка (сочетание байхуа с взънянем (см. [30, с. 232–330; 114, с. 327–352; 115, с. 358–407]). Массовая же социальная психология крайне слабо охватывалась модернизацией. Старые нравственные, религиозные и иные нормы поведения, стереотипы массового сознания традиционного общества демонстрировали чрезвычайную устойчивость, уживаясь с частично и медленно изменявшимися нормами поведения шэньши и купечества (см. [207, с. 42, 48]).

В синтезе в данной сфере наметились две тенденции. Часть буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции боролась за внедрение западных начал в традиционную систему с целью «возрождения нации» (см. [74, с. 304–332]). В противовес этому шло «возрождение» конфуцианства и распространение «модернизированного» буддизма на фоне увлечения идеалистической философией, различного рода буржуазными и мелкобуржуазными политическими учениями (позитивизм, социальный дарвинизм, махизм, прагматизм, «философия жизни», анархизм и т.д.) (см. [74, с. 279–284]). Иначе говоря, реакционные формы синтеза теснили прогрессивные на фоне активизации всех сил антисинтеза и объективных трудностей адекватного восприятия в переходном Китае сложного духовного багажа Запада.

В силу более быстрого и широкого «импорта» идеологических компонентов темпы синтеза мировоззренческой сферы обгоняли соответствующие показатели в институциональной и хозяйственной областях. Это вело, помимо всего прочего, к усилению относительной самостоятельности передового мировоззренческого пласта надстройки в условиях неполного ее соответствия отстающему в своем развитии национальному базису. В таких условиях поступательное восхождение идеологического и политического синтеза было связано не столько с вызреванием соответствующих базисных сдвигов (рост капитализма, укрепление национальной буржуазии и т.д.), сколько с воздействием капиталистической системы, в том числе негативным (идея «самоусиления» была подстегнута позором «опиумных» войн,

программа реформ – поражением 1894–1895 гг., идея парламента и конституции – ихэтуаньской катастрофой).

Насилие капиталистического Запада над Китаем в не меньшей мере, чем становление местной буржуазии и околобуржуазной среды, привело к появлению наряду с традиционным великоханьским шовинизмом и старой ксенофобией конфуцианско-имперского толка нового явления – буржуазного национализма угнетенной империализмом китайской нации. В русле синтеза этих двух начал старый антиманьчжурский и новый антиимпериалистический национализм органически сочетались с борьбой за «возрождение Китая», за возвращение ему былого величия (см. [312, 1982, № 6, с. 150–152]).

Особая роль надстроечного фактора материализовалась не только в объективной «работе на синтез», но и в сознательном отражении идеи такой трансформации как на институциональном, так и на мировоззренческом уровне. Такого рода целенаправленный, «установочный» синтез верхов общества или его политически активных мыслителей неизбежно порождал своеобразные теории и психологию синтеза.

Теория и цели

Как уже отмечалось, проблема инкорпорации элементов нового, «западного» (т.е. проблема синтеза) полностью доминировала в идеологической жизни Китая рассматриваемого времени. Сама необходимость заимствований практически ни одним теоретиком (а с начала XX в. – и ни одним политическим деятелем) под сомнение не ставилась. Идейные споры вращались вокруг вопросов: что «брать» и в каких «количествах» (см., например, [34]).

Подобный подход определялся двумя капитальными моментами. С одной стороны, было ясно, что сохранение старого в нетронutom виде невозможно (гибельно для Китая). С другой стороны, западное общество никогда не было идеалом китайских теоретиков (кроме, пожалуй, Ху Ши – видного философа первой половины XX в.) и политических деятелей (от лидеров «самоусиления» до Сунь Ятсена, Чан Кайши, Дай Цзитао и Ху Ханьминя), рассматривавших подобную перспективу как измену национальному духу (см. [175, с. 49–53, 56–61, 64–68, 73–75]). Соответственно не ставилась и задача создания его аналога в Китае. Более того, и модернизация как таковая рассматривалась как средство, а не цель, ибо исходной идеей синтеза была не устремленность в современность и в будущее, а «возврат» к величественному прошлому в несколько иной форме, восстановление могущества Китая, новое утверждение исключительности его традиционных ценностей. Все это стало психологической и целевой основой практически всех ступеней «политического» синтеза и его идеологического оформления.

В обстановке постепенного заимствования западного ущемление национальной гордости компенсировалось превозношением «морального превосходства» традиционной системы, ее «реабилитацией» как универсального начала (обоснованием исторического «приоритета» Китая во всех сферах). Все западные достижения и институты стали объявляться плодами китайской цивилизации, все европейское – «забытым» китайским (Ван Чжичунь и Чжан Цзыму). Утверждалось, например, что тайпины не заимствовали христианство у Запада, а лишь восстановили исконно китайскую религию, поскольку христианский бог Хун Сюцюаня и Ян Сюцина есть не что иное, как древнекитайское верховное божество (*шанди*) (см. [47, с. 77]); что в основе всех западных наук лежит китайское начало, перенятое и развитое европейцами; что вся культура, наука, машинная техника и политические институты заимствованы «западными варварами» у мудрецов Китая. Китай был объявлен «родиной» не только христианства, но и республиканского строя, социализма, парламентской системы, огнестрельного оружия, машинной техники⁶, всех точных наук. Поэтому он без ущерба для своего достоинства может использовать эти достижения (Цзэн Цицзэ), так как возвращение своего не есть подражание «варварскому» (Чжан Цзыму и Ван Чжичунь) (см. [111, с. 259–260]).

Синтез воспринимался как своего рода ренессанс, возрождение былого, восстановительный акт. Такого рода оправдательно-компенсаторное начало стало неотделимым компонентом психологии и теории синтеза в Китае. В такой интерпретации синтез современного и традиционного представлялся как дихотомия «старокитайское – новокитайское», поскольку все европейское представлялось лишь забытым китайским, а Китай, даже побежденный «грубой силой», оставался морально-этическим центром, на который, как и прежде, возложена особая миссия – ответственность за чистоту конфуцианской этики, высочайшей ценности мира (Чжан Чжидун) (см. [188, с. 443]).

Подобный подход создавал своего рода идейную базу для господствовавших (в разных формах) в течение всего периода синтеза представлений, согласно которым западное рассматривалось второстепенным, чисто «техническим» и служебным началом, а основой модернизированного Китая объявлялась конфуцианская традиционность.

Так вся теория и практика «самоусиления» представляли синтез ксенофобии и избирательного заимствования «варварского», сочетание средневекового обскурантизма и стремления использовать готовые результаты научно-технического прогресса («варварские ремесла»), желание сохранить незыблемость конфуцианского общества путем вынужденного включения в него инородных компонентов (Фэн Гуйфэнь) (см. [111, с. 208–215, 222–227, 258–260]).

Равным образом реформаторы конца XIX в. исходили из бесспорного приоритета традиционного и вторичности современного («сущность – китайская, а форма – европейская», «основа китайская, а до-

полнение европейское») (см. [180, с. 152; 188, с. 431, 443, 456]). Их лидер Кан Ювэй не мыслил модернизации без «обновления» конфуцианства, которое в таком виде должно было сохранять от разложения мораль, этику и иные основы традиционной системы. Иными словами, синтез мыслился как защитная мера для сохранения старого (см. [188, с. 443]).

Признание традиционной основы, инструментальный подход к западному были в менее очевидной (Сунь Ятсен) и более откровенной форме (Чан Кайши, Чэнь Лифу) присущи и взглядам лидеров гоминьдана.

Специфической чертой подхода в Китае к синтезу было стремление компенсировать утрату тех или иных традиционных компонентов и инкорпорацию современного либо резкой активизацией традиционного – вплоть до регенерации архаики (см. [111, с. 225–227]), либо оздоровлением старокитайского (как предлагал Кан Ювэй). Выдвигались требования заимствования западного (в частности, местных представительных учреждений) «уравновесить» возвратом к древним принципам управления (Фэн Гуйфэн), разделением страны на удельные княжества с феодальной аристократией во главе (Чэнь Цю), восстановлением стародавних государственных институтов (эпохи Чжоу и Хань) и т.п. (см. [111, с. 209, 224–227, 261–262]).

Одной из форм компенсаторности было особое внимание к японскому варианту синтеза в расчете постепенно заменить «западные» элементы «восточными», т.е. японскими (Ван Тао, Кан Ювэй, Лян Цичао, Тан Цайчан) (см. [179, с. 155–159, 161–162, 205; 188, с. 430, 456, 465–468]). Японская конституция, реформы Мэйдзи, японский опыт модернизации конкретных сфер общественной жизни объявлялись эталонами современного (см. [135, с. 156–158; 186, ч. 2, с. 99–101; 198, ч. 2, с. 176–182; 206, с. 26–37; 264а]). Японское, т.е. азиатское и отчасти конфуцианское, представлялось более предпочтительным, нежели европейское (Сунь Ятсен, Дай Цзитао). В таком подходе сочетались и восточный шовинизм, и расовые мотивы, и надежды на сближение с Японией, престиж которой на Дальнем Востоке после японско-русской войны (1904–1905) резко возрос (см. [148, с. 169–175]).

Таким образом, в целом можно констатировать, что идеология синтеза, абсолютно преобладавшая в Китае с начала XX в., по строгим меркам формальной логики (но только по ним!) таковой не была. Для всех поколений идеологов и политиков – лидеров «самоусиления», реформаторов конца XIX в., либеральных монархистов, революционеров-демократов, бэйянских и гоминьдановских руководителей – синтез как таковой был не самоцелью, а игравшим служебную роль средством восстановления могущества Китая на базе оздоровленной за счет инкорпорирования нового традиционности.

СИНТЕЗ И ПЕРЕХОДНОСТЬ

Нарождение нового, переплетение его со старым, отмирание старого – это, собственно, и есть содержание общественной эволюции. Непрерывность данного процесса делает переходность (в том или ином ее варианте) имманентной чертой развития человечества.

Но переход от старого к новому происходит в рамках конкретного общества, т.е. живого социального организма, части которого (в том числе элементы как старого, так и нового) неизбежно находятся в различных формах взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому переходность крайне редко выражается в прямом противостоянии старого и нового (как однородных, «чистых» социальных явлений).

И ведущей, генеральной формой переходности, ее методом, инструментом является синтез. Его характер и результаты в каждом конкретном случае определяются соотношением старого и нового, стечением устойчивости первого и масштабами преобразовательных потенций второго.

Глава 10

ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО

Специфика развития

В целом эволюция Цинской империи в последний период ее существования и Китайской республики, равно как и ее отдельные составляющие, определялись вовлечением страны в целостную систему «Китай – мировой рынок» («полуколония – капиталистический мир») (см. [152, с. 12, 33–38]). Воздействие этой макросистемы (включая возникновение капиталистического уклада внутри страны) создало необходимые условия для постепенного и частичного наполнения традиционных социально-экономических форм новым, синтезированным содержанием.

Эрозия традиционной социально-экономической системы, начавшаяся с середины XIX в., приняла уже к Синьхайской революции и началу первой мировой войны вполне четкие формы (см. [30, с. 58–65; 111, с. 268–288, 450–474]). В ходе данного процесса одни компоненты арендно-бюрократического феодализма были разрушены, другие надломлены, третьи находились в процессе трансформации, а четвертые оставались незыблемыми. «Доопиумная» изоляция Китая от внешнего мира сменилась многосторонней интернационализацией хозяйственных и политико-культурных связей. Былой технический застой по-прежнему уступал место частичному перевооружению промышленности, транспорта и связи (см. [132, с. 89–90]). Средневековое господство более или менее единообразной дуальной экономической системы, в которой преобладало натуральное начало, постепенно отступало перед многообразием рыночных форм. В некогда размеренную экономическую жизнь вторглась капиталистическая цикличность подъемов и спадов (см. [104, с. 183–194, 202–212, 276–277; 185, с. 251–258]).

Соответственно относительная хозяйственная «монолитность» вытеснялась многоукладностью. Прежнее соединение земледелия и домашних промыслов во многом оказалось разорванным. Превосходство земледелия над промышленностью в плане производительности труда в одних случаях снизилось, в других – сошло на нет. Хозяйственная и системная однотипность деревни и города разрушалась. Традиционное отставание города от деревни сменилось постепенным выдвиганием его вперед. Постепенно уходила в прошлое поглощенность города традиционной «деревенской» системой. В ходе хозяйственного и социального подъема Шанхай, Тяньцзинь, Ханькоу, Таншань, Гуанчжоу и целый ряд других городов как бы вступили в иную историческую эпоху. Они начали «выламываться» из старой средневековой структуры, что служило важным показателем ее кризиса, несмотря на то что подавляющее большинство городов (в первую очередь уездных и окружных центров) осталось под прочным влиянием прежней «деревенской» доминанты. Таким образом, характерная для традиционной системы сращенность натурального и товарно-денежного начал постепенно заменялась их нараставшим противостоянием (см. [164, с. 113–134]).

Традиционное неприятие конфуцианской системой частного предпринимательского начала было в какой-то мере перечеркнуто возникновением и ростом капиталистического уклада, хотя официальная доктрина признавала не столько частный, сколько государственный сектор. Былая зарегулированность экономических и социальных процессов сменилась неустойчивостью нового типа. Оказался нарушенным механизм самовосстановления традиционного социума посредством системы «предохранительных клапанов». Прежнее господство сословной системы уходило в прошлое. Расплывчатость и смазан-

ность последней (делавшая китайскую сословность неадекватной европейской) облегчала ее распад. Средневековая социальная иерархия с ее антагонизмами стремительно слабела, на смену ей выступали новые классовые противостояния (см. [207, с. 39–48]).

В результате оказалась нарушенной многовековая пригнанность базиса и надстройки, в первую очередь ее верхних звеньев. Полная или частичная сдача старой системой около полутора десятка отмеченных выше позиций создала в стране новую атмосферу и особую эволюционную ситуацию, способствовавшую развитию процесса общественного синтеза.

Нарушение прежней органичной сбалансированности и разложение средневековой конфуцианской системы явились в первую очередь результатом проникновения в Китай принципиально иных, более передовых и мощных социально-экономических отношений. Выступая вначале «чужеродным телом», иностранный сектор уже в первой четверти XX в. фактически превратился в известном смысле в органичную и явно антитрадиционную часть видоизмененной социально-экономической структуры страны. Постепенно преодолевая «тканевую несовместимость», он трансформировался из «внешнего» фактора во «внутренний» (см. [101, с. 90]). Соответственно возрастало его конструктивное воздействие (ускорение роста «старого» низового предпринимательства и создание «нового» верхушечного капитализма) в плане нарушения прежней «чистоты» традиционного общества.

Так, деревенский наем, поставленный в новые условия, эволюционировал в капиталистическом направлении. Кабала, отработка долга, скупка, «старая» аренда на землях обуржуазившихся помещиков и коммерческая деятельность рентополучателей традиционного типа приобретали переходные черты (см. [102, с. 8]). В том же русле часть старого по форме торгового капитала и внешне привычных для него сделок принимала буржуазный и в еще большей мере – переходный характер. Начавшееся превращение гильдейского купечества в современную торговую буржуазию стало одним из элементов становления смешанной синтезированной социальной системы.

Целый комплекс как внутренних базисных сдвигов, так и изменений внешнеполитического плана привел к становлению в известной мере качественно иного общества при сохранении арендно-бюрократической феодальной базы.

Своеобразная констатация переходности содержится, в частности, в концепции «полуфеодального полуколониального Китая» (см., например, [11]). Данная формула отражает, хотя и упрощенно, приобретение качеств, неизвестных в «доопиумный» период. Возникновение новых социально-экономических реалий превращало понятие «феодализм» в недостаточное для полной характеристики китайского общества первой половины XX в.: появление целого спектра нетрадиционных явлений делало его в определенной степени «нефеодальным».

Разрушение традиционной целостности, возникновение чужеродных конфуцианской системе секторов и укладов вкупе с переходными образованиями знаменовало завершение целой эпохи. В связи с тем, что замедленная эволюция (переходившая в стагнацию) на базе феодальных потенций была прервана и сменилась действительным развитием противоположного характера, Цинская империя начала XX в. и Китайская республика уже представляли собой в известном смысле «постфеодальное» общество (см. [19, с. 191–199]).

Таким образом, с одной стороны, наблюдался постепенный упадок и загнивание усеченной и нарушенной традиционной структуры, с другой – происходила медленная модернизация, связанная с развитием новых слоев и форм, а между первой и последними складывалась сложная гамма переходных (как межформационных, так и межстадиальных) явлений.

Все три компонента присутствовали, например, в сфере наемного труда. Кабальный наем сохранялся в земледелии для части батраков (*чангун*), в ручной промышленности (*сыгун*, *сыбоцза*, *майшэньгун*) и отчасти на фабрике (*баошэньгун*) – при контрактации малолетних. Промежуточные формы (полузависимые работники, должники – *вайгун*) «стыковали» его со свободным капиталистическим наймом в деревне (сезонники – *мангун*, поденщики – *дуаньгун*), в ремесле (*хогун*, *хобоцза*) и на фабрике (*лигун*) (см. [207, с. 95–112]). При этом переходность выступала не только как инструмент смычки, как компонент одновременно и традиционного, и нового, но и в качестве синтеза обоих начал, т.е. особого, хотя и достаточно расплывчатого комплекса.

В то же время физическая масса «старой» экономики сократилась незначительно – сказывались «стратегия приспособления» мирового капитала, воздействие специфически китайского деревенского феномена и особенно таких извечных факторов, как демографический и географический, цементирующий последний. В связи с насильственным вовлечением в общемировой поток феодализм в Китае оказался «изжитым» только исторически – стадийно и формационно, но не количественно. Так называемое «господство феодальных пережитков» – средневековое сочетание арендной системы с массовым бюрократическим изъятием прибавочного продукта (рента-налог) – оставалось «базисом» общества и после 1912 г.

Таким образом, сложилась как бы «трехслойная» структура (современное + переходное + традиционное) с широчайшим спектром социальных типов – от раба и крепостного до пролетария и буржуа. Не только наличие в такой структуре переходных, синтезированных элементов, но и факт соединения трех разнородных компонентов в хозяйственный организм страны заставляют определить эту структуру как синтезированную.

В принципе нечто подобное имело место и в Европе при переходе от феодализма к капитализму. Ситуация в Китае отличалась от евро-

пейской (стран как первичного, так и вторичного капитализма) на первый взгляд только количественно: в Китае традиционный компонент в общей структуре и традиционные элементы в переходном и новом компонентах были намного более «весомыми». Однако это количественное отличие (по закону перехода количества в качество) плюс отмеченная выше определенная качественная несхожесть «исходной базы» формационного перехода привели к иному, нежели в Европе, положению. Значимость и объем произошедших в Китае сдвигов заставляют говорить о начале формационного надлома. Однако бывший формационно определяющим уклад сохранял превосходство, теряя качества стадийной поступательности и исторической перспективы, что открывало дорогу не столько иной формационности, сколько растянутой многовариантной переходности (см. [25, с. 139–147]).

Известная однотипность, «одноукладность» традиционной системы сменялась многоукладной структурой переходного общества. Многоукладность и переходность стали взаимопитающими началами. Более или менее «единый» тип воспроизводства уступал место разобщенности процессов воспроизводства основных укладов – феодального (натуральное и мелкотоварное хозяйство), мелкокапиталистического, крупнокапиталистического с двумя секторами. Многоукладность сама по себе расширила сферу обращения, ибо рос обмен между укладами. С одной стороны, резко увеличилась множественность видов городской экономики (три последних уклада) (см. [105, с. 54–77, 153–231]), с другой – деревенское общество теряло прежнюю монолитность с ростом мелкотоварного уклада, раннебуржуазных и разного рода переходных форм.

Все это увеличило многообразие социальных типов (абсолютно доминировавших и недавно возникших) внутри крестьянства, ранее более или менее однотипного. Наряду с богатыми крестьянами старого натурального типа и полукулаками-полупомещиками появились и кулаки нового склада – промыслового и земледельческого профиля. В сфере как натурального, так и мелкотоварного укладов средние хозяйства соседствовали с маломощными полупролетарскими, члены которых прирабатывали по найму. Пауперы и арендаторская беднота перемежались с пролетарской прослойкой, живущей продажей рабочей силы (см. [103, с. 162–197, 219–248]). Постоянное превращение крестьян в мелких товаропроизводителей расширяло принятие всей этой сферой мелкобуржуазных признаков. Деревня становилась средой, порождавшей не только нищету и пауперизм, но и продукты буржуазной эволюции (см. [102, с. 48]).

Однако нищенский исходный уровень и низкие темпы роста сельского капитализма превращали его лишь в один из элементов переходной многоукладности без возможности перерасти в перспективное структурообразующее начало. Картина развития капитализма в китай-

ской деревне позволяла говорить не столько о начале конструктивной буржуазной перестройки последней, сколько о признаках формационного надлома деструктивного плана в обстановке складывания переходного общества. Будучи лишь одной из многих составных частей сферы синтеза и новой многоплановой эволюции, китайский деревенский капитализм был отчасти только показателем завершения в данной сфере саморазвития традиционного типа (см. [104, с. 125–149, 266–267]).

Буржуазный уклад в городе также представлял достаточно ущербный элемент переходной многоукладности. Общий социально-экономический и политический климат Китая первой половины XX в. лимитировал развитие капитализма не только по демократическому, прогрессивному, но и по консервативному, «октябристскому» пути. На данный внутренний план накладывались внешние деформации, свойственные зависимому полуколониальному развитию. После Си-моносекского мира и Синьхайской революции из двух возможных вариантов модернизации возобладал стихийный, т.е. без активного содействия надстройки. Между тем наличие гигантских пластов докапиталистического мелкого производства и самовозрастание этой массы темпами, опережающими буржуазную трансформацию, делали стихийную капиталистическую перестройку общества «снизу» исторически бесперспективной. В условиях Китая демографический фактор как бы «съедал» достижения нового уклада и страны в целом, что делало стихийный, «естественный» вариант в историческом плане тупиковым (см. [25, с. 150–152]).

Разобщенность «двух капитализмов» (привнесенного извне современного машинного и спонтанно поднимавшегося «снизу» ручного), в свою очередь, выступала одним из слагаемых такой бесперспективности. Как «верхние», так и «нижние этажи» нового уклада сами по себе не только не могли стать формационно образующим началом, но и не имели реальной возможности подчинить себе друг друга с тем, чтобы развернуться в ведущую или хотя бы активно трансформирующую силу общества. Подобная ситуация лишь затягивала обстановку синтеза и переходности (см. [164, с. 113–135]).

В результате всего этого основным кардинальным продуктом базисных сдвигов в Китае второй половины XIX – первой половины XX в. стал не капиталистический уклад сам по себе, а вся сумма явлений переходности и синтеза. Главное русло общей эволюции пролегло не столько через буржуазные тенденции, сколько через возникновение социально-экономической системы смешанного плана. Последнее было тем главным, что определило общий характер трансформации китайского общества к 1949 г. Капиталистический же уклад (точнее, уклады), сам будучи в определенной мере синтезированной структурой, выступал прежде всего как один из факторов формирования смешанного переходного общества, с его тенденцией к разбуха-

нию и закреплению промежуточных форм синтеза. В результате в Китае XX в. переходность представляла собой не только процесс, но и относительно устойчивое более или менее длительное состояние (см. [25, с. 146–153]).

Переходность стала крупнейшим социально-экономическим сдвигом с отрицательным показателем (неофеодализм, некапитализм), а буржуазный характер связанной с ней эволюции выглядел во многом иллюзорным. Вопрос о конечной «цели» сложной трансформации, в которую втянулся Китай, оставался открытым (см. [84, с. 278–294]), неопределенным с несколькими возможными вариантами – капитализм, затяжная слаборазвитость отсталой страны, социализм. Если капитализм и социализм как формационные определенности представляли собой антиподы и альтернативы «болотному» межформационному буксованию, то затяжная слаборазвитость оставалась всего лишь продолжением и закреплением того же самого синтезированной состояния (см. [93, с. 191–192]).

Болезненный характер формационной смены в Китае не исключал возможности искусственного поворота в том или ином направлении: тупиковый вариант мог уступить место реальному обновлению страны в случае радикального, активного вмешательства в данный процесс государства, получившего в условиях переходной многоукладности особую значимость и известную свободу выбора в делах экономики и хозяйственной политики (см. [93, с. 40–52]). Только его последовательные, концентрированные и действенные усилия могли изменить «баланс сил», создать поступательную потенцию.

Но подобный «искусственный» вариант сознательной модернизации общества путем насаждения капитализма «сверху» мог быть успешным при освобождении соответствующих потенций и снятии преград (традиционных и новых) для буржуазного развития «снизу». Однако наблюдавшаяся в 20–40-е годы тенденция смены «стихийного» варианта модернизации «сознательным» вследствие взятого гоминьданом курса привела лишь к «бюрократическому» перерождению и общему краху чанкайшистского режима. Тем не менее в условиях Китая именно надстроечная альтернатива являлась единственно «пригодимой».

Формационная неопределенность переходной «паузы» (см. [19, с. 198]), борьба различных ее вариантов и в силу этого социальная неустойчивость общества породили почти сорокалетнюю (1911–1949) полосу массовых движений, революций и гражданских войн. В их огне происходила смена различных форм и методов воздействия друг на друга синтезированных базиса и надстройки, а также осуществлялось воздействие общемирового развития на всю переходную систему Китая в целом.

Как уже отмечалось, процесс синтеза охватывал различные структурные горизонты. Системами высшего порядка в этом плане были глобальная и китайская.

Слом самоизоляции Цинской империи – первейший фактор втягивания Китая непосредственно в общемировое развитие – привел к кардинальному изменению соотношения внешнего и внутреннего факторов. В «доопиумную» эпоху первый не играл заметной роли в жизни Китая (кочевники и соседние оседлые цивилизации были в значительной мере «внутренним» компонентом закрытой системы «Поднебесная–варвары»). С середины же XIX в. вся последующая трансформация китайского общества представляла собой производную от взаимодействия внутреннего и международного факторов. Цинская империя была изъята из «своей» старой системы «Поднебесная–данники» и насильственно включена в новую, чуждую ей систему мирового капиталистического рынка. Быстрое разрушение в ходе колониальной экспансии Запада «китайского мирового порядка» в прежней зоне имперского преобладания Пекина (см. [53, с. 416–425]) привело к изменению ее статуса – бывший гегемон превратился в полуколонию.

До «опиумных» войн китайское общество являлось самостоятельным социально-воспроизводственным организмом, функционировавшим в рамках в целом единой системы «традиционная деревня – традиционный город». С интернационализацией хозяйственной жизни некоторая, постепенно увеличивавшаяся часть этой системы оказалась вовлеченной в синтезированный организм «капиталистический Запад – феодальный Восток» (или «фабричная промышленность Европы – традиционная экономика Азии»). Китай превратился в зависимый компонент подсистемы «Запад–Китай». Вместе с тем он оказался частично замкнутым на экономику каждой из ведущих капиталистических держав, что создавало пять-шесть синтезированных систем более ограниченного порядка – типа «метрополия–полуколония» («Англия–Китай», «Франция–Китай» и т.д.), некоторые из которых усложнялись подсистемами более низкого уровня («Британская Индия – Китай», «Французский Индокитай – Цинская империя»).

Все они не были обособлены друг от друга, создавая сложный общественно-производственный организм типа «метрополия + колония – полуколония» («Англия + колониальная Индия – Китай», «Франция + Французский Индокитай – Цинская империя»). Через поставки в его рамках сырья, полуфабрикатов, ремесленных изделий и рабочей силы (*кули*), через импорт фабричных изделий, техники, капиталов, знаний и технологии Китай был втянут в синтез двух различных способов производства – капиталистического и феодального, в некий межнациональный «способ производства», основанный на сочетании

европейского и азиатского в рамках интернационального хозяйственного организма «Запад + колонии – Китай» (см. [208, с. 167–193]).

В отличие от Европы, где синтез унаследованных и новых структур протекал на внутренней – национальной и самостоятельной – основе, в Китае этот процесс шел через иностранный сектор (т.е. встроенный извне механизм чужеродного давления) и развертывался на базе действия общемировой империалистическо-колониальной системы (см. [135, с. 21–26]). В определенной мере китайский вариант синтеза можно, по-видимому, рассматривать как промежуточный – между самостоятельным западным и чисто колониальным на Востоке.

С конца XIX в. в Китае на стыке традиционной и общемировой систем возникла третья – «национальный капитализм – традиционная экономика», которая являлась не только промежуточным образованием между ними, но и частью системы «Китай – Запад + колонии», т.е. имела подчиненный статус. Развитие национального капитализма, будучи само по себе процессом синтеза, протекало в Китае в русле полуколониального синтеза, т.е. было изначально поставлено в рамки отсталого варианта (см. [186, ч. 3, с. 3–11]). Вместе с тем новая система была не только простым слагаемым общемирового империалистическо-колониального организма, но и одновременно его «внешним отделением» и параллельным началом, борющимся за независимый национальный статус.

Если в общемировой макросистеме трансформирующей силой был капиталистический город и машинная промышленность за океаном (Европа, Северная Америка, позднее – Япония), то в новой системе ведущей силой стали «открытые» порты – анклав буржуазного развития на побережье Китая (см. [54, с. 45–73]). В итоге втянутая в сферу воздействия мирового капитала часть традиционной экономики и социума стала компонентом сразу двух систем «Запад + колонии – Китай» и «национальный капитализм – традиционная экономика», т.е. оказалась втянутой в сферу как «внешнего», так и «внутреннего» синтеза.

Остальная, подавляющая по величине масса старого общества, находившаяся вне связей с мировым рынком и местным капитализмом и в этом смысле все еще в значительной мере «закрытая» от постороннего воздействия, осталась в рамках исторически унаследованной системы «традиционная деревня – традиционный город» (см. [104, с. 3–7]).

В итоге вся экономика и социум Китая оказались не охваченными, как прежде, одной органичной системой, а как бы поделенными по частям и задействованными уже тремя различными, точнее, антиподными и антагонистическими системами. Это поставило китайское общество в условия глубочайшего социально-политического кризиса с крайне болезненным затяжным течением (см. [25, с. 139–156]).

Если две из указанных систем – общемировая и местный капитализм – были основаны на синтезе современного и традиционного, то

третья (чисто традиционная) несла в себе сильнейший заряд антисинтеза. В то время как последняя сохраняла сугубо национальную природу, первая отличалась своим глобальным, наднациональным характером, а вторая была синтезом национального и интернационального начал. Данное промежуточное состояние обусловило противоречивость позиции национального капитала, боровшегося не против включения Китая в первую систему, а за равноправное, т.е. неколониальное, положение внутри нее (см. [5, с. 99–138; 104, с. 190–194, 228–234, 259–260]).

В итоге Китай выступал как синтезированное образование, находящееся одновременно в трех различных измерениях. Во-первых, будучи вовлечен в суперсистему мирового рынка, он представлял собой ее фрагмент, «внешнее отделение», одну из многих «периферий», которым противостоял «центр». Во-вторых, Китай стал звеном общемировой колониальной системы (полуколония). В-третьих, он весь рассматриваемый период оставался органической частью омирающей «системы» феодальных и полуфеодальных обществ Азии.

Поделенность социума и экономики между тремя системами создали целый спектр различных явлений и проявлений – сосуществования, переплетения, срастания, борьбы двух формационных начал (более или менее глубокий синтез, антисинтез) и соответственно – сосуществование и противоборство центробежных и центростремительных тенденций. В этом плане Китай выступал как особая синтезированная общность трех начал: «европейское (иностраный сектор) – переходное (национальный капитализм) – азиатское (традиционные экономика и социум)». Он не только представлял собой части трех систем, но и сам в целом являлся своеобразной системой переходного типа.

Однако последняя являла собой не целостный органический общественно-воспроизводственный организм, а образование с целым рядом системных отклонений, т.е. систему более низкого порядка (гипосистему) с наличием неконтактных и слабовзаимодействующих структур (см. [25, с. 152–153; 98, с. 7]). Так, переходная экономика страны была сочетанием «закрытых» (натуральных) и «открытых» (товарных) ячеек, соседствовавших с целым спектром промежуточных, т.е. мало либо формально задействованных рынком (мировым, сферой национального капитализма, традиционным) (см. [104, с. 149–161]).

В китайской деревне, например, в плане воздействия рынка выделялись четыре сосуществовавшие сферы – сферы влияния внутреннего и внешнего рынка, натуральная (антирыночная) и промежуточная (полунатуральная). Сходным образом градуировалась и масса традиционного. Одни ее звенья были активными участниками, другие – пассивными объектами синтеза, третьи сохраняли способность существовать в обстановке синтеза, не подвергаясь изменению, четвертые представляли собой явную архаику, «горизонт обреченности», никак

не совместимый с процессом синтеза. В переходном обществе Китая старое существовало в трех состояниях: выстоявшее и незатронутое модернизацией; находящееся в стадии механического разрушения (продукты распада); включившееся в систему синтеза (в том числе старое содержание с новой формой как способ выживания).

Таким образом, переходное общество Китая было сочетанием синтезированных и нетрансформированных структур и явлений. Это открывало возможность попеременного функционирования в обеих средах. Так, конкретный торгово-ростовщический капитал, который достаточно часто бывал замкнут одновременно как на синтезированные системы (общемировую и национального капитализма), так и на систему антисинтеза (традиционную), мог проявлять активность то в одной, то в другой в зависимости от конъюнктуры, что служило одной из причин живучести отсталых форм капитала и традиционного сектора вообще. В то же время и новое представляло собой огромный спектр степеней синтеза, вариантов сцепления с традиционным – от слабо синтезированных форм в иностранном секторе до сохранения традиционной сути при новой форме (см. [28, с. 50–57; 312, 1981, № 2, с. 227–228]).

Кроме того, как в «китайской» части системы «Запад + колонии – Китай», так и в дихотомии «национальный капитализм – традиционная экономика» различались два основных пласта. Первый – материал, прочно задействованный данными системами и способный существовать только в таком качестве (своего рода синтез «первого эшелона»). Второй – общественные структуры, втянутые в обе системы частично или опосредствованно, имеющие возможность отключиться от них и вернуться в лоно традиционности, например, в период войн и разрыва мирохозяйственных связей.

Однако при всей сложности спектра новых, синтезированных, старых и маргинальных явлений социально-экономическая гипосистема переходного Китая складывалась прежде всего из двух принципиально важных и противостоящих друг другу горизонтов – современного и традиционного – в условиях слабости и ограниченности первого и гигантской физической массы, устойчивости и воспроизводимости второго. Оба горизонта подвергались воздействию синтеза, от каждого (теоретически навстречу друг другу) тянулся шлейф разного рода переходных форм, явлений, структур. Но последние лишь весьма условно могут быть отнесены к единому промежуточному горизонту (см. [25, с. 146–150]). Иными словами, синтез протекал одновременно на двух основных уровнях и составлял неразрывное единство двух встречных процессов: частичная китаизация западного и такая же модернизация традиционного. Это двуединство было отражением одновременной задействованности китайского общества сразу тремя системами – общемировой, национального капитализма и традиционной.

Кроме того, поскольку не всякое старое могло стать элементом или «сожителем» синтеза, частичное умирание традиционного общества как былой всепоглощающей системы не могло не сопровождаться распадом архаики. Она была не только крайним антиподом нового, но и помехой синтезу, который не мог инкорпорировать ее в свою систему. Таким образом, процесс синтезирования общества обуславливал необходимость известной «чистки», избавления его от наиболее отсталых, реликтовых форм, которым не было места в трансформированной системе¹. В итоге синтез являл собой не двуединый («ухудшение» нового – «улучшение» старого), а триединый процесс (трансформация западного – видоизменение китайского и распад архаики).

С одной стороны, архаика отмирала стихийно, не выдерживая условий новой эпохи, с другой – сознательно устранилась «сверху» для целенаправленной санации жизнеспособной массы старого. Традиционная система в целях выживания и приспособления «выбрасывала» за борт бесспорно отжившее, освобождалась от явного балласта для удержания остальной своей массы на плаву. В результате оставалось то, что способно на активное синтезирование или на пассивное механическое вхождение в трансформированную систему². Гибель архаики явилась частью «цены», заплаченной китайским обществом за начало модернизации.

Удельный вес и значение продуктов синтеза определялись тем, что становление чисто современного и распад традиционного происходили как бы на противоположных флангах общественного развития. Оба эти процесса были весьма слабы, и «разрыв» между ними перекрывался двусторонним «загрязнением» – быстрой традиционализацией нового и внешним осовремениванием староформационного (см. [104, с. 263–271]). Темпы роста синтезированных структур определялись резким отставанием роста современного от мимикрии традиционного.

Сила противодействия этих начал друг другу обуславливалась глубиной их «тылов». За спиной нового стояла вся система мирового капитала, за старым – гигантская демографическая и территориальная масса «азиатчины», тысячелетние традиции и сила инерции. Уравновешивающая друг друга мощь обоих начал делала успехи трансформации относительными, а их противостояние – весьма длительным и малоперспективным. В условиях, когда были невозможны как создание европейского, так и разрушение азиатского общества в Китае, единственно реальным и значимым «продуктом» такой коллизии до 1949 г. оставался синтез обоих начал, как китайский вариант модернизации древнейшей восточной деспотии.

При этом нарушение традиционной чистоты трансформируемых старых форм и институтов было как средством, так и «платой» за выживание основ азиатской системы и за частичное оздоровление ее в русле синтеза, когда принятие старым новой формы или наполнение восточной оболочки содержанием переходного свойства становилось

велением времени. Внутренняя устойчивость и гибкая приспособляемость, тенденция к самовосстановлению и повышенные амортизирующие возможности традиционной системы обеспечили ей вместо гибели возможность в определенной мере ужиться с обстановкой «пробуждения Азии». Вместо создания нового общества имела место «спасительная» трансформация старого на базе синтеза, когда не только последний становится наиболее «проходимым» вариантом общественной эволюции, но и в нем самом преобладающим компонентом оставалось старокитайское (см. [28, с. 40–49]).

В итоге общественная эволюция Китая пошла по далеко не лучшему приспособленческому пути – «обслуживания» «азиатчины», тогда как действительное революционное преобразующее развитие было прочно заблокировано массой и прочностью старого. В силу этого «китайский синтез» – прежде всего явный или скрытый приоритет старого, во многом формальное восприятие нового, половинчатость, замедленность и попятность трансформации. Саморазвитие синтеза как доминирующего начала поглощало и утилизировало «работу» китайских революций (см. [28, с. 40–49]). Частичная и поэтапная приспособляемость традиционных основ к новым условиям затеняла, отодвигала на второй план развитие нового уклада (капитализм). Синтез стал тем основным созидательным началом, на основе которого складывалось переходное общество как своего рода системное образование.

«Центр» и «периферия»

Включение Китая в общемировую макросистему существенно изменило природу процессов внутренней эволюции, в частности развития капитализма.

Предпринимательство в «доопиумном» Китае, во-первых, не выходило за рамки «средневекового капитализма» преимущественно домашнего уровня и, во-вторых, было чисто национальным замкнутым явлением, изолированным от передового «мирового» капитализма Европы и Северной Америки (см. [126, с. 436–483; 171, с. 221–222]). После «открытия» Цинской империи для нужд мирового рынка китайское буржуазное предпринимательство оказалось включенным в общемировой процесс капиталистической хозяйственной интернационализации. В результате оно стало выступать в двух ипостасях: как слагаемое глобальной макросистемы «буржуазный Запад – феодальный Восток» и как национальная автономная система.

В рамках мировой капиталистической макросистемы китайское предпринимательство было зависимым «внешним отделением» ее европейско-американского центра. В результате, если на Западе капиталистическая трансформация базиса осуществлялась на самостоя-

тельной национальной или национально-государственной основе, то в Китае (как и в целом на Востоке) наблюдался принципиально иной тип эволюции (см. [208, с. 121–149]), представлявший собой во многом производную от требований или нужд развития «центра», на службу которому в известной мере были поставлены формационные судьбы «периферийного» Востока (см. [152, с. 5–16]).

Китайский вариант социально-экономической трансформации до 1949 г. убедительно подтверждает, что «при сохранении на положении колоний и полуколоний даже крупных стран, обладавших значительными ресурсами и историческим опытом, капиталистическое развитие в них не могло шагнуть дальше верхушечных, слабо развитых, зависимых форм» [208, с. 147]. В Китае преобразующее воздействие капитализма наталкивалось на гигантский демографический потенциал традиционности и переходности, постоянное естественное возрастание которого делало формационную поступательность крайне затруднительной. Сказывалась и повышенная устойчивость по отношению к этому воздействию традиционной бинарной системы.

Мировой капитал, в свою очередь, отнюдь не стремился к кардинальной и быстрой перестройке отсталых структур «периферии», поскольку был (и остается) заинтересованным в их последовательной эксплуатации. Временный переход части современного мирового капитала на стадияльно более низкие «этажи» стал, по-видимому, одним из законов его движения.

Эти два момента составили глубинную основу социально-экономического развития Китая в рассматриваемый период.

Под воздействием системы «центр – периферия» наиболее современный капитализм в Китае не столько возникал «изнутри» (национальный сектор), сколько закладывался извне (иностранный капитал) и отчасти не в самом китайском обществе, а «рядом» или «сбоку» от него (отторгнутые от Китая селтльменты, концессии и особые зоны) [104, с. 60–105]. В результате самый передовой в условиях отсталого Китая экономический сектор конституировался не столько как национальный компонент, сколько в качестве инструмента мировой буржуазной системы. Он тяготел больше к «центру» капиталистической формации на Западе, нежели к эксплуатируемой китайской «периферии». Иными словами, в ходе сложного взаимодействия «внешней среды» с национальным хозяйственным организмом произошел «отрыв» от отечественной основы части китайской экономики, которая была включена в виде служебного компонента в производственно-воспроизводственный процесс стран – лидеров мировой капиталистической системы (см. [139, с. 593]).

Такое «отторжение» сопровождалось известным отчуждением действовавшей вовне части местного капитала и предпринимателей (компрадоры, скупщики, фабриканты, хозяева мануфактур, мастерских, шахт, рудников, организаторы капиталистической работы на

дому) от общекитайской системы. В равной степени это относится и к рабочей силе – фабричным пролетариям, ремесленным работникам и крестьянам, задействованным в различных системах производственного синтеза.

В обратном направлении осуществлялся «выплеск» части экономики «страны-лидера» в пределы «ведомой страны», например из Англии в Китай. Тем самым «метрополии» создавали в экономическом организме полуколонии во многом чужеродный иностранный сектор. Последний постепенно вращался во внутрикитайское разделение труда и из внешнего агента «центра» понемногу и частично становился внутренним участником воспроизводственных процессов «периферии», из ее механического привеска медленно развивался в специфическое звено местной экономики (см. [19, с. 89–90]).

Оба эти процесса были не только встречными и одновременными, но и взаимозависимыми, а до 1949 г. в значительной мере и неразрывными. Иностранный капитал, функционировавший в Китае, выступал как авангард группы «метрополий», а иностранный сектор – как форпост мировой капиталистической системы, выдвинутый из ее «центра» на «периферию», в чуждую «центру» среду, в результате подвергавшуюся не только эксплуатации, но и частичной перестройке главным образом методом синтеза (см. [135, с. 21–26]).

Как «отвлечение вовне» части национального потенциала, так и «привлечение вовнутрь» иностранного звена (приморские анклав, а также горнорудные, железнодорожные и фабричные «вкрапления» во внутренних районах) создавали новые импульсы дезинтеграции, усугублявшие и усложнявшие традиционную хозяйственную разобщенность Китая – региональную, провинциальную, уездную и т.п. (см. [25, с. 152–153; 104, с. 149–150]). Все это усиливало разобщенность социально-экономических процессов – их серьезные пространственные, временные и стадийные разрывы, что, в свою очередь, «работало» на переходность, на синтез, на симбиозное сращивание и уживание противоположных процессов и структур.

Симбиозное уживание наблюдалось и на формационном уровне – позитивного движения к смене формации. В Китае первой половины XX в. новоформационное еще не вышло из чисто укладного состояния, а староформационное уже откатилось на укладный (точнее, многоукладный) уровень (см. [115, с. 315–335; 175, с. 5–41]). Капиталистический уклад (с двумя секторами) и сумма укладов традиционности с присущими им восходящими и нисходящими тенденциями не смогли выйти за рамки, установившиеся в конце XIX в. (с возникновением капиталистического уклада), что сохраняло принципиальный статус обеих борющихся сил. И «укладный» капитализм, и «укладная» традиционность были сами по себе лишены возможности кардинально разрешить формационную проблему, и их столкновение в тех

условиях в определенной мере напоминало «вечный шах» в шахматах (см. [25, с. 148–156]).

Нужен был мощный импульс, нарушавший инерцию сложившегося подвижного равновесия. Но воздействие внешнего фактора не преследовало такой цели. К тому же оно не накладывалось (как в странах вторичного капитализма) на соответствующие достаточно серьезные внутренние процессы. Здесь сам китайский капитал («капитал синтеза») в отличие от своего европейского «собрата» в значительной части вполне естественно и лояльно уживался с «азиатчиной», ибо в массе своей обладал значительно большей склонностью к добуржуазным и дофабричным формам инвестиций и методам эксплуатации, тягой к укоренению в недрах традиционной или переходной экономики (см. [186, ч. 3, с. 3–11]). Эта ставило дополнительные препятствия к превращению «укладного» капитализма в созидателя буржуазной формации на почве, явно враждебной и явно неподготовленной к такому общественному перевороту.

Дать необходимый импульс могла и политическая надстройка. Однако сложившаяся в Китае государственность, сохранив в себе слишком много от азиатской деспотии, в принципе объективно «работала» не на преодоление, а на сохранение состояния переходности. Результатом всего этого была ситуация затяжного межформационного состояния, устойчивой переходности как не только механической, но и отчасти органической общности на базе синтеза разноформационных и разностадиальных начал (см. [19, с. 194–198]).

Анклавы и «материку»

Преобразующее влияние «центра» на «периферию» осуществлялось воздействием на Китай, во-первых, промышленного и иного капитала, функционировавшего в самих метрополиях, и, во-вторых, капитала, непосредственно вынесенного из «центра» в полуколонии (в колониально-капиталистические анклавы, расположенные на китайском побережье и отчасти во внутренних районах, – концессии и селтльменты в «открытых» портах, «арендованные» территории, железнодорожные и горнорудные концессии и т.д.) (см. [54, с. 45–73, 140–141, 177–179]).

С торговых войн середины XIX в. и возникновения системы «капитуляций» на базе первых неравноправных договоров 1842–1844, 1858 и 1860 гг. все последующие уступки иностранному капиталу со стороны традиционной системы в известной мере являлись расширением анклавного начала. Важнейшими этапами этого процесса послужили первая «битва» за «концессии» 1896–1898 гг. и в меньшей мере вторая такая «битва» 1912–1914 гг. (см. [104, с. 65–72, 85–89]). В принципе весь европейский, американский и японский колониализм

в Китае до 1931 г. носил ярко выраженный очаговый характер, сохранившийся и после «массовой» постройки империалистическим капиталом железных дорог с полосами отчуждения и с созданием шахт и рудников после Симоносекского мира. В плане развития современного капитализма Китай даже к 1949 г. в принципе так и не вышел из анклавной стадии или во всяком случае не ушел от нее далеко (см. [271, с. 315, 323]).

Появление на территории Китая этих особых вкраплений с благоприятным инвестиционным климатом надолго обусловило очаговый характер распространения современного и синтезированного в «море» китайской традиционности.

В этих фактически отторгнутых от Китая анклавах насаждался буржуазный правопорядок, обеспечивавший правовые гарантии личности и собственности предпринимателя, что способствовало деятельности не только иностранного, но и национального капитала (см. [93, с. 12]). Происходивший на их территории переход иностранных предприятий в национальный сектор и, наоборот, китайских объектов в иностранный стал одним из путей развития синтеза традиционного и современного (см. [105, с. 228, 229]). В итоге анклавы стали главными очагами буржуазного развития и модернизации.

Развитие и распространение зрелого капитализма до победы Народной революции происходило в первую очередь в результате роста старых и появления новых анклавов или анклавных зон, а также принятия некоторых черт анклавноности рядом городов внутри «материка» традиционности и переходности. Трансформация Китая шла и за счет увеличения сферы и эффективности влияния очагов нового на их хинтерланд и более отдаленную округу, роста значимости таких очагов в экономической, социальной, политической и культурной жизни страны, т.е. укрепления того же анклавного фактора при явной изолированности таких анклавных зон друг от друга и их относительной самостоятельности (см. [25, с. 199–202; 262, с. 138–141]).

Свойственные анклавам процессы в весьма малой степени затронули остальную территорию Китая – «традиционную зону», царство азиатского деспотизма, чиновничьего произвола и незащищенности частного предпринимательства. В сравнении с этим «морем» традиционности, господствовавшим на подавляющей части территории страны, которую само население называло «китайским материком» (*чжун-го дагу*), капиталистические анклавы выглядели крохотными островами.

Включенность Китая в глобальную систему «капиталистический Запад – феодальный Восток», или «промышленный „центр“ – аграрная „периферия“», выливалась в дихотомию «современные анклавы – традиционный „материк“», или «капиталистический город – феодальная деревня». Однако в условиях переходности и синтеза эти анклавы и города отнюдь не полностью модернизировались, т.е. еще не стали

буржуазными, а «материк» и деревня уже не были чисто средневековыми. Таким образом, в переходном Китае второй половины XIX – первой половины XX в. оппозиция «капиталистический город – феодальная деревня» носила двойственный характер – внешний, всеобъемлющий («мировой город – мировая деревня») и внутренний, когда понятие «современный город» резко сужалось.

В Китае из более чем 1,5 тыс. городов – административных центров (*чэн*) и свыше 38 тыс. городов и поселков городского типа (*чжэнь*) условно капиталистическими стали десяток-полтора и примерно столько же находились в стадии относительной модернизации (см. [267, с. 224]). Хотя реальное значение этих 20–30 центров и их воздействие на деревню далеко превосходило их чисто количественный удельный вес в общей массе городов, указанные центры не меняли общей картины. Остальные города во многом еще оставались либо традиционными, либо переходными, т.е. в стране полностью преобладал старый (подчас несколько видоизмененный) тип дихотомии «добуржуазный город – докапиталистическая деревня». В итоге современный город в полукOLONиальном Китае оставался до 1949 г. анклавным явлением при консервации «очаговой» стадии и анклавного типа развития капитализма (см. [207, с. 82–87]).

При такой придавленности буржуазных очагов массой докапиталистических структур правильнее говорить не только о трансформирующей роли анклавов, но и о противодействующем влиянии на них «материка».

При низких темпах трансформации традиционного общества, при гигантской физической (демографической и пространственной) массе старого, при его высоких амортизаторских возможностях и приспособленческих потенциях имело место не только модернизаторское воздействие малочисленных «современных» городов на окрестный хинтерланд и более далекую сельскую глубинку, но и обратный эффект, т.е. захлестнутость этих островков непропорционально огромным в сравнении с ними «морем» старой экономики и традиционного социума (см. [104, с. 197–199, 263, 265, 266]).

При длительном сосуществовании анклавов и «материка» преобразующее воздействие первых уравнивалось их «блокированностью» со стороны последнего. С одной стороны, мировой город «обволакивал» Китай торговыми, инвестиционными и иными связями, превращая его в среду полукOLONиального синтеза (см. [152, с. 5–116]), а анклавы способствовали такому «обволакиванию» деревни внутри Китая. С другой стороны, действовала обратная тенденция, когда масса традиционности, в первую очередь деревенской, «обволакивала» очаги нового, «ухудшала» их буржуазную сущность, снижая степень ее зрелости, вынуждала опускаться на уровень синтеза и уменьшала их трансформирующее, созидательное воздействие. Тем самым синтезирующему влиянию анклавов китайский «материк» про-

тивопоставлял антисинтез, т.е. встречное воздействие на «современный» город. Это снижало качественные и количественные показатели синтеза как в сфере городской, так и особенно сельской экономики. Такого рода обоюдное влияние в дихотомии «анклавы–„материк“» обуславливало затяжное уравновешенное противостояние обоих начал при невозможности антиподов существенно перестроить друг друга.

Сказывалось оно и на состоянии анклавов. Последние отнюдь не были чисто капиталистическим явлением. Все колониально-капиталистические анклавы представляли собой сгустки синтеза, с одной стороны, непосредственно импортированного современного капитализма, а с другой – традиционной хозяйственной базы (рабочая сила, рынок, кредит и т.д.). Здесь Запад (его коммерческие фирмы, банки, страховые компании, управляющие агентства, пароходства, доки, фабрики, коммунальное, портовое и складское хозяйства) напрямую соединялся с Китаем, во многом еще феодальным, на принципах сращения обоих начал (см. [207, с. 32–33, 82–83, 207]). «Витриной» такого «городского синтеза» служила «столица» китайского капитализма – Шанхай. Если его международный сэттлмент и французская концессия были в большей мере современными, то китайская часть города оставалась в значительной степени традиционной.

В итоге всего отмеченного выше сложился своего рода баланс безрезультативности, когда общемировое и местное капиталистическое начало было не в состоянии «переработать» критическую массу традиционности, что было необходимо для становления новой формации, а старые экономика и социум уже не могли ликвидировать анклав или изолироваться от него (см. [175, с. 5–28]). В результате очаговый тип развития капитализма в Китае принял устойчивый и затяжной характер.

Общая слабость китайского капитализма заключалась не только в его застревании на уровне и стадии уклада, но и в его узком пространственном распространении, в прочном «засиживании» на стадии очагового развития (см. [61, с. 100]). Последнему в рамках оппозиции «анклавы–„материк“» противостояла гигантская толща экономики и социума, остававшаяся от феодальной формации. Такие «почвенные» структуры своей чрезмерной массой и повышенной устойчивостью делали в условиях первой половины XX в. во многом неразрешимыми противоречия типа «анклавный фактор – почвенный фактор», «очаговые образования – фундаментальные структуры», «верхушечное развитие – массовая эволюция» и т.д.

Дуализм и системность

Переходное общество складывалось в Китае в условиях, когда современное из-за своей слабости еще не могло стать системообразующим и формационным началом, а традиционное уже утратило эти качества. В результате оба указанных слагаемых, как исторически

унаследованное, так и привнесенное извне, одновременно воздействуя на базис, институциональную и мировоззренческую среду, создавали двуосновность переходного общества, что отражало его синтезированную природу. Превращение целостного феодального общества в полуколониальное многоукладное было переходом от формационно «чистого» общества к формационно смешанному, конгломератному, от гомогенного состояния к гетерогенному (см. [19, с. 97, 191–199]). Это создавало дополнительную устойчивость противоречий бинарности практически на всех горизонтах синтезированного общественного организма.

Бинарность, о которой идет речь, существенным образом отличалась от той, что была присуща традиционной социально-экономической системе Китая. Компоненты последней при всей антагоничности породивших их начал (натурального и товарно-денежного) по таким сущностным признакам, как принадлежность к *одной* ступени социально-экономического развития и эндогенность, были однотипными. Поэтому их срастание могло породить и породило законченную, внутренне сбалансированную общественно-экономическую систему, отнюдь не носившую переходного характера. Соответственно и бинарность ее не проявлялась наглядно и выпукло.

Иное дело возникшая в результате соединения принципиально отличных друг от друга (формационно и цивилизационно) компонентов переходная гипосистема, вся сотканная из противоречий. Свойственная ей бинарность, как частное выражение гетерогенности, в сочетании с интегральным характером синтеза создавала в Китае второй половины XIX – первой половины XX в. широчайший спектр дуальных противоположностей и противостояний, в которых выражалась борьба и сосуществование разных формационных начал.

Общий ход развития определялся воздействием как гетеро-, так и эндогенных факторов. Соответственно переплетались и накладывались друг на друга два типа развития – эндогенный традиционный (династийно-демографическая цикличность) и экзогенный современный (линейное поступательное движение). Дважды – в середине XIX и в середине XX в. – имел место синтез очередных традиционно-циклических кризисов и формационного кризиса нового типа (см. [105, с. 230–233; 291, с. 307–329]). Интернационализация хозяйственных связей сочеталась с обратной тенденцией – к самоизоляции значительных территорий в глубине страны. Приоритет внешних связей в одной провинции противостоял господству внутренних в другой, интернационализация рынка на одном уровне сочеталась с его локальной замкнутостью на другом, универсализация – с мозаичностью (см. [104, с. 149–161]).

Центр общественной жизни и политической борьбы попеременно смещался из деревни в город (по современному) и в обратном направлении (по традиционному). Подавляющую массу социума создавала

«старая» деревня, но путь к синтезу шел прежде всего через «новый» город. Прежняя зарегулированность экономических и социальных процессов сохранялась там, где еще не возобладал дисбаланс переходной системы.

«Старые» стагнационные факторы действовали наряду с «новым» динамичным началом. Развитие производительных сил и техническому перевооружению (фабричная промышленность, железные дороги, пароходство) противостояла хозяйственная стагнация и технический застой (в земледелии) (см. [132, с. 86–91]). Развивавшаяся многоукладность соседствовала с «монолитностью» натуральной части массива деревенской экономики. Капиталистическая цикличность периодических подъемов и спадов (в промышленности) сосуществовала с традиционными хозяйственными колебаниями конъюнктуры (сезонными, вследствие стихийных бедствий и т.д.) (см. [132, с. 74–84]). При преобладании рыночного начала в одних звеньях в других продолжало господствовать натуральное хозяйство.

Традиционное соединение земледелия и домашних промыслов соседствовало с их отделением друг от друга. В одних случаях сохранялось превосходство земледелия над промышленностью (ремесло, мануфактура) в плане производительности труда, в других – фабрика превосходила сельское хозяйство по этому показателю (см. [104, с. 3–5]). Средневековый приоритет зернового хозяйства сосуществовал с растущей ролью капиталистической экономики городов. Первое осталось основой хозяйственной жизни страны, а вторая стала главным орудием модернизации Китая. Прежняя экономическая и системная однотипность города и деревни в одних районах противостояла разрушению этой гомогенности в других. В то же время средневековое отставание города от деревни в зоне традиционной глубинки уживалось с выходом города вперед в приморских районах. «Старые» города еще были поглощены традиционной («деревенской») системой, города – капиталистические анклавы постепенно вырывались из объятий «азиатчины». Первые как бы дремали в средневековом сне, а вторые вступили в современность (см. [291, с. 523–525]).

Традиционное неприятие «азиатчиной» частного предпринимательства уживалось с развитием буржуазии. Развитие в городах новых капиталистических классов соседствовало с самовосстановлением традиционного социума в деревне (см. [98, с. 145–171]). Средневековые сословия (особенно шэньши) долго сосуществовали с современными классами.

Китай жил в двух «измерениях» – в традиционном и современном, с двумя системами отсчета времени – европейской (часы) и старокитайской (стражи), с двумя календарями – западным (солнечным) и восточным (лунным).

Бинарность пронизывала не только переходное общество Китая в целом, но и его новообразования, например национальный капита-

лизм. В то время как его «верхние этажи» представляли собой современное предпринимательство, нижние «массовые» звенья еще во многом оставались «средневековым капитализмом» с его торгово-ростовщическими формами. Иначе говоря, в Китае начала XX в. складывались как бы «два капитализма» – новый и старый. Один насаждался путем импорта развитых форм, другой стихийно поднимался снизу на базе ранних форм спонтанного происхождения. Соответственно формировались функционально почти не связанные друг с другом «две буржуазии» – современная элита и «старые» низовые слои – с их расходящимися интересами (см. [25, с. 148–149]).

Иными словами, местный и привнесенный извне капитализм развивались каждый по-своему, слабо смыкаясь и взаимодействуя друг с другом. В этом одна из причин заторможенности трансформации низших форм капитала. В таких условиях раннебуржуазные формы были в большей мере связаны с традиционной экономикой, нежели с современной.

В силу искусственного насаждения и верхушечного характера последней наблюдался разрыв не только по границе «традиционный – буржуазный», но и по линии «раннекапиталистический – современный капиталистический». В результате примитивный местный капитализм выступал скорее как промежуточное, нежели как связующее звено. Он существовал как бы в двух измерениях – в старом и в новом качестве, как побочный элемент традиционного комплекса и как компонент буржуазного уклада (см. [291, с. 528]).

Разрывом по вертикали между «двумя капитализмами» не исчезала бинарность внутренней структуры и «двойственность» капиталистического уклада в Китае. Национальный капитализм получил от Запада импульс к развитию частного предпринимательства, а в наследство от феодализма – чиновничье грюндерство и связь с государством в виде различных смешанных казенно-частных форм (*гуаньду шанбань, гуаньшан хэбань*). Это влиятельное звено – синтез восточной деспотии и фабричного производства, отчасти предопределило противостояние казенного и частного, гегемонию верхушечного и реакционного начала в буржуазной ветви развития (см. [291, с. 529]).

Повышенная значимость бинарности резко осложняла и деформировала системное начало в синтезированной общественной структуре переходного Китая. Особая роль внешнего, во многом насильственного фактора в трансформации общества являлась основным источником его известной несбалансированности и конгломератности. Так, имела место известная неконтактность элементов внутри капиталистического уклада, возникшая в результате искусственного создания его нового, верхнего звена и слабости, подавленности местного капитализма (см. [25, с. 152]).

Проблема сосуществования традиционного и современного в экономике и социальном строе решалась не только через их функцио-

нальную взаимосвязь, в том числе посредством переходных форм, но и через их столкновение и значительный разрыв по ряду измерений (земледелие–промышленность, деревня–город, глубинка–побережье и т.д.). При этом новое частично охватило промышленность, город и побережье, в то время как старое прочно удерживало за собой земледелие, сельскую местность и внутренние районы (см. [291, с. 530]).

В итоге частная неконтактность обоих начал стала ощутимым компонентом синтезированной, переходной, постоянно трансформирующейся гипосистемы. Для нее стало характерным переплетение двух противоположных начал – некоторой системной целостности и известной конгломератности, осложнявшейся, в свою очередь, старой хозяйственной разобщенностью провинций и традиционным регионализмом. Кроме того, борьба двух тенденций – органического единства и механического сцепления – переплеталась с действием извечных для Китая сил: гигантские географические и демографические масштабы страны оставались важными факторами временного разрыва в эволюции. В итоге разные провинции, а также районы внутри них оказались на различных стадиях развития, что было характерно как для городского, так и деревенского общества во всех частях Китая (см. [104, с. 269–270]).

Конечно, при всей отмеченной бинарности в конечном счете имело место не просто механическое вкрапление инородных элементов в традиционно-конфуцианскую структуру, но достигшее значительного уровня органическое взаимное приспособление, уживание одного с другим с созданием особой гипосистемы со своими принципами и внутренними особенностями саморазвития. В силу этого Китай начала XX в. нельзя рассматривать как сумму разобщенных величин (иностранный сектор – национальная экономика, феодальный комплекс – буржуазный уклад, традиционная деревня – «новые» города). Тем не менее перед нами не строго взаимосвязанная, органично монолитная система, а дуалистическая структура с элементами конгломератности, когда социально-экономическое развитие происходило как бы в двух плохо связанных друг с другом сферах – традиционной и современной. Первая охватывала традиционно-феодальные и выраставшие из них раннекапиталистические уклады, а вторая – уклад современного капитализма (см. [291, с. 530–531]). На аналогичных принципах трансформировалась и социальная структура, где стояла та же проблема известной неконтактности внутри новых классов и где также преобладающим в конечном счете было системное начало (подробнее об эволюции социальной структуры Китая см. [164]).

В этой новой, отличной от традиционной, гипосистеме связующим началом, своего рода противовесом бинарности был принцип синтеза, ставший главной «скрепой» общества. В этой общности синтез детерминировал ее строение, функциональность ее компонентов; он же

предопределял необходимость использования системного подхода к анализу переходных структур Китая второй половины XIX – первой половины XX в.

Однако уже в самом сложившемся в Китае варианте синтеза была заложена известная ущербность, внутренняя противоречивость и незарегулированность новой системы, представлявшей собой не целостную полнокровную общность, а образование на порядок ниже системных требований. Построенная на принципах дуализма и синтеза, такая система постоянно сотрясалась от столкновения центробежных и центростремительных тенденций, органической целостности и известной конгломератности. Равнодействующей силой этих противоположных тенденций выступал синтез, ставший всепроникающим началом общественной жизни Китая в условиях «саморазвития» «смешанной» гипосистемы (см. [28, с. 40–49]).

Линейность и цикличность

Эволюция китайского феодализма как до середины XIX в., так и в последующее столетие (1840–1949) происходила в условиях функционирования сельского хозяйства своеобразного трудоинтенсивного типа (подробнее о нем см. [76; 213; 98; 99]). Экологические особенности Китая (полное господство антропогенного ландшафта), неблагоприятное соотношение численности населения и масштабов пашни, а также устоявшаяся реакция общества на эти условия делали неизбежными периодические династийно-демографические циклы, сменяющие друг друга после гигантских социально-политических катастроф. Последние служили концом одного и началом следующего цикла, часто сопровождаясь сменой правящей династии (см. [135, с. 201–208; 213, с. 1–43; 312, 1984, № 3, с. 154–166]).

К началу переходного периода двумя последними циклами, пережитыми традиционным Китаем, были «минский» (1368–1644) и «цинский» (1644–1850). Оба они начинались со смены династии (соответственно Юань–Мин и Мин–Цин) и с разрядки демографической и экономической перенапряженности в результате гибели массы населения (см. [89; 204, с. 512–517; 216, с. 11–12]). «Цинский» цикл завершился с началом Крестьянской войны тайпинов (1850–1864), явившейся частью более широкого и более продолжительного социально-демографического катаклизма (1850–1877) (см. [47]). Следующий цикл – «тайпинский» – охватил период с 1850 по 1949 г. На него пришелся весь период становления и развития переходного общества в полукOLONиальном Китае.

Обращает на себя внимание относительная краткость данного цикла – 100 лет (тогда как «минский» и «цинский» продолжались соответственно 276 и 206 лет). Со сломом внешней изоляции Китая и по-

степенным включением этой ранее «закрытой» страны в мировой капиталистический рынок в его историческую эволюцию был привнесен западный европейский тип развития – линейный. В результате после «опиумных» войн середины XIX в. началось сосуществование и взаимодействие старого и нового типов развития, т.е. циклического и линейного.

Специфика «тайпинского» цикла заключалась в явном вмешательстве нового начала в старый механизм смены циклов. Во-первых, капиталистическая экспансия Запада – «опиумное» проникновение и первая торговая война 1840–1842 гг. – послужила стимулятором и ускорителем очередного циклического взрыва – Крестьянской войны тайпинов (см. [49; 271; 280]). Не исключено, что экономическое и военное воздействие капиталистического Запада явилось катализатором для преждевременного начала династийно-демографического кризиса, хотя важнейший элемент последнего – потеря центральной властью фискального и полицейского контроля над деревней – четко проявился уже в предтайпинское время³. Во-вторых, западное начало стало не только «внешним окружением» («фоном»), но и прямым участником этого гигантского катаклизма – поддержка державами старой династии (Цин) и их борьба против новой тайпинской династии Хунов (Хун Сюцюань, Хун Тянь-гуйфу) в ходе прямой интервенции 1862–1864 гг. (см. [305]). В-третьих, продукт Запада – христианство – стал компонентом и «знаменем» крестьянской войны (см. [246]).

В итоге взаимодействия традиционного и современного начал нарушилось нормальное функционирование механизма периодического и временного оздоровления китайского феодализма. Демографическая и экономическая перенапряженность была снята в результате гибели 40–50 млн. человек (см. [54, с. 325; 92, с. 12]) к середине 70-х годов XIX в., но обновления власти не произошло – старая династия сохранилась. Имело место известное оздоровление традиционной системы, но обычного в таких случаях частичного возврата к более отсталым раннестадийным формам в базисе и надстройке не наблюдалось (см. [105, с. 108–124; 188, с. 254–256, 292–325]). Более того, в последовавшие за подавлением народных выступлений десятилетия явно наметилась тенденция постепенной «узурпации» функций фискально-полицейского контроля над деревней местными феодально-шэньшискими силами (что является предпосылкой и важным фактором династийно-демографического кризиса).

«Династийное обновление» произошло лишь в 1912 г., т.е. выход из «тайпинского» кризиса растянулся почти на 40 лет.

Малая эффективность тайпинского кризиса в указанном смысле помимо всего прочего объяснялась и военно-политическим поражением последней крестьянской войны китайского средневековья. Тайпинизированное знамя Христа, заменившее традиционный лозунг

«Свергнем Цин, восстановим Мин», не могло стать рычагом династийной смены в конфуцианском Китае, равно как и средством объединения китайцев вокруг новой власти. Первоначальные успехи тайпинов в 1850–1856 гг. объяснялись тем, что на повстанцев «работало» гигантское скопление «горючего материала» как социально-экономического, так и политического, т.е. антифеодального и этноосвободительного (антиманьчжурского) (см. [47, с. 18–43]), Такой ход событий был закономерен для конца одного и начала следующего династийно-демографического цикла. «Христианская» армия тайпинских ванов долго шла вперед на этой волне (см. [291, с. 163–193]). Когда же этот потенциал был уже во многом израсходован, начались стагнация, а затем и упадок тайпинского движения (см. [111, с. 178–206]).

Старую династию (Цин) во многом спасло, а новую Небесную (Хун) погубило «преждевременное» и крайне опасное религиозное новаторство повстанцев: против синтеза на почве «варварской религии» поднялся массовый антисинтез традиционалистского населения. Чуждое конфуцианцам знамя Христа не позволило шэньши присоединиться к тайпинам или занять по отношению к ним лояльную позицию. Это во многом определило отношение сельского населения к «длинноволосым» повстанцам (*чанмао*) и резко укрепило ряды противостоящих им «белоповязочников» (см. [284; 298]).

Обреченность «христианской» власти в низовьях Янцзы (Тайпин Тяньго) обуславливалась тем, что с переплетением циклического и линейного начал чисто традиционный вариант смены династии уже частично не работал, а для перехода на современный путь (обновление надстройки по-европейски) еще не было реальных сил. Если в начале данного катаклизма все шло по правилам средневековой цикличности, то где-то в середине его разрушительно-созидательная функция оказалась в какой-то степени парализованной из-за переплетения с чужеродным началом. Этот синтез привел к специфическим и «смазанным» результатам: обновление системы оказалось половинчатым, а начавшийся цикл – ущербным и ослабленным.

Подобный сбой в работе циклического механизма привел к тому, что стартовал «тайпинский» цикл со слабо оздоровленной почвы не рассосавшегося до конца кризиса (в частности, не был решен вопрос об обновлении власти и смене династии). Обычное же периодическое обновление традиционного строя шло через единое, слитное решение как демографических и хозяйственных, так и династийных и надстроечных задач. Оба слагаемых циклического механизма были неразрывны (см. [213, с. 1–43; 309, № 9, с. 72–86, № 10, с. 65–77]).

Вмешательство же линейного начала и его переплетение с циклическим привело к расщеплению династийно-демографической связки, оба ее компонента стали действовать самостоятельно и изолированно. В 1850–1864 гг. сработал демографический компонент, но династий-

ной смены не произошло (см. [105, с. 108–124]). В 1911–1913 гг. сработал династийный компонент, но уже без демографического. Таким образом, один пласт некогда единого, но ставшего разобренным цикла отстал от другого на полстолетия, что свидетельствовало о явном ослаблении старокитайского типа эволюции.

Однако в XX в. цикличность не умерла, эволюция общества начала определяться ее сочетанием в русле синтеза с линейностью развития, т. е. со сменой формаций (феодализм–переходность–социализм), с чередованием революций – Синьхайской, 1916 г., Национальной и Народной. Ускорение и развертывание нового типа движения происходило на фоне продолжавшихся процессов «тайпинского» цикла – роста демографической и хозяйственной напряженности в деревне, втягивания в полосу очередного социального и политического катаклизма 30–40-х годов (см. [115, с. 25–50, 67–94 и др.]).

В итоге старый и новый тип развития сосуществовали и срачивались в русле синтеза, хотя это сожительство вредило обоим, ведя к их искажению, частым сбоям. Развитие пошло по промежуточному, смешанному, т. е. некоему «третьему» варианту эволюции. В русле такого бинарного линейно-циклического развития развернулось движение «тайпинского» цикла. Вначале, в последней четверти XIX в., вполне в традиционном духе произошла демографическая разрядка и явственно наметились свойственные первой фазе (восстановление) любого цикла снижение урожайности, падение производительности труда в земледелии (см. [105, с. 113–124]). Однако затем, в начале XX в., выхода во вторую фазу цикла (подъем) не наблюдалось, и деревня, минув ее, сразу втянулась в третью фазу циклического развития (кризис) (см. [104, с. 117–120]). Демографический цикл потерял династийную форму, а смена власти (бэйянская, гоминьдановская) была уже не связана с демографическим фактором.

Соотношение старого и нового в блоке синтезированных моделей китайского традиционного и западного современного исторического движения менялось. Если в начале переходного периода явно преобладала цикличность, то с ее постепенным ослаблением стал набирать силу, особенно после Синьхайской революции, линейный компонент синтеза. Так, до 1912 г. по «старому сценарию» развертывались дворцовые перевороты (1861, 1898 гг.) и крестьянские войны (тайпины, няньцзюни), совершались приезды «данников» (*фань*) в Пекин и средневековые экзамены (*кэцзюй*) на звание шэньши. В том же русле происходили восстания тайных обществ (*хуэйдан*) и ритуальные действия – шаманские пляски (*тяошэнь*) в дворцовом храме и Шаманском управлении (Шэньфан), интриги маньчжурских князей и придворных евнухов, жертвоприношения духам и «голодные бунты» (см. [133; 147; 150]). Параллельно по «новому сценарию» развертывались вторжение иностранного капитала и вращение Китая в мировой рынок, рост фабрик и возникновение буржуазии, борьба за конституцию и парламент,

становление госсектора и пролетариата, импорт западных идей и начало революционного движения, империалистическая экспансия и практика реформ нового типа (см. [111, ч. III, гл. 1–3, 5–7]). Если на ранней стадии взаимодействия, во всяком случае до крушения Цинской империи в 1912 г., цикличность и линейность далеко еще не слились и были достаточно автономны, то в бэйянский и гоминьдановский периоды преобладала их спаянность, хотя в этом соединенном потоке сохранялись во многом чисто традиционные и встречались достаточно современные процессы и явления (см. [62, с. 92–121; 132, с. 74–92]).

Таким образом, до революции 1911–1913 гг. переходный Китай представлял собой страну «двух сценариев» исторического развития, а в республиканский период (1912–1949) он стал ареной развертывания «промежуточного», или «смешанного», сценария. Период «двух сценариев» соответствовал – и хронологически, и по существу явлений – доинтегральной фазе становления синтезированной общественной системы в Китае, а период «смешанного сценария» – интегральной фазе этого процесса. В рамках последней после 1912 г. произошло слияние линейного и циклического начал.

Иными словами, до 1912 г. Китай являлся полем развертывания двух типов исторического движения, а после Синьхайской революции – не двух отдельных, а одного слитного, но двуединого, или смешанного, варианта развития. Соответственно если в доинтегральной фазе переходного общества существовали две разные шкалы социальных ценностей и Китай являлся «обществом двух стандартов» – традиционного и современного, то в интегральной фазе уже в основном сложилась одна общая комбинированная шкала («староновая» или «новостарая»), и гигантская полуколония стала «обществом двойного (или двуединого) стандарта».

С середины XIX в. Цинская империя жила как бы в двух измерениях – восточном, феодальном и западном, капиталистическом. При этом подавляющая масса конкретных явлений, структур и процессов по своим свойствам органически принадлежала лишь одному из указанных двух горизонтов. После революции 1911–1913 гг. Китайская республика осталась «обществом в двух измерениях», но резко возросло количество явлений, структур и процессов смешанного типа, или «двойного измерения», т.е. продуктов общественного синтеза (см. [207, с. 31–58]). На протяжении столетия (1840–1949) традиционный конфуцианский потенциал слабел, а антиконфуцианский или неконфуцианский усиливался, но этот процесс не зашел так далеко, чтобы дать явную победу чему-то одному (см. [94; 114, с. 4–47]). Одновременно активно нарастал потенциал слияния обоих начал на основе взаимного синтеза. Такое взаимопроникновение современного и традиционного определило природу китайских революций и гражданских войн (см. [22; 35, с. 12–57; 212]), рабочего и крестьянского дви-

жений (см. [3; 70; 195]), антиимпериалистической борьбы, перемен в институциональной сфере надстройки (см. [64, с. 238–247]), развития госсектора и т.д., о чем выше уже подробно говорилось.

Таким образом, в Китае 1912–1949 гг. уже не действовало чисто циклическое, но еще не утвердилось чисто линейное историческое движение. Вместо них функционировал сплав обоих начал, т.е. синтез старого и нового типов эволюции. На его базе разворачивался промежуточный, «смешанный» сценарий интегральной фазы развития переходной общественной системы. Господствовавший потенциал развития, или зрелого феодализма (вторая стадия формации) в условиях переходного общества, с одной стороны, по-линейному начал приобретать черты позднего феодализма (третья стадия), а с другой – циклически частично укреплял свою зрелофеодальную природу как в известной мере оздоровившийся после завершения старого («цинский») и наступления нового («тайпинский») циклов. Очередной традиционный виток цикличности не мог быть полностью «снят» современной линейностью, хлынувшей в Китай извне; последняя была не в состоянии избавиться от средневекового общественного потенциала и присущего ему типа эволюции.

В итоге ни один из типов развития не смог полностью возобладать, не смог обойтись без другого, не сливаясь с ним и не образуя при этом нечто третье – комбинированное. Современная революционность и рабочее движение вращались в демографическо-циклический фон, а традиционная сила крестьянского повстанчества срасталась с партийным началом, причем все указанные силы в результате взаимопроникновения теряли не только изначальные формы, но и чистоту «родовой» и формационной природы (см. [70, с. 84–146; 115, с. 45–50, 67–76]). Сохранявшийся потенциал цикличности оказывал отрицательное, искажающее и ослабляющее воздействие на линейное развитие, в частности, на капиталистическую линию эволюции, делая невозможным переход буржуазного начала из укладного в формационное состояние (см. [175, с. 5–41]). Цикличность как бы частично «съедала» этот вид современного развития, усиливая его бесперспективность.

В равной мере и линейное развитие подтачивало и обессиливало циклический ритм традиционности, втягивало его в русло взаимодействия и явно обезличивало его в лоне синтеза. Китайские революции 1911–1913, 1916, 1925–1927, 1949 гг., милитаристская междоусобица 10–30-х годов и гражданские войны 30–40-х годов явились результатом наложения современного развития (капитализм, империалистическая экспансия, антиколониализм, распространение марксизма, победа социализма в СССР) на традиционную эволюцию (смена циклов, частичное оздоровление и назревание очередного циклического кризиса).

В революционную ситуацию, периодически то нарастающую, то ослабевавшую в Китае 10–40-х годов XX в., от старого типа развития

вошли потенциал и методы крестьянской войны, крестьянская идеология, антигородской настрой и взрывная ситуация конца очередного социально-демографического цикла (см. [35, с. 141–142; 141, с. 111–121, 136–156]). Последняя слилась с усилением социальной деструкции переходного общества, что резко активизировало крестьянскую революционность, в том числе на базе соединения «китаизированного марксизма» с уравнительными идеями традиционной деревни и военизацией крестьянства (см. [33; 166, с. 7–47, 169–199; 175, с. 114–126]). Низкий уровень и худшие характеристики синтеза в складывавшемся китайском синтезированном обществе лишали в равной мере как национальный капитал, так и китайский пролетариат возможности создать соответственно «западное» буржуазное общество либо общество диктатуры пролетариата. Именно это резко увеличивало шансы промежуточной силы, т.е. крестьянской революционности, на создание своего варианта общества социальной справедливости в соответствии с идеями, базировавшимися на синтезе «китаизированного марксизма» и крестьянских уравнительных идеалов. Если традиционная система делала повстанческую борьбу крестьянства бесперспективной из-за хождения по кругу цикличности и отсутствия линейной поступательности, то в переходном обществе именно для крестьянской революционности открывались наибольшие возможности к политическому успеху и к созданию социальной системы в духе ее идеалов (см. [141, с. 136–162; 166, с. 169–199]). Слияние линейности и цикличности в наибольшей мере «работало» на нее. Синтез старого и нового развития сделал то, что ранее, в условиях чистой традиционности, было невозможным.

Дихотомия «цикличность–линейность» была объективным выражением оппозиции «конфуцианское (традиционное) – антиконфуцианское (антитрадиционное)» при постоянном росте последнего компонента и ожесточенном и многоплановом сопротивлении первого. В динамике это противостояние выглядело как «феодалная стагнация – переходное развитие» с целым спектром производных промежуточного компромиссного характера между этими двумя компонентами дихотомии (см. [25, с. 139–156]). Сочетание линейности и цикличности обусловило двойственность исторической эволюции полуколониального Китая XIX – первой половины XX в., заложив в нем ряд антагонизмов, из которых одни были порождены современным, а другие – традиционным типом движения. Они слагались в оппозиции «развитие–стагнация», «непрерывность – дискретность развития», «поступательность–возвратность». Так же как «первичная» оппозиция «линейность–цикличность» порождала синтез обоих компонентов, указанные «вторичные» оппозиции имели своим результатом такое же производное третье.

Повышенные регенерационные возможности старой общественной системы, восстановительный потенциал «азиатчины» (см. [63, с. 18]) и

ее гибкая мимикрия привели к тому, что бескомпромиссную борьбу линейности и цикличности заменило в Китае срастание обоих типов движения на промежуточном горизонте. В этом специфическом развитии на базе синтеза наступление нового наполовину гасилось стагнативностью старого, непрерывность западного типа сочеталась с дискретностью восточного толка, восхождение вверх – со спадами, поступательность – с периодической возвратностью, рывки вперед – с частичными откатами назад (см. [28, с. 40–49]).

Во всех этих противостояниях первые компоненты жестко лимитировались вторыми. Цикличность обесценивала линейность, а та в свою очередь обесценивала цикличность, что создавало ситуацию, когда невозможно вырваться из взаимных объятий и вернуться к «чистым» первоначальным типам движения. В итоге реальная эволюция переходного общества Китая XIX – первой половины XX в. пошла не по циклическому и не по линейному стандарту, а в русле их слияния. Возник синтез обоих начал, давший промежуточный и смешанный вариант линейно-циклического развития.

Оба типа исторического движения, естественно, несли в себе свои собственные им виды кризисности. Циклическое начало обусловило возникновение в полуколониальном Китае династийно-демографического кризиса, выход из которого растянулся на многие десятилетия. Вместе с тем постепенная интернационализация исторического процесса в Китае с середины XIX в. привела к противоречивым результатам. С одной стороны, стимулированное извне восходящее развитие капитализма породило тенденцию перехода от развитого феодализма к позднему, т.е. от второй стадии старой формации к третьей. С другой стороны, эта предельно запоздавшая смена фаз оказалась фактически перекрытой или захлестнутой более масштабным процессом – формационным кризисом (см. [104, с. 263–271; 105, с. 230–233]). Последний превратил дальнейшую эволюцию феодализма от второй к третьей фазе в исторически бесперспективную, а количественное господство средневековых структур сделал общим фоном умирания старой формации как всеобъемлющей и целостной системы. Характер этого привнесенного извне формационного кризиса в Китае прямо соответствовал оценке, данной К.Марксом капиталистическому вторжению в Азию, как «социальной революции» [91, т. 9, с. 136].

Таким образом, наряду с очередным циклическим кризисом, Китай вступил в кризис линейного развития, причем кризисы обоих типов шли от параллельного развертывания к взаимному слиянию. Если двум «сценариям», по которым развивалась китайская история в 1840–1912 гг., соответствовали два типа кризисности, то после Синьхайской революции синтез линейности и цикличности привел к срастанию новой и старой кризисности в условиях, когда развертывание переходного состояния общества уже само по себе являлось кризисным процессом политической, социальной и хозяйственной деструкции.

В эту болезненную обстановку линейное развитие внесло новые виды кризисов менее крупного для Китая масштаба – периодические экономические и предреволюционные (см. [132, с. 74–78]). Из первых наиболее характерна «великая депрессия» 1929–1933 гг., из вторых следует выделить предсиньхайский кризис 1909–1911 гг. (см. [104, с. 202–212; 315, 1930, № 3, с. 21–68, 1931, № 6–7, с. 90–155, 1933, № 12, с. 64–127]).

В условиях синтеза цикличности и линейности традиционная кризисность сливалась с современной в нечто единое и комбинированное. В этом бинарном кризисе китайского общества 1912–1949 гг. все его компоненты неизбежно приобретали двуединую окраску («староновую» или «новостарую») в русле «двойного сценария» и синтеза. Так, синьхайские события и революция 1916 г. были окрашены в цвета традиционной смены династии (падение Цин и начало «династии» Юань Шикая), милитаристская междоусобица 10–30-х годов и гражданские войны 30–40-х годов выглядели как традиционная «смута», т.е. компонент очередного циклического кризиса. В то же время все эти явления общественно-политической жизни выступали (в разной степени) и как ступени линейного движения.

Социальная структура

К 1949 г. в китайском обществе были во многом деформированы средневековые сословные устои. Базисные сдвиги конца XIX – начала XX в. ослабили устои средневековой пирамиды по-китайски специфических сословий (*сыминь*). Из двух своеобразных господствующих сословий (*цзжэнь* и *шэньши*) первое, «верхнее», было уничтожено Синьхайской революцией. Численный рост второго прекратился с отменой традиционных экзаменов в 1905 г. (см. [251, с. 203–209]). Его влияние медленно снижалось в связи с созданием «новых школ» (с 1901 г.), быстрым ростом современной интеллигенции (*синьшэнь*) и выдвижением на первый план после революции 1911–1913 гг. военных (*цзюньгуань*, *цзюньцзо*) из других сословий в ущерб влиянию гражданских чиновников – *шэньши* (см. [163, с. 228–239; 330, с. 219–240]). И само сословие *ши* частично подверглось обуржуазиванию.

Смена традиционного конфуцианского презрения к предпринимательству активным бизнесом со стороны *шэньши* несколько сблизила «ученую» среду с купечеством. В ходе экономических и политических движений первой половины XX в. складывалась амальгама *шэньши* и торговцев (*шэньшан*). На смену всевластию средневековой «учености» и по-конфуциански «благородных мужей» постепенно и подспудно росло влияние денег, капитала (см. [104, с. 212–237; 126, с. 505–519]).

С подъемом крупных городов и их капиталистической эволюцией там наиболее заметно слабели прежние сословные представления. На базе каждого из постепенно отмиравших сословий росли переходные и новые социальные типы. Происходило своего рода раздвоение и даже растрояние прежних слагаемых традиционного общества. Вне системы *сыминь*, как бы рядом с ней возникли новые «антиконфуцианские» классы (буржуазия, пролетариат) и современная интеллигенция (см. [207, с. 39–58]). На них лежал явный отпечаток, оставленный «предклассами» из традиционной среды (предбуржуазия, предпролетариат) и более глубинных слоев, из которых они вышли (торговцы, ремесленники, крестьяне, *шэньши*).

Характерная для первой половины XX в. общая нечеткость переходной социальной структуры Китая складывалась из трех компонентов: из обычной для любого добуржуазного общества расплывчатости средневековых социальных образований; из незавершенности оформления новых классов, находившихся на ранней стадии становления; из специфически китайской стертости граней и обилия промежуточных звеньев между некоторыми традиционными классами (например, между помещиками и крестьянами) (см. [25, с. 153–154]).

Кроме того, от старого общества переходная структура унаследовала непропорционально большую прослойку пауперов и люмпенов, чей гипертрофированный удельный вес составлял одну из особенностей Китая. В новых условиях XX в. эти социальные группы получили дополнительный импульс к расширению, поскольку пауперальный вариант разложения крестьянства явно преобладал над начавшейся пролетаризацией в системе многоукладной экономики. В городах рабочий класс также «тонул» в массе люмпенских элементов (безработные, нищие и т.д.).

Для переходной структуры был характерен и высокий удельный вес мелкобуржуазных промежуточных слоев (мелкие и мельчайшие торговцы, цеховые ремесленники, подмастерья) с их тенденцией к численному росту и известной застойности (см. [21, с. 25–27; 65, с. 341–344]).

В обстановке переходности, трансформации явственно наметился упадок сословий, началось постепенное размывание старых классов, но не стали полноценными и новые классы. Так, анализ предпринимательской среды Китая начала XX в. в плане ее органической целостности приводит к выводу о явной дезинтеграции этого нового слоя. Переплетение традиционности и современности создало ряд предопределивших разобщенность китайской буржуазии факторов – ее привязанность к различным секторам (иностраный, национальный), подукладам (домануфактурная, мануфактурная, промышленная) и видам экономики (традиционная, капиталистическая), резкие различия в общественном, в том числе сословном (*шан*, *ши*, *нун*) и правовом, статусе предпринимателей (простолюдины, *шэньши*, чиновники),

крайняя слабость среднего звена, промежуточного между элитой и «массовыми» слоями. В результате предпринимательская среда Китая выступала как дезинтегрированное начало не только с разрывом по вертикали (крупная, средняя и низовая), но и с разобщенностью самой элиты по группам, фракциям (бюрократы, компрадоры, «торговцы») и узким кликам (см. [104, с. 237–262]).

Переходное общество воспроизводило региональную, организационную (цехогильдии) и иную изолированность различных групп буржуазии друг от друга. Рыхлость внутренней структуры, неразвитость цементирующей тенденции привели к созданию пестрого конгломерата слоев и групп с различными генетическими, типовыми, локальными, корпоративными, правовыми и иными характеристиками и особенностями (см. [25, с. 190–204]). Все это дает основание для оценки китайской буржуазии начала XX в. как незавершенного социального образования, лишь весьма условно являвшегося самостоятельным современным классом переходной социальной структуры полукolonиального Китая (см. [4, с. 33–35]).

Это был еще не полноценный класс буржуазного общества, но и уже не просто часть средневекового сословия «торговцев» (*шан*), во многом еще промежуточное образование, соединявшее в себе и сословную и классовую сущность. Будучи такого рода «классом-сословием», т.е. синтезом современного и традиционного начал, китайская буржуазия не имела яркой классовой боевитости (см. [35, с. 142–150]).

Кроме того, поскольку переходная, синтезированная китайская государственность (бэйянская, гоминьдановская) продолжала почти чисто по-традиционному относиться к буржуазии как «частнику» из среды корыстных и низких «торговцев»⁴, общность персонификаторов национального капитала все еще оставалась полуклассом-полусословием (см. [23, с. 136–163]).

В той же мере и пролетариат Китая во многом был еще полутрадиционным-полусовременным социальным образованием. В нем численно преобладали старые слои трудящихся. Соотношение трех его главных категорий (фабрично-заводские рабочие, наемные рабочие дофабричной промышленности и чернорабочие-кули) к 1914 г. составляло 1:7:60 (соответственно 0,5, 3,5 и 30 млн. [104, с. 177, 200; 136, с. 18]). Две последние категории (т.е. свыше 98%) представляли собой старокитайскую социальную среду с крайне низкими показателями современного начала. Иначе говоря, масса наемных тружеников в промышленности, строительстве и на транспорте оставалась фактически частью сословия «ремесленников» (*зун*) (см. [164, с. 386, 387]). Другими словами, находясь в столь ранней стадии развития, пролетариат Китая далеко еще не вырвался из старой сословной общности и выступал скорее как «класс-сословие», в котором оба начала были неразрывно перемешаны в русле взаимного синтеза.

Более сложной была ситуация с помещиками и крестьянством. Они еще до «опиумных» войн являли собой некий симбиоз классов и сословий, ибо пока не имели четких классовых характеристик буржуазного общества и в рамках структуры *сыминь* представляли собой единое сословие «земледельцев» (*нун*). Вступив в переходное общество XIX–XX вв. как «классы-сословия» средневекового типа, они после Синьхайской революции так до конца и не сбросили с себя традиционные сословные одежды. Высшая и «благородная» часть класса феодалов-землевладельцев, в той или иной мере связанная с «классом-государством», как до Синьхайской революции, так и после нее все еще составляла постепенно умирающее «ученое» сословие *ши* (*шэнь-ху*), (см. [251, табл. 39–41; 252, с. 127–148, 270–279]). Его же низшее непривилегированное большинство, т.е. «простые» помещики – нешэньши (*дичжу*, *тухао*) рассматривалось до 1912 г., а во многом и в республиканский период как составная часть сословия «земледельцев» (*нун*) (см. [104, с. 21–22, 281–285, 289–292]).

Состояние помещиков как полусословия-полукласса сохранялось и в условиях Китайской республики, хотя происходило постепенное ослабление сословного и укрепление классового начал. Сохранению первого способствовало восприятие государственностью обеих частей класса феодалов преимущественно в их сословной «цветовой гамме» (*ши* или *нун*). В то же время внутри сословных оболочек шли процессы деструктивной классовой трансформации и нового классовообразования. Происходило отмирание помещиков «старого типа», особенно шэньши, и замена их «новыми» помещиками торгово-предпринимательского толка – из военных, новой бюрократии, ростовщиков, купцов, компрадоров и промышленников-буржуа (см. [98, с. 151–157]). Такая эволюция, размывая сословные устои, усиливала классовое начало, в том числе и в процессе обуржуазивания землевладельцев (см. [104, с. 142–149, 222, 240, 243, 244]).

Процессы нового классовообразования набирали силу и внутри «ученого» сословия. Одна часть «благородных мужей» после 1912 г. в связи с угасанием особой роли и привилегий шэньши, а также вследствие их вытеснения из государственных структур все больше превращалась в компонент «частного» класса землевладельцев (*даху*), срастаясь в условиях «смутного времени» 1912–1949 гг. с непривилегированными помещиками (*дичжу*, *тухао*). Другая часть шэньши, втягиваясь в капиталистическое предпринимательство, становилась компонентом национальной буржуазии (см. [25, с. 191–193]). Третьи получали современное образование и новые должности в республиканском аппарате и под крылышком милитаристов, вливаясь в ряды бэйянской и гоминьдановской бюрократии, новой интеллигенции и офицерства (см. [163, с. 228–239; 330, с. 219–240]). Так возникали специфические варианты синтеза сословного и классового начал, весьма характерные для переходного общества 1912–1949 гг.

За этот короткий срок – менее четырех десятилетий – крестьянство в еще меньшей степени смогло сбросить сословные путы и феодальную социальную определенность. Постепенно становясь переходными общностями, оба старых подкласса – как самостоятельное крестьянство, т.е. владельцы земли (*цзыгэннун*), так и держатели помещичьей земли на феодальном праве (*дяньху*) – во многом еще оставались компонентами умирающего сословия *нун* (см. [132, с. 245–268; 164, с. 389]).

Сословный статус обоих подклассов крестьянства также подрывался новыми процессами классообразования. Одна часть сословия *нун* представляла собой кулаков или превращалась в них (*фунун*), другая – в батраков (*чангун*), поденщиков (*дуаньгун*) и сезонников (*мангун*), третья, сохраняя собственное хозяйство, все более срасталась с рыночной экономикой. В результате внутри феодального сословия возникали деревенская буржуазия, сельские пролетариат и полупролетариат, а также мелкобуржуазный слой при сохранении господства традиционных типов крестьянства и доминировании добуржуазных процессов (см. [104, с. 125–142]).

Указанные процессы классообразования нового и старого типа протекали внутри переходной социальной общности полусословного-полуклассового типа. Однако в сельских социальных общностях типа «сословие-класс» (помещики, оба типа крестьянства) старое сословное начало размывалось медленнее, нежели в городских образованиях переходного плана (буржуазия, пролетариат).

Таким образом, можно констатировать, что во всех социальных общностях, включая шэньши, в Китае первой половины XX в. имела место не просто оппозиция сословного и классового состояний, а их срастание, т.е. синтез, создававший переходный «класс-сословие», выступавший, как комбинированное двусосновное проявление и стадия нового классообразовательного процесса. В рассматриваемый период (1840–1949) старые социальные общности Китая только начали разрушаться, а новые – складываться. Оба встречных процесса к победе Народной революции остались незавершенными (см. [21, с. 37; 94, с. 44]). Эта незавершенность характеризовалась полным преобладанием не «чистых» социальных образований современного типа, а переходных явлений, где старый и новый потенциалы оказались органически спаянными друг с другом (см. [65, с. 341–342; 141, с. 129–139]). В итоге синтез традиционно китайского и западного буржуазного начал в социальной сфере гигантской полукolonии получил широкую питательную среду.

Таким образом, в переходном обществе Китая не столько возникли дихотомии «старые классы – новые классы» (феодальные–капиталистические) или оппозиция «сословия – новые классы (и прослойки)», сколько произошло их взаимопроникновение, сложилась нерасчлененность всех этих четырех компонентов друг от друга в русле

социального синтеза. Поскольку процессы разложения феодальных классов, становления капиталистических классов и отмирания сословий оставались (хотя и в разной степени) незавершенными, в полуколониальном Китае сложилась «триада» переходности: «традиционные классы – сословия – современные классы». Все ее составные части были уже или еще неполноценными в плане чистоты и законченности формационных характеристик [164, с. 389, 390]. Сама она являла собой синтез старого и нового, а все ее компоненты были в той или иной степени охвачены тем же процессом, т.е. выступали продуктами смешения разноформационных начал (см. [21, с. 35–37, 41, 43]). Социальная «триада» являла собой живой организм, где взаимодействие всех его компонентов порождало различные варианты синтеза, причем в общей массе последнего традиционность и переходность предельно доминировали над современным началом (см. [166, с. 7–22]).

За рассматриваемый вековой отрезок истории (1840–1949) синтезированию в той или иной степени подверглись практически все сословия, классы, слои и социальные группы как традиционного, так и современного типа. Первые становились переходными, приобретая ряд новых свойств, идущих от западного и местного капитализма, от влияния мирового рынка и колониализма (см. [98, с. 153–157]). Вторые переживали «встречную» трансформацию, подвергаясь частичной «китаизации» и традиционализации (см. [186, ч. 3, с. 3–11]).

В итоге как старо-, так и новоформационные реальности в большей или меньшей мере скатывались в «болото» синтеза, группируясь на промежуточном горизонте переходности межформационного типа, поскольку стадияльная комбинированность той фазы исторического развития, которую переживал Китай во второй половине XIX – первой половине XX в., делала межстадиальную переходность практически невозможной. Благодаря этому социум полуколониального Китая, перестав быть чисто феодальным и не имея возможности стать явно капиталистическим (или раннебуржуазным), надолго увяз в переходном состоянии незавершенного формационного сдвига. Этот последний являл собой иной по сравнению с Западом вариант формационного развития – надолго неразрешимого «западания» формационной перспективы, без явственных перспектив «выхода» в капитализм (см. [19, с. 191–199]).

Такого рода неопределенное переходное состояние на базе синтеза исторически унаследованного и насильственно привнесенного извне, не имея четкой формационной определенности движения в «обычном» направлении (буржуазный строй), тем самым закономерно приближалось к варианту социалистического строительства, т.е. к логической и исторической альтернативе «неполучающейся» буржуазности.

В условиях, когда чисто западный, т.е. капиталистический вариант эволюции феодального социума не проходил, набирала «силу» синтезированная «староновая» или «новостарая» среда. Такого рода проме-

жуточное состояние обессиливало и лишало исторической перспективы как старые (помещики, шэньши), так и новые (буржуазия) эксплуататорские социальные общности. Зато создавался особый простор для развития и активности промежуточных полутрадиционалистских средних слоев – офицерства, студенчества, служащих частных фирм, новой бюрократии и новой интеллигенции (*синьшэнь*). Эти «новые средние слои» в массе своей составлялись выходцами из феодальных социальных общностей – помещиков, шэньши, крестьян-собственников и торговцев, причем выходцами в первом поколении, сохранявшими часть социопсихологического и мировоззренческого потенциала соответствующей старой сословной среды.

В обстановке переходного общества столь же резко и столь же непропорционально в сравнении с собственным удельным весом возросла роль продуктов социального распада традиционного типа, т.е. маргинальных слоев – пауперов и люмпенов (*люман, юминь, люминь*). В условиях выхода на первый план сочетавшей в себе традиционные и современные начала крестьянской революционности, которую возглавили и развивали коммунисты под лозунгом опоры на деревенскую бедноту, резкий рост активности пауперско-люмпенской прослойки стал одним из важнейших компонентов успеха Народной революции.

Трансформация традиционного социума на основе синтеза нарушила старую систему феодальных классов и сословий, но не создала новой – на базе современных социальных образований. В итоге системность и конгломератность стали взаимосвязанными компонентами синтезируемого общественного организма. Внутри старых сословий и классов застойность социальных характеристик сочеталась с явной эволюцией, в том числе с движением в сторону новых прослоек и классов. Так, внутри крестьянства уживались и противодействовали два гигантских потенциала – патриархальность и мелкобуржуазность при их соотношении соответственно 2:1 (см. [132, с. 249–252]).

В этих условиях перспектива становления новоформационного социума, способного подчинить себе староформационный потенциал и существенно «переработать» его в капиталистическом духе, становилась достаточно проблематичной. Борьба старого и нового начал в обществе вела не столько к явной победе современного и к искоренению традиционного, сколько к срастанию и взаимоприспособлению обоих начал в качестве участников своеобразного компромисса на базе старого. С одной стороны, мировая капиталистическая система и развитие буржуазного уклада внутри Китая понемногу внедряли там зачатки личностной буржуазной цивилизации с тенденцией становления однородного индивидуалистического общества. Эти новые начала проникали в Китай не только с западным капиталом, фабриками, банками, железными дорогами, но и с газетами, журналами и книгами, с потоком буржуазных идей, западной политической, экономической и

философской мысли (см. [64, с. 400–403, 406–426, 430–441; 74, с. 304–328]). С другой стороны, этот поток встретил жесткое противодействие, наткнувшись на повышенную живучесть традиционных китайских общественных устоев (см. [207, с. 42, 48]).

В итоге вместо складывания личностной цивилизации в полукOLONиальном Китае к 1949 г. в принципе сохранилась старая корпоративная и «коллективистская» структура общества, где нижние, или малые, ячейки последовательно по вертикали подчинялись более высоким и большим по схеме «первичная (малая) ячейка – вторичная (средняя) ячейка – высшая (всеобщая) ячейка». В соответствии с этим принципом деревенское население оставалось охваченным традиционной вертикальной триадой последовательного подчинения «семья – патронимия – верховная общность (государство)». Сходная «триада» – второе звено в ней составляла не патронимия, а корпорация (цехогильдия, землячество), – господствовала в основной массе городского социума. Оба типа «триад» пронизывали как феодальные старые классы, прослойки и сословия, так во многом и новые социальные образования (буржуазия, пролетариат) (см. [30, с. 103–109, 117–120; 207, с. 172–185]).

В борьбе с такого рода средневековой нуклеарностью, «групповым» характером переходного социума тенденция возникновения буржуазной однородности и личностного – индивидуалистского по своему характеру – общества была весьма слаба. Свои первые робкие шаги она к 1949 г. сделала лишь в среде новой интеллигенции, кадрового звена пролетариата и верхушки буржуазии. Причем основная масса предпринимателей и рабочих наемного труда, а также практически все помещики, крестьяне, городские ремесленники и торговцы остались в сфере «коллективистско-корпоративного» строя. Более того, массовый низовой капитализм в городе и деревне развивался не вне, а внутри этой традиционной нуклеарности, т.е. одновременно и в борьбе, и в синтезе с ней (см. [25, с. 202–203]).

Прочность такой ячеистости, а с ней и господства вертикальных связей (семья–патронимия либо корпорация–государство), т.е. многоступенчатой подчиненности личности средневековому «коллективу», резко тормозила переход от сословий и старых классов к новым, которые в принципе должны строиться на основе однородности, господства горизонтальных связей и личностного начала. Однако в переходном обществе Китая XX в. эти новые тенденции не столько противостояли старым, сколько поглощались, извращались и сращивались с ними в русле синтеза. В итоге гражданское общество в Китае накануне Народной революции так и не сложилось, а вместо «общества» высшим началом осталось «государство» (основой которого продолжала быть трансформированная деспотия) в качестве сохранившейся верховной общности (см. [23, с. 117–195; 62, с. 99–111, 121–131]).

Процесс создания свободной современной личности оказался захлестнутым отсталым вариантом модернизации господствовавшей «азиатчины». Такое состояние социума не только обессиливало новые, но и лишало исторической перспективы старые классы, давая особый простор и значимость деятельности промежуточных полутрадиционалистских слоев (военные, новая бюрократия, студенчество, пауперы, люмпены и др.). Это во многом объяснялось слабостью преобразующего воздействия мировой капиталистической системы и национального буржуазного уклада, сумевшего создать в Китае не принципиально новый социум, а отсталый вариант общественного синтеза, базировавшийся не на современной свободной личности, а на старом человеческом потенциале «поголовного рабства» подданных восточной деспотии (см. [91, т. 46, ч. 1, с. 485]).

Засилье средневекового «коллективизма», слабость капиталистической «выучки», самостоятельности, культуры и дисциплины труда и инициативы личности, в свою очередь, предопределили нежизнеспособность капитализма на китайской почве. Сохранение «корпоративно-коллективистского» типа социума в целом соответствовало отсталому варианту синтеза как основы буржуазного уклада, а тип капиталистического развития на уровне уклада, в свою очередь, во многом определялся господством нуклеарного общества.

Такой синтез оставался единственно возможным вариантом капиталистического развития, ибо в Китае первой половины XX в. так и не сложилась система новых приоритетов: частного начала над государственным, частнопредпринимательского над казенным, буржуазного преуспевания над чиновной карьерой, богатства над традиционным «коллективистским» престижем, земельной и иной собственности над конфуцианской (или несколько модернизированной) ученостью, капиталиста над феодалом-помещиком и т.д.

Китайский приспособленческий капитализм был вынужден спускаться на уровень синтеза, ибо в китайском обществе XX в. буржуазные принципы так и не одержали верх над конфуцианскими нормами, знания и практика – над этикой и моралью, естественные науки – над гуманитарными, выгода – над нравственностью, дело – над словом, материальное – над духовным, действие – над созерцанием и мышлением, опыт – над постулатом, окружающий мир – над внутренним духовным, современные принципы – над традицией, настоящее – над прошлым (см. [164, с. 380–394]).

МЕЖФОРМАЦИОННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Стадиальность и формационность

Переходное общество в Китае второй половины XIX – первой половины XX в. возникло в ходе сложного переплетения и напластования самых различных формационных и стадиальных тенденций. Во-первых, продолжалось достаточно полнокровное функционирование зрелофеодального общественного потенциала (вторая фаза старой формации) в качестве господствовавшей базисной и надстроечной основы. Во-вторых, еще до наступления массового перехода от зрелофеодального к позднефеодальному обществу (третьей заключительной фазе) началось «пересаживание» в Китай структур развитого капитализма (второй фазы буржуазной формации) [135, с. 21–26; 54, с. 120–147]. В-третьих, это стимулировало быстрый рост структур раннего капитализма (первой его фазы), уже существовавших в «доопиумном» Китае, но так и не имевших возможности (в условиях «закрытой» от внешнего мира традиционности) сформироваться в особый уклад [156, с. 51–90; 30, с. 76–98]. В-четвертых, с конца XIX в. в Китай стали активно внедряться структуры империализма, т.е. осуществляться импорт общественного «материала» третьей фазы капитализма [8]. В-пятых, развитие ранних и зрелых форм капитализма (соответственно спонтанного и привнесенного извне), а также воздействие империалистического импорта капитала вызвали поступательное, хотя и предельно запоздалое движение традиционных структур к позднефеодальной стадии. Так в новых условиях эволюция спонтанного капитализма вышла наконец за рамки циклического варианта, приобретя на столетие (1840–1949) характер довольно устойчивого развития. Предпринимательская среда преодолела барьер средневекового торгового сословия (*шан*) и начала формироваться в самостоятельный класс буржуазии [262, с. 125–148]. Товарное производство и обращение в городе и деревне, выйдя за рамки обычного обслуживания феодальной системы (производства, распределения, обмена и потребления), стало «работать» на капитализм всех видов и форм. В сфере государственности возникла явная тенденция к абсолютизму (1895–1916) [201, с. 106–111, 145–158, 177–180]. Начался отход от старых конфуцианских ограничений в идеологии, литературе, искусстве и науке [74, с. 304–331; 30, с. 132–330].

Позднефеодальная тенденция в базисе и надстройке тесно переплеталась с раннебуржуазной, создавая явную историческую контаминацию. Слияние этих во многом неразграничимых процессов уже само по себе вело к сплаву не только разностадиальных, но и разноформационных начал в границах одной переходной фазы. Иначе го-

вора, «досрочное» внедрение процессов двух (второй и третьей) фаз новой формации стимулировало начало перехода старой формации в свою третью, заключительную фазу. Однако это запоздалое стадийное движение, являясь одним из слагаемых значительно более сложной эволюции, было практически затенено. К тому же элементы всех четырех указанных выше новых форм появились в Китае одновременно и вперемешку. В количественном и качественном отношении все они оставались достаточно слабыми. За ними всеми и за каждым в отдельности не стояла полнокровная и последовательная стадия, прошедшая от начала и до конца свое развитие на китайской земле. Поэтому они были лишены не только формационно, но и стадийно образующих возможностей. В итоге вместо явного перехода к новой формации наблюдалось механическое и хаотически бессистемное напластование компонентов всех четырех так и не пройденных Китаем органических и последовательных фаз.

Такого рода «досрочное», а фактически во многом запоздалое (для позднефеодальных и раннекапиталистических структур) внедрение и развитие этих компонентов означало выпадение самих стадий, минование их как таковых. Однако одновременное накапливание такого рода новых структур прервало прежнее, во многом стагнативное «засиживание» Китая в «доопиумной» стадии и обусловило переход общества не в одну из четырех перечисленных, а в совершенно иную – комбинированную фазу [208, с. 264–280; 25, с. 146–156]. В этой новой переходной «многостадийной» фазе ее зрелофеодальная основа демонстрировала не только жизнеспособность, сопротивляемость и еще неизрасходованный запас прочности, но и тенденцию развития на староформационной базе (переход к третьей фазе) при обслуживании ее раннекапиталистическими структурами традиционного типа. В целом имело место не окончание феодального и начало буржуазного развития, не смена старой формации новой, а одновременное взаимопроникновение разнородных типов эволюции, или их синтез, т.е. не кардинальный сдвиг, а половинчатый, смазанный вариант [104, с. 236–271].

При этом вкрапления и формы раннего частнохозяйственного (свободная конкуренция) и позднего капитализма (монополии) стали импортироваться в Китай, когда он еще не вступил и в позднефеодальную, и в раннебуржуазную стадию. К этим двум пропущенным стадиям добавилась и зрелокапиталистическая, так и не наступившая вплоть до 1949 г. Такого рода пропуск трех фаз стадийного развития отчасти компенсировался внедрением их отдельных компонентов в зрелофеодальную основу в рамках особой «межстадийной» и межформационной фазы [19, с. 193–198]. В результате традиционный Китай вступил в стадию симбиоза разнотадийного и разноформационного базисного (и позднее надстроечного) «материала».

Такое спрессование нескольких разноформационных фаз в одну комбинированную было характерно для колониального и полуколони-

ального Востока. В странах Азии, по мнению З.Н.Галич, «синтез к моменту независимости приобрел вид сочетания раннебуржуазной (незавершенной) формации с позднефеодальным общественным строем, уже сильно подвергшимся разрушению и модификации, но до конца не разрушенным» [208, с. 169]. Поскольку полуколониальный Китай не прошел позднефеодальную «подготовку» и «не выварился» в раннекапиталистическом «котле», его вариант феодально-капиталистического общественного синтеза не стал сочетанием только позднесредневековой и раннебуржуазной стадий, а превратился в «многостадиальный» симбиоз. Такого рода устойчивый симбиоз традиционных и современных укладов (с постоянным воспроизводством внутри них соответствующих производственных, распределительных и обменных отношений, т.е. различных способов эксплуатации) до победы Народной революции 1949 г. «заменил» собой иную общественно-экономическую формацию [175, с. 5–41].

Китайский вариант формационного сдвига являл собой нарушение классической последовательности смены фаз (зрелофеодальная, позднефеодальная, раннебуржуазная, зрелый частнохозяйственный капитализм, империализм) и отставание от формационно передовых стран Запада на две-три фазы (при выпадении самих этих стадий). Пропуск ряда ступеней формационного развития вел не только к смещению фаз, но и к ликвидации на китайской почве границ между ними. Их элементы, процессы и структуры возникали или импортировались в Китай «досрочно» и во многом одновременно, накладываясь на физически и исторически еще не завершенную (еще не изжитую и в известном смысле «текущую») зрелофеодальную стадию, делая ее массовой, количественно господствующей базой новой, смешанной фазы [208, с. 169–179, 191–193, 264–267].

Развертывание этой комбинированной (или синтезированной) стадии вело, с одной стороны, к отставанию на две-три фазы, а с другой – к своеобразному, предельно извращенному наверстыванию упущенного [208, с. 261–267], в результате возникало единство этих двух начал. Дихотомия «отставание – наверстывание» создавала особый вариант переходности, построенный на синтезе не только традиционного и современного, но и на симбиозе сразу нескольких (четырёх-пяти) различных стадиальных и двух разноформационных начал. Данное «отстающее-догоняющее» развитие было предельно противоречивым и внутренне антагонистическим, включавшим в себя борьбу зрело- и позднефеодального («отстающего») с ранне- и зрелокапиталистическим («догоняющим»). При этом сила инерции «отстающего» компонента укреплялась в результате сохранения до 1912 г. раннефеодального (маньчжурского) потенциала, чисто китайской архаики (дофеодальные традиции) и раннефеодального наследия. Такое положение объяснялось спецификой и непрерывностью трехтысячелетнего развития китайского общества, т.е. его уникальным континуумом

[180, с. 63–104; 149, с. 5–53, 121–243]. Этот «предельно отстающий» компонент переходного симбиоза находился на противоположном фланге от «предельно догоняющего» начала, т.е. от империализма, чьи элементы, процессы и структуры насаждались в Китае с середины 90-х годов XIX в. Такого рода многокомпонентный и широкоохватный синтез на базе достаточно отсталой (даже по феодальным меркам) стадии не обладал формационно образующими потенциями капиталистического типа. Более того, в столь отягченном архаикой и средневековым симбиозе прочно господствовали антибуржуазные силы [175, с. 48–66, 102–103; 93, с. 52, 64, 68, 77, 81–85, 140]. Благодаря этому в начавшейся с середины XIX в. трансформации старого общества формальная модернизация явно преобладала над сущностной перестройкой.

Формационная и стадияльная неподготовленность «доопиумного» и «послеопиумного» Китая (из-за непройденности третьей фазы старой формации и чрезмерного «засиживания» во второй) стала препятствием к органической перестройке на раннебуржуазный лад. Сложившаяся ситуация привела к тому, что традиционные структуры и не преобразовывались в новые, и не разрушались, чтоб открыть дорогу последним, а довольно успешно приспосабливались к изменившейся обстановке, современным формам и процессам. Из-за своей повышенной устойчивости гигантская масса старокитайских структур принудила западное (капиталистическое, современное) начало приспосабливаться к традиционным устоям, теряя преобразующие потенции и наиболее чистые классические черты, а взамен обрастая местными [135, с. 21–26]. В итоге феодально-капиталистический синтез в Китае 1840–1949 гг. представлял собой двустороннее, т.е. встречное, движение. Поэтому основным руслом эволюции полуколонизального Китая являлась не столько смена старого новым, сколько замещение чисто традиционного переходным синтезированным, т.е. сплавом китайского и западного, средневекового и современного [186, с. 3–11]. В этой комбинированной двухформационной фазе на макроуровне наблюдались не развитие и застой, не модернизация и ретроградство как определяющие процессы, а нечто промежуточное, третье. Последнее было продуктом взаимодействия указанных антагонистических сил и тенденций, породивших среднюю равнодействующую, т.е. некий оптимум – величину весьма невысокого качественного и количественного уровня.

Такого рода оптимум играл роль регулятора встречных видов синтеза и усредненных «оптимальных» для данной системы параметров синтезирования. Вступившие в это русло традиционное и современное начала становились во многом нераздельны и взаимозависимы в рамках такой бинарной, но единой общности. Оба компонента все больше лимитировали и связывали друг друга. Традиционно-феодальное начало держало современно-буржуазное в «узде», не давая ему свобод-

ного развития. В свою очередь, «в связке» с современным старокитайское не могло оставаться в неизменном виде, будучи вынужденным приспособливаться к «партнеру» [28, с. 40–49]. В предыдущих главах показано, как феодально-капиталистический синтез, начав свое существование в Китае в качестве явления, затем превратился в процесс, породил особые базисные и надстроечные структуры, сложившиеся на определенном этапе в специфическую систему всекитайского значения. Все отмеченное выше являлось закономерным порождением особого переходного состояния общества в рамках «многостадиальной» комбинированной фазы.

Антисинтез и формация

Как уже говорилось, в течение 70 лет (1840–1911), т.е. от первой «опиумной» войны до Синьхайской революции, противостояние «синтез–антисинтез» принимало различные формы. Среди них главными дихотомиями были «тайпинизированное протестантство – *саньцзяо*» [47], «христианство в чистом виде – традиционные культы» [218], «реформаторство–консерватизм» [179], «механизация – борьба против машин» [132] и «империализм–ихэтуани» [56]. Смена и сочетание этих форм составляли историю открытой борьбы «чистой» традиционности против современности до явной победы в 1912 г. синтеза в масштабах всего общества, т.е. на всех его горизонтах – в базисе и надстройке [28, с. 41–42]. Антисинтез 1840–1911 гг. был порождением китайского средневековья, традиционного общества и конфуцианской системы, инкорпорировавших в себя институциональный и идеологический груз еще более раннего периода, т.е. древнего Китая. Данный сплав консерватизма и архаики сдавал свои позиции современному началу лишь в ходе ожесточенного сопротивления.

Феодальный антисинтез в Китае прошел три основные стадии. На первой шла борьба против любых видов синтеза, против всего «варварского». Эта фаза длилась с XVI–XVIII вв. до начала 60-х годов XIX в. и завершилась переходом к политике «самоусиления» («усвоение заморских дел») [111, с. 207–263]. Вторая стадия ознаменовалась борьбой против превращения синтеза из подчиненного, служебного в определяющее начало, за недопущение его выхода в интегральное состояние. Данный этап кончился победой революции 1911–1913 гг. и синтезом государственной власти [62, с. 93–110]. Третья фаза началась с упрочения бэйянского режима (1914–1924) [111, с. 527–566]. Для нее характерно дальнейшее противодействие наиболее передовым и радикальным видам уже победившего синтеза, стремление сохранить его отсталые, консервативные формы и компоненты. Речь идет о борьбе уже «внутри» самого синтеза за снижение его «качества» и недопущение его перехода к новой целостной фор-

мации, к «чисто западному» обществу – капиталистическому и социалистическому [175, с. 48–110]. При этом феодальный антисинтез после Синьхая полностью не отмирает. В измененном виде он включается в систему самого синтеза в качестве «охранительного» компонента, т.е. «защиты» и «иммунитета» против двух западных общественных формаций.

Антисинтез на первой своей стадии был явлением абсолютным, на второй – частичным и избирательным, а на последней стал скрытой «подпольной» тенденцией худших видов «азиатчины». Развертывавшийся вплоть до Синьхайской революции староформационный антисинтез вылился в антитайпинское, антимиссионерское, луддитское, антиреформаторское и ихэтуаньское движения [111, с. 142, 227, 256, 289, 334]. Данные «пять движений» были материализацией антисинтеза доинтегральной стадии. С выходом на послесиньхайский уровень и созданием завершенной синтезированной общественной системы переходного Китая кончился этап «пяти движений». В последующем их стертые формы (например, луддизм и антимиссионерские акты) продолжали давать о себе знать в русле других более современных движений [207, с. 184, 185]. В эпоху победившего синтеза, т.е. после 1912 г., массовые движения феодального антисинтеза как самостоятельные явления сходят на нет, перерождаются, вытесняются «движением синтеза»: с 1915 г. это «движение за новую культуру», с 1934 г. – «движение за новую жизнь».

Староформационный антисинтез постепенно свертывает открытую борьбу против синтеза как такового, ибо последний на деле становится протектором, наилучшим гарантом сохранения традиционного в разумных рамках и более жизнеспособных формах. Вместе с тем после 1912 г., а особенно после Октябрьской революции в России, синтез уже перестает быть главной опасностью и основным врагом традиционности. Таковыми становятся оба вида новоформационного антисинтеза – капитализм и социализм. Первый формально и фактически отрицает синтез как последнюю форму существования традиционности, «азиатчины», груза феодального прошлого и «наследия» императорского деспотизма. В Китае XX в. интегральный синтез – это половинчатое решение, исторический компромисс, тогда как антисинтез – принципиальное начало, или целостная альтернатива, т.е. новая формация. На Востоке антисинтез всегда строго формационен, синтез же представляет собой промежуточное и межформационное явление, ибо он органически сочетает старо- и новоформационное в их устойчивом и затяжном сожительстве, особой форме общественно-исторического развития. Синтез возникает здесь как кратковременная либо длительная альтернатива старой уходящей формации, а затем и как препятствие новой. Поэтому на раннем этапе своего становления синтез отчасти антифеодален [107, с. 206–212; 74, с. 304–341], а на последней антибуржуазен и антисоциалистичен [175, с. 48–

110; 115, с. 336–349]. Смена доинтегрального или интегрального синтеза (переходное общество) новой общественной формацией есть антисинтез, т.е. либо полное преодоление переходности, либо отбрасывание синтеза на доинтегральный уровень.

Развитие Цинской империи в XIX–XX вв. шло от старой формации к межформационности: «феодализм – переходное общество», т.е. «старый антисинтез – синтез». После Синьхайской революции эти дихотомии формально приняли иной вид: «переходная система – новая формация», или «синтез – новый антисинтез». Логика исторического развития диктовала следующую последовательность: «старая формация – межформационность – новая формация». Синтезу были противопоставлены две новые альтернативы – капитализм и социализм. Именно борьбе с этими обоими вариантами нового антисинтеза во многом была посвящена деятельность двух ведущих лидеров переходного Китая – Сунь Ятсена и Чан Кайши [93, с. 41–52, 64–68, 77–85, 137–140]. Деятельность их во многом объяснялась крайней устойчивостью синтеза, а также ощутимым разрывом между неизбежностью нового антисинтеза и трудностью становления формации современного типа [95, с. 120, 144, 164, 202–212].

Общественно-историческая неизбежность смены старой формации новой сочеталась в Китае с устойчивостью синтеза и затяжной межформационностью, мешавших становлению как буржуазной, так и «пролетарской» надстройки. Оба вида новой формационности встретили со стороны весьма консервативной синтезированной системы переходного Китая такое же стойкое, гибкое и эффективное противодействие, какое в свое время испытал сам синтез со стороны старой формации. Переходность защищала свои глубоко эшелонированные позиции, «по-формационному» поглощая или деформируя новоформационный антисинтез. В итоге постинтегральный период, последовавший за сменой феодального традиционного реакционного антисинтеза доинтегрального периода (1840–1911) современным, растянулся на многие десятилетия.

Новый антисинтез как альтернатива переходности встретил на своем пути не формационную «стену», а межформационное «болото» – «размытую» эволюционную «западню» [19, с. 194–198]. И буржуазный, и социалистический антисинтез не имели возможности приступить к кардинальной очистительной работе. Столкнувшись с китайской реальностью, они были вынуждены либо вращаться в ней (капитализм), либо уживаться с ней (социализм). В результате антисинтез в условиях Китая терял свой боевой заряд, становясь компонентом синтеза. Если «старый» традиционный антисинтез на Востоке открыто реакционен (как борьба феодализма против современности), то «новый» выступает прогрессивным началом, устраняя застойный синтез в форме «буксирующей» межформационности, несущей в себе груз «азиатчины» – отсталости, консерватизма и восточного деспотизма.

тизма. Разумеется, что с приспособлением «нового» антисинтеза к «азиатчине» (с его компромиссным вхождением в общественную синтезированную систему) во многом теряются его позитивные свойства. Утрачивается его преобразовательный заряд, снижается мобильность, появляется тяга к уступкам. По логике вещей новое формационное начало в роли антисинтеза должно быть естественным врагом синтеза, т.е. усеченной «азиатчины» в блоке с деформированной современностью. Однако китайская реальность XX в. оказалась намного сложнее и противоречивей.

Староформационный антисинтез «работал» в Китае 70 лет (1840–1911) как «внутренний» фактор традиционной системы, буржуазный же антисинтез, как сила, строящая капиталистическое общество, практически является «внешним», «западным», чуждым и отчасти «варварским» началом. В этих условиях победивший синтез прочно обретает статус «внутреннего», китайского, национального гражданства [175, с. 49–113].

В Китае капитализм вырастает в местный синтез в качестве временного партнера «азиатчины» [23, с. 136–163]. Вместо перехода к буржуазному обществу происходит закрепление комплексного синтеза как универсального господствующего начала [28, с. 40–49]. В результате проблема капитализма решается на базе того же синтеза через «снятие» новоформационной альтернативы. Поборники «чистой» буржуазности к кормилу власти не допускаются даже на пушечный выстрел. Успех сопутствует лишь политикам и идеологам синтеза (Сунь Ятсен, Чан Кайши). Капиталистический антисинтез не превращается в реальную силу. Развитие капитализма в Китае было прежде всего «работой на синтез», на переходность, на межформационность [25, с. 149–156; 104, с. 266–270]. Естественно, что господство даже «такого» капитализма Китаю не грозило в случае победы гоминьдана в 1949 г.

Синтез и межформационность

Став после 1911–1913 гг. комплексной системой и преобладающим началом, синтез повел на всех горизонтах китайского общества борьбу не за приход новой формации, а за свое упрочение, выживание, за сохранение своего господства. Его «идея» и цели мельчают, ибо он борется за переход не к более высокой общественной формации, а в лучшем случае к более усовершенствованным видам внутри синтезированной системы. Тем самым он претендует на особый «формационный» статус, защищается от иноформационного давления извне, как будто он – особая «формация». Синтез становится поперек дороги современности, превращается в активное препятствие капитализму. Еще недавно, в период своей «молодости», служивший прогрессу

победивший синтез с бэйянского периода (1914–1924) обнаруживает свои консервативные свойства. Становясь тормозом формационного развития, он накапливает в себе стагнативные тенденции, начинает «работать» против всего «западного», «европейского» как антикапиталистическое начало.

Таким образом, мы наблюдаем как бы два синтеза. В доинтегральный период синтез выступает как сила в целом наступательная, прогрессивная, работающая на формационную смену. На интегральной стадии картина резко меняется. Синтез, усвершенствуя свою внутреннюю структуру, восходя к более сложным формам и высоким ступеням собственной эволюции, становится регрессивной силой, оберегающей обстановку межформационности. Это уже «синтез сопротивления» против «чистой» современности, сила, направленная на увековечивание переходности, на сохранение дуалистической системы на базе дихотомии «старое–новое». Переходная структура Китая с конца XIX в. строилась не на движении к новой формации, а на создании «промежуточной модели», на взаимодействии, соединении и антагонизме традиционного и современного по всему фронту общественных отношений и на всех горизонтах гипосистемы. Дистанцирование как от старого, так и от новых формационных начал становится универсальным и доминирующим законом развития переходного общества. Китай, эволюционируя в сторону мелкобуржуазности, явного перелома на этом пути не достиг [132, с. 248–260], двигаясь к капитализму, так и застрял на подступах к его ранней стадии. Общество шло к пролетарской революционности, но она так и не победила [113, с. 232–239]. Китайская государственность продвигалась к бонапартизму, но вплотную к нему не подошла [148, ч. 3, с. 11–16]. Даже мировой статус Китая до 1949 г. (полуколония) был «промежуточным» – между самостоятельным государством и колонией. Потеряв независимость, он не обрел «своего» колониального «хозяина» («своей» метрополии), а попытка Японии взять на себя эту роль кончилась в 1945 г. провалом. Уйдя от «чистого» феодализма, Китай XX в. не приблизился к «чистому» капитализму, а вобрав в себя оба начала, создал промежуточное третье.

При анализе важно избежать как переоценки капиталистического развития (вывод о создании раннебуржуазного общества), так и игнорирования его (концепция видоизмененного феодального строя). Главное, отказаться от искушения подогнать бинарную (синтезированную) систему Китая под какую-то одну-единственную формационную «шапку», пожертвовав другим не менее важным компонентом в целях «определенности» и «чистоты» анализа. При этом необходимо «вычислить» как общеисторическое, так и специфически восточное в их реальном соотношении. Современное начало до 1949 г. так и не приняло формационных очертаний [21, с. 22–49]. Уровень развития китайского капитализма был очень низок. Он был достаточен в каче-

стве одного из ферментов Синьхайской и Национальной революций, но не имел сколько-нибудь значительных формационных потенций ни до «золотого времени» (1915–1919), ни после.

Становление буржуазной формации требовало охвата предпринимательским началом более или менее значительной территории. Однако вместо этого наблюдалось топтание на анклавной стадии – на уровне «очагового» развития «нового» и замедленной эволюции «старого», т.е. отсталого «доопиумного» капитализма, сопряженного с феодальной экономикой [25, с. 184]. В таких условиях сколько-нибудь существенной «переработки» в буржуазном духе массы докапиталистического социума не происходило [65, с. 342]. Вместо этого укреплялась стойкая дихотомия «старое–новое», т.е. единство и борьба формационных противоположностей в недрах синтезированной общественной системы. Сложилась система с резкими перепадами обоих начал по основным срезам (деревня–город, земледелие–промышленность, приморская полоса – глубинные районы, «современный» анклав – «традиционная» территория, ханьские провинции – районы нацменьшинств). До середины XIX в. Цинская империя определялась на формационном уровне как целостная, своего рода «моноукладная» система с четкой формационной принадлежностью – феодализм (примат базиса). Многоукладная же переходность (конец Цин, Китайская республика) все более определяется надстройкой (особенно ее институциональной сферой), получающей в стадии межформационной борьбы повышенную значимость и активность по отношению к базису [28, с. 42, 43].

До конца 20-х годов XX в. китайская межформационность исчерпывалась дихотомией «феодализм–капитализм» при явном присутствии третьего начала – колониализма. С созданием советских районов и революционных баз русло межформационности в 30–40-х годах усложнилось («феодализм–капитализм–социализм»), тем более, что формационная определенность и перспектива каждого из трех компонентов противостояния долгое время оставались условными. Начинается развитие на стыке трех разных способов производства, при совмещении различных типов развития (самостоятельного и колониального), противоположных темпов и видов эволюции (стагнативность и динамика, застой и модернизация). Все это, в свою очередь, обострило межформационный характер общего процесса – размывания усеченного, ущербного и трансформируемого «цоколя», т.е. базы былой феодальной формации.

Типологически иной, нежели на Западе, социальный организм «послеопиумного» Китая складывался на основе традиционной системы при трансплантации извне чуждых ей «варварских» форм. В этом смысле синтезированная система Китая XX в. есть «ответ» конфуцианской цивилизации и арендно-бюрократического феодализма на пересадку в его ткань новых «блоков». В эту бинарную систему (дли-

тельного уживания старого и нового) капитализм мог войти лишь как служебный укладный компонент, функционально подчиненный если не традиционному, то всей системе синтеза (в плане обслуживания и подтягивания последнего к требованиям XX в.), как компонент частичного «оздоровления» исторически унаследованной массы старого. Трансплантация высокоразвитых форм современности привела к напластованию и совмещению в Китае практически всех видов капитала – типа «первоначального накопления», домануфактурного, мануфактурного, фабричного и монополистического (иностраннй сектор) [94, с. 6–28; 21, с. 24–49].

Китай как страна «позднего старта» (или «третичного» капитализма) являл собой не просто «нарушение» обычной (т.е. «западной») последовательности в генезисе местного капитала и стадийный хаос силового происхождения, а иной – «боковой» («обходной») тип формационной эволюции. Последний означал создание устойчивой бинарной системы и превращение межформационности из проходящего фактора в постоянный. Кризисность становится «нормальным» способом существования переходного общества для многих его поколений [25, с. 141–156]. Синтез становится межформационной стадией, а межформационность отливается в синтезированную систему общества. Оба начала становятся неразрывными как при развитии изнутри, так и при натиске извне.

Прочность позиций амальгамы «синтез–межформационность» во многом объяснялась явной неподготовленностью Китая середины XIX в. к восприятию «западного» капитализма и тем более к переходу на рельсы буржуазного общества. Для Цинской империи периода «опиумных» войн вопрос о смене формации не стоял вообще. Пересадка в Китай компонентов развитого капитализма происходила при отсутствии здесь соответствующих спонтанных формационных предпосылок [291, с. 313, 314]. Особо следует отметить разрыв между формационным типом цинского общества и его формационным уровнем. Несмотря на раннее появление «эмбрионального» капитализма и мануфактур, арендно-бюрократическая разновидность китайского средневековья «задержалась» на стадии развитого феодализма и в целом не поднялась на уровень позднего.

Вступление традиционной системы Китая XV–XVIII столетий в фазу повышенной сбалансированности и зарегулированности (т.е. на своего рода «идеальный» уровень) не может быть механически отождествлено с перезрелостью конфуцианского феодализма и готовностью к формационной смене. Напротив, «засиживание» Китая на стадии развитого феодализма было сопряжено с его нерастраченными внутренними возможностями к самовосстановлению на заданном уровне [104, с. 3–9, 41, 42]. Этот потенциал вошел в амальгаму «интегральный синтез – многоукладность», т.е. в переходное общество конца XIX – XX в., не как больное, уходящее, исчерпавшее себя

начало, а как достаточно жизнеспособный и стойкий общественно-воспроизводственный организм.

Полный внутренних амортизационных возможностей китайский феодализм принял активное и агрессивное (в плане противодействия новым формациям) участие в строительстве информационной системы. Это предопределило цепкое, мертвящее воздействие традиционности на процесс модернизации общества [63, с. 18–20]. Непройденность Китая стадии позднего феодализма, пересадка современного капитализма (а затем социализма) в общество, стадияльно не подготовленное к смене старой формации, усугубили состояние формационной неопределенности и устойчивость сплава «переходное общество – синтезированная система». Для полуколонияльного Китая начиная с Синьхайской революции были характерны формационная неподготовленность, нечеткость стадияльных характеристик, сложность исторического «выбора» цели (капитализм, социализм, затяжная слаборазвитость) и крайняя «сближенность» всех трех альтернатив между собой [25, с. 150–152].

Сказывалось и воздействие второго крупнейшего противовеса новым формационным альтернативам – китайской цивилизации. Будучи намного старше китайского феодализма, она вобрала в себя сильнейший заряд древнего Китая. Этот наиболее глубокий устойчивый и внеформационный пласт (как квинтэссенция ханьской самобытности, неповторимости и внутренней замкнутости) стал и пассивным и активным защитником традиционности перед угрозой установления «западного», т.е. «варварского» строя в Поднебесной. Феномен культуры, специфическая письменность, несколько тысячелетий непрерывной исторической и культурной традиции, конфуцианская этика, особое массовое сознание, бывшее имперское величие – все это породило высокую сопротивляемость новоформационному духу. Китайская цивилизация оказалась не самой лучшей почвой для укрепления буржуазной формации. Эта скрытая, но могучая сила противодействия и самозащиты могла смириться с «варварским» началом как подчиненным служебным компонентом, но отнюдь не как с господствующей доминантой. Иными словами, китайская цивилизация в неизмеримо большей мере «работала» на синтез и межформационность, нежели на современную формацию. В качестве одного из «участников» синтеза пласт китайской цивилизации (наряду с феодальным потенциалом) оказывал сильнейшее ассимилирующее и парализующее воздействие на входящую в переходную систему ее «современную» часть, обескровливая ее и вводя в русло межформационности. В силу этого Китай начала XX в. не был подготовлен к буржуазной формации не только на общеформационном, но и на личностном уровне. Корпоративный «коллективизм» полутрадиционного общества противодействовал возникновению массы свободных индивидуумов, носителей новой морали и мировоззрения, а также нового разделения труда, необ-

ходимых новой формации. «Традиционный» китаец-конфуцианец оставался в целом враждебным к буржуазным нормам бытия.

С развитием переходного общества феодализм в Китае XX в. теряет статус формации, становясь одним, хотя и количественно преобладающим укладом. Эта гигантская по своим физическим, географическим и демографическим параметрам масса («большой уклад») дополняется слабым капиталистическим комплексом национального и иностранного грюндерства («малый уклад»). Последний становится лишь «представителем» новой, закладываемой извне (через мировой рынок) и изнутри (через оживление спонтанных ранних капиталистических форм) в лоно переходного общества формации, которая находится все еще в своем частном, т.е. укладном выражении. Сам же китайский феодализм (как способ производства) из формационного (полного выражения) приобретает укладный статус, опускаясь на уровень исторически отмирающего (в общемировом плане), но цепко сопротивляющегося и количественно преобладающего (в узкоотранованном плане) начала.

Оба вида формационного развития – и уходящий, и нарождающийся – были далеки от макроструктурного воплощения и ущербны. Один потерял статус формации, а другой не мог до нее дорасти. Ни один из них сам по себе уже не выражал сути социально-экономической и политической природы переходного Китая и его эволюции. Оба в известной мере были автономны, и каждый в отдельности лишены структурообразующей роли всекитайского масштаба. Китай в 1949 г. стартовал в социализм не с формационного, а с межформационного плацдарма. Это движение развивалось не на «чистой», а на «смешанной» почве, когда органический синтез бэйянского и гоминьдановского типа в чем-то облегчил, но в еще большей мере осложнил построение в Китае нового общества. В странах Запада (Англия, Франция, Голландия и др.) формационное развитие пошло по пути «феодальный антисинтез – буржуазный антисинтез», а синтез не вышел на интегральный, т.е. формационный уровень. Восток, и в частности Китай, породил свою специфику развития. Здесь имел место вариант «феодальный антисинтез – синтез феодализма и капитализма». В итоге межформационный синтез стал стартовой площадкой на следующей стадии движения «синтез феодализма и капитализма – социализм».

Капитализм и колониализм

В Китае имело место не столько «чистое» развитие «классического» западного предпринимательства, сколько «промежуточный» вариант – продукт взаимодействия «капитализм–феодализм». Здесь сложился традиционализированный («грязный») капитализм азиатско-

го типа – порождение синтеза западного и восточного начал. Этим, однако, не исчерпывалась вся сложность данного специфического явления. «Китаизированный», или «феодализированный», капитализм изначально был поставлен в условия мировой колониальной системы. С одной стороны, пересаживаясь с Запада в Китай, современные экономические структуры (особенно в иностранном секторе) были отчасти близкими к «колониальному капитализму». С другой – сам Китай неуклонно превращался в полуколонию, т.е. колонию низшего ранга (гипоколонию), со слабо выраженными чертами полного, или «классического», колониализма, но с некоторым багажом «колониального капитализма», или «капиталистического колониализма». Главными очагами такого синтеза были «открытые» порты и особенно зоны с иностранной юрисдикцией (концессии, сэттлменты) – анклавные более или менее «чистого» колониализма и форпосты мировой капиталистической системы на побережье Китая.

Вся история страны с 1840 по 1945 г. демонстрировала явную тенденцию к количественному и качественному возрастанию колониализма. Последний постепенно осуществлял свой переход от «анклавного» к «территориальному» состоянию и от частичного (полуколонии) к полному колониальному воплощению, т.е. превращению всего Китая в часть Японской империи. Чисто «анклавный» период (1842–1895) сменился промежуточным «анклавно-территориальным» (1896–1930), когда каждая из империалистических держав выкроила себе «свою» зону «монопольных интересов», т.е. «свою полуколонию». На последнем этапе (1931–1945) произошел резкий переход к открытому территориальному завоеванию Китая и превращению его (сначала по частям – Маньчжурия, Жэхэ, а затем целиком) фактически в японскую колонию.

На всех трех этапах, особенно на последнем, развитие новых социально-экономических структур шло в русле сложного синтеза «традиционализированный капитализм – специфический колониализм». В итоге сложился «триединый» синтез «колониализм–капитализм–феодализм», благодаря чему в Китае развивалось нечто среднее между «колониальным капитализмом» и «традиционализированным капитализмом». При этом дихотомия «колониализм–капитализм» выступала как нечто неразрывно целое, имевшее достаточно явный потенциал конструктивности и прогресса на фоне бесперспективности и застоя традиционной «азиатчины».

Каждое из этих трех начал нивелировало, снижало и ослабляло «работу» двух других. Воздействие «двуединого» (т.е. колониально-капиталистического) синтеза в Китае оказывалось весьма ограниченным, верхушечным и в целом малоэффективным. Ни «двуединый», ни «триединый» синтез в данных условиях не мог стать фактором коренного и необратимого обновления китайского общества, т.е. формационно образующим началом на всех горизонтах базиса и надстройки.

Колониально-традиционализированный капитализм не мог потянуть за собой и возглавить все общественные структуры, приведя их к уровню буржуазного общества и к разрыву дихотомии «колониализм–капитализм», т.е. к освобождению национального предпринимательства от колониалистских цепей. Превращение его в «равноправного» партнера западного капитала на мировом рынке оказалось прочно заблокированным.

Не будучи принципиально иной формационной альтернативой китайскому феодализму, такой «тройственный синтез» привел к созданию комбинированного общества с многоукладным базисом и переходной надстройкой. В этой синтезированной социально-экономической и политической общности национальный (китайский) феодализм находился в системе межнационального колониализма, а международный колониализм включался в систему национального феодализма. Национальный капитализм Китая действовал в системе мировой капиталистической общности, а международный капитал «работал» в системе китайского капитализма как особого экономического уклада.

Вместе с тем «классическая» структура типа «метрополия–колония» в Китае до 1931 г. имела смазанный специфический вид: «метрополия – зона контроля», т.е. «держава – сфера влияния (или анклав)». Поскольку таких держав-метрополий и соответственно таких структур было несколько, Китай в мировой колониальной системе выглядел как «сумма метрополий – сумма полуколониальных зон». Причем все эти зоны вкупе отнюдь не покрывали целиком территорию Китая. Этот «остаток» прежней независимости формально был «вне» колониальной системы. Фактически же эта «свободная» от «индивидуальных» захватов со стороны держав территория (как и весь Китай в целом) была их общим «вкладом» в мировую капиталистическую, рыночную и колониальную систему, т.е. «коллективным» компонентом, специфическим участником «триединого» синтеза. В итоге колониальные «качество» и «количество» в рамках китайского синтеза находились на трех различных уровнях: «анклав – сфера влияния – территория вне сферы». Соответственно этому шло ступенчатое снижение колониальных показателей.

Китай не был ни «индивидуальной», ни коллективной колонией. Та или иная держава выступала в роли «метрополии» лишь условно и отчасти (причем главным образом по отношению к «своей» зоне контроля), т.е. как «полуметрополия» в отношении к полукolonии. Каждая такая зона контроля представляла собой компонент «условная метрополия – гипоклония». Таким образом, «единичная» и четкая «классическая» структура колониально-капиталистического синтеза «(одна) метрополия – (одна) колония» приняла «множественный» и слабовыраженный вид: «несколько условных метрополий – несколько зон контроля – „независимый“ остаток традиционного типа».

В противовес «монотропности» «чистых» колоний (Индия, Вьетнам, Малайя и др.) в Китае имела место «политропность». Колониализм здесь принял многонациональный и «международный» характер, а колониальная политика могла вырабатываться лишь «концертом держав». Помимо всего прочего, сказывались гигантские физические размеры страны и ее крупнейший в мире демографический потенциал. По этим показателям Китай далеко вышел за рамки одной средней страны и претендовал на статус особого региона (т.е. суммы нескольких стран). Подчинение подобного «региона» одной метрополиии (например, Англии, а затем Японии) оказалось практически не под силу, а сам Китай выступал как сумма «индивидуальных» полуколоний («сфер влияния») плюс «общий» пул.

В результате этого иностранный капитал на просторах собственно китайской территории формально не имел колониального статуса, ибо он не обладал (вне концессий и селтльментов) политической, военной, административной, судебной и иной властью (как, например, французский во Вьетнаме). Лишенный этих непосредственных рычагов управления страной, западный капитал выступал главным образом в своей экономической ипостаси, особенно с установлением в 1927 г. власти гоминьдана, ведшего борьбу за реальную независимость Китая. Как чисто колониальный капитал (т.е. сочетание капитала с верховной властью в колонии) империализм функционировал лишь на оккупированном Японией Тайване, в колониальных анклавах (Гонконг, Квантунский п-ов, Аомынь и др.), а также в международном селтльменте Шанхая и на иностранных концессиях в «открытых» портах. С 1931 г. к ним прибавилась вся Маньчжурия, с 1933 г. — Жэхэ и другие зоны японской оккупации после 1937 г. Таким образом, общая тенденция развития шла в направлении «от полуколонии — к колонии» и «от иностранного капитала — к колониальному капиталу».

При всем том колониализм в Китае функционировал в двух неразрывных ипостасях: как глобальное общемировое начало и как местная «страновая» модификация первого, имевшая, в свою очередь, различные варианты и тенденции. Первая дала содержание, а вторая — форму китайскому типу гипокOLONиальности. До 30-х годов XX столетия в Китае развивалось нечто промежуточное между западным капитализмом, «классическим» колониализмом и «доопиумным» феодализмом (арендно-бюрократического типа).

Все три указанных эталона в Китае второй половины XIX — первой половины XX в. в своем чистом и полном виде существовать не могли, поэтому каждый из них был представлен усеченной, неполноценной и синтезированной разновидностью. Данная «триада ущербности» на всех этапах («анклавный», «анклавно-территориальный» и «чисто территориальный»), периодах (цинский, бэйянский, гоминьдановский) и на обеих стадиях (доинтегральная, интегральная) своей эволюции, с одной стороны, выступала в виде простой суммы слагаемых,

т.е. «неполноценных» структур, а с другой – в виде относительного единства последних в лоне общей «сверхструктуры» национального и наднационального масштаба. «Тройственная сверхструктура» сложного и ущербного синтеза (многонациональная гипокOLONиальность – традиционализированный капитализм – трансформированная «азиатчина») имела всемирный характер, ибо ее основными опорами служили буржуазная система на Западе и феодальная на Востоке (в рамках единой глобальной связи Восток–Запад).

Фундаментальными началами китайского синтеза являлись феодализм и капитализм. При этом колониализм не только служил связующим звеном, но и обеспечивал компромисс (являясь своего рода переходным синтезированным продуктом) между обоими «базовыми» началами. В то же время неправомерно «западное» начало считать только активным, а «восточное» (в данном случае – китайскую традиционность) исключительно пассивным. Взаимодействие «Запад–Восток» в конечном счете было двусторонним и обоюдным. Азиатские страны (и Китай в их числе) были по-своему не только объектом, но и субъектом складывавшегося единого «поля взаимодействия» всемирного значения.

Насильственное включение феодального и антибуржуазного Востока с его гигантскими физическими (территориальными и демографическими) параметрами в мировую капиталистическую систему имело для нее двоякие последствия. С одной стороны, буржуазный Запад резко усилился в сырьевом, рыночном, политическом и военном измерении, оставаясь общемировой системой и глобальной силой до 1917 г. Причем из двух изолированных «первичных» и «чистых» моносистем (буржуазной на Западе и феодальной на Востоке) сложилась единая («вторичная» и «смешанная») общность. Эта расплывшаяся бинарная гиперсистема уже строилась на синтезе капитализма и феодализма. В процессе взаимного синтезирования Запад, грабя и поработав Восток, дал ему ряд позитивных импульсов. Последние вызвали трансформацию азиатских обществ, выведя их в XX в. на рубежи буржуазного развития, национально-освободительных антиколониальных и народно-демократических революций. Здесь мы имеем дело с тенденцией общего улучшения «качества» единой синтезированной сверхсистемы.

С другой стороны, включение в нее отсталого (и по-своему активного) азиатского начала ухудшило ее общие качественные показатели. Такое включение неизбежно активизировало реакционные черты самого капитализма и империализма, их внутренние консервативные потенции. Количественный территориальный рост синтезированной системы шел в итоге за счет снижения ее общего «качества». Соединившись (через колониализм) с отсталым восточным феодализмом и азиатским деспотизмом в единую систему синтеза, западный капитализм был вынужден пойти на внешне скрытые, но фактически за-

кономерные уступки своей и восточной реакции, своему прошлому, т.е. второй и худшей тенденции собственного развития.

Буржуазный Запад частично «импортировал» в свою первоначальную систему реакционное влияние «азиатчины», отсталости и деспотизма. Это объяснялось тем, что глобальное «силовое поле» синтеза «буржуазный Запад – феодальный Восток» имело не одностороннее, а двустороннее движение импульсов между его полюсами. Такого рода «встречное» течение с отсталого Востока частично ослабляло передовой Запад влиянием не просто феодального, но и еще более отсталого архаического потенциала. Как участник такого взаимного синтеза Китай был не только «пассивным» объектом насилия и грабежа, но и «активным» началом, снижавшим и разлагавшим прогрессивный потенциал западных «победителей». Это явилось своего рода «платой» за их колониальные «успехи». К тому же насильственное включение в колониальную и капиталистическую систему породило в странах Востока процессы и силы антиколониального и антикапиталистического противодействия. Антизападное, антибуржуазное начало наряду с прогрессивным принимало скрытые и консервативные формы. В этом плане традиционный и переходный Китай обладал не только гигантским потенциалом пассивного сопротивления, но и активной силой трансформации, в том числе искажения и подавления «западного» начала на китайской почве в конфуцианско-традиционном духе. В этом сказывались «творческие» потенции и жизненная устойчивость как конкретных местных структур, так и могучей китайской цивилизации. И первые и вторая действительно мешали установлению новой формации и тем самым активно «работали» на синтез различных формационных начал, т.е. на межформационность. В русле последней протекали многие процессы переходного общества. В их числе было включение Китая в колониальный тип мирохозяйственных связей, что породило сложную синтезированную систему типа «колониализм–капитализм–феодализм» при существенной трансформации каждого из трех компонентов данной единой «триады».

Такого рода «тройной» синтез староформационного и новоформационного потенциалов (а также продуктов их взаимодействия) олицетворял как типологический (полуколония), так и чисто страновой (собственно китайский) вариант функционирования Цинской империи, а затем Китайской республики (1912–1948) в общемировом хозяйственном организме. Этот же синтез отражал неполноценный статус Китая в системе мирового рынка. К тому же подсистема «Китай–Запад–колонии» была лишь одной из ячеек общемирового поля взаимодействия «Восток–Запад» («колонии–метрополии», «полукolonии – блок колониальных держав»). Вне данного «силового поля» китайское общество второй половины XIX – первой половины XX в. не может быть правильно понято и соответственно описано.

Не случайно, что для определения характера Китая после «опиумных» войн чаще всего применяется термин «полуфеодальное полуколониальное общество». Данная формулировка отражает, во-первых, переходное состояние; во-вторых, многофакторность эволюции; в-третьих, неполноценность обоих компонентов, их ущербность («полу-»). Здесь наблюдается сосуществование различных начал плюс их взаимодействие в рамках антагонистической дихотомии. Феодализм выступает как объект воздействия внешней силы и как бывшая формация, ныне утратившая свою целостность, системность и в связи с этим опускающаяся на уровень укладного состояния. Понесенные ею физические и системные потери обычно фиксируются формулировками «пережитки феодализма» или «господство феодальных пережитков». В этих далеко не безупречных клише нашло отражение переходное состояние общества, т.е. констатация угасания старой формации и нерешенности вопроса о переходе к новой.

Итак, в Китае гигантские масштабы «массива» традиционности, большие регенерационные возможности традиционной общественно-экономической системы (базирувавшейся на эндогенной дуальности) обусловили повышенную устойчивость старого. Натиск же нового (т.е. капиталистического начала) отнюдь не носил характера решительного, стремительного штурма, скорее это была тягучая осада, когда годами ведутся бои за холмик, укрепленный пункт и т.п. В общей обстановке длительного противоборства-сосуществования старого и нового отступление первого часто выливалось в приспособление, в мимикрию. «Чистота» традиционного при этом терялась, но суть оставалась. Тем же путем приспособления, ухудшения своего «качества» шло вперед новое. Иными словами, обеим составляющим синтеза в Китае было свойственно снижение их формационного уровня. В результате старое было не в состоянии удерживать свои позиции; новое не могло одержать решительной победы.

Весь этот сложный комплекс переплетающихся, взаимосвязанных явлений и процессов (в котором не так просто выделить причины и следствия) обусловил устойчивость ситуации синтеза, т.е. утверждение застойно-переходного состояния без четко просматриваемой перспективы. Невозможность дать позитивную формационную характеристику (очевидна только негативная – не капитализм, не феодализм) логически ведет к любопытному выводу: в определенных условиях общество, находящееся в состоянии застойной переходности (синтеза), теряет старые и не приобретает новые формационные черты и попадает в ситуацию достаточно длительной межформационной паузы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы над данной книгой мы исключали из рассматриваемой тематики историю КПК до 1949 г. и все сюжеты, связанные с КНР. В Заключении же попробуем предельно коротко высказать предварительные соображения по этим вопросам (впрочем, из-за абсолютной неразработанности темы более обстоятельный подход пока просто невозможен).

Возникнув под влиянием (идейным и организационным) Октябрьской революции в России, КПК, будучи изначально продуктом гетерогенного синтеза (лежащего скорее в межцивилизационном, чем в межформационном русле), с первых своих шагов превратилась в поле борьбы и синтеза социалистических идей, привнесенных извне, выросших на иной, европейской почве (уже потерявших свою первоначальную научную ценность и чистоту), с традиционными народными смутными эгалитаристско-уравнительными представлениями. Воздействие этих компонентов идеологии китайских коммунистов явственно сказывалось на всей их деятельности (в советских районах преобладало влияние традиционных элементов, в крупных городах – догматизированных социалистических). Попытка преодолеть эту дихотомию, предпринятая Ван Мином, окончилась его поражением, и к своей победе в 1949 г. КПК пришла под официальным знаменем синтезированного, «китаизированного» марксизма Мао Цзэдуна.

С таким идейным багажом и под мощным воздействием сталинской Москвы, КПК, сокрушив гоминьдан и получив в свое управление общество застойного синтеза, не смогла найти путей поступательного выхода из него. Более того, в маоистский период качество общественного синтеза последовательно ухудшалось, в нем рывками, с отступлениями (но в целом неуклонно) усиливались элементы азиатской деспотии.

Сдвиг в социально-экономической и общественно-политической природе синтеза коснулся его современной составляющей: традиционная база (видоизмененная азиатская деспотия) начала сочетаться со сталинской моделью общественного устройства (которую привычно, но абсолютно ошибочно именуют социализмом). Последняя же, с нашей точки зрения, представляет собой синтез элементов той же азиатской деспотии, реакционных уравнительных, утопических представлений и революционного порыва к «светлому будущему».

В результате удельный вес традиционности в народно-демократическом Китае резко возрос. Реальным проявлением этого стало быстрое уничтожение всего частновладельческого сектора. Сначала (1949–1954) был ликвидирован класс помещиков и проведено полное огосударствление промышленности и ремесла. Тем самым «частник», извечный противник азиатской деспотии, с которым она тысячелетиями вынуждена была делиться плодами эксплуатации непосредственных производителей, был устранен. Затем в ходе кооперирования у крестьян отобрали землю, уничтожив таким образом самый многочисленный класс мелких «частников». Такое «преодоление» вековой китайской дуальности «казна–частник» привело к резкому даже по сравнению с императорским Китаем расширению структуры «класса-государства».

Следующим шагом стала коммунизация деревни, сделавшая сельских тружеников, по существу, крепостными государства. Под контроль последнего перешли практически все производительные силы страны, ставшие верховной собственностью класса бюрократии. Возрастание удельного веса элементов натурального ряда нашло свое выражение в полном преобладании разных форм распределения в быту и хозяйственной жизни. Слабые ростки идеи «общества», привнесенные революционно-демократической интеллигенцией, были полностью вытеснены идеей «государства» (с ее модификациями – идеями «великого кормчего» и «партии»), подчинившей себе примитивизированную и тотально подконтрольную духовную жизнь народа.

В условиях абсолютного господства «класса-государства» возникла необходимость обеспечить быстрое приращение могущества, что выродилось в имперские амбиции. Эта тенденция совпала с резкими шагами по усилению внутривластной власти государственной машины – «класса-государства», выливающимися в трагические кампании («большой скачок», «культурная революция»), которые поставили Китай на грань полной катастрофы. Главная же суть этих (и ряда иных, менее значительных) кампаний заключалась в стремлении не допустить изменений в сложившемся соотношении элементов синтеза. Вынужденное ослабление контроля «класса-государства» (сразу после победы революции – по сравнению с яньаньским периодом, после провала «большого скачка» – период «урегулирования») перекрывалось резким усилением централизаторских тенденций – от тотального контроля над социумом к контролю над личностью и личной жизнью каждого человека.

Маоистский курс привел к преодолению ситуации синтеза, но на рельсах возвратного движения – почти к полному восстановлению господства азиатской деспотии, сделавшей при этом завершающий шаг на пути своего совершенствования и достигшей наконец логической законченности. Такое не удавалось ни в древности, ни в средне-

вековые. Подобный зигзаг истории на первый взгляд никак не соответствует реалиям второй половины XX в. Но скорее всего, ими-то он и был обусловлен. Стремление выжить, противостоя давлению этих реалий (намного более сильному, нежели во второй половине XIX в.), и заставило азиатскую деспотию не только отсекал максимально возможно другие составляющие синтеза, но и довести свою систему почти до совершенства.

Неизбежный крах этой линии (проявлением которого стало устранение с политической арены «банды четырех») перевел синтез КНР на постмаоистскую стадию. При сохранении принципиальной сути синтезированной системы был сделан шаг назад – к ситуации, сходной с той, что была в гоминьдановский период, когда «класс-государство» вынужден был мириться с существованием мелкого и среднего «частника».

Зримые черты гоминьдановского синтеза просматриваются и в имевшей хождение во второй половине 70-х годов идее раздела промышленности на два сектора (по организации управления и финансирования) – узкий современный (сконцентрировавшийся в приморских районах) и обширный традиционный и полутрадиционный. Именно таким было деление дореволюционной промышленности. Сдвиги последнего десятилетия (частичный возврат крестьянам земли, развитие рыночных отношений и т.п.) фактически вернули Китай в состояние переходности без четко определенной формационной перспективы. Вызывает, в частности, сомнение, что произошло существенное уменьшение доли традиционной составляющей синтеза. Так, деспотия не вернула крестьянам их владельческие права на отобранную у них землю, а лишь разрешила ее держание на очень жестких условиях (семейный подряд). Не менее ясно также, что дальнейшие позитивные изменения в политико-идеологической области, распространение рыночных отношений на сферу рабочей силы блокируются государством, по-прежнему стремящимся сохранить ситуацию синтеза (обеспечивающую незыблемость позиций «класса-государства»).

Пойдет ли Китай в будущем по пути постепенной эволюции в восточный вариант буржуазного общества (как Южная Корея и Тайвань) или будет предпринята попытка построить некий вариант социализма «с человеческим лицом», базирующийся на многоукладной экономике (как это явствует из официальных установок нынешнего руководства КНР), т.е. новый вариант синтеза, покажет будущее.

История Китая последних полутора веков демонстрирует весьма значительную устойчивость отношений общественного синтеза. Прогрессивные на первых порах, они становятся затем тормозом исторического прогресса. Опыт Китая (и ряда других стран, например Южной Кореи) показал, какую огромную роль в судьбах синтеза играет государство. На первой, прогрессивной, стадии межформационного

синтеза оно выступает «повивальной бабкой» и гарантом дальнейшего развития. На второй стадии (когда синтез начинает сковывать общественный прогресс) стремление государства законсервировать ситуацию превращает дальнейшую эволюцию в длительный, болезненный процесс без ясных перспектив. И наоборот, мощное целенаправленное воздействие государства позволяет относительно быстро преодолеть состояние синтеза и вывести общество на интегральный формационный горизонт.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ При всей общетеоретической правильности постановки данного вопроса конкретная расшифровка указанного «кода» вызывает сомнения и возражения. Верно, по нашему мнению, отмечается свойственная Востоку определенная смазанность, неартикулированность в развитии социально-экономических форм, вследствие чего происходило переплетение, накладывают друг на друга (мы бы добавили – срастание, синтез) различных укладов (см. [137, с. 10–11]). Но, во-первых, данный момент вряд ли объясним тем, что Востоку будто бы извечно был присущ рутинный архаический, примитивный тип производительных сил (см. [137, с. 11]). Известно ведь, что по уровню развития последних Восток (Китай, в частности), по крайней мере до XIV в., не только не отставал от средневековой Европы, но и превосходил ее (см., например, [170, с. 84]). Во-вторых, смазанность, неартикулированность движения социально-экономических форм на Востоке имели относительный (по сравнению с европейскими обществами), а не абсолютный характер. Ошибочно, как представляется, утверждать, что на Востоке «не проступала последовательная сменяемость одной исторической формы другой», вследствие чего «развитие... социально-экономических структур практически обрекалось на пребывание в состоянии перманентной переходности» [137, с. 11]. В историческом развитии традиционного Китая, например, довольно четко выделяются, по мнению многих синологов (см., в частности, [50, с. 72]), три крупных этапа (первый – эпохи Шан-Инь, Западное Чжоу, Чуньцю, второй – эпохи Чжаньго, Цинь, Хань, третий – последующие периоды до середины XIX в.), для каждого из которых характерно существенное социально-экономическое своеобразие. Другое дело, что отмеченная динамика социально-экономических форм и они сами не могут быть сведены к привычным европейским образцам.

² Упомянем в качестве примера синтез форм и явлений, свойственных двум стадиям феодализма – раннему и зрелому, происходивший в результате монгольского завоевания в Китае (империя Юань) и Иране (государство Хулагуидов) (подробнее об этом см. [178, с. 228–259, 335–376]).

³ Приведем в качестве примера известное положение В.И.Ленина о развитии капитализма в России: «Средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого *полуфеодалские черты* (курсив наш. – Авт.)» [78, т. 17, с. 129].

⁴ Практически в том же ключе (правда, без употребления понятия «синтез»; вместо него подчас используется термин «синкретизм» [160, с. 13, 14 и др.]) написана весьма интересная и содержательная работа африканиста И.В.Следзевского [160]. Понятие «синтез» использовано в уже упоминавшейся коллективной монографии «Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие» [137, с. 18].

Часть первая

Глава 1

¹ Мы называем его «традиционным» и по указанным выше причинам, и – согласно классификации типов социального регулирования – как общество, в котором традиции являются основной или наиболее распространенной социальной нормой. Конкретное содержание данного механизма регуляции составляли морально-этические нормы конфуцианства. Они выполняли функцию организации и управления массовым поведением населения в самых различных сферах деятельности и тем самым во многом формировали облик китайского общества в целом. Возведенные в ранг государственной политики, конфуцианские традиции оказывали воздействие не только на повседневный образ жизни населения страны, но и на особенности ее исторического развития.

² Сдерживал развитие частного ремесла и казенный сектор, мастерские которого играли заметную роль в некоторых сферах ремесла, особенно в производстве предметов роскоши и оружия (что лишало частных ремесленников наиболее дорогих и крупных заказов).

³ Явственно проступавшие тогда элементы грядущего кризиса практически не выходили за рамки свойственных для китайской традиционной социально-экономической системы «обычных» катаклизмов.

⁴ Военные формирования из китайцев.

⁵ *Юнбин* – ударные воинские части из добровольцев.

⁶ *Сюцай* – шэньши, обладатель первой низшей «ученой» степени, открывавшей сложный путь к чиновной карьере.

Глава 2

¹ В указанном плане поражение Китая в войне с Францией (1884 г.) не имело такого значения для китайского общества как результаты «опиумных» войн или японо-китайской войны. Интервенция же восьми держав (1900 г.) была скорее фактором восстановления прежнего («доинхэтуаньского») положения, а не движения синтеза вперед.

² С оговоркой, что в некоторых случаях дело обстоит еще сложнее – когда на факторы, содействовавшие развитию синтеза (ввоз капитала), хронологически накладывались моменты, препятствовавшие ему (раздел Китая на сферы влияния).

³ Чем дальше, тем во все большей степени основным проявлением влияния внешнего фактора становилось воздействие на Китай общего состояния дел в мире и дальневосточном регионе (Октябрьская революция и строительство социализма в СССР, мировые войны, мировые экономические кризисы, экспансия Японии и т.п.).

⁴ При указанном подходе прослеживаются четыре ступени: период исключительно иностранного предпринимательства (1843–1861), господство системы *гуаньду шанбань* (1862–1894), преобладание частного «грюндерства» (1895–1937), насаждение административно-командной системы (1937–1948). Подобная периодизация далека от универсальности, лишь частично отражает «всекитайские» (комплексные) этапы синтеза и явно недостаточна.

⁵ Последняя чисто национальная династия в императорском Китае (1368–1644). На смену ей пришла маньчжурская династия Цинь.

⁶ Досл. «казенный контроль и торговое предпринимательство».

⁷ Чисто вспомогательный характер заимствования технических и военных новшеств «варваров» наиболее полно обосновал крупный теоретик «самоусиления» Фэн Гуйфэн (1809–1875). По его мнению, морально-этическое превосходство китайцев над другими народами позволяло заимствовать у «западных варваров» лишь огнестрельное оружие и паровые суда. Китаю достаточно освоить лишь самое необходимое из арсенала «западной» науки и техники (математика, иностранные языки), носящее сугубо прикладной характер (см. [111, с. 209]).

⁸ Один из зачинателей «самоусиления», видный сановник Цзэн Гофань писал: «Мы должны серьезно стремиться к тому, чтобы наша военная мощь могла сравниться с их (европейцев. – *Авт.*) мощью так, чтобы мы могли стоять на собственных ногах» (цит. по [111, с. 213]).

⁹ Крупнейшая из этих клик – бэйянская (в дальнейшем расколовшаяся на чжилийскую и аньхойскую) дала название периоду господства милитаристов.

¹⁰ Однако провал двух попыток восстановить монархию (Юань Шикая и генерала Чжан Сюня) убедительно свидетельствовал о необратимости происшедших перемен.

¹¹ Сохранялась личная земельная собственность последнего императора (Пу И), маньчжурских принцев и князей. Пу И был оставлен огромный дворец в Пекине, он получал колоссальную пенсию, пользовался многими привилегиями.

¹² Захват власти военными после известного «забегания» вперед революции снизу, пренебрежительное отношение к демократическим нормам, элементы заигрывания с новыми социальными слоями (крупной буржуазией, обуржуазившимися шэньши, новой интеллигенцией, мелкобуржуазной средой, пролетариатом).

¹³ Многие местные милитаристы подчинялись центральной власти лишь номинально, сам гоминьдан был почти все время расколот на противоборствовавшие группировки: в 1927–1936 гг. нанкинский центр (Чан Кайши) боролся с гуанчжоуским правительством (Юго-западный политсовет); в 1940–1945 гг. чунцинское правительство (Чан Кайши) воевало с коллаборационистской группой Ван Цзинвэя.

¹⁴ Чан Кайши призывал «возродить... мощь нашей традиционной системы управления» (цит. по [93, с. 80]).

¹⁵ Система пошлин на внутреннюю торговлю.

Глава 3

¹ Аналогичные защитные меры практиковались и в эпоху Мин.

² *Пингьинтуани* («отряды усмирения англичан») – вооруженные отряды китайских патриотов, действовавшие в пров. Гуандун во время «опиумной» войны 1840–1842 гг.

³ *Фэншуй* (геомантия) – суеверное учение даосов *каньюй* о воле природы, об отношении различных геометрических линий и форм к добрым и злым духам, построек – к могилам предков и т.д.

⁴ С точки зрения программных конечных целей (построения социализма и коммунизма) на позициях антисинтеза современности стояла КПК. В указанном плане (плюс влияние и поддержка СССР) она была в Китае самым серьезным фактором этого вида антисинтеза (что сыграло не последнюю роль в победе Народной революции 1949 г.). В то же время на многих установках, формах и методах ее деятельности лежал серьезнейший отпечаток синтеза. Мы ограничиваемся лишь этим беглым замечанием (для полноты картины), поскольку рассмотрение всего круга связанных с данной проблемой вопросов выходит за рамки нашей темы.

⁵ Движение *цинъи* («чистое мнение») – петиционная кампания реакционных чиновников и шэньши, требовавших отказа от нововведений политики *янъю*. Протекала в 1875–1884 гг. в русле традиционной практики *яньлу* («дорога суждений»), т.е. подачи меморандумов императору.

Часть вторая

¹ Использование этого термина в данном случае условно. Ведь развитие в дальнейшем гетерогенного синтеза в Китае (непосредственное и в переплетении с эндогенным) также в целом происходило спонтанно. Называя ранний эндогенный синтез в Китае спонтанным, мы не стремились определить его характер (который, конечно же, таковым и был), а лишь хотели подчеркнуть его несвязанность с воздействием гетерогенного синтеза.

Глава 4

¹ Достаточно частыми были и явления иного порядка – «традиционное содержание – новая форма». Так, в 20-е годы корпорации ремесленников-тружеников («западные ханы» – *сихан*) быстро и легко становились «профсоюзами» (*гунхуэй*), не переставая при этом оставаться по сути средневековыми цехами (см. [134, с. 206–207]).

² Все это вело к развитию синтеза в сфере потребительского спроса. В моду постепенно вошел традиционный костюм, сделанный из импортной пряжи,

а затем – из иностранной или местной фабричной ткани. Он стал сочетаться с обувью, часами, зонтом, тростью, очками и шляпой западного образца. Изделия европейских стандартов – соломенные шляпы, керосиновые лампы, мыло, свечи, матерчатые зонты, зубные и сапожные щетки, иголки, табак, папиросы и т.п. – вошли в частично синтезированный быт китайцев. Данный процесс резко ускорился с ослаблением после Синьхайской революции средневековых сословий с их строгой регламентацией быта, костюма и потребления. За этим последовало распространение моды на шерстяные и вискозные ткани и, наконец, на европейскую одежду (см. [168, с. 118, 119]).

Глава 5

¹ Работы Н.А.Симонии «Торгово-ростовщический капитал в Азии» [152] и «Страны Востока: пути развития» [151] положили начало пересмотру сугубо негативной оценки торгово-ростовщического капитала как носителя исключительно стагнативного и деструктивного начал, вскрыв его конструктивную роль в становлении колониального производственного синтеза. Анализ же экономики «доопиумного» Китая дает основание полагать, что методика Н.А.Симонии может быть в известной мере применена и к азиатским обществам доколониального периода.

² Проблема колониального синтеза впервые поставлена Н.А.Симонией в его книге «Страны Востока: пути развития» [151]. Затем она была развита им в коллективной монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [208].

³ Их не постигла участь индийских ткачей-ремесленников (о которой писал К.Маркс [91, т. 29, с. 133–135; т. 23, с. 441–442]). Более того, синтез дал серьезный импульс для развития в Китае ремесленного ткачества (см. [15, с. 448–455]). Не последнюю роль в этом сыграло то, что гетерогенный синтез в Китае выступал в полуколониальном варианте.

⁴ Эти корпорации чаще всего имели свой постоянный двор (подворье, гостиницу) для приезжих, входящих в них купцов. Такой постоянный двор также именовался *хуэйгуань*.

⁵ Неизбежно встает вопрос о «чистоте» рассмотренных выше явлений. Чтобы вывести природу скупщика из чисто экономических, сугубо производственных отношений, мы до сих пор сознательно абстрагировались от жульнических акций в ходе взаимоотношений «торговца» с мелким (крестьянин, ремесленник) и «средним» (артель, мастерская) производителем. Между тем эти обычные, почти «обязательные» злоупотребления представляют собой важные и неотъемлемые дополнения к «портрету» такого организатора производственного синтеза. К «открытым» («законным») методам дополнительной эксплуатации производителя (сырья, полуфабриката или готового изделия) относились разные вычеты из цены или массы забираемой продукции – «скидка» с каждой тысячи взней или с каждого десятка даней (либо сотни цзиней), «комиссионные» и «транспортные» удержания, традиционная весомая добавка к проданному скупщику. К скрытым приемам относились использование в зависимости от интересов «торговца» разных безменов – с завы-

шенной или с пониженной мерой объема или веса, манипуляции с сортностью (зачет высшего сорта за низший и наоборот). К этому добавлялись расплата обесцененными средствами платежа (китайские ассигнации, разменная монета), сбивание цен при приемке и скупке, но соответственно их взвинчивание при продаже и раздаче на дом. Эти традиционные «компоненты» органически входили в систему феодально-капиталистического производственного синтеза, но не как экзотическая форма, а как сущностное слагаемое.

⁶ В этой роли выступали как «обычные» крупные помещики (*даху, фуху*) и «справедливые шэньши» (*чжэньшэнь*), так и «местные деспоты» (*тухао*) и «злые шэньши» (*лэшэнь*) (см. [98, с. 130]).

⁷ Торговец начинал с простой продажи пряжи ткачам и последующей покупки у них тканей. Постепенно монополизировав поставку им пряжи и скупку ткани, авансируя их производство, он превращал ткачей в своих должников, а фактически либо в подчиненных ему рабочих-надомников, либо в зависимых от него мелких производителей. В итоге торговец становился скупщиком-раздатчиком, стоящим во главе сети капиталистической работы на дому, либо скупщиком в системе раннекапиталистических отношений. Во втором случае ткач чаще всего не имел свободных денег на покупку такого количества полуфабриката, которое бы сделало его надолго или навсегда независимым производителем, хотя пряжа свободно продавалась и в деревенской мелочной лавчонке (*цзахопу*), и на ближайшем волостном базаре (*цаоши, сюньши*), и у бродячего торговца (*цзинцзи, сяоцзинцзи*), и в магазинах соседнего города. Лишь после сдачи или продажи очередной партии ткани «торговцу пряжей» у ткацкого «двора» появлялась возможность купить очередную партию пряжи. Вырваться из этого заколдованного круга деревенский или городской ткач чаще всего практически уже не мог.

⁸ В системе «китайский ткач – торговый капитал – иностранная фабрика в Китае» компрадоры сохраняли зачастую прочные позиции.

⁹ Дело, естественно, не менялось от того, перерабатывала ли иностранная фабрика полуфабрикат (чай, шелк-сырец), изготовленный определенной группой мануфактур в Китае, меняла ли китайских поставщиков или использовала «безликую», смешанную массу полуфабриката.

¹⁰ Что же касается импортного продовольствия (рис, пшеница, мука), то оно в подавляющей массе потреблялось городским населением «открытых портов» (см. [159, с. 92]).

¹¹ В условиях «перевернутого» синтеза такие «вторичные» структуры и ячейки подключались уже не к сырьевому, а к промышленному звену, т.е. к «ткацким дворам» (см. [240, т. 2, с. 412–424]).

¹² В иностранном секторе вне систем производственного синтеза развивались механизированная угледобыча, полиграфия, добыча железной и иных руд, судостроение и судоремонт, металлообработка, коммунальные предприятия в «открытых» портах, механосборочные, ремонтные, отчасти химические производства и предприятия, обслуживающие внешнюю торговлю (см. [235, т. 1, с. 234–247]). То же самое относилось и к иностранному капиталу, вложенному в недвижимость (земля и здания на территориях концессий и селтльментов), в облигации иностранных займов Китаю, в страховое дело и осо-

бенно в создание современной инфраструктуры – железные дороги, пароходство, телеграф, телефон и т.д. Все сказанное выше в значительной мере относилось и к национальному сектору капиталистического уклада. Вне системы производственного синтеза находились стекольные, цементные, кирпичные, швейные, частично трикотажные и некоторые другие предприятия.

Часть третья

Глава 6

¹ Данные термины и сама концепция «бюрократического капитала» перешли в российскую синологию от Мао Цзэдуна. Создавая в 1947 г. свою концепцию «бюрократического капитала», Мао вложил в понятие «капитал» не бытовавшее тогда в Китае содержание (средства, деньги, производство, хождение), а марксистское понимание, т.е. буржуазное производственное отношение. Не обременяя себя изучением конкретной природы гоминьдановского госсектора, Мао Цзэдун пошел по пути формальной логики. Раз «капитал», то, значит, «капитализм». А поскольку это дело казны, то соответственно – «госкапитализм». Если он сросся с государственной властью, следовательно, перед нами «государственно-монополистический капитализм». Организатором такого сектора экономики может быть только «буржуазия», и причем «крупная буржуазия». Значит, во главе Китая стоит «бюрократическая буржуазия» («четыре семейства») [90, с. 202]. Так возникла концепция «бюрократического капитала». Дабы ничто не вызывало в ней сомнения, Мао, по понятным соображениям, «забыл» упомянуть о господстве в этой «нанкинской модели» не капитала, а административно-командной системы во главе с теми же «четырьмя семействами». Его можно понять, ибо удержать на плаву концепцию Мао можно только при игнорировании директивно-распределительного начала. Сравнение «нанкинской модели» с концепцией «бюрократического капитала» Мао Цзэдуна демонстрирует явное несовпадение доктрины и исторической реальности 30–40-х годов. Мао исходил из капиталистической природы гоминьдановского госсектора, стоявшего якобы на двух «китах» – капитале и буржуазии, хотя и бюрократических. Госсектор и госкапитализм были для него синонимами. «Бюрократический капитал» и «бюрократическая буржуазия» – этот современный потенциал в глазах Мао обладал настолько большими чистотой, мощью и преобразующими общество возможностями, что делал этот «госкапитализм» чуть ли не формационно образующей силой [90, с. 202].

Создав концепцию «бюрократического капитала», Мао Цзэдун представил госсектор гоминьдановской экономики 30–40-х годов как вершину капиталистического уклада, как его передовой эшелон, основанный на триаде «бюрократический капитал – бюрократическая буржуазия – государственный капитализм». Между тем все данные о реальной природе казенного сектора резко противоречат созданной «великим кормчим» концепции. Те гоминьдановские реалии, которые Мао Цзэдун квалифицировал как «бюрократический капитал», «бюрократическая буржуазия» и «государственно-монополисти-

ческий капитализм», таковыми в «нанкинской модели» не являлись. Концепция Мао трактовала как действительность всего лишь тенденцию, в 40-х годах еще не реализовавшуюся. Впрочем, концепция «бюрократического капитала» и не была нацелена на адекватное отображение действительности, ибо преследовала совершенно иные, а именно конъюнктурные политические цели. Начиная с 60-х годов она разрабатывалась и в советском Китаеведении.

Глава 7

¹ Национальное собрание 1931 г., Национально-политический совет, провинциальные и окружные советы (с их постоянными комитетами).

Глава 8

¹ «Всегда побеждающая армия», «Франко-китайский корпус» и «Англо-китайский контингент».

² Синьхайская революция открыла полосу почти не прекращавшихся вооруженных конфликтов. За первые 13 лет Китайской республики (1912–1924) страна пережила шесть гражданских войн. В последующие четверть века (1925–1949) военные действия то несколько утихали, то обострялись, переходя из одного вида в другой – гражданские войны, карательные походы, отражение японской агрессии, партизанская и иная борьба (см. [22; 144; 145; 212]). Соответственно увеличивалось количество воинских частей, численность офицерского корпуса (см. [211, с. 269, 276, 279]), а с 1924 г. и армейских политкомиссаров. Общая численность вооруженных сил с 1916 по 1928 г. возросла вчетверо, достигнув 2 млн. человек, а масса солдат, вовлеченных в военные действия, – в 20 раз (с 1917 по 1928 г.).

³ Следует отметить, что победа Синьхайской революции существенно оздоровила армейскую верхушку, избавив ее от разложившихся «знаменных».

⁴ В те годы сложилась поговорка: «Когда встречаются обладатель ученой степени и солдат, правым всегда оказывается последний» (см. [133, с. 196]).

⁵ За 16 лет разгула милитаризма (1912–1928) в Китае зарегистрировано свыше 140 междоусобных войн и столкновений войск на региональном, провинциальном и местном уровнях [325, с. 561].

⁶ Лего – VIII–V вв. до н.э.; Уба – VII–V вв. до н.э.; Чжаньго – V–III вв. до н.э.; Саньго – 220–264 гг. н.э.

⁷ Эти отряды также модернизировались в русле синтеза: традиционное туфэйство получало современное оружие, новую организацию и европейскую тактику военных действий.

Глава 9

¹ «Типовой» сценарий этих движений – организация небольшого отряда на периферии, создание там опорной базы, накопление сил, переход к маневренной войне, затем поход на столицу и создание «своего» государства (или новой династии) (см., например, [9; 47]) – в той или иной степени был повторен

революционными силами в 1925–1927 гг., в конце 20-х – середине 30-х годов (см. [211]). Гоминьдан во многом шел по стопам тайпинов, лидера антимонгольской освободительной борьбы Чжу Юаньчжана, вождей крестьянских восстаний Ли Цзычэна, Сун Цзяна и Хуан Чао (создание опорной базы в Гуандуне, организация армии, ее реорганизация и накопление сил, поход на север, создание «своего» гоминьдановского государства). Основная масса войск Единого фронта шла по маршруту тайпинской армии Хун Сюцюаня и Ян Сюцина и закрепилась в их бывшей столице (см. [146, с. 81–98; 204, с. 244–254]).

² В китайских революциях либо участвовал, либо примыкал к их победоносному шествию (не говоря уже о приобщении к новой послереволюционной власти) целый социальный спектр прямых представителей феодально-деспотического начала – шэньши, чиновники, помещики и милитаристы и особенно выходцы из этой среды. С наибольшим размахом они участвовали в Синьхайской, довольно заметно – в Национальной, а некоторые пристроились даже к революции 1949 г. (в рядах так называемых демократических партий) (см. [111, с. 484–489; 113, с. 88, 95, 100, 105, 121, 215, 248]).

³ *Цин* – по-китайски «чистый».

⁴ Подобная оценка обычно замкнута на идеальный, априорно желаемый, а не реально возможный объем выполненных данной революцией задач. Логика здесь такова: максимум ожидаемого (современниками и историками) – победа, минимум – поражение (см. [111, с. 515, 525, 526]).

⁵ Западные учения в чистом виде не имели в Китае благоприятной почвы. Так, китаизированное христианство стало знаменем мощного народного выступления (тайпины). Христианство же в его европейском виде влачило жалкое существование несмотря на то, что западными церквями предпринимались значительные усилия по его распространению. В погоне за количеством неофитов миссионеры были вынуждены принимать в лоно Христа авантюристов, люмпенов, преступников, подкармливая их подачками. Ли Хунчжан поставил точный диагноз, заявив: «Отберите плату у этих местных агентов, и здесь не будет больше христиан» (цит. по [111, с. 238]).

⁶ «Китай первоначально изобрел их (машины. – *Авт.*), а Европа потом переняла их», – говорилось в одном из меморандумов Цзунли ямэня в 1867 г. (цит. по [188, с. 441]).

Часть четвертая

Глава 10

¹ Распад казенного землевладения, «знаменного» сословия, системы военных поселений, практики трудовых повинностей, особого статуса Маньчжурии (см. [104, с. 107, 108, 115; 122, с. 39–125]), системы «водных перевозок» зернового налога (*цаолян*) (см. [279, с. 9, 48, 49, 54, 105]), устранение многих компонентов архаики в ходе «новой политики» 1901–1911 гг., слом монархического строя, сословной системы, освобождение рабов и крепостных (см. [140, с. 23–24]), падение шаньсиского ростовщичества (см. [242, с. 56–

60]), частичное «аграрное обновление» после Синьхайской революции (см. [140, с. 24–30; 291, с. 659–676]) – таковы основные слагаемые «очищения» традиционного.

² Следует отметить, что подобное «очищение» традиционного частично имело обратимый характер, когда происходила регенерация, или «второе издание», некоторых принципиальных или служебных элементов архаики (возрождение гоминьданом системы *баоцзя*, реактуализация конфуцианства в ходе «движения за новую жизнь» [113, с. 145; 114, с. 11–12, 342, 348]). К тому же обломки архаики долгое время существовали в переходном обществе в виде маргинальных элементов.

³ Эта мысль носит чисто предположительный характер. Для того чтобы ее обосновать (или отвергнуть), необходимо глубокое и всестороннее изучение как положения дел в Китае в первой половине XIX в., так и механизма династийно-демографических кризисов.

⁴ Это лишний раз свидетельствует, что базой синтеза в сфере государственности, его наиболее мощной составляющей была постепенно трансформировавшаяся, но сохранявшая свою сущность азиатская деспотия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аварин В.А.* Империализм в Маньчжурии. М., 1934.
2. *Авенариус Г.Г.* Китайские цехи. Харбин, 1928.
3. *Акатова Т.Н.* Рабочее движение в гоминьдановском Китае. М., 1983.
4. Актуальные проблемы истории Китая. Прага, 1984.
5. *Белов Е.А.* Учанское восстание в Китае (1911 г.). М., 1971.
6. *Березный Л.А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX – первой половине XX в.). М., 1968.
7. *Березный Л.А.* Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972.
8. *Болдырев Б.Г.* Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами (1840–1948). М., 1962.
9. *Боровкова Л.А.* Восстание «Красных войск» в Китае. М., 1971.
10. *Бруннерт И.С., Гасельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910.
11. *Ван Я-нань.* Исследование экономических форм полуфеодального, полуколониального Китая. М., 1959.
12. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.
13. Века неравной борьбы. М., 1967.
14. Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957.
15. Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968.
16. *Волохова А.А.* Иностранцы миссионеры в Китае (1901–1920 гг.). М., 1969.
17. Вопросы экономики стран Востока. М., 1960.
18. Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968.
19. Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1977.
20. Всемирная история и Восток. М., 1989.
21. *Гельбрас В.Г.* Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы. М., 1980.
22. *Глунин В.И.* Третья гражданская революционная война в Китае (1946–1949). М., 1959.
23. Гоминьдановский режим в Китае (1928–1931). Ч. 1. М., 1984.

24. Город в формационном развитии стран Востока. М., 1990.
25. Государство и общество в Китае. М., 1978.
26. Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
27. Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфиц А.Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975.
28. Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1981.
29. «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае. Документы и материалы. М., 1969.
30. «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае. М., 1971.
31. Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1978.
32. Делюсин Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921–1928). М., 1972.
33. Делюсин Л.П. Борьба компартии Китая за разрешение аграрного вопроса. М., 1964.
34. Делюсин Л.П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970.
35. Делюсин Л.П., Костяева А.С. Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985.
36. Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1979.
37. Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959.
38. Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952.
39. Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая: 1894–1899. М., 1959.
40. Жуков В.В. Китайский милитаризм. 10–20-е годы XX в. М., 1988.
41. Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
42. Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М., 1986.
43. Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока. Т. 1–3. М., 1980–1981.
44. Зарубежный Восток: вопросы экономической истории города. М., 1990.
45. Ивин А. Красные пики (крестьянское движение в Китае). М.; Л., 1927.
46. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1897). М., 1960.
47. Илющекин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
48. Илющекин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986.
49. Ипатова А.С. Патриотическое движение на Юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976.
50. Историческая наука в КНР. М., 1971.
51. Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
52. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
53. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

54. История экономического развития Китая: 1840–1948. М., 1958.
55. *Казанин М.И.* В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966.
56. *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней. 1898–1901 гг. М., 1978.
57. Кантонская коммуна (к сорокалетию восстания в Гуанчжоу). М., 1967.
58. *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.
59. *Ким Г.Ф., Шабшина Ф.И.* Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М., 1967.
60. Китай. М., 1954.
61. Китай в новое и новейшее время. История и историография. М., 1981.
62. Китай в 20-е годы: экономика и политика. М., 1983.
63. Китай: государство и общество. М., 1977.
64. Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. М.; Л., 1940.
65. Китай: общество и государство. М., 1973.
66. Китай: традиции и современность. М., 1976.
67. Китай: поиски путей социального развития. М., 1979.
68. Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М., 1986.
69. Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933.
70. *Костяева А.С.* Крестьянские союзы в Китае. М., 1978.
71. *Костяева А.С.* Народные движения в Китае в 1901–1911 гг. М., 1970.
72. *Костяева А.С.* Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М., 1995.
73. Краткие сообщения Института народов Азии. 1963, № 66.
74. *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917). М., 1972.
75. *Кузес В.С.* Шанхайское восстание «Союза малых мечей». 1853–1855. М., 1980.
76. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1991.
77. *Кучумов В.* Очерки по истории китайской революции. М., 1934.
78. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 9, 11, 17, 21.
79. Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970.
80. Ленин и проблемы истории стран Азии (Китай, Индия). Л., 1970.
81. Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
82. *Левковский А.И.* «Третий мир» в современном мире. М., 1970.
83. *Ли Шу.* Политическая жизнь Китая в период революции 1911 г. М., 1956.
84. *Мадьяр Л.И.* Очерки по экономике Китая. М., 1930.
85. *Мадьяр Л.И.* Экономика сельского хозяйства в Китае. М.; Л., 1931.
86. *Максимов А.А.* Экономика Тайваня: итоги и перспективы. М., 1991.
87. *Манухин А.М.* Китайское крестьянство в революции 1925–1927 гг. М., 1974.
88. *Мандалян Г.* Рабочее движение в Китае. М., 1928.
89. Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

90. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1964.
91. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4, 9, 18, 22, 23, 26, 29, 39, 46.
92. Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888.
93. Меликсетов А.В. Бюрократический капитал в Китае (экономическая политика гоминьдана и развитие государственного капитализма в 1927–1937 гг.). М., 1972.
94. Меликсетов А.В. История Китая в новейшее время. Ч. 1. Китай к началу новейшего времени. М., 1980.
95. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977.
96. Миф П. Китайская революция. М., 1932.
97. Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М., 1997.
98. Мугрузин А.С. Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX в. М., 1970.
99. Мугрузин А.С. Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994.
100. Наумов И.Н. Продовольственная проблема в Китае. М., 1973.
101. Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1971.
102. Научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время. М., 1976.
103. Непомнин О.Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М., 1966.
104. Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая. 1894–1914. М., 1980.
105. Непомнин О.Е. Экономическая история Китая (1864–1894). М., 1974.
106. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975.
107. Никифоров В.Н. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982.
108. Никифоров В.Н. Первые китайские революционеры. М., 1980.
109. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
110. Новая история Индии. М., 1961.
111. Новая история Китая. М., 1972.
112. Новая история стран зарубежной Азии и Америки. Л., 1971.
113. Новейшая история Китая. 1917–1970. М., 1972.
114. Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983.
115. Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984.
116. О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.). М., 1962.
117. Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978.
118. Общество и государство в Китае. М., 1981.
119. Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1980.
- 119а. Онищук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995.
120. Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992.
121. Орчард Дж. Экономическое развитие Японии. М.; Л., 1933.

122. *Патрушева М.А., Сухачева Г.А.* Экономическое развитие Маньчжурии. М., 1985.
123. Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение. Ч. 2. М., 1970.
124. *Писарев А.А.* Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20–30-е годы XX в. М., 1986.
125. *Примаков Е.М.* Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
126. Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.
127. Проблемы генезиса капитализма. М., 1979.
128. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
129. Проблемы социально-экономических формаций (историко-типологические исследования). М., 1975.
130. Пробуждение угнетенных. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М., 1968.
131. Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке. М., 1935.
132. Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. М., 1984.
133. *Пу И.* Первые полвека моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М., 1968.
134. Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1, 2. М., 1976.
135. Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1984.
136. Рабочее движение в Китае. Нанкинский гоминьдан и рабочий вопрос 1927–1931. Документы и материалы. М., 1982.
137. Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983.
138. Развивающиеся страны: закономерность, тенденции, перспективы. М., 1974.
139. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983.
140. Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1978.
141. Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982.
142. *Рейснер Л.И.* Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М., 1976.
143. *Рейснер Л.И., Симония Н.А.* Тезисы к общеполитической дискуссии по проблемам формационного развития стран Востока. М., 1983.
144. *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны. 1931–1950. М., 1977.
145. *Сапожников Б.Г.* Первая гражданская революционная война в Китае: 1924–1927 гг. Военно-исторический очерк. М., 1954.
146. Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.
147. *Семанов В.И.* Из жизни императрицы Цыси: 1835–1908. М., 1976.
148. Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2–3. М., 1986.
149. *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1974.
150. *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. М., 1985.

151. *Симония Н.А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
152. *Симония Н.А.* Торгово-ростовщический капитал в Азии. М., 1973.
153. *Симоновская Л.В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.
154. *Симоновская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф.* Очерки истории Китая. М., 1956.
155. Синологическая библиотека – источниковедческая база советского китаеведения (к 25-летию создания). М., 1983.
156. Синьхайская революция в Китае. М., 1962.
157. Синьхайская революция. Сборник документов и материалов. М., 1968.
158. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. М., 1974.
159. *Сладковский М.И.* Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.
160. *Следзевский И.В.* Формирование социально-экономической структуры современной Нигерии. М., 1984.
161. Смена стадий общественного развития. Проблемы переходных периодов и переходных форм общественных отношений. М., 1982.
162. *Смолин Г.Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М., 1974.
163. Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979.
164. Социальная структура Китая, XIX – первая половина XX в. М., 1990.
165. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991.
166. Социально-экономическое положение Китая в конце 40-х и в 50-х годах XX в. М., 1978.
167. Социальные организации в Китае. М., 1981.
168. *Сперанский Б.Д.* Китайская республика. Очерк государственного устройства и управления. Иркутск, 1925.
169. *Стабурова Е.Ю.* Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М., 1992.
170. *Стужина Э.П.* Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
171. *Стужина Э.П.* Китайское ремесло XVI–XVIII вв. М., 1970.
172. *Сунь Ят-сен.* Избранные произведения. М., 1964.
173. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М., 1985.
174. *Сунь Ят-сен.* 1866–1966. К столетию со дня рождения. М., 1966.
175. *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М., 1983.
176. *Сюй Тэ-ли.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на китайскую революцию. М., 1957.
177. Тайные общества в старом Китае. М., 1970.
178. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
179. *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980.
180. *Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976.
181. *Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М., 1988.

182. *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. М., 1996.
183. *Тодер Ф.Л.* Тайвань и его история XIX в. М., 1978.
184. Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994.
185. Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1972.
186. Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1982.
187. *Тужилин А.В.* Современный Китай. Т. 1–2. СПб., 1910.
188. *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. М., 1955.
189. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
190. *Фомина Н.И.* Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974.
191. Формации и социально-классовые структуры. М., 1985.
192. *Харнский К.* Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.
193. *Ходоров А.Е.* Мировой капитализм и Китай. Шанхай, 1922.
194. *Ходоров А.Е., Павлович М.П.* Китай в борьбе за независимость. М., 1925.
195. *Хорьков В.И.* Нанкинский гоминьдан и рабочий вопрос: 1927–1932. М., 1977.
196. *Черных Е.В.* Аграрный строй Восточного Китая: 1927–1937. М., 1986.
197. Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1973.
198. Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1983.
199. *Чешков М.А.* Особенности формирования вьетнамской буржуазии. М., 1968.
200. *Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д.* Китай – Япония: любовь или ненависть? М., 1995.
201. *Чудодеев Ю.В.* Накануне революции 1911 г. в Китае. М., 1966.
202. *Чэнь Бо-да.* Четыре семейства Китая. М., 1948.
203. *Чэнь Бо-да.* Чай Кайши – враг китайского народа. М., 1950.
204. *Шан Юэ.* Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959.
205. Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1975.
206. Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1985.
207. *Шэнно Ж.* Китайское рабочее движение в 1919–1927 гг. М., 1969.
208. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
209. *Энгельфельд В.В.* Очерки государственного права в Китае. Харбин, 1926.
210. *Эренбург Г.Б.* Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа. М., 1951.

211. *Юрьев М. Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20–40-е годы. М., 1983.
212. *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968.
213. *Яшинов Е. Е.* Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин, 1933.
214. *Вэнь Гунчжэи.* Цзуй цзинь саныши нянь Чжунго цзюньши ши 1894–1928 (Военная история Китая за последние 30 лет. 1894–1928). Пекин, 1930.
215. Гоминь цзинцзи шиюн цыдянь (Словарь национальной экономики). Пекин, 1953.
216. *Дай И.* Чжунго цзиньдай шигао (Очерки истории Китая). Т. 1. Пекин, 1958.
217. *Лай Синься.* Бэйян цзюньфа шилюз (Краткая история бэйянских милитаристов). Ухань, 1957.
218. *Ли Шиюэ.* Цзиньдай Чжунго фаньянцзю юньдун (Движение против иностранной религии в Китае в новое время). Пекин, 1958.
219. *Ли Эньхань.* Ваньцин ды шоухуэй куанцюань юньдун (Движение за возвращение Китаю шахт и рудников в конце периода Цин). Тайбэй, 1963.
220. *Моу Аньши.* Янгу юньдун (Движение за усвоение «заморских дел»). Шанхай, 1956.
221. *Не Баочжан.* Чжунго майбань цзычань цзецзи ды фашэн (Возникновение компрадорской буржуазии Китая). Пекин, 1979.
222. *Пэн Синьвэй.* Чжунго хоби ши (История денег в Китае). Т. 2. Шанхай, 1965.
223. Сычуань баолу юньдун шилуо (Материалы по истории движения в защиту железных дорог в пров. Сычуань). Пекин, 1959.
224. *Тао Цзюйинь.* Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа (История господства бэйянских милитаристов). Т. 1–3. Пекин, 1983.
225. Туншан гэгунь хуаян маои цзунцэ (Свод таможенных отчетов о китайско-иностранной торговле в открытых портах). Т. 1–2. Шанхай, 1935.
226. *У Цзэ.* Чжунго цзиньдай гоминь цзинцзи ши (История народного хозяйства Китая в новое время). Пекин, 1958.
227. *Хиросэ Минокити.* Киндай Сина кэйдзай си (Экономическая история Китая нового времени). Токио, 1942.
228. *Ху Шэн.* Цун япань чжанчжэн дао усы юньдун (От «опиумных войн» до «движения 4 мая»). Т. 1–2. Пекин, 1981.
229. *Цзин Су, Ло Лунь.* Циньдай Шаньдун цзингин дичжу ды шэхуэй синчжи (Социальная природа шаньдунских помещиков, ведущих свое хозяйство, в период Цин). Цзинань, 1959.
230. Цзю Чжунго ды майбань цзецзи (Компрадорский слой в старом Китае). Шанхай, 1982.
231. Цзю Чжунго ды цзыбэньчжуи шэнчань гуанси (Капиталистические производственные отношения в старом Китае). Пекин, 1977.
232. *Цзян Цзешу.* Цзуйцзинь яньлунь (Последние выступления). Т. 2. Шанхай, 1946.
233. *Цянь Шифу.* Бэйян чжэнфу шицы ды чжэнчжи чжиду (Политический строй [Китай] в период бэйянских правительств). Т. 1–2. Пекин, 1984.
234. *Чжан Гохуэй.* Янгу юньдун юй Чжунго цзиньдай тие (Движение за усвоение «заморских дел» и современная промышленность Китая). Пекин, 1980.

235. Чжунго цзиньдай гунъе ши цзыляо: 1895–1914 (Материалы по истории китайской промышленности нового времени: 1895–1914). Т. 1, 2. Пекин, 1957.
236. Чжунго цзиньдай гунъе ши цзыляо (Материалы по истории китайской промышленности нового времени). Т. 4. Пекин, 1961.
237. Чжунго цзиньдай нунъе ши цзыляо. 1840–1911 нянь (Материалы по истории сельского хозяйства Китая нового времени. 1840–1911 гг.). Т. 1, 2. Пекин, 1957.
238. Чжунго цзиньдай цзинци ши (Экономическая история Китая нового времени). Т. 1–2. Пекин, 1979.
239. Чжунго цзиньдай цзинци ши цзяньи (История народного хозяйства Китая в новое время. Курс лекций). Пекин, 1958.
240. Чжунго цзиньдай шоугунъе ши цзыляо (Материалы по истории дофабричной промышленности Китая). Т. 1–2. Пекин, 1957.
241. *Чэнь Жусюань*. Чжунго сяньфа ши (История китайской конституции). Шанхай, 1933.
242. *Чэнь Цитянь*. Шаньси пяочжуан каолюз (Исследование шаньсиских банковских контор). Шанхай, 1937.
243. Шанхай цянчжуан шилiao (Материалы по истории меняльных лавок Шанхая). Шанхай, 1960.
244. *Янь Чжунпин*. Чжунго мяньфанчжи шигао (Очерки истории хлопчатобумажной промышленности Китая). Т. 1–2. Пекин, 1955.
245. Янъу юньдун (Движение за усвоение «заморских дел»). Т. 2, 4. Шанхай, 1961.
246. *Beardman E.* Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion. Madison, 1952.
247. *Bergere M.-C.* La bourgeoisie chinoise et la révolution de 1911. P., 1968.
248. *Bergere M.-C.* Une crise financière à Shanghai à la fin de l'Ancien régime. P., 1964.
249. *Biggerstaff K.* The Earliest Modern Government Schools in China. Ithaca–New York, 1961.
250. *Chan W.K.K.* Merchants, Mandarins and Modern Enterprise in Late Ching China. Cambridge (Mass.) – London, 1977.
251. *Chang Chung-li.* The Chinese Gentry. Studies on Their Role in Nineteenth-century Chinese Society. Wash., 1955.
252. *Chang Chung-li.* The Income of Chinese Gentry. Seattle, 1962.
253. *Ch'en J.* Defining Chinese Warlords and Their Factions. – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. Vol. 31, 1968, part 3.
254. *Ch'en G.* Tseng Kuo-fan. Pioneer Promoter of the Steamship in China. Peiping, 1935.
255. *Ch'en G.* Tso Tsung-t'ang. Pioneer Promoter of the Modern Dockyard and Woolen Mill in China. Peiping, 1938.
256. *Ch'en F. Yüan Shih-kai.* 1859–1916. L., 1961.
257. *Cheng Yu-kwei.* Foreign Trade and Industrial Development of China. Wash., 1956.

258. *Ch'i Hsi-sheng*. Warlord Politics in China. 1916–1928. Stanford, 1976.
259. *Chien Tuan-sheng*. The Government and Politics of China. Cambridge (Mass.), 1950.
260. *Chiang Kai-shek*. China's Unification and Reconstruction. N.Y.–L., 1943.
261. China Handbook: 1937–1945. N.Y., 1947.
262. China: State and Society. M., 1985.
263. China in Crisis. Chicago, 1968.
264. China in Revolution. The First Phase. 1900–1913. New Haven–London, 1968.
- 264a. The Chinese and the Japanese. Essays in Political and Cultural Interactions. Princeton, 1980.
265. The Chinese City between Two Worlds. Stanford, 1977.
266. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge (Mass.), 1968.
267. The City in Late Imperial China. Stanford, 1977.
268. *Coble P.M.* The Shanghai Capitalists and the Nationalist Government. 1927–1937. L., 1980.
269. *Collins W.F.* Mineral Enterprise in China. L., 1922.
270. The Economic Development of China and Japan. Studies in Economic History and Political Economy. L., 1964.
271. *Fairbank J.K.* Trade and Diplomacy on the China Coast. The Opening of the Treaty Ports. 1842–1854. Cambridge (Mass.), 1953.
272. *Fairbank J.K.* The United States and China. Cambridge (Mass.), 1949.
273. *Fairbank J.K., Reischauer E.D., Craig A.M.* East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1965.
274. *Feuerwerker A.* China's Early Industrialization. Sheng Hsuan-huai (1844–1916) and Mandarin Enterprise. Cambridge (Mass.), 1958.
275. *Feuerwerker A.* The Chinese Economy. Ann Arbor, 1969.
276. *Feuerwerker A.* Economic Trends in Republic of China. Ann Arbor, 1977.
277. *Gillin D.G.* Warlord Yen Hsi-shan in Shansi Province. 1911–1949. Princeton, 1967.
278. *Hao Yen-ping*. The Comprador in Nineteenth Century China: Bridge between East and West. Cambridge (Mass.), 1970.
279. *Hinton H.C.* The Grain Tribute System of China (1845–1911). Cambridge (Mass.), 1956.
280. *Holt E.* The Opium Wars in China. L., 1964.
281. *Houn F.W.* Central Government of China. 1912–1928. An Institutional Study. Madison, 1957.
282. *Kapp R.A.* Szechwan and the Chinese Republic. Provincial Militarism and Central Power. 1911–1938. New Haven–London, 1973.
283. *King F.H.* A Concise Economic History of China. N.Y., 1969.
284. *Kuhn Ph.A.* Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China. Militarization and Social Structure. 1794–1864. Cambridge (Mass.), 1970.
285. *Lary D.* Region and Nation. The Kwangsi Clique in Chinese Politics. 1925–1937. Cambridge, 1974.
286. *Li Chien-nung*. The Political History of China. 1840–1928. Princeton, 1956.
287. *Lin F.F.* A Military History of Modern China. 1924–1949. Princeton, 1956.

288. *Mac Cormack G.* Chang Tso-lin in North-East China. 1911–1928. Stanford, 1977.
289. *McElderry A.L.* Shanghai Old-style Banks (Chien-chuang). 1800–1935. Ann Arbor, 1976.
290. Modern China's Search for a Political Form. L., 1969.
291. Modern History of China. Moscow, 1983.
292. *Nathan A.Y.* Peking Politics, 1918–1923. Factionalism and the Failure of Constitutionalism. Berkeley, 1976.
293. Oral Chinese History Project. Wash., 1967.
294. *Powell R.L.* The Rise of Chinese Military Power. 1895–1912. Princeton, 1955.
295. *Price M.T.* Christian Missions and Oriental Civilization: a Study on Cultural Contacts. Shanghai, 1924.
296. *Pye L.W.* Warlord Politics. Conflict and Coalition in the Modernization of Republican China. N.Y.–Wash.–L., 1971.
297. *Sheridan J.E.* Chinese Warlord. The Career of Feng Yü-hsiang. Stanford, 1966.
298. *Spector S.* Li Hung-chang and the Huai Army. A Study in 19th Century Chinese Regionalism. Seattle, 1964.
299. [*Stilwell J.W.*]. The Stilwell Papers. Wash., 1949.
300. *Tan C.C.* Chinese Political Thought in Twentieth Century. N.Y., 1971.
301. *Tien Hung-mao.* Government and Politics in Kuomintang China. 1927–1937. Stanford, 1966.
302. *Tomson J.C.* While China Faced West. American Reformers in Nationalist China, 1928–1937. Cambridge (Mass.), 1969.
303. *Vinacke H.M.* Modern Constitutional Development in China. Princeton, 1920.
304. *Wang Ching-wei and others.* Chinese National Revolution. Essays and Documents. Peiping, 1931.
305. *Wilson A.* The «Ever-victorious Army». L., 1898.
306. *Wu Chih-fang.* Chinese Government and Politics. Shanghai, 1934.
307. *Whitson W.W., Huang Cheng-hsia.* The Chinese High Command. A History of Military Politics. 1927–1971. N.Y., 1973.
308. *Yu G.* Party Politics in Republican China. The Kuomintang. 1912–1924. Berkeley, 1966.

Периодика

309. Вестник Маньчжурии. Харбин, 1929, № 9.
310. Вопросы истории. М., 1960, 1969.
311. Восток. М., 1992.
312. Народы Азии и Африки. М., 1973, 1981–1983, 1987.
313. Проблемы востоковедения. М., 1959, № 5.
314. Проблемы Дальнего Востока. М., 1975, № 3.
315. Проблемы Китая. М., 1930, 1933.
316. Лиши цзяосюэ. Тяньцзинь, 1962, 1980.
317. Лиши яньцзю. Пекин, 1959, 1962–1965, 1976.

318. Синь цзяньшэ. Пекин, 1964, № 5–6.
319. Цзинцзи вэньти. Учан, 1958, № 4.
320. Цзинцзи яньцзю. Пекин, 1956, 1961.
321. Чжунго ши яньцзю. Пекин, 1986, № 1.
322. Шисюэ юэкань. Кайфэн, 1957, № 1.
323. Acta poloniae historica. Wrocław, 1974, № 29.
324. Archiv orientální. Praha, 1962, vol. 30/2.
325. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L., 1968, vol. 31.
326. The Journal of Asian Studies. Ann Arbor, 1957, vol. 16, № 2.
327. Journal of Management Studies. Oxf., 1980, vol. 17, № 2.
328. Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.), 1967, vol. 27.
329. Harvard Papers on China. Cambridge (Mass.), 1962, vol. 16.
330. Modern Asian Studies. Cambridge; N.Y., 1974, vol. 8.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Бай Лан 225
Бай Чунси 220
Ван Аньши 65
Ван Мин 296
Ван Тао 236
Ван Цзинвэй 66, 169, 170, 172, 302
Ван Чжичунь 235
Вэй Юань 56
Галич З.Н. 11, 12, 279
Гутнова Е.В. 8
Дай Цитао 66, 234, 236
Дуань Цижуй 61, 178, 196, 200, 217, 218
Жуков Е.М. 8
Кан Ювэй 58, 65, 73, 74, 156, 184, 205, 236
Конфуций 217
Кун Сянси 66
Ленин В.И. 300
Ли Хунчжан 56, 58, 177, 207, 217, 308
Ли Цзишэнь 220
Ли Цзычэн 308
Ли Юаньхун 217
Линь Цзэсюй 52, 56
Лю Кунь 217
Лян Цичао 156, 184, 205, 236
Май Мэнхуа 184, 205
Мао Цзэдун 4, 296, 306
Маркс К. 21, 142, 267, 304
Неусыхин А.И. 8
Ни Сычун 217
Пань Шичэн 52
Поршнев Б.Ф. 8
Пу И 302
Рейснер Л.И. 5, 9, 11–13
Симония Н.А. 5, 9, 11–13, 103, 105, 182, 201, 304
Следзевский И.В. 301
Сун Цзывэнь 66
Сун Цзян 308
Сунь Фо 66
Сунь Чуаньфан 218
Сунь Ятсен 61, 65–67, 155, 159–161, 166, 169–171, 174, 179, 180, 192, 220–222, 225, 234, 236, 283, 284
Сюй Гуанци 47
Сюй Сяньшу 184
Сюй Шичан 61, 179
Тан Цайчан 236
Тан Цзияо 212, 220
Тан Чжэнь 184, 203
Тан Шэнчжи 220
Тан Янькай 216, 218
Удальцова З.В. 8
У Пэйфу 179, 196, 199, 217, 218, 220
У Цзюньшэн 216
Фу Цзон 220
Фэн Гочжан 61, 217, 218
Фэн Гуйфэнь 235, 236, 302
Фэн Юйсян 180, 200, 218, 219
Ху Ханьминь 66, 234
Ху Ши 74, 234
Хуан Чао 308
Хун Жэньгань 54
Хун Сюцюань 53, 235, 261, 308
Хун Тянь-гуйфу 261

Хун Чжаолинъ 216

Цай Э 220

Цао Кунъ 61, 179, 196, 216–218

Цзо Цзунтан 57, 58, 177

Цзоу Лу 66

Цзэн Гофанъ 177, 207, 302

Цзэн Гоцюанъ 56, 177

Цзэн Цзицзэ 235

Цыси 23, 58, 72, 177, 178

Чан Кайши 4, 66, 67, 155, 159, 160,
162, 163, 166, 168–172, 174–176,
180, 200, 211, 216, 219–222, 234,
236, 283, 284, 302, 303

Чжан Гуйди 216

Чжан Пяо 216

Чжан Сюнь 179, 190, 199, 216, 217,
220, 302

Чжан Сюэлян 212

Чжан Факуй 220

Чжан Цзинхуэй 218

Чжан Цзолинъ 199, 200, 211, 212,
217, 218, 220

Чжан Цзосян 218

Чжан Цзунчан 216

Чжан Цзыму 235

Чжан Чжидун 56, 58, 177, 217

Чжао Хэнти 220

Чжу Юаньчжан 308

Чжэн Гуаньин 184

Чэнь Гофу 66

Чэнь Гунбо 66

Чэнь Лифу 66, 236

Чэнь Цзюньмин 179, 216, 217, 220

Чэнь Цю 184, 203, 236

Чэнь Чэн 220

Шан Ян 30, 31

Шэнь Шицай 180, 212

Энгельс Ф. 142

Юань Шикай 61, 67, 161, 178–180,
186, 189, 197, 199, 200–202, 207,
215, 217, 218, 220, 229, 268, 302

Ян Сюцин 235, 308

Ян Янь 30

Янь Сишань 179, 180, 188, 212, 216,
217, 220

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ*

айцзи «низкий» хлопкоткацкий станок старого типа 132

багун (*багуншэн*) *сюцай* первого разряда, выдержавший особый экзамен 217

байхуа современный разговорный язык 233

бан городская корпорация; землячество, организованное по типу цеха 20, 77, 86, 89

бангун трудовая взаимопомощь, форма деревенского найма, отработки 93

банцзо цеховой подмастерье 122

баншоу скупщик сырья, снабженец-подручный фабриканта 122

баогун₁ артельный староста, старшинка, посредник при найме 118, 139

баогун₂ (см. *вайгун*)

баогунтоу₁ мастер, надсмотрщик на фабрике, старшинка в артели 81

баогунтоу₂ см. *лаобань*

баожэнь поручитель, в том числе при найме рабочих 81, 121

баомайчжу скупщик сырья или полуфабрикатов 118

баоця фискально-полицейская система круговой поруки 26, 44, 45, 68, 309

баошэньгун наём малолетних рабочих, законтрактованный подросток 240

будянь лавка тканей, комиссионно-скупочное заведение с раздачей работы на дом 131

бусяньхан (*бусяньчжуан*) ткацкая фирма, приемно-раздаточный центр надомной работы 131

бусяньчжуан см. *бусяньхан*

бучжуан ткацкая контора, фирма, скупавшая хлопчатобумажные ткани (*хуанчжуан*) 131

бушан торговец тканями, владелец ткацкой конторы (*бучжуан*) 131

вайгун (*баогун₂*) подсобные и временные рабочие, нанятые через старшинку 81, 83, 240

вайкуан раздача шелкомотальной мастерской или мануфактурой работы на дом 138

ван титул царя в древнем Китае, удельный князь, князь императорской крови 30–32, 54

вэньшэнь штатские шэньши, обладатели гражданских степеней 44

вэньянь архаичный язык классических канонов 233

гаоцзи «высокий», т.е. модернизированный хлопкоткацкий станок 132

гоубань скупщик, торговый посредник 99, 118

гофу «Отец государства» – посмертный титул Сунь Ятсена 67

---

* Термины даются лишь в значении, встречающемся в тексте книги.

гохуа современная живопись в традиционной технике 233
 гуань казенное начало 39, 164
 гуаньбань казенное предпринимательство 79, 81
 гуаньбань чжаошан см. гуаньшан хэбань
 гуаньди см. гуаньтянь
 гуаньду шанбань казенно-частное предпринимательство под контролем властей 55, 80, 84, 258, 302
 гуаньиньхао казенная меняльная лавка, казначейское управление 93
 гуаньиньцзюй казенное управление денежной массой 93
 гуаньли (гуаньси, чжэнси) гарантированный процент на вложенный в дело капитал 82
 гуаньси см. гуаньли
 гуаньтянь (гуаньди) государственные земли, казенные поля 31, 32
 гуаньшан хэбань (гуаньбань чжаошан) совместное предпринимательство казны и торговцев 80, 258
 гугун см. юнгун
 гун₁ сословие ремесленников 26, 45, 80, 85, 154, 158, 159, 164, 270
 гун₂ общественное начало в отличие от частного (сы) 39
 гунбэнь основатель или владелец шахты 118, 139
 гунсо (яхан) гильдии, корпорации торговцев, маклеров, ростовщиков и предпринимателей, созданные по отраслевому признаку 77, 86, 89, 92, 139
 гунтоу старшинка, ответственный за нанятую рабочую силу 121
 гунту (ту, сюэту) ученик, подмастерье, мастер производственного обучения 122
 гунхуэй профсоюз 303
 гуницзян ремесленник, полноправный член цеха 122
 гуньи отработка на помещика в счет долга или по соглашению 93

гуцзян мастер, работающий по найму 131
 гуюн наемный труд, нанятый работник 93
 дабицза «длинноносый» – кличка европейцев 122
 дайчжи надомная работа на скупщика или мануфактуру 131
 данту (дяньдан) закладная лавка, ломбард 92, 111, 145
 датун «всеобщее единство», традиционная концепция идеального общества 53
 датунхан крупная шанхайская меняльная лавка 140
 даху крупный землевладелец, богатый помещик 41, 93, 214, 271, 305
 даюаньлао «старейшина», признанный лидер 219
 дибао тысяцкий в системе баоцзя 44
 дицзя сотский в системе баоцзя 44
 дичжу землевладелец, помещик 93, 96, 97, 118, 139, 156, 271
 ду наместничество, обычно объединявшее две провинции 177
 дуаньгун поденщик, краткосрочный наём 240, 272
 дубань₁ см. дуцзюнь
 дубань₂ управляющий казенным предприятием 80
 дуду см. дуцзюнь
 дуйтяо (хуэйцюань) переводной чек 111
 дули военный губернатор провинции 217
 духхан «восточный хан», цехогильдия предпринимателей, купцов и подрядчиков 90
 дуницзя (цайдун) владелец капитала, вложенного в дело 118, 122
 дуцзюнь (дубань, дуду) военный губернатор провинции, генерал, милитарист 179, 211–216
 дьянь₁ см. цзу₁
 дьянь₂ (хао₂, ну) лавка, магазин 129
 дьяньдан см. данту

- дяньху* арендатор, арендаторский двор 94, 97, 272
- жаньфан* красильная и отбельная мастерская или мануфактура 141
- жуцзян* «конфуцианский полководец», военачальник с традиционной этикой 218
- и* «справедливость», один из конфуцианских моральных принципов 67
- иньшэн* сын заслуженного чиновника, зачисленный на учебу в императорскую Академию сынов отечества (Гоцзыцзянь) 217
- кули* грузчик, носильщик, чернорабочий 123, 244
- кэцзюй* система экзаменов для получения ученых званий шэньши 263
- кэшан* приезжий купец из другой провинции 99
- лаобань* (*баогунтоу₂*) подрядчик по найму рабочей силы 77, 121, 123
- ласоцзи* хлопкоткацкий станок с протягиваемым челноком 132
- ли* «соблюдение ритуала», один из конфуцианских моральных принципов 67
- лигун* постоянные, в том числе квалифицированные рабочие на фабрике 83, 240
- линьшэн* особо привилегированный *шэньюань*, получавший казенное пособие от местных властей 217
- лицзинь* внутренняя таможенная пошлина на отечественные товары 68, 78, 166
- лэшэнь* «злой» шэньши, притеснитель крестьян 95, 153, 305
- люман* (*люминь*) бродячий люд беглые, люмпены 94, 274
- люминь* см. *люман*
- лянхан* (*михан*) зерноторговая фирма; рисоторговец-оптовик 145
- ляньшиэ* «синерубашечники», члены полусекретной полуфашистской организации «Фусиншэ» 68
- майбань* компрадор, посредник между иностранными и китайскими фирмами, торговый агент 76–79, 87, 118, 122, 127, 128
- майцзижэнь* скупщик 118
- майшэньгун* (*сыгун, сыбоцза*) шахтер или иной рабочий, продавшийся в рабство хозяину 240
- мангун* сезонный работник, нанятый на страду 94, 240, 272
- мацзэй* конный разбойник 216
- мидянь* (*мипу*) рисовая лавка, лабаз 145
- миньтуань* отряды местной самообороны, создаваемые помещиками и шэньши; помещичьи наемные дружины 94
- миньтянь* частное землевладение 32
- миньху* (*сянху*) крестьянин, крестьянский двор, простолудин 93, 120
- миньцзюй* (*синьцзюй*) частная посыльная служба 111
- миньшэн* «народное благоденствие», один из «трех народных принципов» Сунь Ятсена 169, 170
- мипу* см. *мидянь*
- михан* см. *лянхан*
- мишан* торговец зерном 145
- муцзюань* надбавка к земельному налогу 84
- нун* сословие земледельцев 27, 45, 46, 85, 154, 159, 269, 271, 272
- нэйкуан* размотка шелка в мастерской 138
- няньцзюнь* крестьяне-повстанцы на севере Китая в 1853–1868 гг. 263
- пиньинтуань* сельское ополчение Гуандуна, боровшееся против англичан в 1839–1842 гг. 71, 303
- пиньху* беднота, крестьянин-бедняк 94, 144
- пу* см. *дянь₂*
- пяхао* банковская или переводная контора 92, 111

пяхошан шаньсиский банкир-ростовщик, владелец *пяхоао* 165

санхан «тутовая фирма», скупавшая и заготавливавшая тутовый лист 121

саньминь чжэу «три народных принципа» Сунь Ятсена – национализм, народовластие и народное благоденствие 169

саньцзяо «три учения» (конфуцианство, даосизм и буддизм) 281

саосычан шелкомотальная мануфактура 140

сацзица (чжишоугун) ткач-надомник в сдельной раздаточной системе 131

сибо «жертвенные деньги», предмет похоронного ритуала 134

синьцзюй см. *миньцзюй*

синьчжэн «новая политика», реформы 1901–1911 гг. 178

синьшэнь «новые шэньши», лица с современным образованием, новая интеллигенция 62, 157, 268, 274

синьюн фанкуань «займы доверия» без материального обеспечения 82

сихан «западная» корпорация, объединявшая простых ремесленников 303

сы частное начало в экономике 39, 164

сыбоцза см. *майшэньгун*

сыгун см. *майшэньгун*

сыжэнь частное лицо, частник 39

сыминь «четыре сословия» – *ши*, *нун*, *гун*, *шан* 165, 268, 269

сыхан «шелковая фирма», скупавшая и продававшая коконы 127

сыча см. *яочжэу*

сычан шелкопрядильная мануфактура или фабрика 135, 136

сюньши базар, собиравшийся раз в десять дней 145, 305

сючай см. *шэньюань*

сюэту см. *гунту*

сябу тонкая хлопчатобумажная ткань ручной выделки 131

сянго «сельское государство», деревня, округа 37

сянху см. *миньху*

сянши волостной базар 145

сяо принцип «сыновней почтительности», подчинение старшим 46, 67, 81, 219

сяоху крестьянский двор, крестьянин 93, 144

сяоцзинци разъездной приказчик торговой фирмы или лавки, мелкий бродячий торговец 122, 145, 305

тайпин дао полумистическое учение о «пути великого равенства» 53

тайпины участники антиманьчжурской Крестьянской войны 1850–1864 гг. 53, 54, 207, 262, 263, 308

телунци ножной хлопкоткацкий станок 131, 132

тоусоцзи хлопкоткацкий станок с бросаемым челноком 132

ту см. *гунту*

туаньянь сельское ополчение, прошедшее специальное обучение 95, 211

туба (тухао) «местный деспот», крупный землевладелец, обладавший большим влиянием в округе 41, 95, 214, 271, 305

тубу хлопчатобумажная ткань ручной выделки 131

туфа ручное производство, традиционная технология 138

туфэй (цяндао) разбойник, бандит 94, 211, 216

тухао см. *туба*

тяньди нижний слой, подпочва земельного участка 34

тяньмянь верхний слой, плодородная поверхность земли 34

тяошэнь камлание – обрядовое действие шамана 263

ушэнь «военный» шэньши, выдержавший специальные экзамены 44

- фан* (*цзо*) мастерская, мануфактура, семейная кооперация в ремесле 97
- фань* (*фань*) «варвары», национальные меньшинства, иностранцы 122, 263
- фаньго* «данническое государство», страны-«данники», удельное княжество 57, 212
- фань* см. *фань*
- фунун* богатый крестьянин, кулак 93, 131, 144, 272
- фуху* «богатая семья», крупный помещик 41, 305
- фэншуй* геомантия, поверье и гадание об «удачном» расположении могил и построек 73, 303
- фэнхяо* отделение, филиал казенного учреждения или частной фирмы 131
- фэнхан* отделение торговой фирмы 145
- фэнчжуан* отделение, филиал торговой фирмы или переводной конторы 131
- хайгуань иньхяо* казенная меняльная лавка при морской таможне 93
- хан*₁ цеховое объединение ремесленников и торговцев одной специальности 77, 86, 89, 90, 303
- хан*₂ см. *хао*
- ханьлинь* императорская академия Ханьлиньюань; член академии, почетное звание 62, 216
- хао*₁ (*хан*₂, *чжуан*₁, *цзюй*) торговая фирма, компания, контора 118, 129, 131, 141, 142
- хао*₂ см. *дянь*₂
- хобань* (*хо*) артель пайщиков, пайщик, член артели 97, 139
- хо* см. *хобань*
- хобоца* (*хогун*) вольнонаемные горняки и рабочие 240
- хогун* см. *хобоца*
- хотоу* артельный староста 118, 139
- хоцзи* приказчик в торговом заведении 99, 122, 123
- ху* двор, семья 120
- хуанди* император, титул государя, монарх 32
- хуацяо* китайские эмигранты 91
- хунбан* «красный клан» – шанхайская корпорация деклассированных элементов 84
- хунхуэ* бандит, разбойник 216, 218
- хуэйгуань* территориально-земляческое объединение ремесленников и торговцев одной специальности 77, 86, 89, 111, 304
- хуэйдан* общее название тайных обществ 84, 224, 263
- хуэйцюань* см. *дуйтяо*
- хэти* (*хэчэн*, *цзунхэ*) синтез 15
- хэту*₁ (*хэту*₂жэнь) пайщик, компаньон, паевое соглашение 122, 139
- хэту*₂жэнь см. *хэту*₁
- хэхо* паевое участие, компаньон, артель пайщиков 97, 139
- хэчэн* см. *хэти*
- чан* (*чанку*, *чжань*) заготовительный пункт 99
- чайдун* см. *дунця*
- чанку* см. *чан*
- чаолян* натуральный продовольственный налог 308
- чаоши* деревенский, волостной рынок 145, 305
- чзахопу* лавка мелкого товара 145
- чзин* шахта, соляной колодец 139
- чзинци*₁ торговый агент, разъездной торговец, скупщик 99, 118, 121, 123, 124, 145, 305
- чзинци*₂ см. *ядань*
- чзиньин* дичжу помещик, ведущий свое земледельческое хозяйство 95
- чзиньши* высшая ученая степень, получаемая при сдаче столичных экзаменов 216
- чзифан* мастерская, мануфактура 137
- чзици* · *сычан* механическая шелкопрядильня 140
- чзиху* ткач, ткацкий двор 136
- чзочжуан* (*чжуан*₂) правление, совет городской корпорации 90

цзо см. *фан*
цзу₁ (дянь) аренда земли или помещения, земельный налог 31, 139
цзу₂ см. *цзунцзу*
цзугу «рисовые», или «арендные», акции Хугуанских железных дорог 84
цзунбань управляющий казенным или казенно-частным предприятием 80, 81
цзунду императорский наместник обычно двух соседних провинций 177, 217
цзунхэ см. *хэти*
цзунцай «Верховный лидер», титул Чан Кайши 67
цзунцзу (*цзу₂*) патронимия, кровнородственная или однофамильная общность жителей 36, 94
цзыгэн нун (*цзыгэн сяоху*) крестьянин-собственник, имущий двор 97, 272
цзыгэн сяоху см. *цзыгэн нун*
цзыицзюй провинциальный совещательный комитет 185
цзыцяи политика «самоусиления» 1860–1895 гг. 55
цзычжи самостоятельные ручные ткачи 131
цзюаньшу «пожертвование», надбавка к земельно-подушному налогу 84
цзюдянь винная лавка 145
цзюй см. *хао₁*
цзюйжэнь ученая степень, присваивавшаяся сдавшему провинциальные экзамены 62, 217
цзюнь-го дихотомия «армия–государство» 209
цзюньгуань (*цзюньцзо*) низший военный чиновник, штабист, интендант, военно-административный аппарат 209, 268
цзюнь-минь дихотомия «армия–народ», «военные–гражданские» 209
цзюньфа военные, милитаристы 207

цзюньцзо см. *цзюньгуань*
цзюньцзы «благородные», т.е. знать, чиновники и шэньши 157, 165
цзюнь-чжэи дихотомия «армия–правительство» 209
цзянху ремесленный двор, полноправный член цеха 120
цзяньго «строительство государства», один из лозунгов Сунь Ятсена 170
цзяньжизнь см. *цзяньминь*
цзяньминь (*цзяньжэнь*) «подлый люд», внесловные низы общества, лица «низких профессий» 158, 159, 216
цзяньшэи шэньши, обучавшийся в Академии сынов отечества (Гоцзыцзянь) 217
цжижэнь привилегированное «знаменное» сословие, состоявшее из маньчжуров, монголов и ханьцзюней 268
цинбан «синий клан» – шанхайская корпорация деклассированных элементов 84
чинги «чистое мнение» – движение консервативных шэньши против нововведений 74, 303
цюфу (*чжифу*) «достижение богатства» – экономическая доктрина политики «самоусиления» 57
цяндао см. *туфэй*
цян «скромность», один из конфуцианских моральных принципов 67
цянбан (*цянье гунсо*) гильдия менял 92
цянье гунсо см. *цянбан*
цянчжуан меняльная лавка 77, 92, 111, 140
чангуаньшуй внутренняя таможенная пошлина с товаров, привозимых из одной провинции в другую 78
чангун долгосрочный наем, батрак, «постоянный» рабочий на фабрике 94, 240, 272

чанмао «длинноволосые» – кличка тайпинов 262
 чаху (шаньху) хозяйство крестьянина-чаевода 136
 чачжань (чачжуан) чайный склад, чайная мануфактура 135
 чачжуан см. чачжань
 чжань см. чан
 чжибуцзюй ткацкое бюро, центр обучения новой технологии 131
 чжимайхо самостоятельный ткач, мелкий товаропроизводитель 131
 чжифу см. цюфу
 чжишоугун см. сацзица
 чжу (чжужэнь, чжуцзы) хозяин предприятия, лавки и другой собственности 118, 121
 чжуан₁ см. хао₁
 чжуан₂ см. цзочжуан
 чжужэнь см. чжу
 чжуцзы см. чжу
 чжэнси см. гуаньли
 чжэншэнь «справедливый шэньши», соблюдающий правовые нормы и традиции 95, 153, 305
 чжэнь торговый центр или ремесленный город, не являвшийся административным центром 254
 чи «стыдливость» – один из конфуцианских моральных принципов 67
 чэн город, служивший административным центром 254
 шан сословие торговцев 26, 45, 80, 85, 122, 154, 158, 159, 164, 165, 269, 270, 277
 шанбань частное предпринимательство 81
 шангу предпринимательские акции (в том числе железнодорожные) 84
 шанди верховное божество древности и средневековья 235
 шанжэнь торговец, купец 99, 118, 122
 шанхао торговая фирма, фирма, раздающая пряжу для домашней работы 78, 131

шанхуэй торговый союз 88, 90
 шаньжэнь хозяин земли, на которой расположены шахта или рудник 139
 шаньху см. чаху
 шаньчжу см. яочжу
 шашан торговец пряжей, скупщик пряжи 131
 ши «ученое» привилегированное сословие шэньши 27, 45, 156, 268, 269, 271
 шоумайчжи скупщик 118
 шоуян (янцзы) усыновление, приемный сын 218
 шуай главнокомандующий 217
 шэньюань (сюцай) первая, низшая ученая степень, присваиваемая сдавшему областные экзамены 46, 217, 301
 шэньшан шэньши и купечество 268
 шэньши «ученое сословие», обладатели ученых степеней 22, 27, 44, 46, 59, 62, 71, 72, 78, 81, 85–89, 95, 104, 152–159, 161, 163–165, 167, 182, 184, 185, 192, 195, 207–209, 211, 214, 216, 218, 224, 225, 232, 233, 257, 261–263, 268, 269, 271, 272, 274, 302, 303, 305, 308
 юйлиньцэ земельный реестр 34
 юминь бродяги, люмпены 274
 юнбин ударные воинские части из добровольцев 45, 301
 юнгун (зугун) наём, наёмный работник 93, 122, 139
 юньши управляющий казенным или казенно-частным предприятием 80
 ядянь (цзинцзи₂, якуай, яху, йшан) маклер, комиссионер, перекупочная лавка 77, 99, 111, 139
 яи низовые служители ямэней и других присутственных мест 44, 80
 якуай см. ядянь
 ямэнь управа, резиденция уездного и иного начальства 41, 80
 янбу импортные ткани фабричного производства 134

янгуйцзы «заморский черт» – кличка европейца или американца 122

янцзы см. *шоуян*

янъу политика «усвоения заморских дел» 55–57, 303

яньгу «соляные» акции Хугуанских железных дорог 84

яньлу письменные обращения к трону, подача меморандумов императору 231, 303

яньцзюань соляной налог и надбавки к нему 84

яо производственное сооружение – шахта, печь, колодец, давяльный пресс и т.д. 139

яочжу (*сыча, шаньчжу*) хозяин шахты, рудника, печи, давяльни и т.д. 118, 139

яхан см. *гунсо*

яху см. *ядянь*

яшан см. *ядянь*

Оглавление

Предисловие.....	3
Введение. Содержание и типология общественного синтеза	16
Часть первая.	
ИСТОРИЯ СИНТЕЗА.....	24
Глава 1. Традиционное общество	24
Базис.....	24
Землевладение.....	30
Надстройка, социальная сфера	43
Глава 2. Ступени трансформации.....	48
Принцип периодизации	48
Доинтегральная фаза	51
Тайпинская стадия	52
Этап «самоусиления»	55
Период реформ.....	58
Интегральная фаза	60
Бэйянский режим	60
Гоминьдановский период	65
Глава 3. Синтез и антисинтез.....	70
Часть вторая.	
СФЕРЫ СИНТЕЗА. БАЗИС	75
Глава 4. Феноменология синтеза	76
Компрадорство.....	76
Фабрика и феодализм	79
Традиционность и буржуазия	84
Цехогильдия и современность.....	89
Деревня и капитализм.....	93
Глава 5. Производственные системы	97
Эндогенный спонтанный синтез.....	97
Синтез и феодализм	101
Полуколонизальный синтез.....	105
Национальный вариант	112
Функции «торговца».....	118
Природа скупщика.....	122

Персонализация скупщика.....	127
«Перевернутый» вариант производственного синтеза.....	129
Синтез и мануфактура. «Двойной» синтез.....	135
Сложные системы.....	140
Подключенная среда.....	143
Синтез и капитализм.....	147
 Часть третья.	
СФЕРЫ СИНТЕЗА. НАДСТРОЙКА.....	151
 Глава 6. Государство.....	151
Трансформация основ.....	151
Шэньши и модернизация.....	156
Деспотия и классы.....	159
Казна и «частник».....	163
Государство и экономика.....	167
Бюрократия и капитал.....	170
Синтез и централизация.....	176
Глава 7. Эволюция государственности.....	181
Кризис власти.....	182
Проблема компромисса.....	184
Классовый сдвиг.....	189
Компоненты синтеза.....	194
Парламентаризм и деспотия.....	198
Глава 8. Милитаризм.....	206
Государственность и армия.....	206
Военщина и средневековые.....	210
Милитаризм и переходность.....	214
Генеральский синтез.....	216
Милитаризм и революция.....	221
Глава 9. Политическая борьба. Идеология.....	223
Антиимпериалистический и антифеодальный потоки.....	223
Революция и синтез.....	226
Революция и «азиатчина».....	228
Унаследованное и привнесенное.....	231
Теория и цели.....	234
 Часть четвертая.	
СИНТЕЗ И ПЕРЕХОДНОСТЬ.....	237
 Глава 10. Переходное общество.....	237
Специфика развития.....	237
Макроструктурные системы.....	244
«Центр» и «периферия».....	249
Анклавы и «материк».....	252
Дуализм и системность.....	255
Линейность и цикличность.....	260
Социальная структура.....	268

<i>Глава 11. Межформационная эволюция .....</i>	<i>277</i>
Стадиальность и формационность	277
Антисинтез и формация	281
Синтез и межформационность	284
Капитализм и колониализм	289
 Заключение	 296
Примечания	300
Список использованной литературы	310
Указатель имен	322
Терминологический словарь-указатель	324

Научное издание

*Непомнин Олег Ефимович
Меньшиков Владимир Борисович*

СИНТЕЗ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Китай на грани эпох

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *З.М.Евсенина*
Художник *Л.Л.Михалевский*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *Е.А.Пронина*
Корректор *Н.Н.Щигорева*

ЛР № 020910 от 02.09.94
Сдано в набор 13.04.99
Подписано к печати 25.06.99
Формат 60×90¹/₁₆
Печать офсетная
Усл. п.л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,3
Уч.-изд. л. 23,4
Тираж 600 экз.
Изд. № 7835
Зак. 101

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

О.Е.Непомнин, В.Б.Меньшиков

СИНТЕЗ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Китай на грани эпох

Олег Ефимович Непомнин—специалист по новой истории Китая и автор трех монографий, в том числе «Экономическая история Китая. 1864—1894» и «Социально - экономическая история Китая. 1894—1914», а также большинства глав в коллективной монографии «Социальная структура Китая. XIX—первая половина XX в.». Его работы последних лет посвящены вопросам политической истории полуколониального Китая.

Книга «Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох» стала последней авторской работой Владимира Борисовича Меньшикова. В 1998 г. оборвалась жизнь талантливого ученого, научного редактора высшей квалификации, борца против сталинского режима. Такие его публикации, как «К проблеме своеобразия исторического развития Китая» и «Экономический кризис 1909—1913 гг. в Китае», получили высокую оценку специалистов.